
КРАСНАЯ КНИГА
СКАЗОК

Красная
книга сказок

Из собрания

Эндрю Лэнга

«Цветные сказки»,

выходившего в 1889–1910 годах

Иллюстрации

Генри Джастиса Форда
и Ланцелота Спида

УДК 821.111.0
ББК 84.4
К78

Красная книга сказок: Из собрания Эндрю Лэнга
К78 «Цветные сказки», выходившего в 1889–1910 годах / Пер. с англ. А. Веркина. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2017. — 544 с.: ил.
ISBN 978-5-4224-1238-9 (отд. кн.)
ISBN 978-5-4224-1236-5

Все люди на земле любят сказки и рассказывают их своим детям. Для тысяч английских детей знакомство с миром волшебной сказки начиналось с «Цветных сказок», собранных и обработанных шотландским историком и писателем Эндрю Лэнгом (1844–1912). Всего за двадцать лет им было издано двенадцать томов сказок разных народов мира, адаптированных для детей. Сегодня мы впервые знакомим российских детей с «Цветными сказками» Э. Лэнга, хотя некоторые сюжеты наверняка покажутся им знакомыми. Большая часть сказок впервые переведена на русский язык специально для этого издания. Сказки братьев Гримм мы публикуем в привычных нашему читателю классических переводах, русские сказки взяты из собрания А. Н. Афанасьева.

В «Красной книге сказок» вы найдете сказки французские, немецкие, датские, норвежские, исландские, русские и другие старинные истории о волшебной Сказочной стране и чудесах, происходящих с ее жителями.

В книге использованы иллюстрации к «Цветным сказкам» известного английского художника Генри Джастиса Форда (1860–1941), созданные им специально для первого издания сказок, а также рисунки Ланцелота Спида (1860–1931).

УДК 821.111.0
ББК 84.4

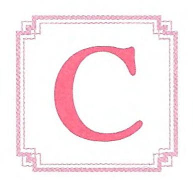
ISBN 978-5-4224-1238-9 (отд. кн.)
ISBN 978-5-4224-1236-5

Предисловие

Собирая истории на просторах Сказочной страны, мы не ставили целью отыскать второго Шарля Перро, хотя мы нашли еще предостаточное количество чудесных сказок, чтобы поместить их в «Красную книгу», сюжетов менее известных, чем нам уже знакомые сказки, в которых действуют давно уже полюбившиеся нам герои. Сказки, собранные в «Красную книгу», переведены с разных языков или, как в случае с длинными рассказами мадам д'Онуа или сказками из других французских и скандинавских источников, адаптированы. История Сигурда является сокращенной английской версией саги о Вёльсунгах. Здесь же мы помещаем пересказ старой английской сказки «Джек и бобовый стебель», а также две сказки, переведенные с русского языка.

Э. Лэнг

Истоптанные башмаки*

лучилось это в незапамятные времена; жил-был король и было у него двенадцать дочерей — одна другой краше. Спали все они в одной зале, и сам король всегда запирал эту залу на ключ и на задвижку, так что ни войти туда, ни выйти оттуда никто не мог. Однако дело было неладно; каждый раз, утром, когда король отворял дверь, башмаки у всех королевен оказывались истоптанными. Никто не мог объяснить, отчего это могло происходить, а сами королевны молчали.

Долго думал старый король и, наконец, велел объявить по всем городам, что если сыщется человек, который откроет, отчего у королевен башмаки стаптываются, то получит любую из них в жены; но если возьмется, да не откроет, то ему отрубят голову. Скоро нашелся один королевич, который решился взяться за это дело. Старый король принял его ласково, угостил, а вечером отвел к двери той комнаты, где спали королевны. Кроме этой

---

* У Э. Лэнга сказка не атрибутирована. Мы использовали интерпретацию сюжета братьев Гримм. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

двери другого выхода из залы не было, так что королевнам нужно было пройти непременно мимо королевича. Сел королевич и начал караулить, но не прошло и часа, как он заснул мертвым сном, а проснувшись утром, увидел, что все башмаки истоптаны. И во вторую, и в третью ночь случилось то же, и пришлось бедному королевичу поплатиться своей головой. Много после этого приходило и простых, и знатных людей, которые хотели открыть тайну, но это им не удавалось, и все они погибли.

Шел раз тем городом, где жил этот король, отставной солдат; идет он сам не знает куда, а навстречу ему старушка. «Куда ты, — спрашивает, — служивый, идешь?» — «Я и сам толком не знаю; не взяться ли мне разыскать то место, где королевны свои башмаки протаптывают?» — «Это не трудно, — говорит старуха, — только не пей ты вина, которое будут тебе на ночь давать королевны, потом ложись и прикинься, что крепко спишь, а вот тебе еще плащ: как только ты наденешь его, так сделаешься невидимкой, и можешь идти за королевнами». Взял солдат плащ, поблагодарил старуху и пошел прямо во дворец.

Во дворце его приняли ласково, одели в богатое платье, накормили и напоили, а вечером отвели к дверям опочивальни королевен. Тут подошла к солдату старшая королевна и просит его на ночь кубок вина выпить. А солдат еще раньше привязал к подбородку губку, вылил туда все вино, а сам повалился на постель и захрапел, как медведь. Услышали этот храп королевны, засмеялись, стали поды-

маться с постелей и наряжаться в богатые платья. Все они смеялись и прыгали, только младшей было что-то не по себе, и она сказала об этом сестрам. Те начали ее успокаивать и говорили, что солдат и без сонного питья уснул бы крепко, а теперь его и вовсе не добудишься. Одевшись, королевны вышли посмотреть, что делает солдат, а тот храпит себе по-прежнему. Успокоились они и пошли назад в свою спальню. Подошла старшая к своей кровати, стукнула по ней три раза, кровать опустилась вниз и на месте ее открылся подземный ход, в который вела широкая мраморная лестница. Одна за одной стали спускаться туда королевны, а младшая позади всех. Солдат, который все это видел, накинул плащ и спустился туда следом за младшей королевной. На средине лестницы он наступил ей на платье. Королевна испугалась и закричала: «Ах, кто-то держит меня за платье!» — «Ты просто зацепилась за что-нибудь», — сказала ей старшая сестра, и они пошли дальше. Спустившись с лестницы, они очутились в прекрасном саду, где листья на деревьях были серебряные. Чтобы доказать потом, что он был здесь, солдат сорвал одну веточку с дерева, и вдруг раздался сильный треск. Младшая сестра опять испугалась, но старшая сказала: «Это принцы стреляют с радости, что скоро избавятся от колдовства». Из этого сада они перешли в другой, где листья на деревьях были золотые, потом в третий, где листья были бриллиантовые; солдат взял и отсюда по ветке — и, наконец, подошли к реке, на которой стояло двенадцать лодочек и в каж-

дой сидело по принцу. Каждый принц взял себе королевну, а солдат сел в лодку к младшей. Отплыли они от берега, принц и говорит младшей королевне: «Что это так тяжело грести сегодня, еле-еле могу двигать лодку». «Должно быть, от жары, — отвечала королевна. — И мне что-то не по себе сегодня». По ту сторону реки стоял великолепный, ярко освещенный за́мок, из которого доносились звуки музыки. Переправившись на ту сторону, все вошли в замок и стали танцевать. Солдат-невидимка танцевал один, да так, что пыль столбом с пола летела, а во время ужина пил из всех полных кубков. Все это очень пугало младшую королевну, но старшая старалась успокоить ее.

Так плясали они, пока не протоптали своих башмаков, а потом принцы опять перевезли их через реку, но теперь солдат сел в лодку к старшей королевне. На другом берегу королевны попрощались с принцами и обещали прийти на следующую ночь. Когда они подошли к лестнице, солдат побежал вперед, и, пока усталые королевны пришли в спальню, он уже успел лечь и храпел по-прежнему. Королевны услышали его храп, и старшая сказала: «Ну, этого нам бояться нечего». Наутро солдат ничего не сказал о том, что видел, и ходил с королевнами в подземный замок вторую и в третью ночи: в третью унес оттуда кубок.

На третий день позвали солдата к королю. Захватил солдат кубок и три ветки и пошел с посланным. «Ну что, узнал, где мои дочери протаптывают башмаки?» — спрашивает король. «Точно так, ваше королевское величе-

ство!» — ответил солдат, рассказал все, что видел, и показал ветки и кубок. Король позвал дочерей и стал их допрашивать. Те, видя, что все открыто, сознались и сказали, что принцы те заколдованы, что завтра срок их пребывания под землей кончится и они выйдут за них замуж.

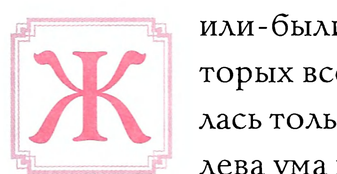
Король предложил солдату в жены любую из королевен и половину своего королевства. «Нет, ваше величество, — отвечал он, — я простой солдат, так где уж мне на королевне жениться и королевством управлять; лучше наградите меня иначе». Король наградил солдата деньгами, всяким добром и подарил ему дом.

И стал жить наш солдат припеваючи и жил долго-долго — до самой смерти.

Принцесса Майский Цвет

*Французская сказка**

или-были когда-то король с королевой, у которых все дети умирали один за другим; осталась только одна самая младшая дочка, и королева ума приложить не могла, где найти такую кормилицу, чтоб растила ее и заботилась о ней. Послали герольда трубить на каждом перекрестке и распространить приказ, чтобы все лучшие кормилицы предстали перед королевой и та смогла выбрать самую достойную кормилицу для маленькой принцессы. В назначенный день весь дворец заполнили кормилицы, которые сошлись со всего света предложить свои услуги, и королева велела приводить их к ней по одной, чтобы она могла увидеть хотя бы половину пришедших, пока сидит в тенечке близ дворца.

Все было исполнено, как она и велела: кормилицы, присев в поклоне перед королем и королевой, выстраивались в ряд, чтобы королева могла выбирать. Почти все претендентки были красивыми, полногрудыми и обаятельными, но одна была темнокожей и безобразной и говорила на странном языке, которого никто не понимал. Королева

* Из сборника сказок мадам д'Онуа «Кабинет фей».

подивилась тому, как эта странная женщина решилась предложить себя в качестве кормилицы, и ей было велено уходить — уж она-то точно не подойдет. Странная женщина проворчала что-то и не ушла, а спряталась в дупле дерева, откуда могла видеть все происходящее. Королева, забыв о ней, выбрала милую розоволицую женщину, но едва она объявила свой выбор, как змея, прятавшаяся в траве, бросилась к избранной кормилице и ужалила ее в ногу, и та упала, будто мертвая. Королеву очень взволновало это происшествие, но она быстро выбрала другую, и едва та сделала шаг вперед, как пролетел орел и уронил большую черепаху ей на голову, от чего голова раскололась на куски, как яичная скорлупа. Тут королева уже не на шутку испугалась, но все же сделала выбор в третий раз — с тем же успехом, ибо кормилица, сделав неловкое движение, наткнулась на сук дерева и выколола себе глаз. Тогда королева в смятении вскричала, что тут до́лжно заподозрить чью-то злую волю, и решила, что в этот день она больше не будет никого выбирать. И только она собралась вернуться во дворец, как услышала сзади злобный хохот и, обернувшись, увидела уродливую чужестранку, которую прогнала, — та веселилась случившимся несчастьям и насмехалась над всеми, а особенно над королевой. Это очень рассердило ее величество, и она собиралась уже приказать схватить насмешницу, но колдунья — а это была колдунья, — дважды взмахнув палочкой, призвала огненную колесницу, управляемую крылатыми драконами, и умча-

лась по воздуху, выкрикивая угрозы. Увидев это, король воскликнул:

— Ах, теперь мы воистину погибли, ибо это была не кто иная, как волшебница Карабосс, которая имеет на меня зуб еще с тех пор, как я, будучи ребенком, однажды ради смеха подсыпал ей серы в овсяную кашу.

Тут королева расплакалась.

— Если бы я только знала, кто это, — сказала она, — я бы сделала все, чтобы подружиться с ней. А теперь, наверное, все пропало.

Король пожалел, что так напугал королеву, и предложил созвать совет, чтобы решить, какие шаги лучше всего предпринять во избежание несчастий, которые Карабосс наверняка уготовила маленькой принцессе.

Всех советников призвали во дворец и, заперев двери и окна и заткнув каждую замочную скважину, чтобы их не подслушали, обсудили дело. И совет постановил, что всех волшебниц на тысячу лиг* вокруг следует пригласить на крестины принцессы, а время церемонии должно держать в глубокой тайне на тот случай, если колдунья Карабосс вздумает явиться.

Королева и ее дамы принялись готовить подарки для приглашенных волшебниц: для каждой по синему бархатному плащу, по юбке из абрикосового атласа, по паре туфель на высоких каблуках, тонкие иглы и золотые нож-

* Лига — древняя путевая мера в Галлии, составляла 2225 м.

ницы. Из всех волшебниц, которых знала королева, только пять смогли прийти в назначенный день, и они немедленно начали одаривать принцессу. Одна пообещала, что девочка будет совершенна красотою, вторая — что она будет разумной, третья — что будет петь, как соловей, четвертая — что ей будет удаваться все, за что бы она ни взялась, а пятая только открыла рот, чтобы заговорить, как из дымохода послышался чудовищный грохот и оттуда выкатилась Карабосс, вся в саже, выкрикнув:

— Я говорю, что она будет несчастнейшей из несчастных, пока ей не исполнится двадцать лет.

Тут королева и все волшебницы принялись умолять ведьму одуматься и не поступать так с бедной маленькой принцессой, которая не сделала ей ничего плохого. Но уродливая старая ведьма только хрюкнула, рассмеявшись в ответ. И тогда последняя волшебница, которая еще ничем не одарила принцессу, попыталась поправить дело, пообещав, что девочка будет жить долго и счастливо, когда минет срок ее злоключений. На это Карабосс злобно рассмеялась и вылезла в каминную трубу, оставив всех в большом испуге, особенно королеву. Но та все же взяла себя в руки и достойно продолжала развлекать присутствовавших волшебниц и помимо прочего подарила им красивые ленты, которые тем очень понравились.

Когда волшебницы уходили, старшая сказала, что, по ее мнению, лучше всего запереть принцессу где-нибудь вместе со служанками, чтобы она не видела никого, пока ей не

исполнится двадцать лет. Король приказал построить для этого башню. В башне не было окон — ее освещали только восковые свечи, — и попасть в нее можно было не иначе, как через подземный ход, который через каждые двадцать футов разделяли железные двери, охраняемые стражей.

Принцессу назвали Майский Цвет, потому что она была свежа, как весенний цветок. Девушка выросла высокой и красивой, и все, что бы она ни делала и что бы ни говорила, было мило. Каждый раз, когда король и королева приходили проведать ее, она радовала их еще больше, чем раньше, но, хотя она устала от своей башни и часто упрашивала их забрать ее с собой, они всякий раз отказывались. Кормилица, которая никогда не отходила от принцессы, иногда рассказывала ей о мире за пределами башни, и, хотя принцесса никогда всего этого не видела сама, но все понимала и представляла в точности — этим одарила ее вторая волшебница. Король часто говорил королеве:

— Все-таки мы перехитрили Карабосс. Наш Майский Цветочек будет счастлива, что бы она там ни предрекла.

И королева смеялась до упаду над мыслью, что они обвели вокруг пальца старую ведьму. Они заказали портрет принцессы и разослали его по всем ближайшим дворам, ибо через четыре дня ей исполнялось двадцать лет и наступало время решать, за кого она выйдет замуж. Весь город радовался, ожидая освобождения принцессы, и, когда пришла весть, что король Мерлин посылает своего посла, чтобы просить ее руки для своего сына, го-

рожане обрадовались еще больше. Кормилица, которая продолжала рассказывать принцессе обо всем, что происходило в городе, не замедлила поделиться новостями, которые столь непосредственно ее касались, и так расписала ожидавшийся пышный въезд посла по имени Фанфарон в город, что принцесса твердо решила увидеть шествие своими глазами.

— Что я за несчастное создание! — вскричала она. — Меня заперли в этой мрачной башне, будто я совершила какое-то преступление. Я никогда не видела ни солнца, ни звезд, ни лошади, ни обезьяны, ни льва. Только на картинках. И пусть король и королева твердят, что меня освободят, когда мне будет двадцать, я знаю, они говорят это, только чтобы развеселить меня, а сами вовсе не собираются меня выпускать.

Потом она расплакалась, и ее кормилица, и дочь кормилицы, и служанка, качавшая колыбельку, и нянька — все они очень ее любили — стали плакать вместе с ней, так что долгое время ничего не было слышно, кроме всхлипов и вздохов. Печальное то было зрелище. Когда принцесса увидела, что все ее жалеют, она решила добиться своего. И заявила, что уморит себя голодом, если они не придумают, как дать ей посмотреть на торжественный въезд Фанфарона в город.

— Если вы действительно меня любите, — сказала она, — вы это устроите, так или иначе. А королю и королеве знать об этом вовсе незачем.

Тогда кормилица и все остальные зарыдали еще пуще и попытались отвратить принцессу от ее затеи, приводя всевозможные аргументы, какие только приходили им на ум. Но чем больше они говорили, тем больше она упорствовала, и наконец они придумали проделать отверстие в стене башни, выходившей к городским воротам.

Весь день и всю ночь они скребли и царапали стену и проделали-таки дырочку, через которую с огромным трудом можно было просунуть тоненькую иголочку, вот через эту дырочку принцесса впервые увидела свет дня. Она была так изумлена и обрадована увиденным, что простояла целую минуту, не отводя глаз от отверстия, пока наконец не показалась процессия с послом.

Во главе ехал сам Фанфарон на белой лошади, которая гарцевала и вертелась под звуки труб. Ничто не могло превзойти великолепие его облачения. Его костюм был едва виден под нашитыми жемчугами и бриллиантами, сапоги были из чистого золота, а со шлема спускались алые перья. Увидев его, принцесса совсем лишилась рассудка и решила, что выйдет замуж только за Фанфарона и ни за кого другого.

— Не может быть, — сказала она, — чтоб его господин был и вполовину столь же прекрасен и мил. Я не хочу лишнего, ведь я провела всю жизнь в этой скучной башне, поэтому все, даже дом в деревне, покажется мне отрадной переменой. Я уверена, что буду охотнее делить хлеб и воду с Фанфароном, чем жареного цыпленка и конфеты с кем угодно другим.

И так она говорила, говорила, говорила, а ее служанкам только и оставалось гадать, где она такого понабралась. Когда они попытались остановить ее, указав, что высокое положение не позволяет ей совершить подобное, она не стала даже слушать и велела им молчать.

Едва посол прибыл во дворец, королева стала готовить свою дочь к встрече.

Все улицы были устланы коврами, а из окон выглядывали дамы, которые желали увидеть принцессу и держали наготове корзины цветов и конфет, чтобы осыпать ее, когда она будет проходить мимо.

Принцессу едва начали наряжать, когда появился карлик верхом на слоне. Его прислали пять волшебниц, и он привез принцессе корону, скипетр и платье из золотой парчи, юбка которого была расшита крыльями бабочек. Еще они прислали шкатулку с украшениями, столь прекрасными, каких никто никогда не видал, и у королевы закружилась голова, когда она открыла шкатулку. Но принцесса лишь едва взглянула на эти сокровища, ибо все мысли ее были только о Фанфароне. Карлика наградили золотой монетой и разукрасили таким множеством лент, что его едва можно было разглядеть. Принцесса послала каждой из волшебниц по прялке с веретеном из кедра, и королева сказала, что ей надо пересмотреть свои богатства и найти что-нибудь получше, чтобы послать им.

Когда принцессу обрядили во все те роскошные вещи, которые привез карлик, она стала еще прелестнее, чем была, и, когда она шла по улицам, люди кричали:

— Как она красива! Она прекрасна!

Процессия состояла из королевы, принцессы, еще пяти дюжин принцесс — ее кузин — и десяти дюжин принцесс, приехавших из соседних королевств; и, пока они чинно двигались, небо стало темнеть, потом вдруг грянул гром, полил дождь и посыпал град. Королева накрыла голову своей королевской мантией, а принцессы прикрылись своими шлейфами. Майский Цвет как раз собиралась последовать их примеру, когда послышалось ужасное карканье, будто слетелась целая армия ворон, грачей, воронов, сов-сипух и прочих зловещих птиц, и в тот же миг большая сова пронеслась над принцессой и набросила на нее черный шарф, свитый из паутины и расшитый крыльями летучих мышей. И раздались раскаты издевательского хохота. Тут все поняли, что это еще одна гнусная проделка ведьмы Карабосс.

Королева ужаснулась столь дурному знамению и попыталась сорвать черный шарф с плеч принцессы, но он пристал так крепко, словно был прибит гвоздями.

— Ах! — вскричала королева. — Неужели ничем нельзя умилостивить нашего врага? Что толку в том, что я отослала ей больше пятидесяти фунтов конфет и столько же лучшего сахара, не говоря о паре вестфальских окороков? Она все так же зла.

Королева жаловалась, а все стояли мокрые, как будто только что вылезли из реки, но принцесса по-прежнему думала только про посла, и как раз в этот миг он предстал

перед ней вместе с королем. Громко затрубили трубы, и все люди закричали еще громче, чем раньше. Фанфарон обычно не лез за словом в карман, но, когда он увидел принцессу, то потерял дар речи, — настолько она оказалась прекраснее и величественнее, чем он ожидал. Так что он смог, запинаясь, выдавить из себя лишь несколько слов и совсем забыл речь, которую заучивал несколько месяцев и знал так хорошо, что мог бы повторить во сне. Чтобы выиграть время и вспомнить хотя бы часть своей приветственной речи, он несколько раз низко поклонился принцессе, а та в ответ сделала без остановки полдюжины реверансов и, пытаясь сгладить его очевидное замешательство, произнесла:

— Господин посол, я уверена, что все, что вы собираетесь сказать, очаровательно, поскольку сказать это собираетесь вы; но давайте поспешим во дворец, потому что льет как из ведра и злая фея Карабосс порадуется, глядя, как мы тут стоим промокшие. А когда мы укроемся от дождя, мы сможем посмеяться над ней.

На этих словах посол вернул себе дар речи и галантно ответил, что фея, верно, предвидела то пламя, которое зажгут яркие очи принцессы, и ниспослала потоп, чтобы загасить его. Затем он предложил принцессе свою руку, и она тихо сказала:

— Поскольку вы, господин Фанфарон, вряд ли можете догадаться, как вы мне нравитесь, я должна сказать вам прямо, что, едва увидев, как вы въезжаете в город на вашей

прекрасной гарцующей лошади, я пожалела о том, что вы явились просить не за себя, а за другого. Итак, если ваши помыслы сходны с моими, я выйду замуж за вас, а не за вашего повелителя. Конечно, я знаю, что вы не принц, но я буду любить вас не меньше, чем если бы вы были принцем. Мы можем поселиться в каком-нибудь уютном уголке мира и быть счастливыми всю жизнь.

Посол подумал, что он, верно, грезит, и насилу мог поверить тому, что говорит прекрасная принцесса. Он не решился ответить, но лишь сжал ее руку так, что у нее заболел мизинец, но она не пожаловалась. Когда они добрались до дворца, король поцеловал дочь в обе щеки и молвил:

— Ягненочек мой, желаешь ли ты стать женой сына великого короля Мерлина, ибо этот посол прибыл за тобой по его поручению?

— Если вам будет угодно, сир, — ответила принцесса, делая реверанс.

— Я тоже согласна, — добавила королева. — Давайте же готовить пир.

Это и было сделано со всей поспешностью. И все пировали, кроме принцессы Майский Цвет и Фанфарона — они не сводили друг с друга глаз, забыв обо всем на свете.

После трапезы начался бал, потом балет, и наконец все так устали, что заснули прямо там, где сидели. Только у влюбленных не было сна ни в одном глазу, и принцесса, видя, что бояться нечего, сказала Фанфарону:

И они поплыли на Беличий остров

— Быстрее, нам надо бежать! У нас не будет другой возможности!

Потом она взяла кинжал короля, вложенный в ножны с бриллиантами, и шейный платок королевы и подала руку Фанфарону, который нес фонарь, и они выбежали вдвоем на грязную улицу и пустились к берегу моря. Здесь они залезли в лодочку, в которой спал бедный старый лодочник. Тот, когда проснулся и увидел прекрасную принцессу, всю в бриллиантах и в шарфе из паутины, то не знал, что и подумать. Он сразу же повиновался, когда она приказала ему отчаливать. Ни луны, ни звезд не было видно, но в платке королевы был карбункул, который горел, как полсотни факелов. Фанфарон спросил, куда принцесса желает направиться, и она лишь ответила, что ей безразлично, куда ехать, если он с ней.

— Но, принцесса, — сказал он, — я не смею привезти вас ко двору короля Мерлина. Он решит, что виселица — слишком мягкая казнь для меня.

— О, — ответила она, — раз так, нам лучше уплыть на Беличий остров; он расположен достаточно уединенно и слишком далеко, чтобы кто-нибудь последовал туда за нами.

И она велела старому лодочнику править на Беличий остров.

Тем временем занимался день, и король с королевой и все придворные стали просыпаться и тереть глаза, думая, что пора заканчивать приготовления к свадьбе. Тут коро-

лева спросила, где ее шейный платок, — она хотела выглядеть нарядной. Забегали туда и сюда, стали искать везде, заглянули во все места, от платяных шкафов до печей, и сама королева металась между чердаком и подвалом, но платка нигде не нашли.

К этому времени король уже хватился своего кинжала, и поиски возобновились. Открывали ящики и сундуки, ключи от которых потерялись сотню лет назад, и нашли уйму интересных вещей, только не кинжал, и король рвал себе бороду, а королева рвала на себе волосы, ибо платок и кинжал были самым ценным, что имелось в королевстве.

Увидев, что поиски безнадежны, король сказал:

— Ну что ж, давайте поторопимся и сыграем свадьбу, пока не потерялось что-нибудь еще.

Затем он спросил, где принцесса. Тут выступила вперед кормилица и призналась:

— Сир, я ищу ее целых два часа, но ее нигде нет.

Этого королева снести уже не могла — она вскрикнула и лишилась чувств. Пришлось вылить на нее два бочонка одеколона, чтобы она пришла в себя. Когда она открыла глаза, все в величайшем страхе и смятении продолжали искать принцессу, но, поскольку она не появлялась, король сказал своему пажу:

— Подите сыщите посла Фанфарона, который, верно, спит в каком-нибудь закоулке, и поведайте ему печальную новость.

Паж все обыскал, но Фанфарона нигде не было, так же как не было принцессы, кинжала и платка!

Тогда король призвал своих советников и стражей и в сопровождении королевы пошел в большой зал. Поскольку у него не было времени приготовить речь заранее, он приказал, чтобы все молчали в течение трех часов, а по истечении этого времени изрек следующее:

— Внемлите, стар и млад! Моя дорогая дочь Майский Цвет исчезла; похищена она или просто пропала, я не могу сказать. Шейный платок королевы и мой клинок, которые ценятся на вес золота, тоже исчезли, и, что хуже всего, нигде нет посла Фанфарона. Я очень боюсь, что король, его повелитель, не получив вестей от своего посла, придет искать его у нас и обвинит нас в том, что мы его убили. Быть может, я смог бы это вынести, если бы у меня были деньги, но, уверяю вас, свадебные издержки полностью меня разорили. Посоветуйте же мне, мои дорогие подданные, что мне сделать, чтобы вернуть свою дочь, Фанфарона и прочее добро.

Это было самое красноречивое выступление в жизни короля, и, когда все выразили восхищение, первый министр дал ответ:

— Сир, мы все очень опечалены тем, что вы так огорчены. Мы бы отдали все, чем дорожим, лишь бы устранить причину вашего горя, но, похоже, что это новая проделка феи Карабосс. Двадцать несчастливых лет принцессы еще не истекли, и, правду сказать, я заметил, что Фанфарон и

принцесса очень нравятся друг другу. Быть может, *это* прольет свет на их загадочное исчезновение?

Здесь королева перебила его:

— Следите за своим языком, сударь. Поверьте мне, принцесса Майский Цвет слишком хорошо воспитана, чтобы помыслить о любви к какому-то послу.

Тут выступила вперед кормилица и, пав на колени, поведала о том, как проделали в стене дырочку для иглы и как принцесса при виде посла объявила, что выйдет замуж только за него и ни за кого иного. Тогда королева очень разозлилась и устроила кормилице, няне и служанке, которая качала колыбельку, такой разнос, что они напугались до полусмерти. Но адмирал Треуголка перебил ее, вскричав:

— В погоню за этим негодником Фанфароном! Сомнений нет, он сбежал с нашей принцессой.

Все громко захлопали в ладоши и закричали:

— В погоню за ним во что бы то ни стало!

Итак, одни поплыли по морю, другие поехали из королевства в королевство, стуча в барабаны и дуя в трубы, и везде, где собиралась толпа, они кричали:

— Тот, кто хочет получить красивую куклу, разные конфеты, пару ножничек, золотое платье и атласную шляпу, должен только сказать, где Фанфарон прячет принцессу Майский Цвет.

Но везде им отвечали:

— Ступайте дальше, мы их не видели.

Впрочем, тем, кто пустился по морю, повезло больше, ибо они, проплыв какое-то время, заметили впереди свет, похожий на большой костер, который горел всю ночь. Поначалу они не решались приблизиться, не зная, что это может быть, но свет неподвижно сиял над Беличьим островом, ведь это, как вы уже догадались, сиял карбункул. Принцесса и Фанфарон, высадившись на сушу, дали лодочнику сотню золотых монет и заставили его торжественно поклясться, что он никому не расскажет, куда он их отвез. Едва отчалив, он тут же оказался окруженным кораблями королевского флота и, прежде чем сумел отплыть, был замечен адмиралом, который послал за ним лодку.

При обыске у лодочника в кармане нашли золото, а так как монеты были новенькие, отчеканенные к свадьбе принцессы, адмирал понял, что боцману заплатила принцесса за то, что он помог ей бежать. Но лодочник не хотел отвечать на вопросы и притворился глухонемым.

Тогда адмирал сказал:

— Ах, он глух и нем? Привяжите его к мачте и угостите плеткой. Не знаю лучшего средства от глухоты и немоты.

Увидев, что он не шутит, старый лодочник рассказал все, что знал, про кавалера и даму, которых высадил на Беличьем острове, и адмирал понял, что это принцесса и Фанфарон. Тогда он приказал флоту взять остров в кольцо.

Тем временем принцесса Майский Цвет, которая уже очень хотела спать, нашла тенистый уголок на склоне холма и, улегшись на траву, крепко заснула, но Фанфа-

рон — ему хотелось есть, а не спать — разбудил ее и сказал в раздражении:

— Мадам, молю, скажите, как долго вы намерены здесь оставаться? Здесь не видно никакой еды, и, хоть вы и очень хороши собой, ваша красота не спасает меня от голода.

— Как? — удивилась принцесса и села, протирая глаза. — Фанфарон, неужели, когда я здесь с тобой, ты можешь желать чего-то еще? Тебе бы следовало все время думать о том, как ты счастлив.

— Счастлив! — воскликнул он. — Не так уж я счастлив. Я всем сердцем хочу, чтобы вы снова оказались в своей мрачной башне.

— Дорогой, не гневайся, — молвила принцесса. — Я пойду поищу для тебя диких плодов.

— Хотел бы я, чтобы ты нашла волка и он тебя сожрал, — пробурчал Фанфарон.

Принцесса в величайшем смятении бегала по лесу, рвала платье и ранила свои изящные белые руки шипами и ежевикой, но не нашла ничего съедобного и наконец печально вернулась к Фанфарону. Увидев, что она вернулась с пустыми руками, он встал и ушел, ворча себе под нос.

На другой день они продолжили поиски, но опять ничего не нашли.

— Ах, — сказала принцесса, — если бы только я нашла что-нибудь поесть для тебя, я была бы не прочь голодать дальше сама.

— Я тоже не возражал бы против этого, — ответил Фанфарон.

— Разве может так быть, чтобы тебе не было дела до того, что я умру от голода? О Фанфарон, ты говорил, что любишь меня!

— Тогда мы были в другом месте, и я не хотел есть. Когда умираешь от голода и жажды на пустынном острове, мир воспринимается совсем по-другому.

Принцесса была этим очень расстроена. Она села под кустом белых роз и горько заплакала.

«Счастливы розы, — думала она, — им нужно только цвести под солнцем и вызывать восхищение, и никто не обойдется с ними плохо». Слезы текли по ее щекам и падали на корни розового куста. Каково же было ее удивление, когда весь куст зашелестел и задрожал, и тихий голосок из самого красивого бутона сказал:

— Бедная принцесса! Поищи в стволе вон того дерева, и ты найдешь там соты с медом. Только не будь так глупа, не делись с Фанфароном.

Майский Цвет подбежала к дереву и нашла там мед. Не теряя ни минуты, она побежала с ним к Фанфарону, весело крича:

— Смотри, я нашла соты с медом! Я могла съесть все сама, но я хочу поделиться с тобой.

Но он, не глядя на нее, не поблагодарив, выхватил соты из ее рук и съел весь мед, не предложив ей ни крупицы. Более того, когда она робко попросила дать ей немножко,

он глумливо ответил, что мед для нее слишком сладок, она испортит себе зубки.

Еще более подавленная, Майский Цвет грустно отошла прочь и уселась под дубом, она так жалобно плакала и вздыхала, что дуб овеял ее своей шелестящей листвой и сказал:

— Мужайся, милая принцесса, еще не все пропало. Возьми этот кувшин с молоком, выпей его, но делай что хочешь, только не давай ни капли Фанфарону.

Принцесса в изумлении огляделась и увидела большой кувшин, полный молока, но прежде, чем поднести его к губам, она подумала о том, как должен страдать от жажды Фанфарон, съев фунтов пятнадцать меда. Она побежала к нему со словами:

— Вот кувшин молока! Попей. Только прошу, оставь мне немного, я умираю от голода и жажды.

Но он схватил кувшин и выпил все одним глотком, а потом разнес кувшин о ближайший камень и сказал со злорадной усмешкой:

— Ты не ела, значит, и пить не хочешь.

— Ах! — вскричала принцесса. — Я достойно наказана за то, что ослушалась короля и королевы и убежала с этим послом, о котором я ничего не знала.

С этими словами она побрела в самую чащу леса и села под колючее дерево, на котором пел соловей. Вдруг она услышала, что соловей поет: «Загляни под куст, принцесса, там ты найдешь сахар, миндаль и пирожные. Только не будь

так глупа, не предлагай их Фанфарону». На этот раз принцесса, едва живая от голода, послушалась совета соловья и сама съела все, что нашла. Но Фанфарон, увидев, что она нашла что-то вкусное и не собирается с ним делиться, погнался за ней в такой ярости, что она едва успела выхватить карбункул королевы, который обладал свойством делать невидимыми людей, попавших в беду, и, скрывшись от него, стала кротко упрекать его.

Тем временем адмирал Треуголка отрядил Джека-Болтуна-в-Соломенных-Сапогах, служившего при первом министре постоянным курьером, сообщить королю, что принцесса и посол высадились на Беличьем острове, но он, не зная местности, не стал их преследовать, опасаясь, что его перехватят затаившиеся враги. Их величества очень обрадовались этой вести, и король послал за огромной книгой, каждый лист которой был длиной в семь элей*. Ее изготовила очень умная волшебница, и в ней была описана вся земля. Очень скоро он выяснил, что Беличий остров необитаем.

— Ступай, — сказал король Джеку-Болтуну, — передай адмиралу от меня, чтобы он немедленно высаживался. Я удивлен, что он до сих пор не сделал этого.

Едва этот приказ достиг адмиральского корабля, тут же были сделаны все приготовления к войне. При этом они

---

* Эль — старинная английская мера длины, равная расстоянию от кончика вытянутого среднего пальца руки до верхней точки плеча; в среднем — около одного метра.

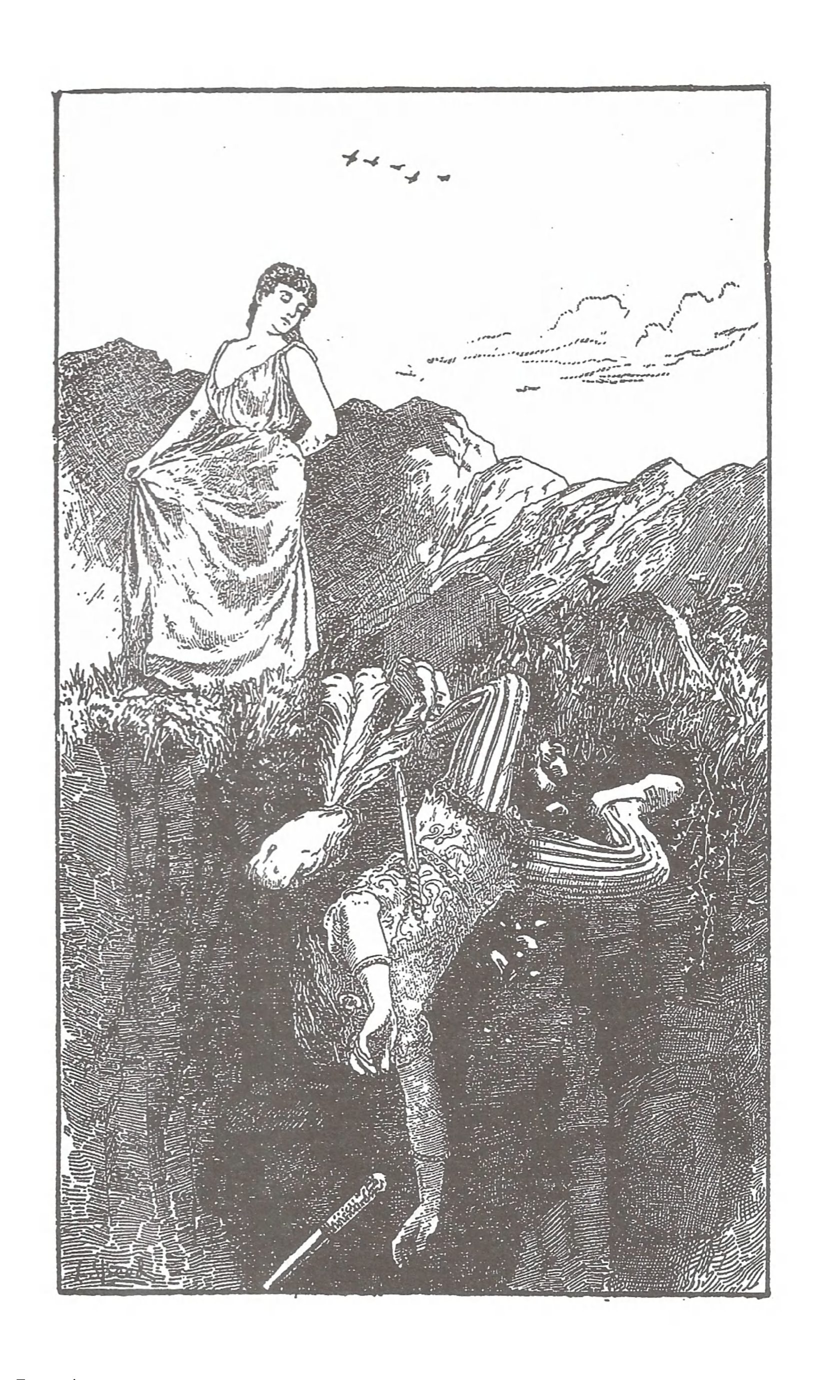
произвели столько шума, что принцесса услышала его и тут же бросилась защищать своего возлюбленного. Он был не очень-то храбр, так что охотно принял ее помощь.

— Встань позади меня, — сказала она, — я буду держать карбункул, который сделает нас невидимыми, а кинжалом короля я смогу защитить тебя от врага.

Итак, когда солдаты высадились на берег, они ничего не увидели. Принцесса коснулась каждого из них кинжалом, и они упали на песок без чувств. Адмирал, видя, что творится какое-то чародейство, поспешно приказал трубить отступление, и его люди в беспорядке погрузились обратно в лодки.

Фанфарон, оставшись вновь наедине с принцессой, задумался о том, что, если ему удастся избавиться от нее и получить карбункул и кинжал, то он сумеет удрать. И, когда они шли назад по скалам, он сильно толкнул принцессу, надеясь, что она упадет в море, но она легко отступила в сторону, да так быстро, что он сам потерял равновесие и, свалившись в море, пошел ко дну, как кусок свинца. И больше никогда никто о нем ничего не слышал.

Принцесса все еще в ужасе смотрела ему вслед, когда что-то с шумом пронеслось над ней, и, подняв голову, она увидела, что с разных сторон к ней летят две колесницы. Одну, ярко сверкающую, влекли лебеди и павлины, и в ней сидела фея, прелестная, как солнечный луч, а другую несли летучие мыши и вороны, и сидела в ней ужасная карлица, одетая в змеиную кожу, с огромной жабой на голове вме-

Фанфарон, свалившись в море, пошел ко дну, как кусок свинца

сто шляпы. Колесницы со страшным грохотом столкнулись в воздухе, и принцесса, затаив дыхание, в тревоге наблюдала за ожесточенным поединком между прекрасной феей, вооруженной золотым копьем, и уродливой карлицей, которая орудовала ржавой пикой. Но очень скоро стало ясно, что красавица побеждает, и карлица, повернув своих летучих мышей вспять, умчалась вдаль, а фея спустилась туда, где стояла принцесса, и сказала с улыбкой:

— Видите, принцесса, я обратила в бегство злокозненную старуху Карабосс. Поверите ли, она хотела потребовать вечной власти над вами, потому что вы вышли из башни за четыре дня до своего двадцатилетия. Но, думаю, я урезала ее притязания и надеюсь, что вы будете наконец счастливы и сполна насладитесь свободой, которую я для вас завоевала.

Принцесса сердечно поблагодарила ее, а потом фея отправила одного из павлинов в свой дворец, чтобы тот принес пышное платье для принцессы, которая в нем очень нуждалась, — ведь ее одежда была изорвана в клочья шипами и колючками. Другой павлин полетел сообщить адмиралу, что он может безопасно высадиться на сушу, что тот немедля и сделал, захватив с собой всех своих людей, даже Джека-Болтуна, который, проходя мимо костра, на котором жарился адмиральский обед, снял вертел прямо с жареной дичью и прихватил с собой.

Адмирал Треуголка очень удивился, когда обнаружил золотую колесницу, а еще больше — когда увидел, что не-

подалеку прогуливаются под деревьями две прекрасные дамы. Конечно, он узнал принцессу. Подойдя к ним, он опустился на колени и поцеловал ей руку. Потом принцесса представила Треуголку фее и рассказала ему, как обратили в бегство Карабосс. Он поздравил фею с победой и поблагодарил ее за спасение принцессы. Вдруг принцесса воскликнула:

— Ой, мне кажется, я чувствую запах вкусной еды!

— А как же, мадам, вот и обед! — Джек-Болтун показал ей вертел, на котором подрумянивались фазаны и куропатки. — Будет ли вашему высочеству угодно отведать его?

— Еще как будет угодно! — ответила девушка.

Адмирал послал на свой корабль за всем необходимым, и они сели весело пировать в тени деревьев.

Когда трапеза завершилась, явился павлин с платьем, в которое фея нарядила принцессу. Оно было из зеленой с золотом парчи, расшитой жемчугами и рубинами. Длинные золотистые волосы принцессы были переплетены нитками бриллиантов и изумрудов и украшены венком из цветов. Фея посадила ее в золотую колесницу рядом с собой и перенесла на борт адмиральского корабля, где и простилась с ней, передавая королеве заверения в своей дружбе и прося принцессу сказать ее величеству, что она — та самая пятая фея, которая присутствовала на крестинах. Потом произвели салют из пушек, и флот, снявшись с якоря, очень скоро вернулся в порт. Здесь ждали их возвращения король с королевой, которые приняли прин-

В этот миг ликования прибыл сын короля Мерлина

цессу так радостно и тепло, что она слова не могла вставить, чтобы объяснить, как она сожалеет, что сбежала с бездушным послом. Но, в конце концов, во всем ведь была виновата Карабосс.

В этот миг ликования прибыл — кто бы вы думали? — сын короля Мерлина, который забеспокоился, долго не по-

лучая известий от своего посла, и сам отправился узнать, что же произошло. Он явился в сопровождении великолепной свиты из тысячи конников и тридцати телохранителей в алых с золотом мундирах. Поскольку он был в сто раз красивее и храбрее посла, принцесса вдруг поняла, что он ей очень нравится. И тотчас сыграли свадьбу, такую великолепную и веселую, что все прежние невзгоды были забыты.

Замок Сория-Мория

*Норвежская сказка**

Жили-были некогда муж с женой, у которых был сын Хальвор. С малолетства он не хотел ничего делать, только сидел у очага да рылся в золе. Родители периодически посылали его в ученье, но Хальвор нигде не задерживался, потому как дня через два или три всякий раз убегал от мастера, приходил домой и садился в углу у камина, чтоб дальше рыться в золе.

Но однажды появился капитан корабля и спросил Хальвора, не хочет ли тот отправиться с ним в море и повидать дальние страны. Хальвору это предложение понравилось, и он немедля собрался.

Уж не знаю, сколько они плавали, известно только, что долго. Однажды поднялась ужасная буря, корабль болтало из стороны в сторону, и, когда море успокоилось, они не могли понять, где находятся, потому что судно отнесло к чужому берегу, о котором никто ничего не знал.

Ветра не было, наступил полный штиль и корабль не двигался. Хальвор попросил у шкипера разрешения сойти

* Из сказок П. К. Асбьёрнсена.

на берег и осмотреться, поскольку он предпочел бы это занятие простому сну.

— Уж не собираешься ли ты ли явиться туда, где тебя могут увидеть люди? — спросил шкипер. — У тебя же ничего нет, кроме этих лохмотьев, в которых ты щеголяешь!

Хальвор продолжал просить, и наконец его отпустили, но велели немедленно возвращаться, если поднимется ветер.

Итак, он сошел на берег, там было очень красиво: куда ни кинь взгляд, везде просторные равнины, поля и луга, только людей нигде не было. Стал подниматься ветер, но Хальвор решил, что видел еще недостаточно и можно пройти еще немного — вдруг да встретит кого-нибудь. Вскоре он оказался у большой дороги, да такой ровной, что по ней можно было прокатить яйцо, не разбив. Хальвор пошел по ней и к вечеру увидел вдали большой замок, освещенный огнями. Он шагал целый день, не взяв с собой съестного, и был страшно голоден. Однако же чем ближе он подходил к замку, тем страшнее ему становилось.

Хальвор вошел в замок, где горел камин, и направился на кухню, которая была великолепнее, чем любая другая кухня, какую ему только доводилось видеть. Там стояла посуда из золота и серебра, но ни одной живой души не было вокруг. Хальвор постоял, подождал, но никто не появился. Тогда он решил открыть дверь в покои, и увидел принцессу, прядущую шерсть.

— О нет! — вскричала она. — Разве смеет христианская душа приходить сюда? Тебе лучше всего уйти, иначе тролль сожрет тебя. Трехголовый тролль живет здесь.

— Я был бы рад, если б у него оказалось на четыре головы больше, — ответил юноша, — забавно было бы на это посмотреть. И я не уйду, поскольку ничего плохого не сделал, но ты должна меня чем-нибудь накормить — я ужасно голоден.

Когда Хальвор съел то, чем его угостили, принцесса велела ему попробовать меч, висевший на стене, но он не смог даже поднять меч, не то что взмахнуть им.

— Тогда ты должен отпить из бутыли, что висит рядом, — сказала принцесса. — Так делает тролль каждый раз, когда уходит, собираясь орудовать мечом.

Хальвор отпил глоток — и тут же стал с легкостью размахивать клинком. Он подумал, что самое время троллю объявиться, и тут в замок ввалился тролль, тяжело дыша.

Хальвор встал за дверью.

— Уф-ф-ф! — сказал тролль, просовывая голову в дверь. — Христианской кровью пахнет!

— Есть она здесь! — ответил Хальвор и отрубил ему все головы.

Принцесса так обрадовалась освобождению, что стала петь и танцевать, но потом вспомнила про своих сестер и сказала:

— Если бы только мои сестры тоже были свободны!

— Где же они? — спросил Хальвор.

Принцесса рассказала ему, что одну из них тролль утащил в свой замок в шести милях, а другую — в замок в девяти милях отсюда.

— Но сначала, — сказала она, — ты должен помочь мне убрать его тело.

Хальвор был так силен, что очень быстро унес тело тролля и прибрал все вокруг. Потом они ели и пили, весело проводя время, и на следующее утро юноша пустился в путь сквозь рассветные сумерки. Он не давал себе роздыху — день-деньской шел, иногда даже бежал. Увидав замок, он опять лишь чуточку испугался. Замок был роскошнее первого, но и там не было ни одной живой души. Хальвор вошел в кухню и, не задерживаясь, прошел в покои.

— О нет! Разве смеет христианская душа приходить сюда? — вскричала вторая принцесса. — Не знаю, как давно я здесь, но за все это время я не видела ни одного христианина. Тебе лучше сразу уйти, ибо здесь живет тролль о шести головах.

— Нет, я не уйду, — ответил Хальвор. — И не ушел бы, даже если бы у него было дважды по шесть голов.

— Он сожрет тебя живьем, — убеждала принцесса.

Но напрасно она уговаривала Хальвора — тот не хотел уходить. Он не боялся тролля, но хотел поесть и попить, ибо был голоден после прогулки. Принцесса накормила его вдоволь и снова попыталась уговорить его уйти.

— Нет, — настаивал Хальвор, — я не уйду, ибо я не сделал ничего дурного и бояться мне нечего.

— Он про это даже спрашивать не станет, — сказала принцесса. — Сразу схватит тебя, не думая ни про право, ни про повод. Но раз уж ты не уходишь, попробуй, справишься ли ты с этим мечом, которым сражается тролль.

Он не смог поднять меч, и принцесса сказала, что ему нужно отхлебнуть из бутылки, висевшей рядом с мечом. Только отпив из бутылки, он смог совладать с оружием.

Скоро явился тролль, такой большой и крепкий, что ему пришлось повернуться боком, чтобы пройти в дверь. Просунув в комнату первую из своих голов, он закричал:

— Уф-ф-ф! Христианской кровью пахнет!

Тут Хальвор отсек ему первую голову, а потом и все остальные. Принцесса была чрезвычайно рада, но потом вспомнила о своих сестрах и пожелала, чтобы они тоже обрели свободу. Хальвор думал, что это можно устроить, и хотел отправиться в путь немедленно, но сперва он должен был помочь принцессе убрать тело тролля, так что он вышел в путь только утром.

Замок был не близко, и он то шел, то бежал, чтобы успеть вовремя. Поздно вечером он увидел замок, еще величественнее, чем два предыдущих. И на этот раз Хальвор, не страшась, прошел через кухню и вошел прямо в покои замка. Там сидела принцесса, столь прекрасная, что равной ей не было. Она говорила то же, что говорили другие: что ни один христианин здесь до сих пор не появлялся, — и торопила его уйти, иначе тролль проглотит его живьем. Она сказала, что у тролля девять голов.

— Даже если у него было бы девять, и еще девять, и еще девять голов, я и тогда не ушел бы, — сказал Хальвор и встал у камина.

Принцесса очень долго упрашивала его уйти, чтобы тролль не сожрал его. Но Хальвор сказал:

— Пусть приходит, когда ему вздумается.

Тогда она дала ему меч тролля и велела отпить из фляги, чтобы обрести способность справиться с оружием.

В этот самый миг явился тролль, тяжело дыша, и он был настолько крупнее и мощнее других, что ему тоже пришлось повернуться боком в дверях.

— Уф-ф-ф! — сказал он. — Ну и смердит же здесь христианской кровью.

Тогда Хальвор отрубил первую голову, а потом остальные, но с последней было особенно трудно совладать. Это далось Хальвору тяжелее всего, но он все-таки верил, что ему хватит силы ее отсечь.

Теперь все принцессы снова были вместе, более счастливые, чем когда-либо. Они были рады Хальвору, а он им. Сестры предложили ему выбрать ту, которая ему нравится больше других, но из трех сестер младшая любила его сильнее всех.

Пока суд да дело, Хальвор стал таким непривычно грустным и тихим, что принцессы спросили, о чем он тоскует, разве не нравится ему с ними? Он ответил, что ему нравится с ними, ибо у них есть все, что нужно для счастья, и ему здесь очень уютно, но он тоскует по дому и очень хочет увидеть своих мать и отца.

Принцессы решили, что это нетрудно устроить.

Хальвор отрубил первую голову, а потом и все остальные

— Ты доедешь до дому и вернешься невредимым, если послушаешься нас, — сказали они.

И он ответил, что не сделает ничего против их воли.

Тогда они нарядили его так роскошно, будто он был сыном короля, и надели кольцо ему на палец — оно могло перенести его домой и обратно, стоило ему только пожелать, — но предупредили, что он не должен терять кольцо и не должен называть их имен. Если это произойдет, все его великолепие пойдет прахом и он никогда больше не увидит принцесс.

— Если бы я опять был дома! Или если бы мой дом был здесь! — сказал Хальвор, и тут же это исполнилось.

Прежде чем он понял, что происходит, он оказался перед домом своих родителей.

Уже смеркалось, когда его отец и мать увидели, что в дом входит величественный и пышно одетый незнакомец. Они настолько смутились, что начали кланяться и приседать.

Хальвор спросил, можно ли ему остаться на ночь. «Нет, никак нельзя», — ответили ему.

— Мы не в силах предоставить вам достойный ночлег, ибо у нас нет ничего из того, что требуется, чтобы принимать знатного господина вроде вас. Вам лучше пойти на ферму. Она недалеко, вон видны дымовые трубы, и там всего в достатке.

Хальвор не хотел и слышать об этом, он был твердо намерен остаться, но старики стояли на своем и говорили, что ему нужно пойти на ферму, где его напоят и накормят, тогда как у них нет даже стула, чтобы предложить ему.

— Нет, — сказал Хальвор. — Я пойду туда не раньше завтрашнего утра. Позвольте мне провести ночь здесь. Я могу посидеть у очага.

На это им нечего было возразить, так что Хальвор сел на полу перед очагом и принялся копаться в золе точно так же, как делал раньше, когда подолгу сидел дома без всякой цели.

Хозяева много болтали о разных вещах, говорили Хальвору то про то, то про это, и наконец он спросил, не было ли у них детей.

Они ответили, что у них был сын по имени Хальвор, но они не знают, куда он ушел, и даже не могут сказать, жив он или мертв.

— Может, он — это я? — спросил Хальвор.

Старуха вскочила.

— Уж я-то его знаю. Наш Хальвор был таким ленивым бездельником, он никогда ничего не делал и ходил в таких обносках, что дыра на дыру налезала. Такой парень нипочем не мог вырасти в такого мужчину, как вы, сударь.

Вскоре старуха подошла помешать в очаге, и, когда язык пламени осветил Хальвора, как бывало, когда он дома копался в золе, она его узнала.

— Боже мой! Хальвор, ты ли это? — воскликнула она, и не было предела радости старых родителей.

Теперь Хальвору пришлось рассказать обо всем, что с ним случилось, и старуха была так довольна и горда им, что собралась сразу же отвести его на ферму — показать

девицам, которые, бывало, смотрели на него свысока. Она пошла туда первой, а Хальвор последовал за ней. На ферме она рассказала, что Хальвор вернулся домой и сейчас девицы увидят, какой он стал великолепный.

— Он похож на принца, — сказала мать.

— Да такой же оборванец, как раньше! — отвечали девушки, задирая носы.

В этот миг вошел Хальвор, и девицы были так изумлены, что выбежали вон в одних нижних юбках, забыв платья в углу у камина. Вернулись они настолько пристыженные, что едва смели взглянуть на Хальвора, с которым прежде вели себя так надменно и заносчиво.

— Ага, ага! Вы всегда думали, что вы несравненны, красивы и изящны, — сказал им Хальвор. — Но вам бы стоило увидеть старшую из принцесс, которых я освободил. Рядом с ней вы не более чем скотницы. И средняя принцесса намного красивее вас. Но младшая, моя любимая, краше Солнца и Луны. Хотел бы я всей душой, чтоб они оказались здесь и вы на них посмотрели.

Едва он это произнес, как принцессы очутились рядом с ним, и он очень огорчился, ибо вспомнил то, что они ему говорили.

На ферме приготовили великий пир для принцесс и обходились с ними со всем уважением, но девицы отказались оставаться.

— Мы хотим пойти к твоим родителям, — сказали они Хальвору.

И они вышли с фермы и подошли к большому пруду неподалеку. У самой воды была славная зеленая лужайка. Там принцессы решили присесть на часок — им приятно было посидеть, глядя на воду.

Они сели, и скоро младшая из принцесс сказала:

— Хальвор, я могла бы расчесать тебе волосы.

Хальвор положил голову ей на колени, она стала расчесывать ему волосы, и скоро он заснул. Тогда она сняла с него свое кольцо, надела на его палец другое и сказала сестрам:

— Держитесь за меня, а я буду держаться за вас. Хочу, чтоб мы были в замке Сория-Мория.

Проснувшись, Хальвор понял, что потерял принцесс, и стал рыдать и жаловаться, но ничто не могло его утешить. Как ни молили его отец и мать, он отказался остаться. Простившись с ними, Хальвор сказал, что больше они не увидятся никогда, потому что он не видит смысла жить, если не найдет принцесс опять.

Он положил все, какие у него были, деньги в карман и пошел своим путем. Пройдя немного, он встретил человека, у которого была неплохая лошадь. Хальвор предложил купить ее и стал торговаться.

— В общем-то я не думал ее продавать, — сказал хозяин, — но ежели сойдемся в цене...

Хальвор спросил, сколько он хочет за лошадь.

— Я за нее недорого заплатил, да она и стоит немного: под седлом хороша, а в упряжку не годится. Но она всегда

сумеет нести тебя и твой мешок с едой, если будешь то идти, то ехать на ней.

Наконец они договорились, и Хальвор навьючил свой мешок на лошадь. Иногда он шел, иногда ехал верхом. Вечером он пришел на зеленый луг, где стояло огромное дерево — под ним Хальвор и уселся. Потом он пустил лошадь попастись и лег спать, но прежде снял с лошади мешок. На рассвете он проснулся, чувствуя, что не в силах больше отдыхать. Снова он шел и ехал целый день через громадный лес, где среди деревьев заманчиво проглядывали зеленые лужайки. Он не знал, где он находится и куда направляется, но никогда нигде не задерживался дольше, чем требовалось, чтобы дать лошади подкормиться на одной из этих лужаек и перекусить самому.

Так он шел и ехал, и ему казалось, что лес никогда не кончится. Но на второй день вечером он увидел просвет между деревьями.

«Если там есть какие-нибудь люди, я бы мог обогреться и поесть чего-нибудь», — подумал Хальвор.

Подойдя поближе, он увидел покосившийся домик и через окошко разглядел внутри двух старичков. Они были совсем дряхлые, сизые от седины, как голуби, а у женщины был такой длинный нос, что она, сидя у огня, помешивала им угли.

— Добрый вечер, добрый вечер! — сказала старая карга. — Но что за дело могло привести тебя сюда? Ни единой христианской души здесь не бывало больше века.

Хальвор сказал ей, что он хочет добраться до замка Сория-Мория, и спросил, знает ли она дорогу туда.

— Нет, — ответила старуха, — я не знаю. Но скоро тут будет Луна, я спрошу у нее, уж она-то знает. Ей легко увидеть замок, ибо она освещает все.

И, когда яркая Луна взошла над верхушками деревьев, старуха вышла из дома.

— Луна! Луна! — закричала она. — Можешь ли ты поведать мне дорогу в замок Сория-Мория?

— Нет, — ответила Луна, — не могу, ибо облако стояло подо мной, когда я светила там.

— Подожди еще, — попросила старуха Хальвора. — Скоро здесь будет Западный Ветер, уж он-то знает, ведь он задувает в каждый угол. Как! У тебя еще и лошадь? — спросила она, вернувшись в дом. — О, дай скотинке попастись у нас в ограде, пусть не стоит голодная у самой двери. Но не хочешь ли ты ее поменять? У нас тут есть пара старых сапог, в которых ты можешь за один шаг покрывать пятнадцать четвертей мили. Отдадим их тебе за лошадь, и ты быстрее доберешься до замка Сория-Мория.

Хальвор сразу же согласился, и старуха была так рада получить лошадь, что чуть не пустилась в пляс.

— Ведь теперь и я смогу ездить в церковь! — говорила она.

Хальвор, не зная отдыха, хотел немедленно пуститься в дорогу, но старуха сказала, что торопиться нет нужды.

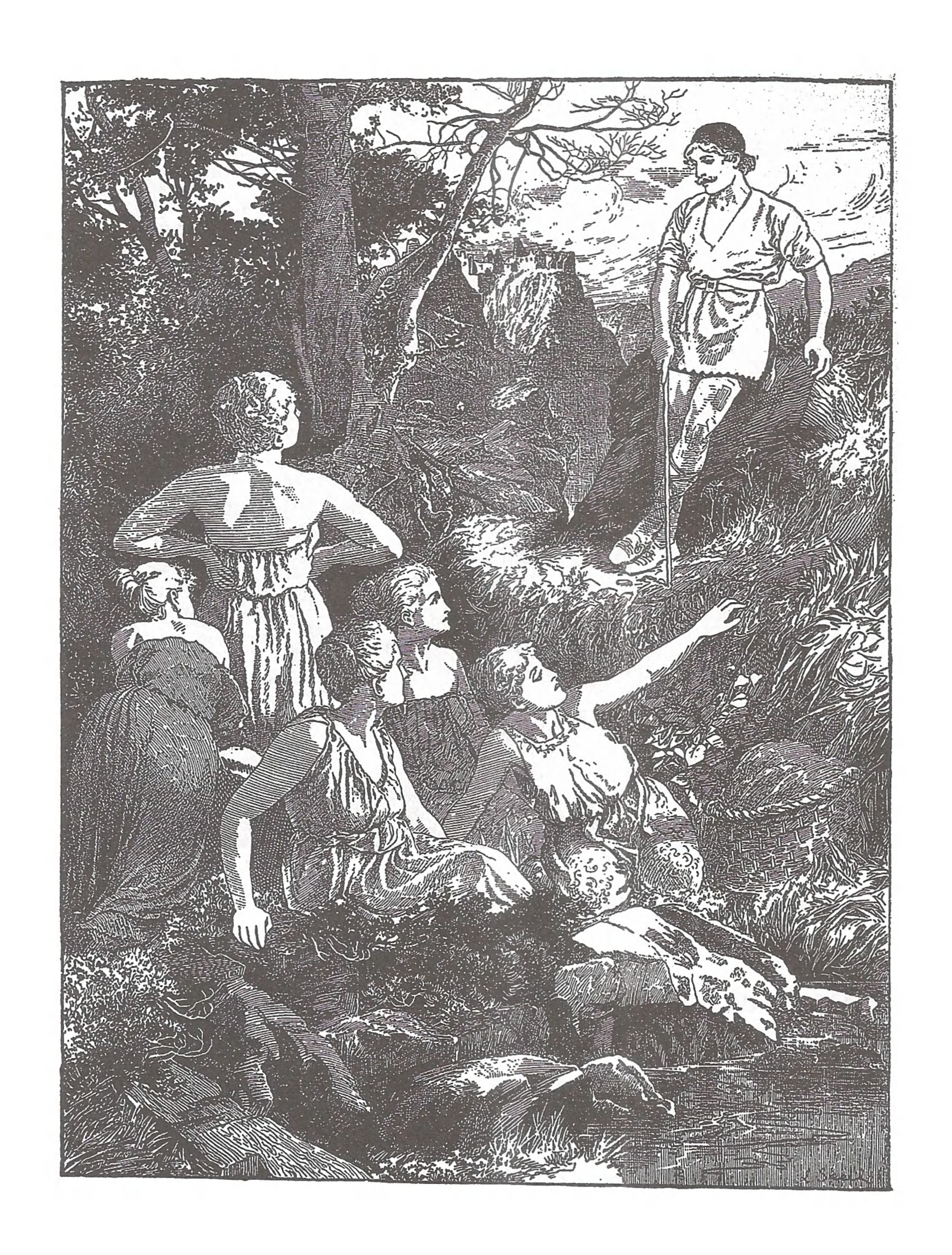

Хальвору пришлось нелегко, но он бежал наравне с ветром

— Ляг на скамейку и поспи чуток, раз уж у нас нет кровати, чтобы предложить ее тебе, — сказала она. — А я подожду, когда прилетит Западный Ветер.

Ждать пришлось недолго: примчался Западный Ветер, завывая так, что стены трещали.

Старуха вышла из дома и закричала:

Хальвор наконец дошел до прачек, стирающих белье

— Западный Ветер! Западный Ветер! Не поведаешь ли ты мне дорогу в замок Сория-Мория? Здесь кое-кто хочет туда попасть.

— Да, дорогу я знаю отлично, — ответил Западный Ветер. — Я как раз лечу туда просушить одежды для свадьбы, к которой там готовятся. Если он быстроног, может следовать за мной.

Хальвор выбежал из дома.

— Тебе придется поторопиться, чтобы угнаться за мной, — сказал ему Западный Ветер.

И понесся по горам и долам, по болотам и трясинам, и Хальвору пришлось нелегко, но он бежал наравне с ветром.

— Что ж, я больше не могу с тобой задерживаться, — сказал Западный Ветер, — ибо сперва мне нужно наломать еловых веток, а потом сушить одежды в прачечной. А ты ступай вдоль склона того холма, так дойдешь до девиц, которые стирают белье. Оттуда недалеко до замка Сория-Мория.

Вскоре Хальвор дошел до прачек, и те спросили, не видал ли он Западного Ветра, который должен прилететь сюда и просушить одежды для свадьбы.

— Видел, — ответил Хальвор, — он только задержится, пока наломает еловых веток. Скоро он здесь будет.

Потом он спросил у них дорогу в замок Сория-Мория. Они показали ему, куда идти, и, дойдя до замка, он увидел, что тот просто кишит людьми и лошадьми. Но Хальвор так обносился и изорвался, пока следовал за Западным Ветром

сквозь чащи и болота, что решил держаться пока в сторонке и смешался с толпой лишь в тот день, когда к полудню должен был начаться пир.

Все по обычаю должны были выпить за невесту и ее подружек. Виночерпий наполнял чаши для каждого — для невесты и жениха, для рыцарей и слуг — и наконец добрался до Хальвора. Тот выпил за здоровье девушек, опустил кольцо, которое принцесса надела ему на палец, когда они сидели у воды, в чашу и велел кравчему отнести невесте эту чашу от его имени и поздравить ее.

Тогда принцесса вмиг встала из-за стола и спросила:

— Кто более достоин владеть одной из нас? Тот, кто избавил нас от троллей, или тот, кто сидит здесь на месте жениха?

Все сказали, что на этот счет двух мнений быть не может, и, когда Хальвор услышал, что они говорят, он моментально отшвырнул свои нищенские обноски и нарядился в одежды жениха.

— Да, это он! — закричала младшая принцесса, увидев его.

Она выбросила своего жениха в окно и стала женой Хальвора.

Марья Моревна

*Русская сказка**

некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич. У него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали:

— Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго!

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять.

Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

— Пойдемте, сестрицы, домой! — говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец — как грянул гром, раскололся потолок и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

* У Э. Лэнга сказка называется «Кощей Бессмертный». Текст позаимствован им из сборника русских народных сказок Афанасьева, переведенных на английский язык и изданных в Лондоне писателем У. Р. Шедден-Ральстоном (1828–1889). Мы публикуем оригинальный текст А. Н. Афанасьева.

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

— Коли люб ты сестрице, я ее не держу, — пусть с Богом идет!

Марья-царевна согласилась; сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, сестрицы, домой! — говорит царевич.

Только пришли во дворец — как ударил гром, распалась крыша, раскололся потолок и влетел орел, ударился об пол и сделался добрым молодцем:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом.

И посватал он Ольгу-царевну.

Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдем во зеленом саду погуляем!

Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раскололся потолок и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем: прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом: отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестер, и заскучал. «Пойду, — говорит, — искать сестриц». Собрался в дорогу, шел, шел и видит: лежит в поле рать—сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек — отзовись! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королевна:

— Здравствуй, царевич, куда тебя Бог несет — по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят!

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королевна, взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не моги заглядывать!

Он не вытерпел; как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжалься надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло!

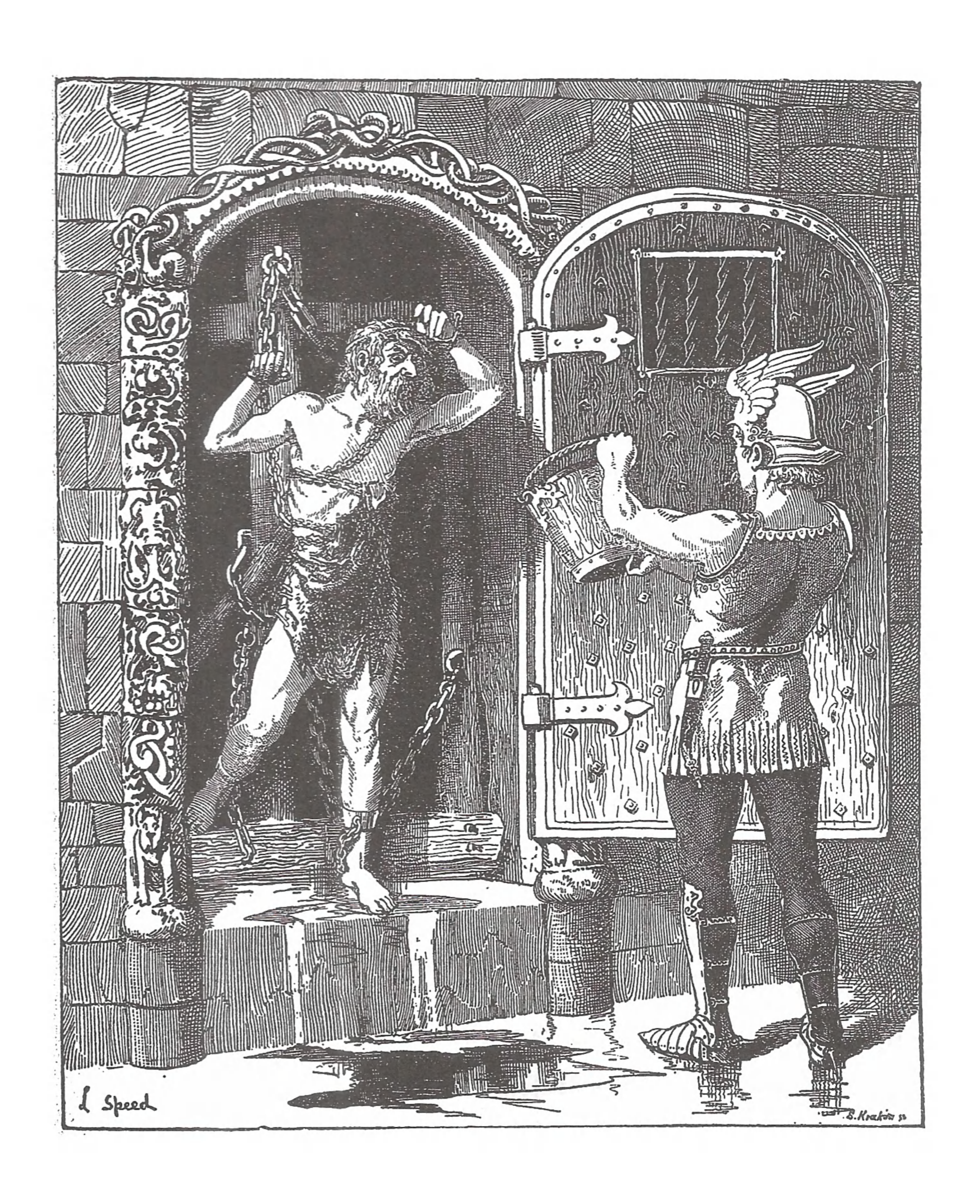
Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды, дай еще!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро — взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный. — Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны как ушей своих!

И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватил ее и

«Сжалься надо мной, дай мне напиться!»

унес к себе. А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу:

— Будь что будет, а разыщу Марью Моревну!

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шурин мой любезный! Как тебя Господь милует?

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну.

— Трудно тебе сыскать ее, — отвечает сокол. — Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет.

Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает орел:

— Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идет.

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте! Пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать ее; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

— Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!

Собрались и уехали, а Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы насеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонку ехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ну, — говорит, — первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой напоил, и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю!

Отнял у него Марью Моревну и увез, а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кощея Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

— Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведем вместе.

Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли догнать их?

— Можно ячменю насеять, подождать, пока он вырастет, сжать, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться, да тогда вдогонку ехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны как ушей своих!

Отнял ее и увез к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; в ту пору Кощея дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

— Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу.

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и положил в смолёную бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах, — говорят они, — видно, беда приключилась!

Орел бросился к синему морю, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мертвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и сложили, как надобно. Ворон брызнул мертвой водою — тело срослось, съединилося; сокол брызнул живой водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Еще бы дольше проспал, если б не мы! — отвечали зятья. — Пойдем теперь к нам в гости.

— Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать. Кощей сказал:

— За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет Баба-яга; у нее есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у нее и других славных кобылиц; я у нее три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за это Баба-яга дала мне одного жеребеночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

«Скажи, Кощеюшка, где ты такого доброго коня достал?»

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к Бабе-яге.

Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыпленочка.

— Не ешь, Иван-царевич! — просит заморская птица. — В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошел он дальше; видит в лесу улей с пчелами.

— Возьму-ка я, — говорит, — сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего меду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше; попадает ему навстречу львица со львенком.

— Съем я хоть этого львенка; есть так хочется, ажно тошно стало!

— Не тронь, Иван-царевич, — просит львица. — В некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрел голодный, шел, шел — стоит дом Бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечьей голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич! Пошто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасёшь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся — торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился. Баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, воротился домой, а Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыпьтесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич; наутро Баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасёшь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал-плакал, да и уснул. Солнышко село за лес; прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой; Баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич; наутро посылает его Баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасёшь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротишься домой, Бабе-яге на глаза не показывайся, пойди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется; ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями; Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба-яга уснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал

Мост обломился, и Баба-яга чебурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась!

к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький! По-

утру пробудилась Баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след заметает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!» Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и Баба-яга чебурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; получился из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею:

— Как тебя Бог сохранил?

— Так и так, — говорит. — Поедем со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали. Кощей Бессмертный домой ворочáется, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бессмертный, — поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблею; в те

поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозжил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того сложил царевич груду дров, развел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти!

Погостили они, попировали и поехали в свое царство; приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

Черный Вор и Рыцарь Долины

Ирландская сказка

Некогда жили-были на юге Ирландии король и королева, и было у них три сына, все красавцы; но королева, их мать, тяжко заболела, когда они были еще совсем малы, и об этом очень горевали при дворе. Особенно горевал король, ее муж, никак его не могли утешить. Видя, что смерть близка, королева призвала к себе короля и молвила ему:

— Я совсем скоро покину тебя, ты же молод еще и в расцвете сил. Конечно, после моей смерти ты женишься опять. И все, о чем я тебя прошу, — построй башню на острове посреди моря и держи там своих трех сыновей, пока они не войдут в возраст и не смогут о себе позаботиться. Не отдавай их во власть никакой другой женщины. Позаботься дать им образование, подобающее их роду, и проследи, чтобы они были обучены всякому занятию и делу, которое следует знать сыновьям короля. Вот все, что я хотела сказать. Прощай.

Король едва успел со слезами на глазах заверить ее в том, что сделает все по слову ее, и она, повернувшись на ложе, с улыбкой испустила дух. Не бывало нигде большей скорби,

чем при дворе и во всем королевстве; ибо не было в мире женщины, которая была бы добрее к богатым и к бедным, чем королева. Ее погребли пышно со всем подобающим великолепием, и король, ее муж, неутешно оплакивал потерю. Однако он, как обещал, приказал построить башню и поместить туда своих сыновей под должной охраной.

Со временем лорды и рыцари королевства стали советовать королю — ведь он был молод — не жить больше так, а взять новую жену; и, настояв на своем, нашли для него невесту — богатую и красивую принцессу, — дочь правителя соседнего королевства, которая очень понравилась королю. Вскоре новая королева родила славного сына, и при дворе пировали и веселились так, что, в сущности, вовсе забыли покойную королеву. Дела шли хорошо, и король с королевой счастливо прожили вместе еще несколько лет.

Однажды королева пошла к птичнице, к которой у нее было какое-то дело, и после долгого разговора собралась было уходить, и тут птичница вдруг пожелала, чтоб королева сломала себе шею, если еще раз соберется к ней пожаловать. Королева чрезвычайно разгневалась на это дерзкое оскорбление, нанесенное одной из самых незначительных ее подданных, и потребовала немедленно объяснить, в чем дело, иначе она казнит птичницу.

— Вам, ваше величество, — сказала птичница, — стоило бы хорошенько мне заплатить, ибо причина, по которой я желала вам сломать шею, весьма до вас касается.

— Что я должна заплатить? — спросила королева.

— Вы должны мне дать тюк шерсти, и у меня есть старый горшок, который вы должны наполнить маслом, и бочонок, который вы должны доверху насыпать пшеницей.

— Сколько шерсти входит в тюк?

— Нужно остричь семь отар овец и их приплод за семь лет.

— Сколько масла влезает в твой горшок?

— Нужно доить семь молочных коров и их приплод за семь лет, чтобы сбить это масло.

— А сколько пшеницы нужно, чтобы заполнить твой бочонок?

— Столько, сколько принесут за семь лет семь бочонков семенного зерна.

— Немало, — сказала королева. — Но, надо полагать, причина под стать запросам. И, прежде чем спросить о ней, я дам тебе все, чего ты требуешь.

— Ну, — начала птичница, — это потому, что вы так глупы, что не замечаете и не стараетесь разузнать тех обстоятельств, которые грозят бедой вам и вашему ребенку.

— О чем ты? — спросила королева.

— Да у короля, вашего мужа, трое славных сыновей от покойной королевы. Он держит их взаперти в башне, пока они не войдут в возраст, и думает разделить между ними свое королевство, а вашего сына оставить ни с чем. Если не придумаете, как их уничтожить, ваш ребенок не получит ничего, да и вы, пожалуй, тоже.

— А что ты посоветуешь мне сделать? — спросила королева. — Я понятия не имею, что предпринять.

— Скажите королю, что вы прослышали про его сыновей и очень удивляетесь, что он все это время скрывал их от вас. Скажите, что хотите увидеть их, что пришло время их освободить и что вы хотели бы, чтобы он пригласил их ко двору. Король так и сделает. Будет огромный пир и всяческие забавы для народа. Тут-то вы и предложите сыновьям короля сыграть с вами в карты — они не откажутся. Но договоритесь, что, если вы выиграете, они сделают все, что вы им прикажете, а если выиграют они — то вы сделаете все, что прикажут они. Договаривайтесь перед игрой. И вот вам колода карт, с которой вы, пожалуй, не проиграете ни за что.

Королева тут же взяла карты и, поблагодарив птичницу за добрый совет, вернулась во дворец. Там она места себе не находила, так ей не терпелось поговорить с королем насчет его детей. Наконец она завела об этом речь очень вежливо и мило, так что он и подумать не мог, что разговор подстроен умышленно. Он охотно согласился исполнить ее желание и послал в башню за своими сыновьями, которые весело устремились ко двору, радуясь, что освобождены из долгого заточения. Все они были очень красивы и крайне умелы во всех занятиях и искусствах, так что вызывали любовь и восхищение в каждом, кто их видел.

Королева, приревновав к ним сильнее прежнего, не могла дождаться, пока минуют пир и увеселения и она сможет предложить игру, всецело вверяясь могуществу карт, которые дала ей птичница. Наконец гости короля стали состя-

заться в играх и предаваться всяким развлечениям, и королева очень ловко подговорила троих принцев сыграть с ней в карты, заключив с ними уговор, как ей было наказано.

Они приняли вызов. Она сыграла со старшим и выиграла. Затем сыграла со средним и тоже выиграла. Затем сыграла еще раз, с младшим, и он выиграл, а она расстроилась, что не сумеет завладеть и им тоже, поскольку он был самым прекрасным и любимым среди братьев.

Впрочем, все хотели услышать, что королева прикажет сделать двум принцам, и никто не думал, что она желает им зла. Птичница ли ее этому научила, или она придумала это сама, я сказать не могу, но она велела принцам привести ей дикого Коня-в-колокольчиках, принадлежавшего Рыцарю Долины, а иначе они лишатся голов.

Молодые принцы не встревожились, ибо не понимали, что им предстоит. Но весь двор поразился ее приказу, ибо все прекрасно знали, что коня они добыть не смогут, ведь все, кто пытался, погибали, не добившись своего. Но расторгнуть сделку было нельзя, и теперь младшего принца попросили сказать, чего он требует от королевы, раз уж он выиграл свою партию.

— Мои братья, — сказал тот, — отправляются в путешествие — и, как я понимаю, весьма опасное, — не зная, какую дорогу избрать и чего на ней ждать. Поэтому я намерен не ждать здесь, но следовать за ними, и будь что будет. И я требую и приказываю, согласно нашему уговору, чтобы королева стояла на высочайшей башне дворца, пока мы не вер-

«Пусть королева стоит на башне дворца, пока мы не вернемся».

немся, или пока не станет известно точно, что мы мертвы. И пусть она на той башне питается лишь необмолоченным зерном и пьет холодную воду, пусть даже пройдет семь лет или больше.

Так все устроив, три принца оставили двор в поисках дворца Рыцаря Долины и на дороге повстречали человека,

который чуть прихрамывал и казался стар годами. Они быстро разговорились с ним, и младший из принцев спросил у странника, как того зовут и почему он носит свою диковинную черную шляпу.

— Я вор из Слоуна, — ответил тот, — а за шляпу меня еще называют Черным Вором.

Он рассказал принцу немало своих приключений и снова спросил, куда братья направляются и зачем.

Принц отозвался на его вопрос и поведал, как обстоит дело.

— И теперь, — заключил он, — мы странствуем и не знаем, верной ли дорогой идем.

— Ах, мои храбрые мальчики! — ответил Черный Вор. — Вы и не представляете, какая опасность вас ждет. Я сам семь лет охочусь на этого коня, но так и не смог его украсть. Ведь в конюшне на нем серебряная попона, к которой пришиты шестьдесят колокольчиков, и, когда бы ни подошел чужой человек, конь быстро его замечает и встряхивается. Звон поднимает на ноги не только принца и его стражу, но и всю окрестность. Так что добыть коня невозможно. А тех несчастных, кто попадется Рыцарю Долины, изжаривают в раскаленной докрасна печи.

— Помилуй Боже, — сказали молодые принцы, — что же нам делать? Если мы вернемся без коня, не сносить нам голов. Видно, выхода нет.

— Ну, — сказал вор из Слоуна, — я сам предпочел бы умереть от рук рыцаря, а не злой королевы. Так что я пойду

с вами и покажу вам дорогу, и какая бы участь вас ни ждала, я разделю ее с вами.

Они искренне поблагодарили его за великодушие, и он, поскольку хорошо знал дорогу, скоро привел их к замку рыцаря.

— Теперь, — сказал вор, — мы должны дождаться ночи. Ибо я знаю тут все входы и выходы, и, если есть хоть какая-то возможность преуспеть, нужно действовать, когда все спят. Ведь за конем у рыцаря следят, как ни за чем другим.

И в глухой ночной час три королевских сына и вор из Слоуна посягнули на Коня-в-колокольчиках, тщась увести его, но прежде, чем они добрались до конюшни, конь неистово заржал и затрясся, и колокольчики зазвенели так громко, что рыцарь и все его люди вскочили в один миг.

Черный Вор и сыновья короля пытались убежать, но стража рыцаря окружила их и быстро взяла в плен. Их привели в ту злосчастную часть дворца, где рыцарь держал печь, в которой всегда горел огонь. Туда он бросал всех своих обидчиков, и в мгновение ока пламя пожирало их.

— Дерзкие негодяи! — воскликнул Рыцарь Долины. — Как смели вы покуситься на моего коня? Смотрите же, какова будет награда вашему безумию. Чтоб сильнее наказать вас, я сожгу вас не всех вместе, а одного за другим, и тот, кто проживет дольше, будет смотреть на страшные мучения своих злополучных подельников.

Сказав это, он приказал своим слугам раздувать огонь.

— Начнем со старшего из этих молодцов, а последним будет старик в черной шляпе. Похоже, он за всем этим стоит, и вид у него такой, будто он побывал во многих переделках.

— Однажды я был так же близок к смерти, как уже близок этот принц, — сказал Черный Вор, — и спасся. Спасется и он.

— Быть того не могло, — ответил рыцарь, — ибо через две-три минуты ему придет конец.

— Но меня отделяло от гибели всего одно мгновение, — настаивал Черный Вор. — И вот я здесь.

— Как это было? — спросил рыцарь. — Хотел бы я про это послушать, потому как это кажется невозможным.

— Сэр рыцарь, если вы решите, что опасность, в которой я находился, превосходит опасность, угрожающую этому юноше, простите ли вы ему его преступление?

— Да, — ответил рыцарь. — Начинай свой рассказ.

— Сэр, — начал Черный Вор, — я был в юности бесшабашен и побывал во многих передрягах. Раз в скитаниях ночь застала меня на дороге, и я не мог найти убежища. Наконец я нашел старую печь для обжига кирпича, и, так как очень устал, забрался туда и лег наверху. Вскоре я увидел, как вошли три колдуньи с тремя мешками золота. Каждая положила свой мешок под голову, готовясь уснуть. Я услышал, как одна из них говорит другой, что, если Черный Вор наткнется на них, пока они будут спать, он не оставит им ни пенни. Из их разговора я понял, что мое имя

у всех на устах, но не издал ни звука, пока они не замолчали. Потом они быстро уснули, а я тихонько спустился, присмотрел подходящие куски торфа, положил по куску каждой под голову и ушел с их золотом так быстро, как мог.

Вор из Слоуна продолжал:

— Не так уж далеко я ушел, когда увидел, что за мной несутся борзая, заяц и ястреб, и понял, что это должны быть те волшебницы, которые сменили облик, чтобы я не мог скрыться от них незамеченным ни по суше, ни по воде. С виду они были не так уж страшны, и я преисполнился еще большей решимости напасть на них, думая, что уничтожу их своим широким мечом. Но, рассудив, что они, быть может, способны ожить, я отказался от этой мысли и не без труда влез на дерево, держа в руке меч и таща с собой все золото. Однако, когда колдуньи добрались до дерева, они меня нашли и продолжили применять свое дьявольское искусство. Одна из них превратилась в наковальню, а другая — в кусок железа, и третья быстро выковала из нее топор. Им она принялась

«Она принялась рубить дерево, и, конечно, через час оно зашаталось подо мной».

рубить дерево, и, конечно, через час оно зашаталось подо мной. Наконец оно стало крениться, и я почувствовал, что еще удар-другой — и оно упадет. Я стал думать, что смерть моя неминуема, понимая, что ведьмы, которым столь многое подвластно, не замедлят оборвать мою жизнь. Но как раз когда ведьма наносила удар, который должен был стать для меня роковым, пропел петух — и все три колдуньи исчезли, приняв свой настоящий облик, чтобы их не узнали, и я спокойно спустился со своими мешками золота.

— А теперь, сэр, — сказал вор Рыцарю Долины, — если это не самое лихое приключение, о котором вам доводилось слышать — меня отделял от смерти один удар топора, и рука с топором уже поднялась, но я спасся, — тогда воля ваша.

— Ну, не могу не сказать, что это весьма необычно, — отозвался Рыцарь Долины, — и на этом основании я прощаю этому юноше совершенное им преступление. Помешайте-ка огонь, я сожгу второго, вот этого.

— Право слово, — продолжал Черный Вор, — я склонен думать, что и он на этот раз не умрет.

— Как так? Ему не убежать.

— Я сам избег однажды смерти более чудесным образом, чем если бы вы уже приготовились бросить его в печь, и надеюсь, что и с ним так же выйдет.

— Как, ты побывал в большой опасности еще раз? — спросил рыцарь. — Эту историю я тоже хотел бы услышать, и, если она так же увлекательна, как первая, я прощу этого юношу, как простил того.

— Я жил дурно, сэр, — сказал Черный Вор, — как я вам уже говорил. И раз, растратив деньги и не находя дела, за которое мог бы взяться, я терпел суровую нужду. Наконец в той местности, где я тогда жил, умер богатый епископ, и я прослышал, что его погребли в дорогой одежде, всего увешанного драгоценностями, — ими я и вознамерился разжиться. Той же ночью я пошел на кладбище и там понял, что он покоится в дальнем конце длинного темного

склепа, в который я медленно и осторожно зашел. Я не успел углубиться далеко, как услышал, что кто-то быстро идет мне навстречу, и, хотя я храбр и дерзок, при мысли о покойном епископе и о преступлении, которое я совершал, я растерял всю свою смелость и побежал к выходу из склепа. Я сделал лишь несколько шагов, когда увидел, что в дверях, заслоняя свет, стоит высокий черный человек. Страшно испугавшись и не зная, как пройти мимо него, я выстрелил в него из пистолета, и он упал на порог. Видя, что черный человек все еще сохраняет облик смертного, я стал думать, что это не может быть призрак епископа. Оправившись от страха, я пробрался к дальнему концу склепа, нашел там большой сверток и, поискав еще, понял, что труп уже ограбили, а я принял за привидение не кого иного, как одного из священников. Я очень пожалел, что меня угораздило убить его, но поправить дело было нельзя. Я взял мешок, в котором лежало все ценное, что было при покойнике, собираясь покинуть этот приют скорби. Но едва я подошел к выходу, как увидел, что ко мне спешит стража, и ясно услышал, как они говорят, что нужно заглянуть в склеп, потому как Черный Вор, если будет поблизости, не задумается ограбить мертвого. Я не знал, как поступить — если бы меня увидели, я лишился бы жизни, ибо все были настороже, но никому не хватило бы смелости подступиться ко мне. Я отлично понимал, что меня подстрелят, как собаку, едва увидев. Но времени терять не стоило. Я поставил тело убитого мной человека так, будто он стоял

на своих ногах, попрямее, чтоб стража заметила его сразу, как только войдет в склеп. Увидев человека в черном, один из стражников закричал, что это Черный Вор, и, как я и ожидал, выстрелил в тело. Я дал телу упасть и сам заполз в темный угол у входа. Увидев, как подстреленный падает, стражники ринулись внутрь склепа и добежали до самого его конца — наверно, боялись, что убитый был там не один. Но, пока они осматривали тело и склеп, я выскользнул наружу и удрал. С тех пор Черный Вор больше никогда им не попадался.

— Что ж, смельчак, — сказал Рыцарь Долины, — я вижу, что ты преодолел много опасностей. Этих двух принцев ты освободил своими рассказами. Но мне самому жаль, что этот молодой принц должен пострадать за всех. Теперь, если ты сумеешь рассказать мне что-нибудь столь же занимательное, как предыдущие твои рассказы, я прощу и его. Мне жаль этого юношу, и я не хотел бы его казнить, если смогу этого избежать.

— Так и будет, — ответил вор из Слоуна, — ибо я сам люблю его больше других и приберег под конец, для него, самое любопытное свое похождение.

— Тогда дай нам услышать его!

— Однажды я странствовал, — начал вор, — и попал в глухой лес, где долго блуждал, не умея выбраться. Наконец я набрел на большой замок, и усталость побудила меня зайти туда. Я нашел там женщину: на коленях у нее сидел ребенок, и она плакала. Я спросил, почему она плачет и где

хозяин замка, ибо я дивился тому, что не вижу там ни суетящихся слуг, ни вообще хоть одного человека.

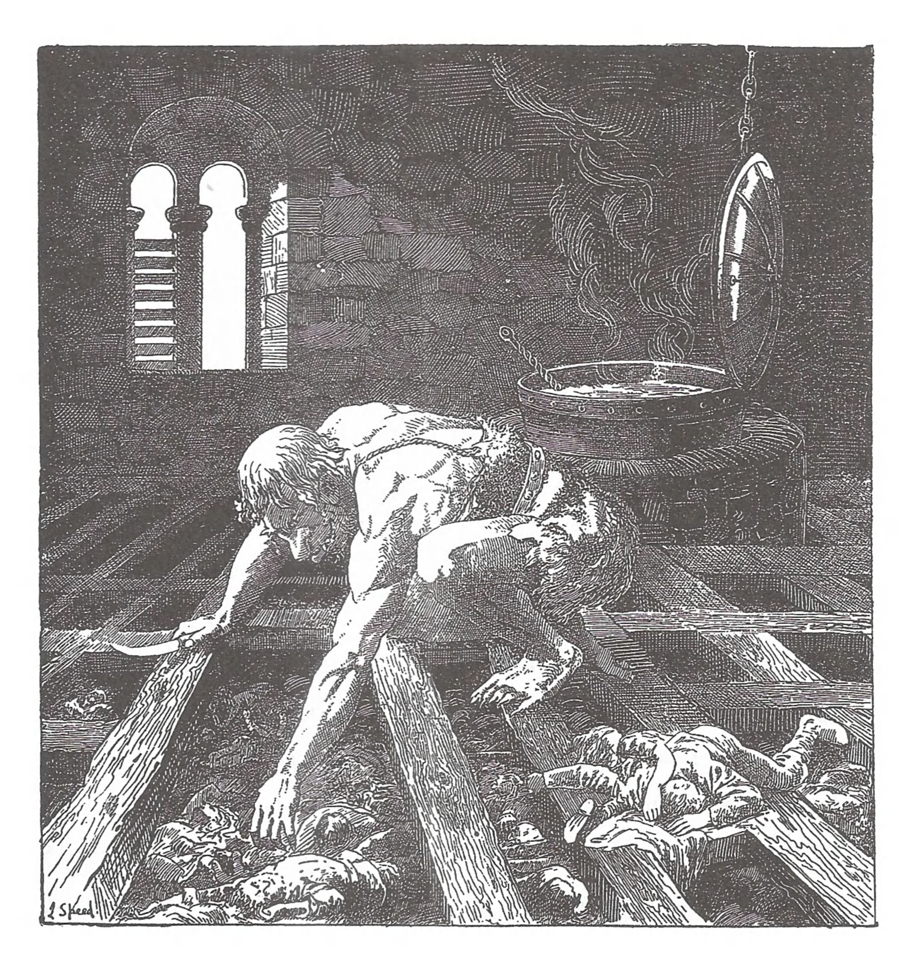
«Повезло вам, — сказала молодая женщина, — что повелителя этого замка сейчас здесь нет. Ибо это чудовищный великан, с одним глазом на лбу, который питается человечиной. Он принес мне этого ребенка — не знаю, где он взял дитя, — и приказал сделать из него пирог, и я не могу не оплакивать этот приказ».

Я сказал ей, что, если она знает какое-нибудь место, где я мог бы оставить ребенка в безопасности, я отнесу его туда, чтобы чудовище не убило его.

Она рассказала мне про дом в некотором отдалении, где я мог найти женщину, которая позаботится о малыше. «Но что же мне делать с пирогом?»

«Отрежь ребенку палец, — посоветовал я, — а я принесу тебе из леса молодую дикую свинью, которую ты можешь приготовить так, будто это мясо ребенка, и положить в известное тебе место палец. Тогда, если великан что-нибудь заподозрит, ты будешь знать, с какой стороны сначала отрезать ему кусок, и, увидев палец, он поверит, что пирог сделан из ребенка».

Она согласилась с моей затеей, и, отрезав ребенку мизинец, я унес его по ее указаниям в тот дом, о котором она мне говорила, и притащил ей вместо ребенка поросенка. Она состряпала пирог, и, хорошенько наевшись и напившись, я как раз собирался уйти, когда мы увидели, что в ворота замка входит великан.

«Я послушался ее совета и лег среди мертвых».

«Помилуй, Боже, — сказала женщина, — что же ты теперь будешь делать? Беги, спрячься среди мертвых тел, которые лежат у него в комнате (она показала мне дорогу), и порви на себе одежду, чтоб он не мог тебя отличить, если ему случится туда зайти».

Я послушался ее совета и лег среди трупов, притворяясь мертвым, ожидая, что сделает великан. Первым делом он закричал, требуя свой пирог. Когда женщина поставила перед ним пирог, он заворчал, что тот пахнет свининой, но она знала, где запекла палец, и тут же показала его — великан поверил. Пирог только разжег в нем аппетит, и я услышал, как он точит свой нож и говорит, что не наелся и съест еще пару ломтиков мясца. Но каков же был мой ужас, когда я услышал, что великан ощупью пробирается среди трупов! Я ему приглянулся. Он отрезал мне половину ляжки и унес с собой, чтобы поджарить. Немудрено, что меня мучила страшная боль, но я так боялся смерти, что не издал ни звука. Наевшись, он стал обильно пить горячие вина и скоро уже не мог головы поднять. Он повалился в широкий плетеный гамак, который изготовил для себя, и быстро заснул. Услышав его храп, я, как был, встал и попросил женщину перевязать мою рану платком. После этого я взял вертел, раскалил его на огне и воткнул прямо в глаз великану, но не смог его убить.

Я оставил его с вертелом, торчащим из головы, и пустился в бегство. Правда, скоро я обнаружил, что он, даже ослепленный, преследует меня. У него было заколдованное кольцо — он бросил в меня кольцом, оно наделось мне на большой палец ноги и накрепко к нему пристало.

Великан позвал кольцо, спрашивая, где оно, и, к великому моему изумлению, оно отозвалось с моей ноги. Он прыгнул на звук, но я сумел упредить его прыжок и отско-

чил. Однако я понял, что не спасусь бегством, пока у меня на ноге кольцо. Так что я достал свой клинок, отрезал палец, к которому оно приросло, и швырнул в большой пруд с рыбами, случившийся рядом. Великан опять позвал кольцо, которое, повинуясь заклинанию, снова ответило ему. Но он не знал, что я сделал, и думал, что оно все еще на мне. Он рванулся, силясь меня достать, упал вниз головой в пруд и там и потонул. Теперь, сэр рыцарь, — сказал вор из Слоуна, — вы видели, в каких опасностях я побывал и всегда спасался. Но у меня не хватает пальца, и я навсегда охромел.

— Мой господин и повелитель, — сказала старая женщина, которая все это время слушала, что говорилось, — эта история — чистая правда. Я хорошо это знаю, ибо я та самая женщина, которая была в замке великана, а вы, мой господин, — тот самый младенец, которого я должна была пустить на пирог. А это тот самый человек, который спас вашу жизнь. Вы сами знаете, что у вас не хватает пальца, а теперь вы услышали, для чего его отсекли. Сделано это было, чтобы обмануть великана.

Рыцарь Долины, пораженный услышанным от старухи, зная, что у него с детства недоставало пальца, стал понимать, что рассказ вора правдив.

— А это мой спаситель? — спросил он. — О храбрец, я не только прощу тебя за все. Ты доживешь свой век при мне, будешь пировать, как принц, и тебе будут прислуживать так же, как мне самому.

Все поблагодарили его, преклонив колени, и Черный Вор рассказал, почему они пытались украсть Коня-в-колокольчиках и какая угроза ждала их дома.

— Что ж, — сказал Рыцарь Долины, — если дело в этом, я скорее подарю вам своего коня, чем дам погибнуть этим славным парням. Можете отправляться, когда пожелаете, только не забывайте навещать меня, чтоб мы могли лучше узнать друг друга.

Они пообещали навещать его и с великой радостью двинулись во дворец короля, своего отца, а с ними Черный Вор.

Злая королева все это время стояла на башне, и, услышав, что вдали звонят колокола, поняла, что это принцы возвращаются домой вместе с конем. В гневе и досаде она бросилась с башни и разбилась насмерть.

Трое принцев жили хорошо и счастливо под властью своего отца, и Черный Вор всегда был при них. А что было с ними после смерти старого короля, неведомо.

Мастер-вор

*Норвежская сказка**

ил-был однажды отец, у которого было трое сыновей. У него не было имущества, которое он мог бы им завещать, и никакого способа обеспечить им достаток, так что он, не зная, что делать, сказал, что разрешает им заняться любым делом, какое им понравится, и отправиться в любое место, куда они пожелают. Он сказал, что с радостью проводит их к началу их пути. Он дошел с сыновьями до места, где расходились три дороги, и оттуда каждый из них пошел своим путем, а отец простился с ними и вернулся домой. Что стало с двумя старшими, мне так и не удалось узнать, ну а младший где только не побывал.

Однажды ночью, когда он шел через большой лес, разразилась страшная буря. Дул такой ветер и лил такой дождь, что парень насилу держал глаза открытыми, и он сбился с пути прежде, чем понял это, и не мог уже найти ни дороги, ни тропы. Но он продолжал идти, пока наконец не увидел далеко в лесу свет. Он подумал, что надо добраться до того места, откуда льется свет, и после долгих усилий

* Из сказок П. К. Асбьёрнсена.

ему это удалось. Он увидел большой дом, в котором огонь горел так ярко, что было ясно — люди там еще не спят. Парень вошел и нашел в доме старуху за какой-то работой.

— Добрый вечер, матушка! — сказал он.

— Добрый вечер, — ответила старуха.

— Ух, ну и погодка нынче ночью!

— Да уж.

— Могу я переночевать здесь?

— Не следует тебе здесь ночевать. Ежели те, кто здесь живет, вернутся и найдут тебя, они убьют и тебя, и меня.

— Что же за люди здесь живут?

— Да разбойники и прочий сброд ничем не лучше. Они выкрали меня у моих родителей, когда я была еще ребенком, и с тех пор я веду у них хозяйство.

— Я все-таки лягу, — сказал парень. — Что бы ни случилось, в такую погоду я из дома не высунусь.

— Что ж, тебе же хуже, — ответила старуха.

Гость лег в кровать, которая стояла рядом, но не решался заснуть. И хорошо, что он не спал, ибо пришли разбойники и женщина сказала им, что явился чужак и она не смогла его прогнать.

— Ты не видела, есть ли у него деньги? — спросили разбойники.

— Да откуда деньги у таких бродяг! Ему едва есть чем прикрыть срам.

Разбойники забормотали что-то, совещаясь, что с ним поделать — убить или еще что. Парень тем временем встал,

заговорил с ними и спросил, не нужен ли им слуга, ибо он с радостью бы им послужил.

— Да, — сказали разбойники, — если у тебя есть склонность к нашему ремеслу, можешь здесь жить.

— Мне все равно, какое ремесло перенимать, — ответил юноша, — ибо, когда я покидал дом, отец разрешил мне обучаться любому делу, какое мне понравится.

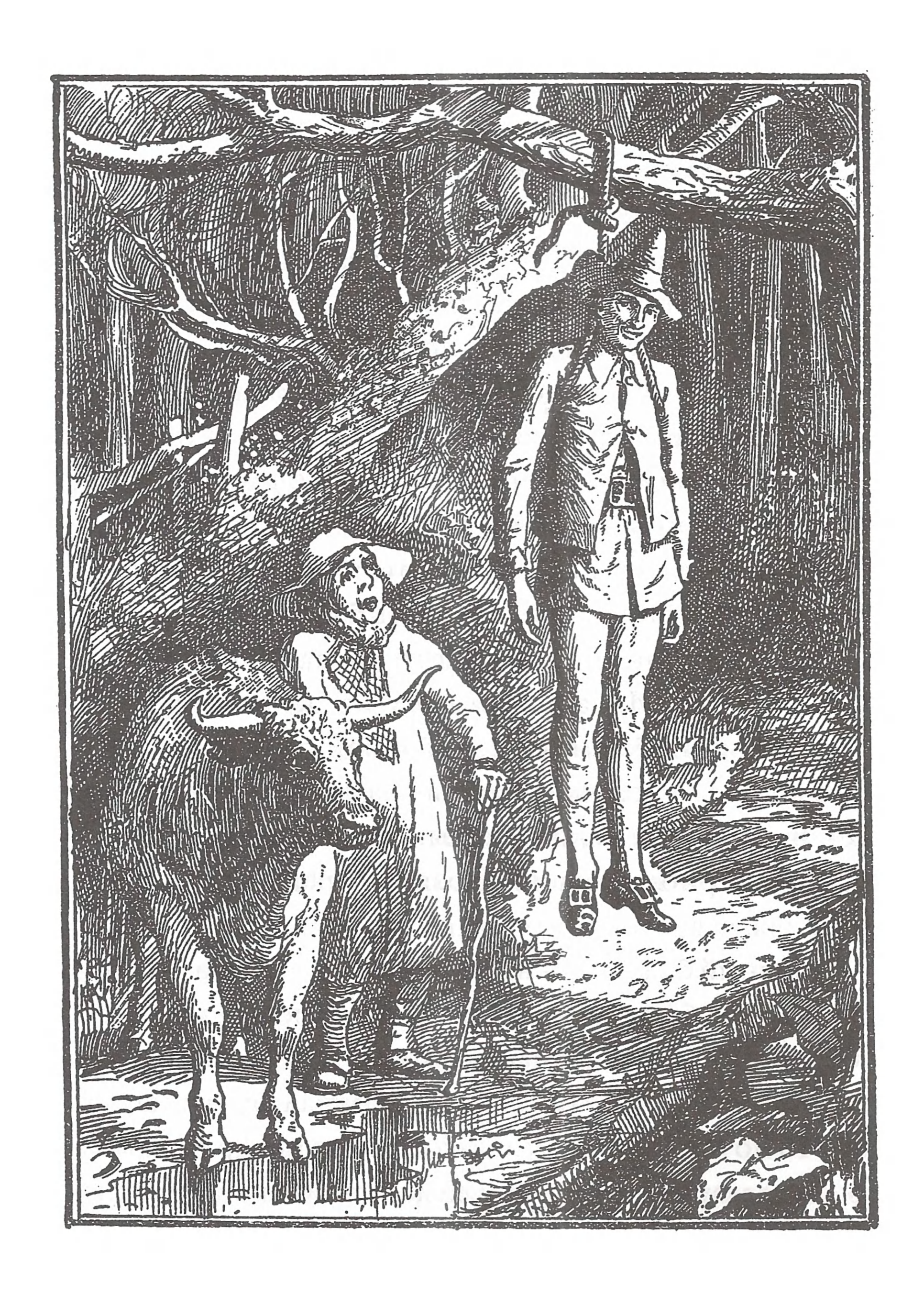
— Что ж, тебе нравится воровать? — спросили у него.

— Да, — ответил он, думая, что этому научиться недолго.

Неподалеку жил человек, у которого было три быка, и одного из своих быков он собрался вести в город на продажу. Разбойники прослышали об этом и сказали юноше, что, если он сумеет по дороге украсть быка без ведома хозяина, не причинив тому никакого вреда, они позволят ему служить им. И парень пошел на дело, прихватив с собой красивый башмак с серебряной пряжкой, валявшийся в доме. Он положил башмак на дорогу, по которой должен был пройти человек с быком, и спрятался в лесу под кустом. Приблизившись, хозяин быка сразу заметил башмак.

— Отличный башмак! — воскликнул тот. — Была бы у него пара, я отнес бы их домой, и жена сразу повеселела бы.

Ибо у него была жена настолько злонравная и сварливая, что он чуть ли не постоянно получал от нее колотушки. Но потом он подумал, что с одним непарным башмаком ему делать нечего, и пошел дальше, оставив находку лежать на месте. Парень подобрал башмак и изо всех сил

Парень пробежал через лес короткой дорогой и повесился прямо на пути у фермера

побежал через лес, опередил путника и опять положил башмак на дорогу перед ним.

Подойдя, человек с быком увидел второй башмак и огорчился, что по глупости оставил первый лежать там, где увидел его, а не взял с собой.

«Сбегаю быстренько за ним, — сказал он себе, — и принесу старушке пару добрых башмаков. Может, она за это скажет мне хоть раз ласковое словечко».

Он вернулся на то место и долго-долго искал первый башмак, но не нашел и наконец пошел обратно к быку с одним башмаком.

А парень тем временем быка-то и увел. Обнаружив пропажу, хозяин стал горько сетовать, боясь, что жена убьет его, когда узнает об этом. Но вдруг ему пришло в голову вернуться домой и увести в город другого быка, проследив, чтобы жена об этом не знала. Так он и сделал: пришел домой, забрал быка тайком от жены и пошел с ним в город. Но разбойники проведали и об этом благодаря своим хитростям. Они сказали парню, что, если тот сумеет увести и этого быка без ведома хозяина, не причинив тому никакого вреда, они будут считать его ровней себе.

«Ну, это сделать нетрудно», — подумал парень.

На этот раз он взял с собой веревку и, пропустив ее у себя под мышками, привязался к суку дерева, нависавшему над дорогой, по которой должен был пройти хозяин быка. Тот подошел и, увидев тело на веревке, почувствовал дурноту.

— Что ж за беда с тобой приключилась, что ты повесился! — сказал он. — Ну, виси себе, я ведь не смогу вдохнуть в тебя жизнь.

И он пошел дальше со своим быком. Парень спрыгнул с дерева, побежал короткой дорогой и, опередив его, снова повесился на дереве над дорогой.

— Хотел бы я знать, правда ли дела у тебя были так плохи, что ты повесился, или меня леший дурит! — сказал владелец быка. — Ну, леший ты или нет, виси себе.

И он пошел дальше со своим быком. Парень сделал то же самое в третий раз: спрыгнул с дерева, пробежал через лес короткой дорогой и повесился прямо на пути у фермера.

Увидев это снова, тот сказал себе: «Что за ерунда! Неужто их всех настолько прижало, что они тут все перевешались? Нет уж, тут не иначе, как колдовство! Но я доищусь правды. Если те двое еще висят, то они настоящие, а если нет, значит, это работа колдуна».

Он привязал быка и побежал назад проверить, висят ли там двое. Пока он бегал, осматривая по пути каждое дерево, парень спрыгнул наземь и увел его быка. Нетрудно представить, в какую ярость впал фермер, когда вернулся и не нашел скотины. Он плакал и гневился, но наконец утешился, сказав себе, что лучше всего ему пойти домой, взять третьего быка, скрыв это от жены, и попытаться продать его так выгодно, чтобы получить за него изрядные деньги. Он пошел домой, взял третьего быка и увел тайком от

жены. Но разбойники про это знали и сказали парню, что, если тот украдет и этого быка, как украл двух других, быть ему главарем шайки.

Парень отправился в лес и, когда фермер шел мимо, громко замычал, как будто где-то скрывался огромный бык. Услышав это, фермер очень обрадовался — ему показалось, что он узнает голос своего бугая, — и решил, что теперь-то вернет себе обоих быков. Он привязал третьего и побежал прочь от дороги, разыскивая быков в лесу. А парень увел третьего быка. Вернувшись и осознав, что и этого он лишился, фермер впал в безграничную ярость. Он плакал и жаловался и много дней не показывал носа домой, боясь, что старуха его прикончит.

Разбойники тоже были не очень-то рады, потому как им пришлось признать юнца главным над ними. И в один день они решили взяться за какое-то дело, которое будет ему не под силу, и отправились все вместе на большую дорогу, оставив его дома одного. Когда они отошли далеко, то наш хитрец первым делом выгнал на дорогу украденных быков, и те побежали домой к своему хозяину, у которого были украдены, и тот был очень рад их увидеть.

Потом парень вывел всех лошадей, принадлежавших разбойникам, и нагрузил их самыми дорогими вещами, какие нашел, — золотыми и серебряными сосудами, одеждами и прочими ценностями, — и велел старухе передать от него привет разбойникам, поблагодарить их от его имени

и сказать, что он ушел и что им нелегко будет его найти. И вывел лошадей со двора.

Спустя много времени он вышел на дорогу, по которой двигался, когда пришел к разбойникам. И, подойдя к дому, где жил его отец, он надел мундир из числа тех вещей, которые взял у разбойников, очень похожий на генеральский, и въехал во двор, как знатный человек. Потом вошел в дом и спросил, может ли он здесь остановиться.

— Нет, никак не можете! — ответил его отец. — Разве могу я принять такого знатного джентльмена, как вы? Я едва могу снабдить себя одеждой и постелью, да и те плохи.

— Ты всегда был строг, да таким и остался, если не пускаешь домой собственного сына.

— Ты мой сын? — спросил отец.

— Ты меня не узнаешь?

Тут отец узнал сына и сказал:

— Но какое же ремесло ты избрал, что так быстро стал таким важным?

— Это я тебе расскажу. Ты сказал, что я могу заниматься чем угодно, и я нанялся в ученики к ворам и разбойникам, отслужил свое и стал мастером в воровском деле.

Близ дома его отца жил губернатор провинции, у которого был такой огромный дом и такое огромное богатство, что он сам не знал, насколько он богат и насколько велик его дом, а еще у него была дочь, красивая, добрая и умная. Так что мастер-вор решил жениться на ней и сказал отцу,

что тот должен пойти к губернатору и попросить его дочь для своего сына.

— Если он спросит, каким делом я занимаюсь, можешь сказать, что я мастер-вор.

— Да ты с ума сошел! — воскликнул отец. — Быть не может, чтоб ты в здравом уме затевал такую глупость.

— Прошу тебя, пойди к губернатору и посватай его дочь.

— Я не посмею прийти к губернатору с этим. Он так богат и всем обеспечен.

— Деваться тебе некуда, — настаивал мастер воров. — Ты должен пойти, нравится тебе это или нет. Если не уговорю тебя пойти по-хорошему, буду уговаривать по-плохому.

Но отец все еще упирался, и мастер-вор стал гоняться за ним, грозя ему длинной березовой жердиной, пока тот с рыданиями не согласился и не вошел в дом губернатора провинции.

— Ну, дружище, что у тебя не так? — спросил губернатор.

Отец рассказал, что у него были три сына, которые однажды покинули дом, и он разрешил им идти туда, куда им захочется, и браться за любую работу, которая им понравится.

— Теперь же младший вернулся и запугивал меня и грозил мне, пока я не согласился пойти к вам, просить отдать за него вашу дочь. И я должен сказать, что он мастер-вор.

И отец опять заплакал и загоревал.

— Утешься, дружище! — рассмеялся губернатор. — Можешь передать ему от меня, что сперва он должен доказать свое мастерство. Если он сумеет украсть мясо с кухонного вертела в воскресный день, когда мы все будем смотреть на вертел, он получит мою дочь. Передашь ему это?

Отец передал, и парень решил, что сделать это будет нетрудно. Он принялся за работу: поймал живьем трех зайцев, посадил их в мешок, напялил лохмотья, став таким нищим и убогим, что на него было жалко смотреть, и в этом обличье утром воскресенья пошел бродить с сумой, как попрошайка. Губернатор и все его домочадцы были на кухне и наблюдали за мясом. Тем временем парень выпустил из сумы одного зайца, и тот забегал по двору.

— Смотрите-ка, заяц, — сказали люди на кухне и захотели выйти и поймать его.

Губернатор тоже его увидел, но сказал:

— Пусть бегает. Что толку пытаться поймать зайца, когда тот удирает во все лопатки.

Вскоре парень выпустил второго зайца, люди на кухне увидели его и решили, что это тот же самый. Они опять хотели выйти и поймать его, но губернатор снова сказал, что не стоит и пытаться.

Однако очень скоро парень выпустил третьего, и тот заметался по двору. Люди на кухне увидели и его, решили, что это тот самый заяц, которого они уже видели, и захотели выйти и поймать его.

Заяц поскакал, и все кинулись за ним

— Отличный заяц! — сказал губернатор. — Пойдем-ка посмотрим, сумеем ли мы его поймать.

Он вышел, и все семейство за ним. Заяц поскакал, и они кинулись за ним, увлекшись всерьез.

Тем временем мастер-вор схватил мясо и убежал с ним. Пообедал ли губернатор в этот день жарки́м, я не знаю, но

знаю, что жареного зайца он так и не отведал, хоть и гнал его, пока не вспотел.

В полдень пришел священник, и, когда губернатор рассказал, какую шутку сыграл с ним мастер-вор, насмешкам священника не было конца.

— Что касается меня, — говорил священник, — я не могу представить, чтобы меня одурачил такой парень!

— Что ж, советую вам быть осторожным, — ответил губернатор, — ибо он может взяться за вас раньше, чем вы это поймете.

Но священник повторил то, что уже сказал, и продолжал вышучивать губернатора за то, что тот позволил обвести себя вокруг пальца.

После обеда явился мастер-вор и потребовал отдать за него замуж дочь губернатора, как было ему обещано.

— Сперва докажи-ка еще раз свое искусство, — губернатор старался быть вежливым, как мог. — А то, что ты сделал сегодня, в сущности, не такое уж большое достижение. Можешь сыграть хорошую шутку над священником? Вон он сидит в доме и говорит, что я дурак, раз парень вроде тебя сумел меня одурачить.

— Что ж, это будет нетрудно, — ответил мастер-вор.

Он нарядился птицей и набросил на себя большую белую простыню, оторвал гусю крылья и прикрепил себе на спину. В этом обличье он взобрался на большой клен во дворе священника. И, когда священник вечером вернулся домой, парень закричал: «Отец Лоренс! Отец Лоренс!» — ибо священника звали отцом Лоренсом.

«Кто зовет меня?» — спросил священник.

— Кто зовет меня? — спросил священник.

— Я ангел, посланный возвестить, что за твое благочестие тебя живым вознесут на небеса, — ответил мастер-вор. — Готовься к вечеру понедельника. Я приду, заберу тебя и унесу тебя с собой в мешке. А ты должен к тому времени сложить все свое золото и серебро и все, чем владеешь из богатств этого мира, кучей в своей лучшей гостиной.

Отец Лоренс пал на колени перед ангелом и возблагодарил его. В воскресенье он произнес прощальную проповедь и рассказал, что ангел прилетал на большой клен у него в саду и возвестил, что за свою праведность он будет живым взят на небо, и, когда он проповедовал и вещал об этом в церкви, все от мала до велика плакали.

В ночь на вторник мастер-вор опять явился в обличье ангела, и, прежде, чем залезть в мешок, священник преклонил колени и возблагодарил его. Но едва священник оказался в мешке, как мастер-вор поволок его по камням и ухабам.

— Ох! Ох! — кричал священник в мешке. — Куда ты меня тащишь?

— Это дорога в рай. Дорога в рай нелегка, — отвечал мастер воров и тащил его дальше, едва живого.

Наконец он забросил мешок в гусятник губернаторского имения, и гуси стали шипеть и клеваться, так что священник почувствовал себя скорее мертвым, нежели живым.

— Ох! Ох! Ох! Где я теперь?

— Теперь ты в чистилище, — отвечал мастер-вор.

Он ушел и забрал все золото, серебро и прочие ценности, которые священник сложил в своей гостиной.

На следующее утро девочка-гусятница пришла выпустить гусей и услышала, как священник стонет и жалуется, лежа в мешке посреди птичника.

— О небо! — воскликнула она. — Кто это? И отчего вам так больно?

— Ох, — отозвался священник, — если ты ангел небесный, выпусти меня и дай мне вернуться на землю, ибо нигде еще мне не было так плохо. Эти дьяволята так больно щиплются!

— Я не ангел, — сказала девочка, выпуская священника из мешка. — Я просто хожу за губернаторскими гусями, вот что я делаю. Это гуси, а не дьяволята, пощипали ваше преподобие.

— Это проделки мастера-вора! — вскричал священник. — Но как же мое золото, серебро и мои одежды?!

В ярости он бросился домой так быстро, что гусятница сочла его сумасшедшим.

Услышав, что случилось со священником, губернатор смеялся чуть не до колик, но, когда пришел мастер-вор и потребовал его дочь, как было обещано, губернатор снова отделался словами.

— Ты должен еще раз доказать мне свое мастерство, — сказал он, — чтобы я мог верно оценить, чего ты стоишь.

У меня в конюшне двенадцать лошадей, и я посажу на каждую по мальчику-слуге. Если ты исхитришься выкрасть лошадей из-под них, я посмотрю, что я могу для тебя сделать.

— То, что ты мне поручаешь, сделать можно, — ответил мастер воров. — Но точно ли я получу твою дочь, когда это сделаю?

— Да. Если ты сможешь это сделать, то я сделаю для тебя все, что смогу, — пообещал губернатор.

Мастер-вор пошел в лавку, купил бренди, которым наполнил две карманные фляжки, и подлил в одну из них сонного зелья, а в другой оставил чистый бренди. Потом он нанял одиннадцать человек, которые спрятались на ночь за конюшней губернатора. Потом, действуя то добрыми словами, то деньгами, он одолжил у пожилой женщины рваные платье и куртку и наконец, когда настал вечер, с посохом в руке и кулем на спине подошел в виде старушки, хромая, к конюшне губернатора. Мальчики-конюшие как раз поили лошадей на ночь и были всецело этим заняты.

— Чего еще тебе здесь надо? — спросил один из них у старухи.

— Ох, Боже мой! Ох, Боже мой! Как холодно! — всхлипнула она, трясясь. — Ох, Боже мой! Ох, Боже мой! Так холодно, что бедное старое тело замерзнет насмерть! — Она снова задрожала и затряслась. — Ради всего святого, позвольте мне остаться здесь. Я посижу в конюшне у самой двери.

— Вот еще! Убирайся немедленно! Если губернатор увидит тебя здесь, он задаст нам трепку!

— Ох, какая бедная и беспомощная старушка! — сказал другой, пожалев женщину. — Она никому не причинит вреда. Пусть посидит, на здоровье.

Остальные думали, что не стоит ее пускать, но, пока они спорили об этом и обихаживали лошадей, старуха прокрадывалась все глубже в конюшню и наконец уселась прямо за дверью, а как только она оказалась внутри, ее перестали замечать.

Когда сгустилась ночь, мальчики поняли, что сидеть без дела на лошадях холодно.

— Бр-р-р! — сказал один. — Холодно — жуть!

И стал охлопывать себя ладонями, чтобы согреться.

— Угу, я так замерз, что зубы стучат, — пожаловался другой.

— Было бы у кого-нибудь чуть-чуть табачку... — сказал третий.

У одного нашелся табачок, и его разделили на всех. Каждому досталось по очень маленькому кусочку, но все сжевали табак с удовольствием. Табак помог ненадолго — очень скоро конюшие стали мерзнуть опять.

— Бр-р-р! — сказал один, дрожа.

— Бр-р-р! — сказала и старуха, стуча зубами.

Потом она достала фляжку с чистым бренди, но руки у нее так тряслись, что бутылка вздрагивала, и, когда она отпила, в горле у нее громко булькнуло.

— Эй, старуха, что это у тебя во фляге? — спросил один из конюших.

— Всего лишь капелька бренди, ваша честь.

— Как?! Бренди?! Дай мне! Нет, мне! — закричали все двенадцать конюших.

— Ох, у меня его так мало, — захныкала старуха. — Вам даже горло промочить не хватит.

Но парни стояли на своем, и ей ничего не оставалось, как поделиться. Она достала фляжку с сонным зельем и поднесла к губам первого конюшего. Теперь руки у нее не тряслись — она распределила питье так, чтобы каждый получил свою долю, и, когда двенадцатый пил, первый уже похрапывал. Тут мастер-вор сбросил свои обноски, одного за другим стащил конюших с лошадей и осторожно усадил на перегородки между стойлами, а потом позвал тех одиннадцать помощников, что ждали снаружи, и все они ускакали на губернаторских конях.

Утром губернатор пришел проведать конюших, когда они только начали приходить в себя. Они всаживали шпоры в перегородки, пока не полетели щепки. Некоторые упали, другие усидели на досках, но все выглядели глупо.

— Отлично, — сказал губернатор. — Нетрудно догадаться, кто здесь побывал. А вы все никчемные бездельники, если сидите тут и позволяете мастеру-вору выкрасть лошадей прямо из-под вас!

И всех конюших поколотили за то, что они так плохо смотрели за лошадьми.

Позже в тот же день явился мастер-вор, рассказал о том, что он сделал, и потребовал дочь губернатора, как было обещано. Но губернатор дал ему сотню золотых монет и сказал, что он должен сделать что-нибудь еще более замечательное.

— Как думаешь, сумеешь ли ты украсть лошадь из-под меня, пока я буду на ней кататься? — спросил он.

— Что ж, это можно было бы сделать, — сказал мастер воров, — если бы я был полностью уверен, что получу твою дочь.

Губернатор сказал, что посмотрит, что он может сделать, а потом объявил, что в такой-то день поедет верхом на большой общинный выгон, где муштровали солдат.

Мастер-вор немедленно раздобыл потрепанную старую кобылу и сплел ей на шею венок из зеленой лозы и ракитника. Он купил древнюю, видавшую виды телегу и большую бочку, а потом договорился с дряхлой попрошайкой, что даст ей десять монет за то, чтобы она сидела в бочке, широко раскрыв рот возле отверстия для крана, в которое он засунет палец. Он обещал, что с ней ничего не случится, ее только немного повозят на телеге, и, если он вытащит палец больше одного раза, она получит еще десять монет. Потом он оделся в лохмотья, вымазался сажей и надел парик и большую бороду из козьей шерсти, так что стал неузнаваем, и так отправился на плац, где уже давно разъезжал губернатор.

Губернатор подъехал прямо к телеге и спросил, не видал ли возница, прячется ли кто в лесу?

Когда мастер-вор приехал туда, кобыла шла так медленно и ровно, что казалось, будто телега не двигается. Кобыла протащила телегу чуть вперед, потом подала чуть назад и наконец встала. Губернатор подъехал прямо к телеге и спросил, не видал ли возница, как кто-то прячется в лесу поблизости.

— Нет, — ответил тот, — не видал.

— Слушай! — сказал губернатор. — Если ты съездишь в этот лес и поищешь там хорошенько парня, который там

прячется, я одолжу тебе свою лошадь и хорошо заплачу за хлопоты.

— Не уверен, что я могу это сделать, — отвечал возница, — потому как я везу на свадьбу вот эту бочку медовухи, а пробка выпала в дороге, и мне теперь приходится все время затыкать дыру пальцем.

— Поезжай, — сказал губернатор, — я послежу и за бочкой, и за лошадью.

Возница ответил, что поедет, если губернатор возьмет его дело на себя, но попросил губернатора быть очень внимательным и сунуть палец в отверстие в тот самый миг, когда он вытащит свой.

Губернатор обещал всячески стараться, и мастер воров сел на его лошадь.

Но время шло, день клонился к вечеру, а посланный не возвращался, и наконец губернатору так надоело затыкать дыру, что он вытащил палец.

— Теперь с тебя еще десять монет! — закричала старуха в бочке, и губернатор, поняв, что там за медовуха, пошел домой.

Не успел он отойти далеко, как встретил слугу, который вел к нему лошадь, — мастер-вор уже привел ее домой.

На следующий день мастер-вор пришел к губернатору и опять потребовал его дочь, как было обещано. Но губернатор опять отделался ласковыми словами и только дал ему три сотни монет, сказав, что вор должен еще раз исполнить шедевр в своем ремесле, и, если ему это удастся, он получит девушку.

Мастер-вор подумал, что справится, если узнает, чего от него хотят.

— Как думаешь, сумеешь ты украсть простыню с нашей кровати и ночную рубашку моей жены? — спросил губернатор.

— В этом нет ничего невозможного, — ответил вор. — Хотел бы я только, чтобы получить твою дочь было так же легко.

Итак, глубокой ночью мастер воров пошел к виселице, перерезал веревку, взвалил себе на плечи труп повешенного вора и унес. Потом достал длинную лестницу, подставил ее к окну губернаторской спальни, влез наверх и стал двигать голову мертвеца так, будто тот заглядывает в комнату снаружи.

— Там мастер-вор, матушка! — сказал губернатор, толкнув жену. — Теперь я просто подстрелю его, вот и все.

Он взялся за ружье, которое положил у кровати.

— О нет, не делай этого! — попросила жена. — Ты сам договаривался с ним о том, что он сюда заявится.

— Да, матушка, я его подстрелю.

Губернатор долго лежал, прицеливаясь, ибо только голова поднималась и показывалась ему, как он тут же терял ее из виду. Наконец он улучил миг и выстрелил. Труп громко шлепнулся на землю, и мастер-вор спустился следом так быстро, как мог.

— Что ж, — сказал губернатор, — конечно, главный здесь я, но скоро пойдут разговоры, и будет нехорошо, если увидят труп. Лучше я выйду и закопаю его.

— Делай, что считаешь нужным, батюшка, — ответила жена.

Губернатор встал с кровати и спустился во двор, и, едва он вышел за дверь, как мастер-вор прокрался внутрь и поднялся туда, где ждала женщина.

— Что, батюшка, милый, — спросила она, думая, что это ее муж, — ты уже справился?

— Ну да, я просто засунул его в яму и присыпал землей. Ночью я больше ничего не сделаю, такая там непогода. Потом похороню его получше, а пока дай мне простыню, я вытрусь. Из раны шла кровь, я весь испачкался, пока нес его.

Женщина дала ему простыню.

— Придется тебе дать мне и свою ночную рубашку, — сказал мастер воров. — Вижу, что простыни не хватит.

Она дала ему и рубашку, но тут он как раз вспомнил, что не закрыл дверь и придется ему спуститься и запереть ее, прежде чем ложиться. Он ушел с простыней и ночной рубашкой.

Через час вернулся настоящий губернатор.

— Ох и долго ты запирал дверь, батюшка! — сказала ему жена. — А куда ты дел простыню и ночную рубашку?

— О чем ты? — спросил губернатор.

— Да спрашиваю, что ты сделал с ночной рубашкой и простыней, которые взял, чтобы обтереть с себя кровь.

— О небеса! — воскликнул губернатор. — Неужто он опять меня перехитрил?

Днем пришел мастер-вор и потребовал дочь губернатора, как было обещано, и губернатор не посмел не отдать ее, еще и с большим приданым, потому как боялся, что, если не отдаст, мастер-вор украдет его глаза прямо из головы и потом о нем будут дурно говорить соседи. С того времени мастер-вор жил хорошо и счастливо. Воровал ли он еще, я вам сказать не могу, но если и воровал, то только чтобы как-то провести время.

Братец и сестрица

*Немецкая сказка**

Говорит брат сестрице: «Как умерла наша родимая матушка, не выпало нам на долю ни одного часа доброго: бьет нас лихая мачеха каждый день, кормит объедками да корками сухими. Ведь собаке иной житье лучше нашего. Боже милосердый, кабы знала об этом наша матушка! Уйдем лучше, сестрица, отсюда, будем странствовать по белому свету». И пошли сиротки куда глаза глядят, через горы высокие и степи широкие. Шли они, шли и добрались к вечеру до дремучего леса, отыскали дерево с большим дуплом, забились в него и, прижавшись друг к другу, с горя, голоду и усталости крепко заснули.

А мачеха их была ведьма; как заметила она, что ушли сиротки из дому, полетела за ними, выследила и заколдовала все ключи в том лесу, где они спали. Наутро проснулись они и захотелось братцу воды напиться. Пошли, глядь, — из-под дуба ключ бьет; чистая, холодная водица по камушкам переливается. Только хотел братец напиться, — слышится сестрице, что ключ тихо журчит:

* Из сказок братьев Гримм.

Кто водицы здесь напьется, –
Злым медведем обернется.

— Не пей, братец, из этого ключа, — говорит она, — обернешься ты злым медведем и съешь меня.

Послушался брат сестрицы, как ни томила его жажда. Пошли дальше. Смотрят: другой ключ из-под камня бьет. Прислушалась сестрица, а этот журчит:

Кто водицы здесь напьется, –
Серым волком обернется.

Насилу упросила сестрица брата не пить и из этого ключа. Идут они, от жажды чуть ноги передвигают, а тут третий ключ, еще лучше прежних, брызжет из-под камня студеною водою. Прислушалась сестрица, а ключ журчит:

Кто мою водицу будет пить, –
Тому дикой козочкой вечно быть.

— Не пей, братец, и из этого ключа, — говорит сестрица, а братец не вытерпел, уже хлебнул водицы — и обернулся диким козленочком.

Горько заплакала сестрица над своим заколдованным братом, и из козочкиных глаз капают слезы. Поплакали они, сняла сестрица с себя золотую цепочку, надела на шею козленочка, потом сплела из осоки шнурочек, привязала к цепочке и пошла с своим козликом дальше в глубь леса. Долго, долго шли они, наконец, увидали пустую избушку. «Будем тут жить», — подумала сестрица, и зажили

Сняла сестрица золотую цепочку и надела на шею козленочка

они в избушке тихо, спокойно: пили чистую ключевую воду, кушали ягоды да орехи лесные, а время шло да шло. Господь милосердый хранил сироток.

Однажды король той страны задумал устроить большую охоту. Огласился дремучий лес звуками охотничьих рогов, лаем собак и веселыми криками охотников. «Сестрица, — говорит козленочек, — пусти меня, голубушка, на охоту посмотреть». И до тех пор просил сестру, пока та не согласилась. «Смотри, братец, только близко к охотникам не

подходи, да к вечеру непременно воротись домой. А как вернешься, — постучись и скажи:

Я, твой братец, у дверей,
Отвори мне поскорей!

Без того я не отворю, потому что боюсь охотников». Как увидали король и его охотники козочку, погнались за ней, гонялись, гонялись... Вот догонят, а она — прыг в кусты и увернется. Вечером, набегавшись досыта, прибежал братец к избушке, попросился впустить его, как говорила сестра, и сладко заснул. На другое утро, как только началась охота, опять захотелось козленочку побегать и опять он выпросился у сестры.

Увидевши козочку с золотой цепочкой на шее, все опять погнались за ней. Но козочка была увертлива и ловко избегала опасности. Наконец один охотник таки подстерег ее и ранил стрелой в ногу. По следам крови дошел он до избушки и слышал, как козленочек сказал человечьим голосом:

Я, твой братец, у дверей,
Отвори мне поскорей!

Вернулся охотник и все это рассказал королю.

Рана козленочка была совсем легкая, и когда сестрица промыла ее и завязала, то козочка спокойно уснула; встала наутро совсем здоровой и начала проситься у сестрицы: «Отпусти меня, сестричка, с охотниками побегать; не пу-

стишь, — я здесь с тоски умру». Заплакала сестрица. «Братец мой милый, — говорит, — не уходи от меня, убьют тебя, и останусь я здесь в лесу одна-одинешенька». Но он так просил и уверял, что уж теперь не попадется, что сестрица наконец волей-неволей согласилась и выпустила его.

Увидавши опять вчерашнюю козочку, король приказал своим охотникам: «Гоняйтесь за нею весь день до ночи, не теряйте из виду, но смотрите, чтобы никакого вреда ей не было». А как зашло солнце, велел охотнику, который накануне проследил козу, вести его к избушке.

Подошел король к избушке и говорит:

Я, твой братец, у дверей,
Отвори мне поскорей!

Сестрица, подумавши, что брат вернулся, отворила и очень испугалась, увидев короля с короной на голове. А король стоял, смотрел на нее и не мог налюбоваться; никогда еще он в жизни своей такой красавицы не видал. Наконец, ласково взяв ее за руку, он сказал: «Хочешь ехать со мною в мой замок и быть моей милой женою?» Сестрица согласилась, только просила взять с собою и козочку, которая как раз в это время прибежала. «Хорошо, — сказал король, — пусть и козочка твоя живет с нами; в моем замке ей всего будет вволю». Посадил он сестрицу к себе на коня и увез в свой замок. Скоро отпировали пышную свадьбу, и стала сестрица королевой. Козочка жила при ней, гуляла, когда хотела, в дворцовых садах, все ее ласкали и баловали.

А злая ведьма-мачеха позабыла и думать о сиротах; она давно порешила, что сестрицу, наверное, в лесу дикие звери разорвали, а братца охотники вместо настоящей козочки убили. Как вдруг ей говорят, что на их долю выпало такое счастье. Разозлилась мачеха, чуть всех волос себе со злости не выдрала, а ее одноглазая, безобразная дочь еще больше ее попреками поджигает: завидно ей, почему не она королевой стала. «Ну, погоди, — говорит ей старуха, — дай сроку: уж не я буду, коли вместо этой проклятой девчонки тебя королевой не сделаю», — и стала она невидимкою следить за своей падчерицей, молодой королевою.

Между тем время шло да шло: у королевы родился сынок, а муж ее, король, как раз в то время надолго на охоту уехал. Все это заранее узнала старая ведьма-мачеха, обернулась кормилицей и, придя к королеве в спальню, сказала: «Ваше величество, вам доктор приказал взять ванну, чтобы поукрепиться». И дочь ведьмы была с нею под видом горничной; взяли они вдвоем королеву, снесли в ванную комнату и кинули в кипяток, который нарочно перед тем налили в ванну; а когда увидали, что молодая королева умерла, заперли комнату и ключ выбросили в окно.

Потом старая ведьма заколдовала свою дочь так, что она, до времени, с виду стала похожа на умершую королеву, и положила ее в постель. Не могла она только сделать дочь некривой, поэтому приказала ей завязать глаз, будто он у нее после родов заболел, а когда король приехал домой и, узнавши, что у него родился сын, захотел увидеть жену, ведьма сказала ему, чтобы он не открывал в спальне зана-

весок, потому что королеве вреден дневной свет и нужен покой. Так король и не узнал, что в постели лежит ведьмина дочь, а не настоящая королева.

В самую полночь, когда все заснуло в королевском дворце, — не спала только няня у колыбели новорожденного, — вдруг без шума распахнулась дверь детской и вошла настоящая королева, — вся бледная, точно прозрачная. Тихо подошла она к колыбели, вынула своего сыночка и стала кормить грудью. Потом поправила его подушечку, одеяльце, перепеленала ребеночка, уложила и, погладив лежавшую около колыбели козочку, так же тихо исчезла. Няня наутро спросила часового, стоявшего у дверей детской, видал ли он, как входила королева. «Нет, — отвечал солдат, — никто мимо меня всю ночь не проходил». Няня подумала, что часовой дремал стоя, и не очень удивилась тайному приходу королевы.

На другую и третью ночь все так же тихо и молча приходила королева к своему сыночку. Няня не смела окликнуть ее, но начала бояться, потому что всякий раз часовой никого не видал. А подложная королева все лежала в своей спальне с закрытыми занавесками, будто еще больная. Наконец, в четвертую ночь, придя в детскую, королева стала укачивать сыночка и тихо заговорила:

Спи, усни, мое дитятко!
Будь счастлив, мой козленочек!
Мне прийти еще к вам два разика,
А потом уж меня не увидите.

Няня совсем перепугалась и, когда королева ушла, побежала к королю и все ему рассказала. Чтобы проверить нянины слова, король с вечера пошел в детскую. В самую полночь явилась опять королева; еще тише прежнего вошла она, еще бледнее и прозрачнее прежнего было ее лицо. Стала она убаюкивать сыночка и запела:

Придя в детскую, королева стала убаюкивать сыночка

Спи, усни, мое дитятко!
Будь счастлив, мой козленочек!
Я приду еще к вам один разок,
А потом уж меня не увидите.

Король сам себе не верил и на следующую ночь опять пришел сторожить в детскую. Опять явилась королева, совсем белая и прозрачная, наклонилась только над колыбелькою и чуть слышно промолвила:

Спи, усни, мое дитятко!
Будь счастлив, мой козленочек!
Отпустили меня к вам в последний раз...
Никогда уж меня не увидите!

Тут король не выдержал, бросился к ней, обнял ее и сказал: «Жена моя дорогая, постой, не уходи!» А она отвечала: «Да, я твоя жена», — и в тот же миг, по воле Божией, она ожила, стала бодрая, румяная и здоровая. Когда король узнал от жены, что сделали с нею ведьма и ее дочь, он приказал схватить их и судить скорым судом. Дочь отвезли в дремучий лес, — там ее дикие звери живо разорвали, а саму ведьму сожгли живою. Как только от нее остался один пепел, козленочек опять принял человеческий образ. И жили после этого король с женою и ее братцем все вместе счастливо долгие годы.

Принцесса Розетта

*Французская сказка**

или-были некогда король с королевой, и было у них два прекрасных сына и маленькая дочка, такая милая, что никто не мог ее не полюбить, едва увидев. Когда пришло время крестить принцессу, королева, как обычно, позвала на церемонию всех фей, а потом пригласила их на великолепный пир.

Когда празднество закончилось и волшебницы собирались расходиться, королева попросила их:

— Не забывайте свою славную добрую традицию, скажите мне, что ждет Розетту.

Ибо такое имя дали принцессе.

Но феи сказали, что оставили свою волшебную книгу дома и что они придут рассказать ей об этом в другой день.

— Ах! — сказала королева. — Я отлично знаю, что это значит — вы не можете сказать мне ничего хорошего. Но прошу вас, по крайней мере, не скрывать от меня ничего.

И после долгих увещаний феи сказали:

— Мадам, мы боимся, что Розетта может стать причиной больших бед для своих братьев. Возможно, она даже

* Из сборника сказок мадам д'Онуа «Кабинет фей».

принесет им смерть. Это все, что мы смогли разглядеть в будущем вашей дорогой дочурки. Нам очень жаль, что мы не можем сказать вам что-либо получше.

Затем они ушли, а королева была очень печальна, так печальна, что король заметил это и спросил ее, в чем причина ее грусти.

Королева ответила, что она сидела слишком близко к огню и сожгла всю кудель на своей прялке.

— О, и это все? — сказал король, поднялся на чердак и принес ей больше льна, чем она могла спрясть за сотню лет.

Но королева все равно была печальна, и король опять спросил у нее, в чем причина ее грусти. Она ответила, что прогуливалась у реки и уронила в воду зеленый атласный башмачок.

— О, если это все! — сказал король и послал гонцов ко всем сапожникам королевства, и очень скоро те сделали для королевы десять тысяч зеленых атласных башмачков, но она все равно была печальна.

И король опять спросил у нее, в чем дело, и тогда она ответила, что слишком торопливо ела кашу и проглотила свое обручальное кольцо. Но на этот раз король не поверил, ибо кольцо было у него, и он сказал:

— Ага! Ты не говоришь мне правды. Ведь твое кольцо у меня в кошельке.

Тогда королеве стало очень стыдно, ибо она увидела, что король сердит на нее. Так что ей пришлось рассказать

ему все, что феи предрекли Розетте, и умоляла придумать способ отвратить беду.

Пришел черед королю погрустнеть, и наконец он сказал:

— Я не вижу иного способа спасти наших сыновей, кроме как отрубить Розетте голову, пока она еще мала.

Но королева вскричала, что скорее даст отрубить голову себе и что ему лучше придумать что-нибудь еще, ибо на такое она никогда не согласится. И они думали и думали, но не могли решить, что сделать, пока наконец королева не прослышала, что в большом лесу возле замка есть старый отшельник — он живет в дупле дерева, и люди приходят к нему из разных мест, близких и далеких, чтобы спросить совета.

— Пойду посоветуюсь с ним, — сказала она. — Может, он знает, что сделать, чтоб отвратить беду, которую предсказали феи.

Наутро она выехала очень рано, верхом на хорошеньком маленьком белом муле с подковами из чистого золота, а две ее придворные дамы ехали следом на красивых лошадях. Добравшись до леса, они спешились, ибо деревья росли так тесно, что лошади не могли пройти, и пешком дошли до дупла, в котором жил отшельник. Поначалу, увидев их, он рассердился, ибо не любил женщин. Но, узнав королеву, сказал:

— Добро пожаловать, королева. О чем вы хотите меня спросить?

«Добро пожаловать, королева. О чем вы хотите меня спросить?»

Тогда королева рассказала ему обо всем, что феи предрекли Розетте, и спросила, что ей делать. И отшельник ответил, что она должна запереть принцессу в башне и никогда ее не выпускать. Королева поблагодарила его, одарив по-королевски, и поспешила в замок, чтобы поговорить с королем. Услышав новость, он приказал как можно скорее построить огромную башню, где

и заперли принцессу, а король с королевой и два ее брата каждый день приходили проведать ее, чтобы она не скучала. Старшего брата звали Большим принцем, а младшего Маленьким принцем. Они нежно любили свою сестру, ибо она была самой милой и прелестной принцессой, какую кто-либо когда-либо видывал, и малейшая ее улыбка была ценнее сотни золотых монет. Когда Розетте стукнуло пятнадцать лет, Большой принц пришел к королю и спросил, не наступает ли время выдавать ее замуж, а Маленький принц обратился с тем же вопросом к королеве.

Их величества позабавило, что принцы думают об этом, но они ничего не ответили, а вскоре король с королевой заболели и умерли в один день. Все горевали, особенно Розетта, и во всем королевстве звонили в колокола.

Потом все герцоги и советники усадили Большого принца на золотой трон и увенчали бриллиантовой короной, и вскричали все: «Да здравствует король!» А потом были только пир и радость.

Новый король и его брат сказали друг другу:

— Теперь, когда мы всему господа, давай заберем сестру из этой скучной башни, от которой она так устала.

Им достаточно было пройти через сад, чтобы добраться до башни, которая была очень высокой и стояла в углу. Розетта сидела за вышиванием, но, увидев братьев, поднялась и, взяв короля за руку, вскричала:

— Доброе утро, дорогой брат. Теперь, когда ты король, прошу, забери меня из этой скучной башни, ведь я так от нее устала!

Потом она стала плакать, но король поцеловал ее и попросил осушить слезы, ибо они пришли именно за этим — забрать ее из башни в их прекрасный замок, — а Маленький принц показал ей полный карман леденцов, которые принес для нее, и сказал:

— Поторопись, давай уйдем из этой уродливой башни, и очень скоро король устроит тебе великолепную свадьбу.

Когда Розетта увидела красивый сад, полный фруктов и цветов, с зеленой травой и сверкающими фонтанами, она была так изумлена, что слова не могла вымолвить, ибо никогда в своей жизни не видела ничего подобного. Она оглядывалась и бегала туда и сюда, собирая фрукты и цветы, а ее песик Фриск, который весь был ярко-зеленый и имел только одно ухо, танцевал перед ней с громким лаем и кувыркался самым очаровательным образом.

Всех забавляли выходки Фриска, но вдруг он убежал в лесок, и принцесса бежала следом, когда, к огромному своему удовольствию, увидела павлина, который расправлял свой хвост на свету. Розетта никогда не видела ничего столь же чудесного. Она не могла отвести глаз от павлина и стояла, завороженная, пока король и принц не нашли ее и не спросили, что ее так привлекло. Она показала на павлина и спросила, что это такое, и они отве-

тили, что это птица, которую люди иногда употребляют в пищу.

— Как?! — сказала принцесса. — Люди смеют убивать и готовить еду из этого прекрасного создания? Заявляю, что я никогда не выйду замуж ни за кого, кроме как за короля павлинов, а когда я буду королевой, позабочусь как следует о том, чтобы никто не съел ни одного моего подданного.

Король был поражен.

— Но, сестрица, — сказал он, — где мы найдем короля павлинов?

— О! Где вам угодно, сир, но я никогда не выйду замуж ни за кого другого.

После этого братья привели Розетту в прекрасный замок и туда же принесли павлина и велели ему гулять по террасе у нее под окнами, чтобы она всегда могла видеть его. Потом придворные дамы пришли к принцессе и принесли ей прекрасные подарки: платья, ленты и конфеты, алмазы и жемчуг, кукол и вышитые туфельки. А она оказалась так хорошо воспитана, и говорила «Спасибо!» так мило, и была так обходительна, что все уходили от нее, чрезвычайно довольные.

Тем временем король и принц раздумывали, как им найти короля павлинов, если такой вообще существует. Прежде всего они заказали написать портрет принцессы, который был настолько похож на нее, что вы бы не удивились, если б он с вами заговорил. Потом они сказали ей:

— Раз ты не хочешь замуж ни за кого, кроме короля павлинов, мы отправляемся вдвоем искать его по всему свету. Если мы найдем его для тебя, то будем очень рады. А тем временем позаботься хорошенько о нашем королевстве.

Розетта поблагодарила их за все хлопоты, которые они взваливают на себя ради нее, и пообещала всячески заботиться о королевстве и развлекаться лишь созерцанием павлина да танцами Фриска, пока их не будет.

Они отбыли и спрашивали у каждого встречного:

— Знаете ли вы короля павлинов?

Но ответ был один:

— Нет.

Они ехали дальше и дальше, забрались так далеко, как никто еще не забирался, и наконец прибыли в королевство майских жуков.

Они никогда раньше не видели столько майских жуков. Те жужжали так громко, что король боялся оглохнуть. Он спросил у самого почтенного с виду майского жука из тех, что им встретились, знает ли тот, где они могут найти короля павлинов.

— Сир, — ответил майский жук, — его королевство в тридцати тысячах лиг отсюда. Вы выбрали самую длинную дорогу.

— Откуда вы знаете? — спросил король.

— О, мы отлично вас знаем, — ответил жук, — ведь мы каждый год проводим в вашем саду два-три месяца.

После этого король и принц крепко подружились с жуком. Они прогулялись рука об руку и отобедали вместе, а потом жук показал им все диковины его необычной страны, где самый крохотный зеленый листок стоит золотую монету, а то и больше. Затем они вновь пустились в путь и на этот раз не плутали, поскольку знали дорогу. Нетрудно было понять, что они нашли нужное место, ибо видели павлинов на каждом дереве, а крики птиц были слышны издалека.

Добравшись до города, братья обнаружили, что он полон мужчин и женщин, чья одежда целиком состоит из павлиньих перьев, которые, по-видимому, тут считались прекраснее, чем все остальное.

Вскоре они встретили короля, разъезжавшего в прекрасной маленькой золотой карете, сиявшей бриллиантами, которую мчали во весь опор двенадцать павлинов. Король и принц были рады узнать, что король павлинов так прекрасен, как только это возможно. У него были золотые кудри, он был очень бледен и носил корону из павлиньих перьев.

Увидев братьев Розетты, он сразу распознал в них чужестранцев и, остановив карету, велел позвать их к себе. Поприветствовав его, они сказали:

— Сир, мы прибыли из очень далеких краев, чтобы показать вам прекрасный портрет.

С этими словами они извлекли из дорожной сумки изображение Розетты.

Двенадцать павлинов мчали во весь опор королевскую карету

Король долго смотрел на него молча, но наконец сказал:

— Я не поверил бы, что на свете есть такая красивая принцесса!

— На самом деле она в сотню раз прекраснее, — ответили ее братья.

— Кажется, вы надо мной смеетесь, — сказал король.

— Сир, — сказал принц, — мой брат — король, как и вы. Его называют королем, меня принцем, а это портрет нашей сестры, принцессы Розетты. Мы пришли спросить, женитесь ли вы на ней? Она столь же добра, сколь прекрасна, и мы дадим за ней в приданое бушель золотых монет.

— О! Со всей охотой, — отозвался король, — и я сделаю ее очень счастливой. У нее будет все, чего ей захочется, и я буду нежно любить ее. Но предупреждаю — если она не так красива, как вы говорите, я отрублю вам головы.

— О, конечно, мы на это согласны! — сказали братья в один голос.

— Отлично. Ступайте в тюрьму и сидите там, пока не прибудет принцесса, — распорядился король.

И принцы были так уверены, что Розетта намного прекраснее своего портрета, что повиновались безропотно. С ними обходились очень хорошо, и, чтобы они не скучали, король часто навещал их. А портрет Розетты он забрал во дворец и ничем не занимался, только смотрел на него днем и ночью.

Поскольку король и принц должны были оставаться в тюрьме, они послали принцессе письмо, прося ее как можно быстрее собрать все свои сокровища и приехать к ним, ибо король павлинов ждет свадьбы с ней; но они не сказали, что их держат в тюрьме, чтобы не волновать ее.

Получив письмо, Розетта так обрадовалась, что бегала и рассказывала всем, что короля павлинов нашли и она станет его женой.

Палили из пушек, пускали фейерверки. Каждый получал столько пирогов и конфет, сколько хотел. И три дня каждому, кто приходил к принцессе, давали по куску хлеба с вареньем, по яйцу соловья и немного вина с пряностями. Усладив таким образом своих друзей, принцесса раздала им своих кукол и поручила королевство своего брата надзору мудрейших старейшин города, наказав им следить за всем, не тратить денег, но сберегать их до того времени, когда король вернется, и прежде всего не забывать кормить ее павлина. Затем она уехала, взяв с собой только свою кормилицу, дочь кормилицы и маленькую зеленую собачку по имени Фриск.

Они сели в лодку и поплыли по морю, везя с собой бушель золотых монет и столько платьев, что принцессе хватило бы их на десять лет, если бы она надевала по два в день, и ничего не делали, только смеялись и пели. Кормилица спросила у лодочника:

— Можешь ли ты отвезти нас в королевство павлинов?

Но он ответил:

— О нет!

Тогда она сказала:

— Ты должен, ты должен нас туда доставить.

И он ответил:

— Очень скоро, очень скоро.

Потом кормилица сказала:

— Отвезешь ли ты нас?

И лодочник ответил:

— Да, да.

Потом она прошептала ему на ухо:

— Хочешь обогатиться?

Он ответил:

— Конечно, хочу.

— Я могу тебе сказать, как получить мешок золота.

— Мне большего и не надо.

— Что ж, — сказала кормилица, — этой ночью, когда принцесса заснет, помоги мне выбросить ее в море, и, когда она потонет, я наряжу в ее прекрасные одежды свою дочь, и мы отвезем ее к королю павлинов, который охотно женится на ней, и в награду твою лодку доверху насыплют алмазами.

Лодочник очень удивился этому предложению и сказал:

— Но мне жаль топить такую милую принцессу!

Однако в конце концов кормилица убедила его помочь ей, и, когда настала ночь и принцесса по своему обыкновению крепко уснула, а Фриск свернулся на своей подушке у нее в ногах, злая кормилица позвала лодочника и свою дочь. Они подняли принцессу вместе с периной, матрасом, подушками, простынями и всем остальным и выбросили в море, а принцесса и не проснулась. Но, к счастью, ее перина была набита перьями феникса — они очень редки и всегда плавают по воде, — так что Розетта поплыла, как в лодке. Через какое-то время она стала мерзнуть, заворочалась и разбудила Фриска. Тот оглянулся и, поскольку обладал отменным обонянием, учуял камбалу и сельдей так

близко, что залаял на них. Он лаял так долго и так громко, что разбудил всех остальных рыб, которые подплыли к постели принцессы и стали тыкаться в нее своими большими головами. А она сказала себе:

— Как нашу лодку качает на волнах! Хорошо, что мне редко бывает так неуютно, как этой ночью.

Злая кормилица и лодочник, которые отплыли уже далеко, услышали лай Фриска и сказали друг другу:

— Это ужасное маленькое животное и его хозяйка пьют за наше здоровье морскую воду. Скорее на сушу, мы, должно быть, уже недалеко от города, где правит король павлинов.

Король выслал им навстречу сотню карет, которые тащили всевозможные странные животные. Там были львы, медведи, волки, олени, лошади, буйволы, орлы и павлины. В карету, предназначенную для принцессы Розетты, были впряжены шесть голубых мартышек, которые умели делать кульбиты, ходить по натянутому канату и проделывать множество других очаровательных трюков. Их упряжь была сшита из малинового бархата с золотыми пряжками, а за каретой шли шестьдесят прекрасных дам, которых выбрал король, чтобы они служили Розетте и забавляли ее.

Кормилица приложила все мыслимые усилия, чтобы принарядить свою дочь. Она надела на дочь самое красивое платье Розетты и осыпала ее бриллиантами с головы до ног. Но та была столь уродлива, что никак нельзя было

заставить ее выглядеть хоть как-то привлекательнее, и, что еще хуже, она была угрюмой, гневливой и постоянно ворчала.

Когда она вышла из лодки и свита, посланная королем павлинов, увидела ее, они так удивились, что слова не могли вымолвить.

— Эй вы там, пошевеливайтесь! — закричала поддельная принцесса. — Если не принесете мне поесть, я вам всем головы отрублю!

Тогда они зашептались:

— Хорошенькое дело! Она столь же зла, сколь уродлива. Вот так невеста для нашего бедного короля! Стоило везти такую с другого конца света!

Но она продолжала всячески ими помыкать и без всякой вины раздавала им пощечины и щипала всех, до кого могла дотянуться.

Поскольку процессия была длинной, она продвигалась медленно, и дочь кормилицы восседала в своей карете, пытаясь походить на королеву. Но павлины, которые сидели на каждом дереве, ожидая возможности поприветствовать ее криками: «Да здравствует наша прекрасная королева!» — увидев поддельную невесту, не могли не вскричать:

— Ох! Какая уродина!

Это так ее задело, что она велела страже:

— Живее, убейте всех этих дерзких павлинов, которые смеют меня оскорблять.

Но павлины попросту улетели прочь, смеясь над ней.

Подлец-лодочник, который все это заметил, шепнул кормилице:

— Плохи наши дела, кума. Была б твоя дочка покрасивее...

Но та ответила:

— Тише, глупец, ты все испортишь.

И вот королю сказали, что принцесса уже близко.

— Что ж, — спросил он, — правду ли говорили мне ее братья? Она прекраснее, чем ее портрет?

— Сир, — ответили ему, — если бы она была хотя бы так же прекрасна, как портрет, уже было бы неплохо.

— Воистину, — отозвался король. — Я, например, буду этим вполне доволен. Пойдемте ей навстречу.

Ибо по шуму толпы было ясно, что она прибыла, но не было понятно, что кричат. Королю показалось, что он слышит: «Какая она уродина! Какая уродина!» — но он решил, что это говорят о какой-нибудь карлице, которую привезла с собой принцесса. Ему и в голову не пришло, что уродливой называют саму невесту.

Портрет принцессы Розетты несли во главе шествия, а за ним шел король в окружении придворных. Он сгорал от нетерпения увидеть прекрасную принцессу, но, узрев дочь кормилицы, он пришел в ярость и отказался двигаться дальше. Ведь она действительно была такой уродливой, что могла отпугнуть кого угодно.

— Как?! — вскричал король. — Эти два мерзавца, которых я держу в тюрьме, так надо мной подшутили? Они

предлагают мне жениться на этом убогом создании? Заприте ее в моей большой башне вместе с ее кормилицей и прочими ее спутниками. А тем двоим я отрублю головы.

Тем временем король и принц, зная, что их сестра должна была уже приехать, принарядились и сидели в ожидании, что их в любой миг могут позвать к ней. Так что, когда пришел тюремщик с солдатами и отвел их вниз, в темный донжон*, кишевший жабами и летучими мышами, где им пришлось стоять по горло в воде, трудно было найти людей более удивленных и смятенных.

— Нерадостная выходит свадьба, — сказали они. — Что могло случиться, если с нами так обращаются? Должно быть, нас хотят убить.

Эта мысль очень их огорчила. Прошло три дня, прежде чем они узнали новости, а потом явился король павлинов и выбранил их через дыру в стене.

— Вы назвались принцем и королем, чтобы попытаться выдать за меня вашу сестру! — кричал он. — Но вы всего лишь мошенники, не стоящие той воды, которую пьете. Скоро я с вами расправлюсь. Уже точат меч, которым вам отрубят головы.

— Король павлинов, — сердито ответил король, — тебе бы стоило следить за своим языком. Я такой же король, как

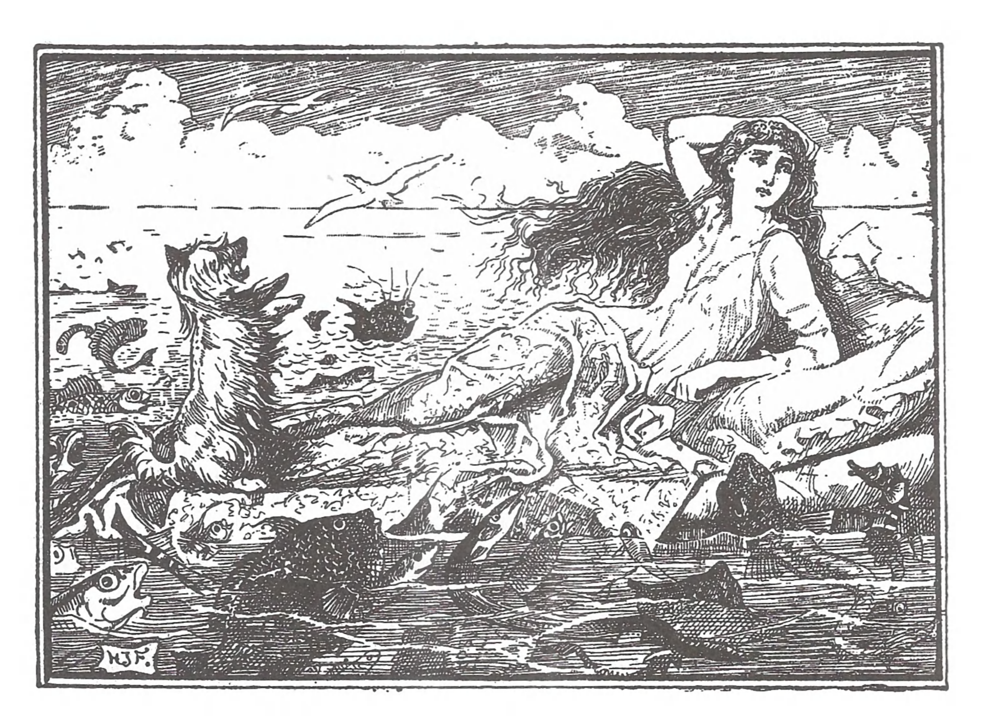
* Донжон — укрепленная башня внутри крепостных стен. Как правило, там находились очень тесные служебные помещения, не предназначенные для жилья.

ты, у меня есть великолепное королевство, одежды и короны, а еще уйма славного красного золота, с которым я могу делать, что пожелаю. Тебе очень нравится твоя шутка, что нам отрубят головы? Может, ты думаешь, что мы у тебя что-то украли?

Поначалу король павлинов опешил, услышав эти гордые слова, и почти решил отослать всех гостей прочь; но первый министр заявил, что не следует оставлять подобную издевку безнаказанной, иначе все станут смеяться над королем. Поэтому пленникам вынесли обвинение в мошенничестве на том основании, что они пообещали в супруги королю прекрасную принцессу, которая по приезде оказалась уродливой крестьянской девкой.

Обвинительное заключение зачитали подсудимым, которые закричали, что они говорили правду, что их сестра — действительно принцесса, которая прекраснее дня, и что за всем этим кроется какая-то тайна, которой они не понимают. Поэтому они попросили семь дней на то, чтобы доказать свою невиновность. Король павлинов был так зол, что не хотел делать им эту поблажку, но в конце концов его убедили согласиться.

А теперь давайте посмотрим, что случилось с настоящей принцессой, пока при дворе происходило все это. Когда занялся день, она и Фриск равно изумились, увидев, что они одни в море, где не видно ни лодки, ни кого-нибудь, кто им помог бы. Принцесса плакала и плакала, и даже рыбы стали ее жалеть.

Принцесса плакала и плакала, и даже рыбы стали ее жалеть

— Увы! — сказала она. — Должно быть, король павлинов приказал выбросить меня в море, потому что передумал и не захотел жениться на мне. Но как это странно — я так любила бы его и мы были бы так счастливы вместе!

И она заплакала еще пуще, ибо не могла не любить его по-прежнему. Так они носились по морю два дня, промокшие и дрожащие от холода, и так проголодались, что принцесса, увидев устриц, поймала их и съела вместе с Фриском, хотя устрицы им совсем не понравились. Когда спускалась ночь, принцесса так боялась, что просила Фриска:

— О, пожалуйста, продолжай лаять! Я боюсь, что камбалы приплывут и съедят нас.

Случилось так, что их прибило близко к берегу в том месте, где одиноко жил в своей хижине один бедный старик. Услышав лай Фриска, он подумал, что, должно быть, произошло кораблекрушение, ибо в этом краю собак никогда не бывало, — и пошел посмотреть, не может ли он чем-нибудь помочь. Скоро он увидел, как волны швыряют принцессу и Фриска. И Розетта протянула к нему руки, крича:

— О! Добрый человек, спаси меня, иначе я умру от холода и голода!

Услышав ее жалобный вопль, он преисполнился сострадания, побежал домой и вернулся с длинным багром. Потом он зашел в воду по самый подбородок и, чуть не утонув раза два, наконец сумел подцепить постель принцессы и подтащить ее к берегу.

Розетта и Фриск были счастливы вновь оказаться на твердой земле, и принцесса сердечно поблагодарила старика. Затем, закутавшись в простыни, она пошла к хижине, грациозно ступая маленькими босыми ножками. В хижине старик разжег солому в очаге и достал из старого ящика платье и башмаки своей жены. Розетта оделась, и даже в этой грубой одежде она была так мила, как только возможно, и Фриск танцевал изо всех сил, чтобы развлечь ее.

Старик понял, что Розетта — знатная дама, ибо ее одеяла были из затканного золотом шелка. Он попросил

Старик сумел подтащить постель принцессы к берегу

ее рассказать о своих приключениях, говоря, что она может всецело ему довериться. Принцесса все ему поведала и снова горько заплакала при воспоминании, что ее выбросили за борт по приказу короля.

— А теперь что мы будем делать, доченька? — спросил старик. — Ты великая принцесса, привыкшая к роскошной жизни, а мне нечего тебе предложить, кроме черного хлеба и редиски, которые для тебя совсем не годятся. Может, я пойду к королю павлинов и скажу, что ты здесь? Увидев тебя, он, несомненно, захочет на тебе жениться.

— О нет! — воскликнула Розетта. — Раз он решил утопить меня, значит, он злой. Не будем ему говорить. Но, если у тебя есть маленькая корзиночка, дай мне ее.

Старик дал ей корзинку. Розетта привязала ее на шею Фриску и сказала ему:

— Пойди в город, найди там лучший кухонный котел и принеси мне то, что в нем готовится.

Фриск ушел, и, так как во всем городе не было кухни лучше, чем у короля, он ловко снял с котла крышку и принес все, что в нем стряпалось, принцессе, а та сказала:

— Теперь возвращайся в кладовую и принеси лучшее из того, что там найдешь.

Фриск снова ушел и наполнил свою корзину белым хлебом, красным вином и всякими сладостями, пока она не стала такой тяжелой, что он с трудом ее тащил.

Когда король павлинов потребовал свой обед, ни в котле, ни в кладовой ничего не оказалось. Все придворные посмотрели друг на друга в замешательстве, а король был чрезвычайно разгневан.

— Ах так! — сказал он. — Если обеда нет, я не могу пообедать, но позаботьтесь, чтобы на ужин было поджарено побольше мяса.

Вечером принцесса сказала Фриску:

— Пойди в город, найди лучшую кухню и принеси мне все самые аппетитные кусочки, которые жарятся на вертеле.

Фриск сделал, как ему было приказано, и, так как он не знал кухни лучше, чем у короля, туда он и прокрался

и, когда повар отвернулся, стащил все мясо с вертела. Оно как раз приготовилось и выглядело так хорошо, что Фриск проголодался от одного его вида. Он отнес свою корзинку принцессе, которая сразу же послала его назад в кладовую, чтобы он принес все пирожные и леденцы, приготовленные для королевского ужина.

Король, не сумевший пообедать, сильно проголодался и потребовал накрывать ужин довольно рано, но, когда он спросил об этом — надо же! — ужина на месте не оказалось, и ему пришлось лечь спать полуголодным и в отвратительном настроении. На следующий день произошло то же самое, и на следующий день, так что король три дня ничего не ел, ибо в тот самый миг, когда обед или ужин должны были подать, еда загадочным образом исчезала. Наконец первый министр стал опасаться, что король умрет от голода, и решил спрятаться в каком-нибудь темном углу кухни и не сводить глаз с котла. Каково же было его изумление, когда он вскоре увидел, что маленькая одноухая зеленая собачка проскальзывает в кухню, снимает крышку с котла, перекладывает все, что в нем варилось, в свою корзинку и убегает. Первый министр выбежал следом и проследил путь пса через весь город к хижине доброго старика. Затем он побежал к королю и сказал, что выяснил, куда пропадают его обеды и ужины. Король, очень удивленный, заявил, что посмотрит на это сам. Он вышел из дворца в сопровождении первого министра и стражи, вооpу-

женной луками, и пришел как раз тогда, когда старик и принцесса доедали его обед.

Король приказал схватить их и связать веревками, а заодно и Фриска.

Когда их доставили во дворец, король сказал:

— Сегодня истекает отсрочка, которую я даровал тем обманщикам. Им отрубят головы вместе с этими похитителями моего обеда.

Тогда старик упал перед королем на колени и молил дать ему время все рассказать. Пока он говорил, король в первый раз внимательно посмотрел на принцессу, ибо ему было жаль видеть ее плачущей, и, когда он услышал от старика, что ее зовут Розеттой, и узнал, как ее предательски выбросили в море, он трижды без остановки перекувырнулся, хотя и был слаб от голода, бросился обнимать ее и развязал на ней веревки своими руками, объявляя, что любит ее всем сердцем.

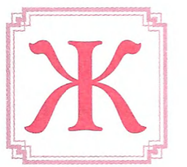
Послали за принцами, томившимися в тюрьме, и те пришли, очень печальные, думая, что их немедленно казнят. Привели также кормилицу, ее дочь и лодочника. Едва все собрались, Розетта бросилась обнимать своих братьев, а предатели пали ниц перед ней, моля о милосердии. Король и принцесса были так счастливы, что охотно простили их, а доброго старика роскошно наградили и оставили доживать жизнь во дворце. Король павлинов принес всевозможные извинения королю и принцу за то, как обошелся с ними, и делал все, что мог, чтобы загладить свою вину.

Кормилица возвратила Розетте все ее платья и драгоценности, а также бушель золотых монет. Сразу же сыграли свадьбу, и все жили долго и счастливо, не исключая Фриска, который пребывал в величайшей роскоши и до конца своих дней получал на обед не менее чем доброе крылышко куропатки.

Заколдованная свинья

Румынская сказка

ил да был король, у которого были три дочери. Случилось так, что ему пришлось уйти на войну, и он призвал своих дочерей и сказал им:

— Мои дорогие дети, я должен отправляться в бой. Враг приближается к нам с большим войском. Очень грустно мне покидать вас всех. Пока меня не будет, позаботьтесь о себе и будьте хорошими девочками, ведите себя хорошо и присматривайте за всем в доме. Можете гулять в саду и заходить во все комнаты дворца, кроме комнаты сзади в правом углу. Туда не заглядывайте, иначе горе вам.

— Не беспокойтесь, батюшка, — отвечали дочери. — Мы всегда были вам послушны. Ступайте с миром, и пусть небеса даруют вам славную победу!

Когда все было готово к отбытию, король отдал им ключи от всех комнат и снова напомнил свои слова. Дочери со слезами поцеловали его руки, пожелали ему преуспеть в начатом, и он отдал старшей ключи.

Когда девушки остались одни, им стало так грустно и скучно, что они не знали, чем заняться. И, чтобы провести

время, они решили часть дня работать, часть дня читать, а третью часть проводить за забавами в саду. Пока они это делали, все у них шло хорошо. Но это счастье было недолгим. С каждым днем они становились все любопытнее, и вы увидите, чем это кончилось.

— Сестры, — сказала старшая принцесса, — мы целыми днями шьем, прядем и читаем. Уже несколько дней мы одни, и нет в саду уголка, который мы бы не обследовали. Мы побывали во всех комнатах отцовского дворца и полюбовались богатой и красивой мебелью. Почему бы нам не войти в ту комнату, куда отец запретил нам заходить?

— Сестра, — ответила ей младшая, — я поверить не могу, что ты побуждаешь нас нарушить отцовский завет. Когда он запрещал нам заходить в ту комнату, он, должно быть, знал, что говорил, и у него были причины это сказать.

— Уж, верно, небо не упадет нам на головы, если мы туда зайдем, — сказала средняя сестра. — Драконы и прочие чудовища, которые могли бы нас сожрать, в комнате не спрячутся. Да и как наш отец вообще узнает, что мы там были?

Говоря так и подбадривая друг друга, они подошли к запретной комнате. Старшая вставила ключ в замок, и дверь распахнулась.

Три девушки вошли, и что, вы думаете, они увидели?

Комната была почти пуста и ничем не украшена, но посередине стоял большой стол, накрытый богатой тканью, а на нем лежала большая открытая книга.

Теперь принцессам захотелось узнать, что написано в книге, особенно старшей, и вот что она прочла: «Старшая дочь этого короля выйдет замуж за принца с востока».

Потом подошла средняя дочь и, перевернув страницу, прочла: «Средняя дочь этого короля выйдет замуж за принца с запада».

Девушки, довольные, стали смеяться и поддразнивать друг друга.

Но младшая принцесса не хотела подходить к столу и открывать книгу. Однако старшие сестры от нее не отставали и против ее воли подтащили ее к столу. В страхе, дрожа, она перевернула страницу и прочла: «Младшая дочь этого короля выйдет замуж за свинью с севера».

Даже гром с ясного неба не мог бы напугать ее сильнее.

Она чуть не умерла от огорчения, и, если бы сестры не подхватили ее, она упала бы наземь и разбила бы себе голову.

Когда она очнулась от обморока, сестры пытались утешить ее:

— Как ты можешь верить в такую чушь? Разве бывало, чтобы дочь короля становилась женой свиньи?

— Какой же ты ребенок! — говорила вторая сестра. — Разве у нашего отца не хватит солдат, чтобы защитить тебя, если даже это противное животное явится свататься?

Младшая принцесса охотно дала сестрам убедить себя и поверила их словам, но на сердце у нее осталась тяжесть.

Мыслями она продолжала возвращаться к книге, в которой было написано, что огромное счастье ждет ее сестер, но для нее припасена судьба доселе неслыханная.

Кроме того, ее тяготило чувство вины — она ослушалась отца. Она стала заболевать и через несколько дней так изменилась, что ее трудно было узнать: раньше она была розовой и веселой, а теперь стала бледной и ничему не радовалась. Она перестала играть с сестрами в саду, перестала собирать цветы, чтобы украсить ими волосы, и больше не пела, когда сидела за прядением или шитьем с другими принцессами.

Тем временем король одержал великую победу и, наголову разбив и изгнав врага, поспешил домой к дочерям, о которых постоянно вспоминал. Все вышли встречать его с цимбалами, флейтами и барабанами, и все королевство ликовало по случаю его триумфального возвращения. Вернувшись домой, он первым делом возблагодарил небо за победу, которую он одержал над врагами, выступившими против него. Затем он вошел в свой дворец, и три принцессы выступили вперед, встречая его. Велика была его радость, когда он увидел, что они в порядке, ибо младшая изо всех сил старалась не выдавать своей тоски.

Но все равно скоро король заметил, что его младшая дочь худеет и грустит. И вдруг как будто раскаленное железо коснулось его души — он догадался, что она ослушалась его. Он был уверен в своей правоте, но для верности призвал к себе дочерей и расспросил их, велев говорить

правду. Они во всем признались, но так и не сказали, какая из них соблазнила двух других.

Король был так расстроен, когда услышал это, что почти поддался горю. Однако он собрался с духом и попытался успокоить дочерей, которые казались до смерти напуганными. Он понимал, что то, что случилось, уже случилось и даже тысяча слов ничего не изменит.

Что ж, эта история почти забылась, когда в один прекрасный день принц с востока явился ко двору и попросил у короля руки его старшей дочери. Король радостно согласился. Приготовили великий свадебный пир, и после трехдневного празднества счастливую пару проводили до границы со множеством церемоний и в большом веселье.

Спустя какое-то время то же случилось и со второй дочерью: принц с запада посватался к ней и получил ее.

Теперь, когда младшая принцесса увидела, что все происходит точно так, как написано в книге, она еще больше опечалилась: отказывалась есть и не хотела ни надевать свои прекрасные одежды, ни выходить на прогулку, заявляя, что скорее умрет, чем станет посмешищем для мира. Но король не позволял ей совершить что-нибудь настолько глупое и всячески ее утешал.

И так время шло, пока откуда ни возьмись, в один прекрасный день огромная свинья с севера не вошла во дворец и не подошла прямо к королю со словами:

— Приветствую тебя, о король. Да будет твоя жизнь столь же благой и яркой, как восход солнца в ясный день!

«Повинуйся ему, делай все, что он пожелает, и я уверен, что небо скоро пошлет тебе избавление».

— Рад видеть тебя в добром здравии, друг, — ответил король, — но каким ветром тебя сюда принесло?

— Я пришел свататься, — ответила свинья.

Король был потрясен тем, что свинья говорит так гладко, и сразу подумал, что дело нечисто. Он был бы рад заставить свинью передумать, ибо не хотел отдавать принцессу в жены этому существу; но, услышав, что двор и вся улица набиты всеми свиньями, сколько их есть в мире, понял, что выхода нет и ему придется согласиться.

Гость не удовлетворился обещаниями, но настаивал на том, чтобы свадьбу сыграли в течение недели, и ушел не раньше, чем король поклялся в этом своим королевским словом.

Затем король послал за дочерью и посоветовал ей покориться судьбе, ибо делать больше нечего. И добавил:

— Дитя мое, слова и все поведение этой свиньи совсем не похожи на повадки других свиней. Я не очень-то верю, что он всегда был свиньей. Похоже, что тут замешаны магия или злое колдовство. Повинуйся ему, делай все, что он пожелает, и я уверен, что небо скоро пошлет тебе избавление.

— Если вы этого желаете, дорогой отец, я сделаю это, — ответила девушка.

Между тем подошел день свадьбы. После церемонии молодожены поехали домой к мужу в одной из королевских карет. По пути они проезжали большое болото, и свинья велела остановить карету, а сама вылезла и каталась в грязи, пока не перепачкалась с головы до ног. Потом муж залез обратно в карету и велел жене его поцеловать. Что было делать бедной девушке? Памятуя о словах отца, она достала свой носовой платок, осторожно обтерла свиное рыло и поцеловала его.

Когда они приехали в дом свиньи, стоявший в густом лесу, было уже темно. Они посидели тихо, устав с дороги, потом поужинали вместе и легли отдохнуть. Ночью принцесса заметила, что свинья стала человеком. Она очень

удивилась, но, вспомнив слова отца, набралась смелости, решив подождать, что же произойдет.

И она заметила, что каждую ночь свинья превращается в человека, а каждое утро — обратно в свинью, прежде чем она просыпается. Так повторялось несколько ночей подряд, и принцесса никак не могла этого понять. Несомненно, ее муж был заколдован. Она быстро привязалась к нему, настолько он был добр и мил.

В один прекрасный день она сидела одна у окна, когда увидела, что мимо проходит старая колдунья. Принцесса взволновалась, ведь она уже давно не видела людей, и позвала старуху зайти и поговорить с ней. Помимо прочего колдунья сказала ей, что владеет всеми магическими искусствами, может предсказывать будущее и знает целебные травы и коренья.

— Сударыня, — сказала принцесса, — я буду благодарна вам по гроб жизни, если вы скажете мне, что такое с моим мужем. Почему днем он становится свиньей, а ночью — человеком?

— Я как раз хотела тебе об этом поведать, дорогая, чтоб показать, как хорошо я гадаю. Если хочешь, я дам тебе траву, которая разрушит заклинание.

— Если только ты дашь мне ее, я дам тебе все, о чем ты пожелаешь, ибо я не могу видеть его в таком состоянии.

— Ну тогда, мое дорогое дитя, — сказала колдунья, — возьми эту нитку, но ему про нитку не говори — если он узнает, вся ее сила пропадет. Ночью, когда он будет спать,

тихонько встань и завяжи покрепче эту нитку вокруг его левой ступни, и утром ты увидишь, что он не превратится обратно в свинью, а останется человеком. Я не хочу никакой награды. Мне довольно будет знать, что ты счастлива. У меня сердце разрывается, когда я думаю обо всем, что ты перенесла, и если бы я могла узнать об этом раньше — я сразу пришла бы тебе на помощь.

Когда старая колдунья ушла, принцесса очень тщательно спрятала нитку, а ночью тихо встала и с бьющимся сердцем обвязала нитку вокруг ступни своего мужа. Когда она затягивала узел, раздался треск, и нитка порвалась, потому что была гнилая.

Ее муж тут же проснулся и сказал ей:

— Несчастная женщина, что ты наделала? Еще три дня — и эти дьявольские чары спали бы с меня, а теперь кто знает, сколько мне еще придется пребывать в этом отвратительном обличье. Я должен немедля тебя покинуть, и мы не встретимся, пока ты не износишь три пары железных башмаков и не затупишь стальной посох, разыскивая меня.

Сказав это, он исчез.

Оставшись в одиночестве, принцесса плакала и стонала так, что жалко было слышать; но, увидев, что от слез и вздохов толку нет, она встала, решившись идти туда, куда судьба ее пошлет.

Добравшись до города, она первым делом заказала себе три пары железных сандалий и стальной посох и, так под-

готовившись к странствию, пустилась искать своего мужа. Шла и шла она через девять морей и девять континентов, через леса, где деревья были толщиной с пивные бочки, спотыкаясь и ушибаясь об упавшие ветки, поднималась и шла дальше; сучья царапали ей лицо, кусты — руки, но она шла вперед и никогда не оглядывалась. Наконец, уставшая от долгого путешествия, изможденная и измученная горем, но все же с надеждой в сердце, она подошла к какому-то дому.

Кто бы, вы думали, жил там? Там жила Луна.

Принцесса постучала в дверь и умоляла впустить ее, чтобы она немножко отдохнула. Мать Луны, увидев, в каком она состоянии, пожалела ее, впустила в дом и стала врачевать ее и ухаживать за ней. Вскорости принцесса родила малыша.

Раз мать Луны спросила у нее:

— Как довелось тебе, смертной, достигнуть жилища Луны?

Тогда бедная принцесса рассказала ей обо всем, что с ней произошло, и добавила:

— Я всегда буду благодарна небу за то, что оно привело меня сюда, и благодарна вам за то, что вы пожалели меня и моего ребенка и не оставили нас умирать. Теперь я прошу вас о последней милости — не может ли Луна, ваша дочь, сказать мне, где мой муж?

— Она не может тебе этого сказать, дитя мое, — ответила богиня, — но, если ты пойдешь на восток и доберешься до

дома Солнца, возможно, Солнце, сумеет тебе ответить.

Потом она угостила принцессу жареным цыпленком и предупредила, чтобы та сберегла косточки и не потеряла ни одной, ибо они могут ей очень пригодиться.

Поблагодарив ее еще раз за гостеприимство и добрый совет, принцесса выбросила изношенную пару железных башмаков, завязала цыплячьи косточки в узелок и, взяв на руки ребенка, а в руку — посох, вновь пустилась в странствие.

Она шла через болота, карабкалась на горные вершины и преодолевала высокие скалистые горы

Шла и шла она через голые песчаные пустыни, где идти было так тяжело, что она делала два шага вперед и один назад, — но она боролась, пока не преодолела эти ужасные равнины, — потом она пересекла высокие скалистые горы, прыгая с утеса на утес и с гребня на гребень. Порой она присаживалась отдохнуть на какой-

нибудь горе, а потом шла дальше все вперед и вперед. Ей приходилось перебираться через болота и карабкаться на горные вершины, покрытые осколками кремня, так что ступни, колени и локти у нее были изодраны в кровь, а порой она доходила до пропасти, через которую не могла перепрыгнуть, и тогда ей приходилось ползти в обход на четвереньках, помогая себе посохом.

Наконец, до смерти усталая, она добралась до дворца, в котором жило Солнце. Она постучала и попросила впустить ее. Мать Солнца отворила дверь и поразилась, увидев смертную девушку с далеких земных пределов, и заплакала от жалости, услышав, что ей пришлось претерпеть. Потом, пообещав расспросить своего сына о муже принцессы, она спрятала гостью в подвале, чтобы Солнце ничего не заметило, когда вернется домой, ибо ее сын всегда по вечерам бывал не в духе.

На следующий день принцесса уже решила, что ей несдобровать, ибо Солнце заметило, что кто-то из другого мира побывал в его дворце. Но мать успокоила сына нежными словами, уверяя его, что никто не приходил. И принцесса, увидев, как ласково с ней обращаются, набралась смелости и спросила:

— Но как может Солнце так злиться? Оно такое прекрасное и такое доброе к смертным.

— Я расскажу тебе, как это получается, — ответила мать Солнца. — Утром, когда мой сын стоит у ворот рая, он счастлив и улыбается всему миру, но за день он раздража-

ется, ибо видит все людские злодеяния, которые иссушают его сердце; поэтому к вечеру он зол и скорбен, ибо стоит у врат смерти — таков его ежедневный путь.

Потом она сказала принцессе, что спрашивала о ее муже, но ее сын ответил, что ничего о нем не знает, и что ее последняя надежда — обратиться к Ветру.

Прежде чем принцесса ушла, мать Солнца накормила ее жареным цыпленком и посоветовала очень тщательно беречь косточки, и принцесса завязала их в узелок. Потом она выбросила вторую пару башмаков, которую износила в дороге, и с ребенком у груди и посохом в руке пустилась искать Ветер.

Это путешествие далось ей еще тяжелее, чем прежние, ибо ей одна за другой попадались кремнистые горы, из которых вырывались языки огня; она проходила через леса, в которых не ступала нога человека, и переходила через ледовые поля и снежные лавины. Бедная женщина чуть не умерла в этих тяготах, но не падала духом и наконец добралась до огромной пещеры в горе. Там жил Ветер. В ограде перед пещерой была дверца — принцесса постучалась и попросила впустить ее. Мать Ветра пожалела ее и впустила, чтобы она могла немного отдохнуть. Здесь ее тоже спрятали, чтобы Ветер ее не заметил.

На следующее утро мать Ветра сказала принцессе, что ее муж живет в густом лесу, таком густом, что никакому топору не под силу прорубить в нем дорогу; там он построил себе хижину, положив друг на друга стволы деревьев и свя-

зав их ивовыми прутьями, и так он живет один, избегая людей.

Потом мать Ветра угостила принцессу цыпленком и предупредила, чтобы принцесса сберегла его кости, а потом посоветовала идти по Млечному Пути, который ночью тянется через все небо, идти и идти, пока она не достигнет цели.

Принцесса со слезами на глазах поблагодарила старую женщину за гостеприимство и за добрые вести и продолжила свой путь, не отдыхая ни днем, ни ночью — так она хотела снова увидеть мужа. Она шла и шла, пока последняя пара ее башмаков не развалилась на куски. Она выбросила их и пошла босиком, не замечая ни трясины, ни колючек, которые ранили ее, ни камней, о которые она разбивала ноги. Наконец она добралась до прелестного зеленого лужка на опушке леса. Ее сердце возрадовалось при виде цветов и мягкой прохладной травы, и она ненадолго присела отдохнуть. Но, когда она услышала, как птицы воркуют друг с дружкой среди деревьев, она вспомнила свою тоску по мужу и горько заплакала, и, взяв на руки ребенка, забросив на плечо узелок с цыплячьими костями, она вошла в лес.

Три дня и три ночи продиралась она через лес, но ничего не могла найти. Она была измучена усталостью и голодом, и даже посох был ей уже без пользы, ибо затупился в долгих странствиях. В отчаянии она почти сдалась, но сделала еще одно огромное усилие — и вдруг в самой

чаще она наткнулась на дом, который описала мать Ветра. В нем не было окон, а дверь была на крыше. Она обошла вокруг дома, разыскивая ступеньки, но не нашла их. Что ей делать? Как попасть внутрь? Она думала и думала и тщетно пыталась добраться до двери. Потом она вдруг вспомнила о цыплячьих костях, которые несла с собой весь свой трудный путь, и сказала себе: «Они все не стали бы просить меня сберечь кости, если бы у них не было на то веской причины. Быть может, теперь, в час нужды, эти кости мне пригодятся».

Она достала кости из своего узелка и, чуть подумав, сложила две кости концами вместе. К ее удивлению, они крепко пристали друг к другу; она добавляла другие кости и наконец сложила две длинные жерди высотой со стену дома; их она приставила к стене в ярде друг от друга. Между ними она стала класть другие кости, одну за другой, как ступеньки лестницы. Едва закончив одну ступеньку, принцесса становилась на нее и делала следующую, а потом еще одну, пока не добралась почти до самой двери. Но на самом верху она заметила, что на последнюю ступеньку костей не осталось. Что ей было делать? Без этой последней ступеньки вся лестница была ни к чему. Должно быть, одну из косточек она потеряла. Но вдруг ей пришла мысль. Взяв нож, она отрезала себе мизинец и положила его на последнюю ступеньку, и он пристал к лестнице так же крепко, как кости. Лестница была готова, и принцесса вместе с ребенком забралась в дом. Внутри все было в совершенном

Едва закончив одну ступеньку, принцесса становилась на нее и делала следующую

порядке. Поев, она уложила ребенка спать в корыто, стоявшее на полу, и села отдохнуть сама.

Когда ее муж в обличье свиньи вернулся в свой дом, он был поражен увиденным. Поначалу он не мог поверить своим глазам и все смотрел на лестницу из костей и на мизинец вверху. Он чуял, что тут не обошлось без еще какого-нибудь волшебства, и чуть не убежал в ужасе; но потом ему пришла в голову мысль получше, он обернулся голубем, чтобы никакое колдовство не могло его коснуться, и влетел в дом, не коснувшись лестницы. Там он нашел женщину, которая укачивала ребенка. Увидев, как изменили ее страдания, пережитые ради него, он

был так тронут ее любовью, тоской и состраданием, что внезапно стал человеком.

Принцесса встала, увидев его, и ее сердце забилось от страха, ибо она не узнавала его. Но, когда он назвал себя, она в радости забыла все свои мучения — все пережитое показалось ей ничтожным. Это был очень красивый мужчина, прямой как сосна. Они сели рядом, и она рассказала ему все свои приключения, а он плакал от жалости, слушая ее. А потом он рассказал ей свою историю.

— Я сын короля. Однажды, когда мой отец сражался с драконами, которые были бедствием для нашей страны, я убил младшего дракона. Его мать, колдунья, наложила на меня заклятие, превратив меня в свинью. Это она в обличье старухи дала тебе нитку, которую ты завязала вокруг моей ступни. Потому, хотя оставалось три дня до мига, когда заклятие утратит силу, мне пришлось оставаться свиньей еще три года. Теперь, когда мы столько выстрадали друг ради друга и вновь друг друга нашли, давай забудем прошлое.

И они радостно поцеловались.

Наутро они вышли рано, направляясь в королевство отца принца. Велика была радость всех его жителей, когда они увидели принца и его жену; король и королева обняли их обоих, и во дворце пировали три дня и три ночи.

Потом они отправились к отцу принцессы. Старый король чуть не выжил из ума от радости, когда дочь вернулась к нему. Она рассказала ему о своих приключениях, и он воскликнул:

— Разве я не говорил тебе — я уверен, что это создание, которое пришло тебя сватать и женилось на тебе, не родилось свиньей? Видишь, дитя мое, как мудро ты поступила, исполнив то, что я велел тебе.

А так как король был стар, а наследников у него не было, он посадил их на трон в своем дворце. И они правили так, как правят лишь те короли, которые много пережили. И, если только они не умерли, они до сих пор живут там и правят счастливо.

Норка

*Русская сказка**

или-были царь с царицей. У них было три сына — двое умных, а третий дурак. Еще у царя был парк с оленями, где водилось множество самых разных диких зверей. В этот парк повадился приходить каждую ночь огромный зверь — его звали Норкой — и творить ужасные бесчинства, пожирая животных. Царь делал все, что было в его силах, но не мог уничтожить зверя. Наконец он созвал своих сыновей и сказал:

— Кто убьет Норку, тому я отдам половину своего царства.

Что ж, старший сын взялся за дело. Едва спустилась ночь, он взял оружие и вышел из дворца. Но, не дойдя до парка, он зашел в трактир и там пропьянствовал всю ночь. Когда он пришел в себя, уже занимался день. Ему стало стыдно показываться на глаза отцу, но делать было нечего. На другой день пошел второй сын — и сделал то же самое. Отец сурово отчитал обоих, тем и кончилось.

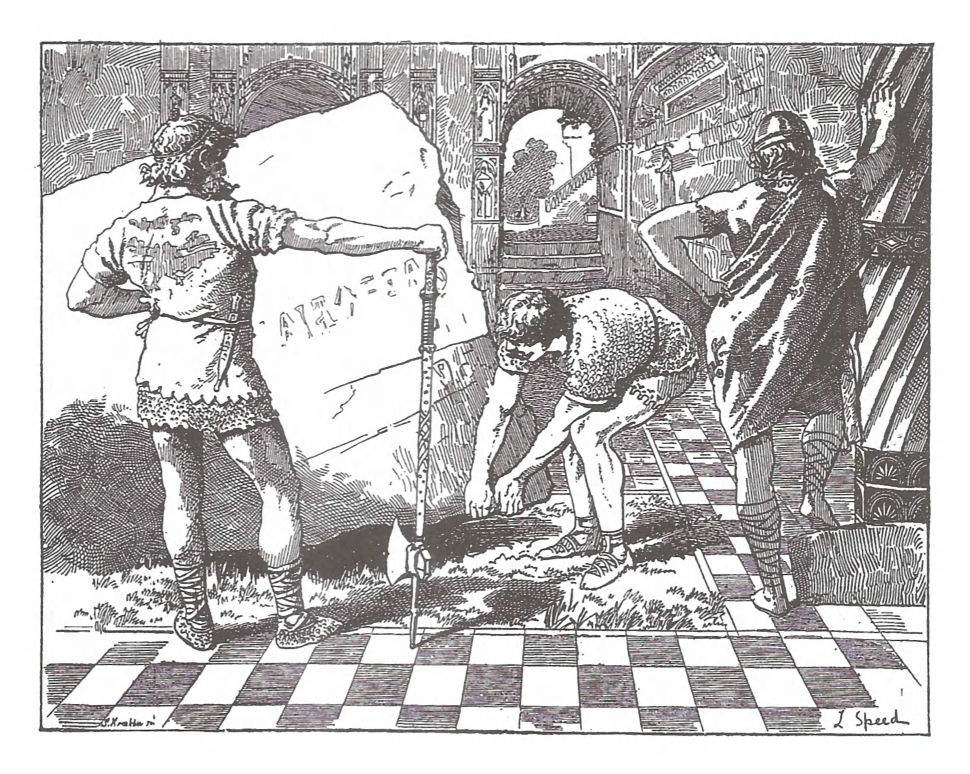
* Текст сказки позаимствован Э. Лэнгом из сборника русских народных сказок А. Н. Афанасьева, переведенного на английский язык и изданного в Лондоне У. Р. Шедден-Ральстоном.

А на третий день за дело взялся младший сын. Все смеялись над ним, уверенные, что он ничего не сумеет сделать, потому что он был так глуп. Но он взял свое оружие, пошел прямо в парк и сел на траве в такой позе, чтобы, если он станет засыпать, немедленно уколоться клинком и проснуться.

Скоро пробило полночь. Земля задрожала, примчался огромный Норка-зверь и вломился в парк прямо через забор. Царевич вскочил, перекрестился и пошел прямо на зверя. Тот побежал прочь, и царевич — за ним. Но скоро он увидел, что на своих двоих не догонит зверя, так что он бросился в конюшню, оседлал лучшего коня и пустился в погоню. Скоро он догнал зверя и вступил с ним в бой. Долго они дрались; царевич трижды ранил Норку. Наконец оба утомились и прилегли отдохнуть. Но едва царевич закрыл глаза, как зверь вскочил и снова побежал. Конь разбудил царевича; тот вмиг поднялся и вновь пустился вдогонку. Поравнявшись со зверем, он снова вступил с ним в схватку. Опять он трижды ранил зверя, и опять оба упали без сил. И снова зверь побежал прочь, едва противник прикрыл глаза. Но царевич догнал его и ранил еще трижды. Внезапно, едва царевич в четвертый раз пустился в погоню, зверь подбежал к большому белому камню, поднял его и нырнул в другой мир, крикнув царевичу:

— Тогда лишь ты победишь меня, когда войдешь сюда!

Царевич вернулся домой, рассказал отцу обо всем, что произошло, и попросил его свить кожаную веревку,

Никто из братьев, кроме младшего, не мог даже пошевелить камень

такую длинную, чтобы она доставала до другого мира. Отец приказал выполнить его просьбу. Когда веревка была готова, царевич созвал своих братьев, и все трое, взяв с собой слуг и все, что было им нужно на целый год, отправились к тому месту, где зверь исчез под камнем. Добравшись до места, они построили там дворец и какое-то время жили в нем. Но, когда все было готово, младший брат сказал:

— Теперь, братья, кто поднимет этот камень?

Ни один из них не мог даже пошевелить камень, но, едва младший коснулся его, камень отлетел прочь, хоть и был величиной с гору. И, отбросив камень, младший вновь заговорил с братьями:

— Кто пойдет в другой мир, чтобы победить Норку?

Ни один из них не вызвался. Тогда младший посмеялся над их трусостью и сказал:

— Что ж, братья, прощайте. Спустите меня в другой мир, но не уходите отсюда и, как только я подергаю за веревку, вытаскивайте ее наверх.

Братья спустили его, как он просил, и, когда он добрался до другого, подземного мира, он пошел своей дорогой. Шел он долго. Наконец он увидел коня в богатой сбруе, и конь сказал ему:

— Здоров будь, царевич Иван! Долго я тебя ждал.

Сел он на коня и поехал — ехал и ехал, пока не увидел перед собой медный дворец. Он привязал коня во дворе и вошел во дворец. В одной из комнат был накрыт обед. Царевич сел и пообедал, а потом пошел в спальню. Там он нашел кровать и лег отдохнуть. Скоро пришла девица, прекрасная, будто в сказке, и сказала:

— Ты, вошедший в мой дом, назови себя! Если ты старый человек, будешь мне батюшкой; если средних лет, будешь мне братом; если молодой, будешь мне милым мужем. Если женщина старая, будешь мне бабушкой; если средних лет, будешь матушкой; а если девица, будешь мне сестрой.

Иван вышел вперед. Увидела она его, полюбился он ей, и сказала она:

— О Иван-царевич — быть тебе моим милым мужем! Но скажи, откуда пришел ты сюда?

Он поведал ей все, что произошло, и она сказала:

— Тот зверь, кого ты желаешь одолеть,— мой брат. Нынче он у моей второй сестры, что живет тут недалече в серебряном дворце. Я перевязала три раны, что ты нанес ему.

А потом они пили, и веселились, и вели сладостные речи, а затем царевич оставил ее и пошел ко второй сестре, что жила в серебряном дворце, и побыл у нее. Она рассказала ему, что сейчас ее брат Норка у их младшей сестры. И пошел он к младшей сестре, что жила в золотом дворце. Та сказала, что ее брат спит на синем море, дала Ивану стальной меч и глоток воды, которая придала ему силу, и наказала отсечь ее брату голову одним ударом. Выслушав это, пошел он своей дорогой.

Пришел царевич к синему морю, осмотрелся — вон спит Норка на камне посреди моря, и, когда он храпит, волнуется море на семь миль окрест. Перекрестился Иван, подошел к зверю и ударил его по голове своим мечом.

— Вот и смерть моя пришла! — молвила голова и укатилась в море.

Приканчив зверя, вернулся Иван и забрал с собой всех трех сестер, чтобы вывести их в верхний мир, ибо все они любили его и не желали с ним расставаться. Обратила каж-

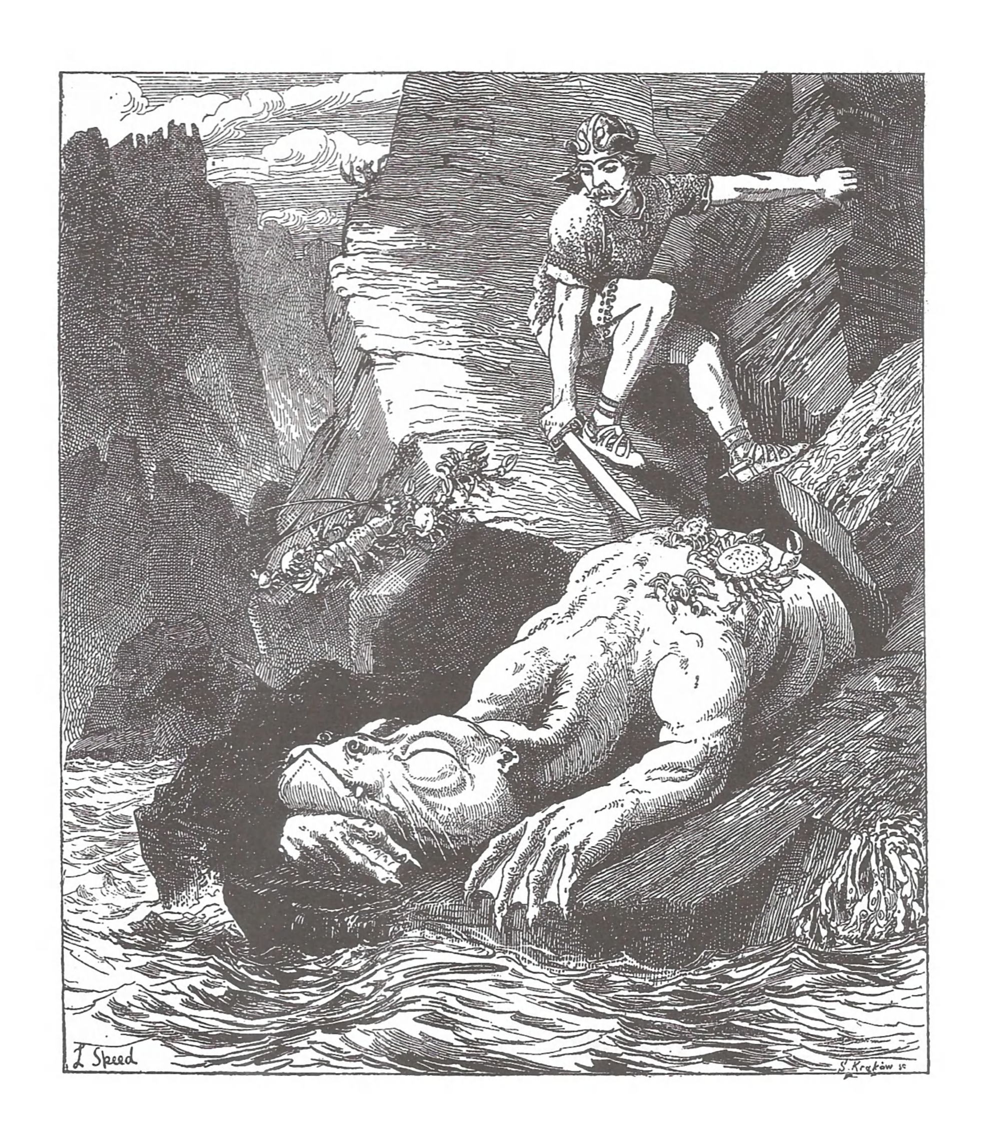
дая свой дворец в яйцо — ведь они были чаровницами, — обучили они его превращать яйца во дворцы и отдали ему каждая свое яйцо. А как дошли они до веревки, нашел ее царевич и привязал к ней девиц. Потом дернул он за веревку, и братья потащили ее вверх. А когда вытащили и увидали чудесных дев, отошли в сторонку и сказали:

— Спустим веревку, поднимем нашего брата не доверху, да и перережем веревку. Может, убьется; а то не отдаст он нам этих красавиц в жены.

Так сговорившись, опустили они веревку. Но брат их был не дурак — догадался он, что они задумали, привязал веревку к камню и дернул. Братья подняли камень повыше и перерезали веревку. Упал камень и разлетелся на куски; зарыдал царевич и пошел прочь. Шел он и шел. Поднялась буря — молнии сверкали, гром гремел, дождь лил. Спрятался Иван под деревом, надеясь найти там убежище, и увидел на дереве малых пташек, которых чуть не утопил ливень. Снял он с себя куртку и прикрыл их, а сам сел под деревом. Глядь — летит птица, такая громадная, что свет застит. И без нее темно было, а с ней еще темнее. То была мать тех пташек, которых царевич прикрыл. А как прилетела она, да как увидела, что ее малыши укрыты, так и говорит:

— Кто укрыл моих птенчиков? — И, увидав Ивана, воскликнула: — Ты ли это сделал? Благодарствую! Проси у меня взамен, чего хочешь, все для тебя сделаю.

— Тогда отнеси меня в другой мир, — отвечает он.

Пришел царевич к синему морю, осмотрелся — вон спит Норка на камне посреди моря

— Сделай для меня большую корзину о двух частях, — говорит птица, — налови всякой дичи и положи в одну половину, а в другую налей воды, чтобы мне было что есть и пить.

Сделал царевич, как она велела. Поставила птица сосуд себе на спину — а царевич посередке сел — и полетела. Летела она, летела, долетела, простилась с ним и исчезла. А он пошел в дом к одному портному и нанялся в ученики. Так он обносился, так изменился в лице, что никто не заподозрил бы в нем царевича.

Нанялся и давай расспрашивать, что делается в этой стране. Отвечал ему хозяин:

— Наши два царевича — третий-то пропал — привезли невест из другого мира и хотят жениться, да невесты отказываются. Требуют, чтоб сперва пошили им свадебные платья, точно такие, какие носили они в другом мире, да без мерок. Созвал царь весь мастеровой люд, да никто за это не берется.

Царевич Иван, услыхав это, сказал:

— Ступай к царю, хозяин, да обещай пошить платья, какие они просят.

— Как я могу взяться за такие наряды! Я простой люд обшиваю, — ответил хозяин.

— Ступай, хозяин! — говорит царевич. — Я за все отвечу.

Пошел портной к царю. Тот рад был, что хоть один толковый мастер нашелся, и дал ему столько денег, сколько он

запросил. Условившись обо всем, вернулся портной домой, а царевич ему говорит:

— А теперь помолись Богу и ложись спать. Завтра все будет готово.

Послушался портной совета подмастерья и спать лег.

Полночь пробило. Встал царевич, вышел из города в поле, достал из кармана яйца, что отдали ему девы, и, как они его научили, обратил яйца в три дворца. Зашел он в каждый, взял там по платью, вышел, обратил дворцы снова в яйца и пошел домой. А как пришел, развесил платья на стене и спать лег.

Рано поутру пробудился мастер — глядь! — висят такие платья, каких он на своем веку не видывал, все сияют золотом, серебром и каменьями драгоценными. Возрадовался он, взял их и понес к царю. Увидали царевны те платья, что были у них в другом мире, поняли, что царевич Иван здесь, переглянулись, но ни словом не обмолвились. А мастер отдал платья и пошел домой, но милого своего подмастерья там не нашел. Ибо царевич пошел к сапожнику и послал того наняться работать на царя; так обошел он всех мастеровых, и все его благодарили, ибо через него обогатились за царский счет.

Обошел он всех мастеровых, и получили царевны все, чего хотели: все их одежды были точь-в-точь такими, какие носили они в другом мире. Тогда заплакали они горько, ибо принц не пришел, а противиться они больше не могли — пора было выходить замуж. Но, когда приготовили все к свадьбе, младшая из невест сказала царю:

— Дозволь мне, батюшка, милостыню раздать.

Дозволил царь, и пошла она подавать нищим, и всматривалась в каждого внимательно. А когда она дошла до одного из них и хотела дать ему немного денег, попалось ей на глаза кольцо, которое она дала царевичу в другом мире, а с ним и кольца ее сестер, ибо это и был царевич Иван. Схватила она его за руку, привела в палаты и говорит царю:

— Вот он, тот, кто вывел нас из другого мира. Его братья запрещали нам говорить, что он жив, грозили убить нас, если скажем.

Разгневался царь на старших сыновей и наказал их, как почел нужным. А потом сыграли три свадьбы.

Чудо-береза

Карельская сказка

Жили-были муж с женой, и была у них единственная дочь. Случилось так, что убежала у них овца, пошли они ее искать и долго бродили в лесу порознь. Потом добрая жена повстречала ведьму, которая сказала ей:

— Плюнь, несчастная, плюнь на ножны моего ножа или пробеги у меня между ногами, и я превращу тебя в черную овцу.

Женщина не стала ни плевать, ни пробегать у ведьмы между ногами, но та все равно превратила ее в овцу. Потом она сама приняла облик этой женщины и позвала доброго мужа:

— Эй, старик, эге-гей! Я нашла овцу!

Муж решил, что ведьма и есть его жена, а что его жена — это овца, он не знал. И привел он ведьму домой, радуясь в душе, что овца нашлась. Дома ведьма сказала ему:

— Слушай, старик, нам надо зарезать эту овцу, не то она опять убежит в лес.

Муж был тих и покладист — он не возразил, только сказал:

— Хорошо, давай так и сделаем.

Но дочь подслушала их разговор, побежала к стаду и громко заплакала:

— Ох, матушка, милая, они хотят тебя прирезать!

— Что ж, если они меня прирежут, — отвечала черная овца, — не ешь ни мяса моего, ни похлебки, что из меня сварят, но собери все мои кости и зарой на краю поля.

Вскоре затем вывели черную овцу из стада и зарезали. Ведьма сварила из ее мяса гороховый суп и поставила его перед дочерью. Но та вспомнила, о чем просила ее мать. К супу она не притронулась, но отнесла кости на край поля и там зарыла. И выросла на том месте береза, очень красивая.

Прошло какое-то время — кто знает, долго ли они жили там? — и тогда ведьма, у которой родилась дочь, невзлюбила падчерицу и стала всячески над ней измываться.

А во дворце в то время готовился большой праздник, и король повелел, чтобы всех приглашали такими словами:

Пусть в мой дом приходит всяк,
Хоть бездомный, хоть бедняк,
Тот, кто слеп, и тот, кто хром,
Хоть по морю, хоть верхом.

И стекались на королевский пир все бродяги, калеки, хромые и слепые. В доме доброго мужа тоже готовились пойти во дворец. Ведьма сказала ему:

— Ступай вперед, старик, неси нашу младшенькую. Я задам старшей работу, чтоб она не скучала без нас.

Отец взял ребенка и ушел. Но ведьма разожгла огонь в очаге, высыпала в угли горшок ячменных зерен и сказала девушке:

— Если до ночи не соберешь весь ячмень обратно в горшок, я тебя съем!

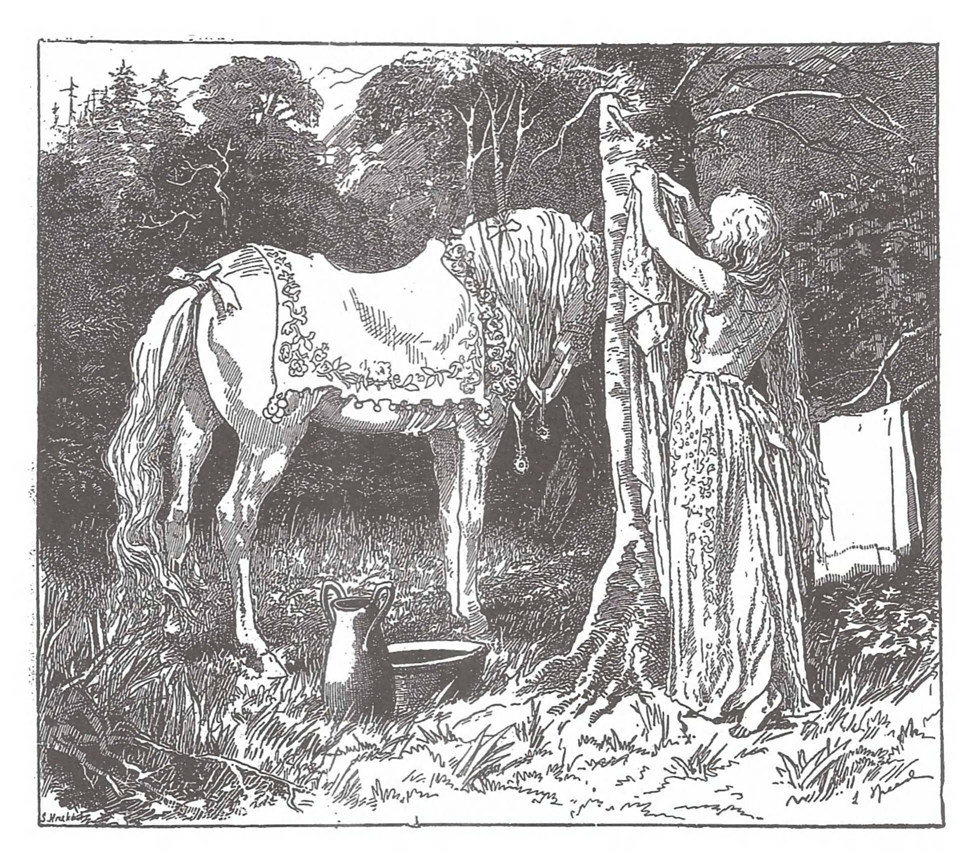
Потом она поспешила следом за всеми, а бедная девушка осталась дома и расплакалась. Конечно, она пыталась собирать ячмень в золе, но скоро увидела, что это бесполезно. В своей печали пошла она к березе, что росла на могиле ее матери, и плакала, и плакала, потому что ее мать лежала мертвая под дерном и больше не могла ей помочь. Предаваясь горю, она вдруг услышала, что голос ее матери спрашивает из могилы:

— Почему ты плачешь, доченька?

— Ведьма рассыпала ячмень в золе и велела мне собрать его, вот почему я плачу, матушка.

— Не плачь, — утешила ее мать. — Отломи у меня ветку, перекрести ею очаг, и все получится.

Девушка повиновалась. Она провела над очагом березовой ветвью, и глядь! — ячменные зерна сами попрыгали в горшок, а в очаге стало чисто. Потом она вернулась к березе и положила ветку на могилу. Потом мать велела ей омыться с одной стороны ствола, вытереться с другой и одеться с третьей. Когда девушка все это проделала, она стала такой красивой, что не было на земле ей равных. Ей было дано великолепное одеяние и лошадь, у которой шерсть была частью из золота, частью из серебра, а частью

Мать велела ей омыться с одной стороны ствола, вытереться с другой и одеться с третьей

из чего-то еще более дорогого. Девушка запрыгнула в седло и стрелой понеслась во дворец. Когда она въезжала во двор, сын короля вышел ей навстречу, он сам привязал ее скакуна к столбу и ввел ее во дворец. Он не отходил от нее, пока они шли по комнатам замка; и все люди смотрели на нее и гадали, кто эта прекрасная дева и из какого замка

она приехала, но никто не знал ее и ничего не мог о ней сказать. На пиру принц пригласил ее сидеть рядом с ним на почетном месте, а дочь ведьмы глодала кости под столом. Принц не видел ее и, думая, что это собака, так сильно пнул ее, что сломал ей руку. Разве не жаль дочь ведьмы? Не ее вина, что ее мать была злой колдуньей.

Под вечер дочь доброго мужа решила, что пора возвращаться домой; но, когда она уходила, ее кольцо прилипло к дверной задвижке, ибо принц вымазал задвижку дегтем. Она не стала отлеплять кольцо, но торопливо отвязала коня от столба и вынеслась из замка стрелой. Прискакав домой, она разделась у березы, оставила коня там же и поспешила на свое место у очага. Вскоре вернулись домой и муж с женой, и ведьма сказала девушке:

— Ах, бедняжка! Конечно, ты здесь. Ты и не знаешь, как чудесно мы провели время во дворце! Сын короля всюду носил мою дочь, но бедняжка упала и сломала руку.

Девушка отлично знала, что произошло на самом деле, но притворилась, что ничего об этом не знает, и молча сидела у огня.

На следующий день они были вновь званы на королевский пир.

— Эй, старик! — сказала ведьма. — Одевайся поскорее, нас ждут на пир. Возьми ребенка, а я дам второй девочке всего одно задание, чтоб она не устала.

Она зажгла огонь, высыпала в золу горшок конопляного семени и сказала девушке:

— Если не разберешься тут и не сложишь всю коноплю обратно в горшок, я тебя убью!

Девушка горько плакала. Потом она пошла к березе, омылась по одну сторону ствола и вытерлась по другую, и на этот раз ей были даны еще более нарядные одежды и очень красивый конь. Она отломила у березы ветку, провела ею над очагом, так что зерна сами запрыгнули в горшок, и помчалась в замок.

Снова сын короля вышел ее встречать, привязал ее коня к столбу и отвел ее в пиршественную залу. На пиру девушка сидела рядом с ним на почетном месте, как и накануне. А дочь ведьмы глодала кости под столом, и принц по ошибке пнул ее и сломал ей ногу — он так и не замечал, что она ползает между ногами сидящих. Ох и не везло же ей!

Дочь доброго мужа вовремя заторопилась домой, но сын короля вымазал дверные косяки дегтем, и ее золотой венец прилип. У нее не было времени посмотреть, что с ним, она запрыгнула в седло и помчалась стрелой к березе. Там она оставила свою лошадь и свой наряд и сказала матери:

— Я потеряла в замке венец. Дверной косяк был в дегте, и он прилип.

— Потеряй хоть два, — ответила мать, — я дам тебе другие, еще лучше.

Тогда дочь поспешила домой, и, когда ее отец и ведьма вернулись с пира, она сидела на своем обычном месте у очага. Тогда ведьма сказала ей:

— Бедняжка! Что ты видишь здесь в сравнении с тем, что видели мы во дворце? Сын короля носил мою дочь из комнаты в комнату. Да он уронил ее, и она сломала ножку.

Дочь молча возилась в очаге.

Прошла ночь, и, когда стал заниматься день, ведьма разбудила своего мужа криком:

— Эй! Вставай, старик. Нас зовут на королевский пир.

Старик встал. Ведьма дала ему ребенка:

— Возьми малышку. Я задам другой девочке работу, не то она устанет сидеть дома одна.

Она снова взялась за свое. На этот раз она вылила в золу миску молока и сказала:

— Если не соберешь все молоко обратно в миску, прежде чем я приду, тебе несдобровать.

Как теперь перепугалась девушка! Она побежала к березе и с помощью волшебства выполнила задание, а потом, как прежде, уехала во дворец. Во дворе она увидела принца, который ждал ее. Он провел ее в зал, где ее встретили с почестями, а дочь ведьмы глодала кости под столом и, натыкаясь на ноги сидящих, выбила себе глаз, бедняжка! По-прежнему никто ничего не знал о дочери доброго мужа, никто не знал, откуда она приехала; но принц вымазал порог дегтем, и, когда она убегала, ее золотые туфельки прилипли. Она вернулась к березе и, слагая свое убранство, сказала:

— Ах, матушка, я потеряла свои золотые туфельки!

— Не страшно, — ответила мать. — Если они тебе понадобятся, я дам тебе другие, еще лучше.

Едва успела она вернуться на свое обычное место у очага, как явились ее отец и ведьма. Ведьма тут же стала над ней смеяться:

— Ах, бедняжка, тебе тут не на что смотреть, а мы — какие чудеса мы видели во дворце! Мою дочку опять везде носили, но ей не повезло — она упала и выбила себе глаз. А ты, дурочка, что ты вообще знаешь?

— Да, в самом деле, что я могу знать? — ответила девушка. — Мне хватает хлопот с чисткой очага.

Принц сберег все вещи, потерянные девушкой, и скоро стал искать их владелицу. Для этого он задал в четвертый день огромный пир и пригласил всех. Ведьма тоже приготовилась пойти. Она привязала деревянный пестик туда, где у ее ребенка должна была быть нога, и палку вместо руки, засунула комок грязи в пустую глазницу и взяла ребенка с собой в замок. Когда все собрались, сын короля ступил в толпу и закричал:

— Девушка, на чей палец налезет это кольцо, на чью голову налезет этот золотой венец, а на ногу — эта туфелька, будет моей невестой.

Ах, сколько девушек захотели примерить эти вещи! Но ни одной они не подходили.

— Ее здесь нет, — сказал наконец принц, — найдите ту девушку, пусть она примерит.

Падчерицу привели, и принц хотел уже дать ей украшения, когда ведьма оттащила его назад со словами:

— Не давайте ей мерить эти вещи, она все перепачкает золой. Дайте их лучше моей дочери.

Тогда принц дал кольцо дочери ведьмы, и та пустилась подрезать дочери палец и напяливать кольцо, до тех пор, пока оно не налезло. То же было с венцом и с золотыми туфельками. Ведьма не позволила отдать их падчерице — она натягивала венец на голову, а туфельки на ноги своей дочери, пока не надела их ей. Что теперь было делать? Принцу пришлось волей-неволей объявить дочь ведьмы своей невестой, и он тайком пошел с ней в дом ее отца, ибо ему было стыдно праздновать свадьбу с такой странной невестой во дворце. Прошло несколько дней, и наконец он собрался забрать ее к себе во дворец. Как раз когда они уходили, какая-то служанка, вся в золе, вскочила со своего места у очага, притворившись, будто ей что-то понадобилось в коровнике, и, проходя по двору мимо принца, шепнула ему на ухо:

— Ах, милый принц, не лишай меня моего золота и серебра.

Тут-то сын короля и узнал эту служанку; он взял с собой обеих девушек и ушел. Пройдя немного, они дошли до реки, и принц перебросил дочь ведьмы через реку вместо моста и перешел по ней вместе со служанкой. Так дочь ведьмы и осталась там лежать, как мост над рекой, и не

могла пошевелиться, как ни горько ей было. Помочь ей оказалось некому, и в страдании она вскричала:

— Пусть из моего тела вырастет золотистый болиголов! Быть может, по этой примете мать узнает меня.

И только она это сказала, как золотистый болиголов вырос из ее тела и поднялся над мостом.

Едва избавившись от дочери ведьмы, принц назвал падчерицу своей невестой, и они вместе пошли к березе, которая росла над могилой ее матери. Там они получили всевозможные богатства и сокровища, три полных мешка золота и столько же серебра и прекрасного скакуна, который отнес их домой во дворец. Там они долго жили вместе, и молодая жена родила принцу сына. Ведьме немедленно сообщили, что у ее дочери родился сын, ибо все верили, что жена молодого короля и есть дочь ведьмы.

«Так-так, — сказала себе ведьма. — Надо бы мне сделать ребенку подарочек».

С этими словами она тронулась в путь. Придя на берег реки, она увидела красивый золотистый болиголов, растущий посреди моста, и, когда она захотела его срезать, чтобы подарить внуку, раздался стон:

— Ах, матушка, милая, не режь меня!

— Ты здесь, дочь моя? — спросила ведьма.

— Здесь, милая матушка, — ответила ее дочь. — Меня перебросили через реку и превратили в мост.

В один миг ведьма разнесла мост на мельчайшие частицы, а потом поспешила во дворец. Подойдя к кровати

молодой королевы, она принялась пробовать на роженице свои волшебные искусства, приговаривая:

— Плюнь, несчастная, на лезвие моего ножа, околдуй для меня его лезвие, и я превращу тебя в лесную лань.

— Ты опять пришла, чтобы причинить мне горе? — ответила молодая женщина.

Она не плюнула на нож и не сделала ничего другого, но ведьма все равно превратила ее в лань и подложила свою дочь на место жены принца. Но ребенку не хватало материнской заботы, он стал беспокойным и все время кричал. Его принесли ко двору и всячески пытались утихомирить, но плач не умолкал.

— Почему ребенок так беспокоится? — спросил принц и пошел спросить совета у мудрой вдовы.

— Да, да, твоей жены нет дома, — сказала вдова. — Она живет ланью в лесу. Вместо жены у тебя дочь ведьмы, а тещей сама ведьма.

— Есть ли какой-нибудь способ вернуть мою жену из леса домой? — спросил принц.

— Дай мне ребенка, — ответила вдова. — Я возьму его с собой завтра, когда погоню коров в лес. Пошуршит листьями береза, пошелестит осина — быть может, малыш успокоится, когда это услышит.

— Да, забери ребенка, унеси его в лес, чтобы успокоить, — сказал принц и впустил вдову в замок.

— Как это? Ты собираешься отослать дитя в лес? — подозрительно спросила ведьма и попыталась вмешаться.

Но сын короля твердо стоял на своем и говорил:

— Поноси ребенка по лесу. Может, это его успокоит.

Вдова принесла ребенка в лес. Она подошла к краю болота и, увидев стадо оленей, вдруг запела:

Выйди, ясноглазая, брось своих зверей,
Своего мальчонку приласкай скорей!
Злая людоедка, что ему не мать,
Вовсе не умеет крик его унять.
Сколько ни пугает, сколько ни грозит,
Рядом с ней он плачет, мечется, не спит.

И тут же к ней подошла лань, превратилась в прекрасную женщину и целый день нежно баюкала младенца. Но вечером она должна была вернуться в стадо, поэтому она попросила вдову:

— Принеси мне малыша завтра и еще послезавтра. Потом я должна буду уйти вместе со стадом в дальние края.

На следующее утро вдова снова пошла в замок за ребенком. Ведьма, конечно, противилась, но принц сказал:

— Возьми его и поноси на открытом воздухе. Ребенок явно спит спокойнее ночью, когда день проводит в лесу.

Так что вдова взяла ребенка на руки и унесла его к лесному болоту. Там она запела, как накануне:

Выйди, ясноглазая, брось своих зверей,
Своего мальчонку приласкай скорей!
Злая людоедка, что ему не мать,
Вовсе не умеет крик его унять.

Сколько ни пугает, сколько ни грозит,
Рядом с ней он плачет, мечется, не спит.

И тут же лань отделилась от стада, подошла к ребенку, обернулась женщиной и стала его ласкать, как накануне. Ребенок и успокоился.

Сыну короля не давала покоя эта история, и вот он сказал вдове:

— Нет ли какого-нибудь способа превратить лань обратно в человека?

— Я толком не знаю, — отвечала вдова. — Впрочем, приходи со мной в лес. Когда женщина снимет с себя шкуру лани, я предложу расчесать ей волосы, а пока я буду их чесать, ты должен сжечь шкуру.

На этот раз они понесли ребенка в лес вдвоем, и, едва они пришли, появилась лань, она скинула шкуру и стала баюкать малыша, как раньше. Тогда вдова сказала лани:

— Коли уж завтра ты убежишь и я тебя больше не увижу, позволь мне в последний раз расчесать твои волосы на память о тебе.

Молодая женщина согласилась и дала вдове сделать то, о чем та просила. Тем временем сын короля тайком бросил шкуру в огонь.

— Что это здесь горит? — спросила женщина, принюхиваясь, и, оглянувшись, увидела своего мужа. — Горе мне! Ты сжег мою шкуру. Зачем ты это сделал?

— Чтобы опять вернуть тебе человеческий облик.

«Позволь мне в последний раз расчесать твои волосы на память о тебе».

— О горе! — вскричала женщина. — Мне, бедной, теперь нечем прикрыться!

И она превратилась в прялку, потом в деревянный пест, потом в веретено и дальше перебрала все мыслимые обличья. Но сын короля уничтожал их все, и вот наконец она опять предстала перед ним в образе человека.

— Ах! — вскричала она. — Зачем тебе опять забирать меня домой, если ведьма съест меня?

— Она тебя не съест, — отвечал ее муж, и они вместе с ребенком отправились домой.

Увидев их, ведьма сбежала вместе со своей дочерью и до сих пор бежит, если не остановилась, хоть это и было давным-давно. А принц, его жена и их ребенок жили долго и счастливо.

Джек и бобовый стебель

Английская сказка

Джек продает корову

Жила-была бедная вдова, обитавшая в маленькой хижине со своим единственным сыном Джеком.

Джек был мальчик легкомысленный и беспечный, но очень добрый и любящий. Случилась суровая зима, после которой бедная женщина стала страдать от лихорадки и озноба. Джек нигде не работал, и постепенно они впали в ужасающую нищету. Вдова поняла, что остался один способ спасти себя и Джека от голода — продать корову. И однажды утром она сказала сыну:

— Джек, я слишком слаба, чтобы пойти на рынок. Отведи туда корову и продай.

Джеку очень понравилась мысль сходить на рынок и продать корову. Но по дороге он встретил мясника, у которого в руке была горсть каких-то красивых бобов. Джек остановился, чтобы их рассмотреть, и мясник сказал ему, что бобы очень ценные, и убедил глупыша сменять корову на эти бобы.

Когда он принес матери бобы вместо денег, которые она рассчитывала получить за свою славную скотинку, она

очень огорчилась и пролила много слез, упрекая Джека за безрассудство. Он очень пожалел о том, что сделал, и в тот вечер мать и сын улеглись спать расстроенные. Казалось, их последняя надежда утрачена.

На рассвете Джек встал и вышел в сад.

«По крайней мере, — думал он, — я посею эти чудо-бобы. Мама говорит, что это обычная красная фасоль, и только. Но ее все равно же можно посеять».

Он взял палку, наделал в земле ямок и положил туда бобы.

В тот день они пообедали очень скудно и легли спать в печали, зная, что завтра на обед не будет ничего, и Джек, не сумев уснуть от грусти и огорчения, встал рано и опять вышел в сад.

Каково же было его изумление, когда он увидел, что за ночь бобы проросли и на глазах тянулись все выше и выше, так что закрыли собой высокий утес, под которым приютилась их хижина, и терялись из виду где-то над ним! Стебли скрутились и переплелись, образовав нечто вроде лестницы.

«Туда залезть — дело нехитрое», — подумал Джек.

И, едва подумав, что можно было бы туда взобраться, он тут же решил это сделать, потому как отлично умел лазать. Впрочем, он вспомнил, какого дурака свалял недавно с коровой, и решил сперва посоветоваться с матерью.

Чудесно выросший бобовый стебель

Джек позвал свою мать, и оба они в изумлении взирали на бобовый стебель, который не только достигал огромной высоты, но и был достаточно толст, чтобы выдержать вес Джека.

— Очень хочется узнать, где он заканчивается, — сказал Джек матери. — Пожалуй, слазаю и посмотрю.

Мать просила его не рисковать, карабкаясь по этой диковинной лестнице, но Джек уговорил ее разрешить ему попробовать, потому как был уверен, что в бобовом стебле кроется что-то чудесное. Наконец она уступила его желанию.

Джек тут же полез вверх и поднимался по стеблю, как по лестнице, все выше и выше, пока все внизу — их хижина, деревня и даже высокая колокольня церкви — не показались ему совсем маленькими. А конца бобовому стеблю все еще не было видно.

Джек подустал и на миг подумал было вернуться, но он был очень упорен и знал, что путь к успеху в любом деле состоит в том, чтобы не сдаваться. Так что он немного отдохнул и полез дальше.

Он лез и лез и стал уже бояться смотреть вниз, чтобы не закружилась голова, но наконец он добрался до конца бобового стебля и очутился в красивой местности с прелестным лесом и зелеными лугами, на которых паслись стада овец. Кристально чистый ручей бежал по пастбищам, а не-

вдалеке от того места, где Джек слез со стебля, красовался мощный замок.

Джек очень удивился, что никогда не видел этого замка и не слышал о нем, но, подумав, понял, что отвесная скала, на которой стоял замок, так же надежно отделяла его от деревни, как если бы он высился в другой стране.

Покуда Джек глазел на замок, из леса вышла женщина, которая выглядела очень необычно, и подошла к нему.

На ней была остроконечная шляпа из стеганого красного атласа, подбитого мехом горностая, волосы были распущены по плечам, а при ходьбе она опиралась на посох. Джек снял шляпу и поклонился ей.

— Прошу прощения, сударыня, — сказал он, — это ваш дом?

— Нет, — ответила пожилая дама. — Слушай, и я расскажу тебе историю этого замка.

Жил-был некогда благородный рыцарь, которому принадлежал этот замок, стоящий на границах волшебной страны. У него была милая и любимая жена и несколько очаровательных детей, а так как его соседи — маленький народ — были с ним очень дружны, они поднесли ему много превосходных дорогих подарков.

Об этих сокровищах пошли слухи, и чудовищный великан, который жил неподалеку и обладал очень злобным нравом, решил завладеть ими.

Он подкупил неверного слугу, чтобы тот впустил его в замок, пока рыцарь спит, и убил рыцаря прямо в постели.

Потом он пошел в ту часть замка, где была детская, и перебил всех малышей, которых там нашел.

Хозяйку замка, к счастью для нее, великан не нашел. Она отправилась со своим младшим сыном, которому было всего два или три месяца от роду, навестить свою старую кормилицу, а та жила в долине, и непогода заставила гостью остаться в долине на всю ночь.

Едва занялось утро, как один из замковых слуг, которому удалось спастись, пришел к бедной леди и поведал ей о скорбной кончине ее супруга и милых детей. Поначалу она не могла в это поверить и порывалась вернуться и разделить участь тех, кого любила, но старая кормилица со слезами умоляла ее помнить, что у нее остался один ребенок и что она должна сберечь свою жизнь ради бедного невинного младенца.

Леди вняла ее увещаниям и согласилась укрыться в доме кормилицы, ибо слуга сказал ей, что великан поклялся убить и ее, и ребенка, как только найдет их. Шли годы. Старая кормилица умерла, оставив свою хижину и то немногое, что в ней было, своей бедной госпоже, которая жила там, как крестьянка, зарабатывая свой хлеб. Прялка да корова, которую она купила на те скромные деньги, что были у нее при себе, кое-как поддерживали ее и ее маленького сына. При хижине был славный садик, в котором они выращивали горох, бобы и капусту, и леди не стыдилась в дни жатвы выходить в поля и подбирать там оброненные колосья, чтобы прокормить свое дитя.

Джек, эта бедная леди — твоя мать. А замок этот когда-то принадлежал твоему отцу и должен вновь стать твоим.

— Моя мать?! — удивленно воскликнул Джек. — О, сударыня, что мне делать? Мой бедный отец! Моя милая мать!

— Долг обязывает тебя отвоевать замок для своей матери. Но это дело очень трудное, Джек, и очень опасное. Хватит ли у тебя смелости взяться за него?

— Я ничего не боюсь, когда делаю то, что должно, — ответил Джек.

— Тогда знай, — молвила дама в красной шляпе, — ты один из тех, кто способен убить великана. Ты должен войти в замок и, если удастся, завладеть курицей, которая несет золотые яйца, и говорящей арфой. Помни, все, чем владеет великан, на самом деле твое.

Умолкнув, дама вдруг исчезла, и, конечно, Джек понял, что это была фея.

Джек тут же решил приняться за дело. Он подошел к воротам замка и протрубил в рог, висевший там. Через пару минут дверь отворила ужасная великанша, у которой был один большой глаз посреди лба.

Едва увидев ее, Джек повернулся и хотел убежать, но она схватила его и затащила в замок.

— Хо-хо! — пугающе захохотала она. — Вижу, ты не ожидал меня здесь увидеть! Нет уж, я тебя не отпущу. Я устала так жить. У меня слишком много работы, и я не

понимаю, почему бы мне не иметь пажа, как другим дамам. Будешь мне служить. Мыть ножи, чернить сапоги, разводить огонь и во всем мне помогать, когда великана нет дома. Когда он дома, мне придется тебя прятать, потому что всех моих прежних пажей он сожрал, а ты, парнишка, лакомый кусочек.

С этими словами она затащила Джека в замок. Бедный мальчик очень испугался, да и мы с вами разве не испугались бы на его месте? Но он помнил, что страх позорит мужчину, и старался держаться храбро, мирясь со своим положением.

— Я вполне готов помогать вам, сударыня, и делать все, что я могу, чтобы вам услужить, — сказал он, — только, прошу, будьте так добры, спрячьте меня от своего мужа. Мне вовсе не хотелось бы, чтобы он меня съел.

— Славный мальчик! — сказала великанша, кивая. — Повезло тебе, что ты не закричал, увидев меня, как кричали другие мальчишки, которые здесь перебывали. Иначе мой муж проснулся бы и съел тебя на завтрак, как съел их. Иди сюда, дитя, спрячься в моем платяном шкафу. Туда он заглядывать не решается, там ты будешь в безопасности.

Она открыла большой шкаф и закрыла в нем Джека. Но замочная скважина была такой огромной, что через нее поступало достаточно воздуха, а еще Джек мог через нее видеть все происходящее. Вот он услышал на лестнице тяжелую поступь, будто ехала здоровенная пушка, а потом громоподобный голос прокричал:

Через пару минут дверь отворила ужасная великанша,
у которой был один большой глаз посреди лба

Ха, ха, тирлим-бом-бом,
Англичанин в доме моем.
Будь он мертвый, будь он живой –
Пусть прощается с головой.
Его кости смелю в муку,
Да и хлеба себе напеку.

— Жена! — крикнул великан. — Чую, в замке человек. Дай-ка я им позавтракаю.

— Старый глупец! — огрызнулась хозяйка. — Это пахнет всего лишь славный свежий бифштекс из слона, который я для тебя приготовила. Садись и позавтракай хорошенько.

Она поставила перед мужем большое блюдо вкусно дымящегося мяса, которое ему очень понравилось, и он думать забыл, что в замке есть англичанин. Позавтракав, он пошел прогуляться. Тогда великанша отперла дверь в шкаф и заставила Джека выйти и помогать ей. Этим он занимался весь день. Она хорошо его накормила, а вечером опять спрятала в шкафу.

Курица, которая несет золотые яйца

Великан вернулся к ужину. Джек следил за ним через замочную скважину и с удивлением наблюдал, как он разгрызал волчью кость и проглотил зараз половину курицы.

Поужинав, великан потребовал, чтобы жена принесла ему курицу, которая откладывает золотые яйца.

— Несется не хуже, чем тогда, когда ею владел этот жалкий рыцарь, — заявил он. — Право слово, мне кажется, что яйца становятся только тяжелее.

Великанша ушла и скоро поставила на стол перед мужем маленькую коричневую курочку.

— А теперь, дорогой, — сказала она, — я пойду прогуляюсь, если я тебе больше не нужна.

— Иди, — зевнул великан, — а я вздремну.

Потом он взял курочку и велел ей:

— Несись!

Она тут же отложила золотое яичко.

— Несись! — повторил великан.

И курица снесла еще яйцо.

— Несись! — сказал он в третий раз.

И на столе очутилось третье яйцо.

Теперь Джек был уверен, что это та самая курица, о которой говорила фея.

Наконец великан опустил курицу на пол и скоро крепко заснул, храпя так громко, что казалось, будто это гремит гром.

Как только Джек понял, что великан спит, он распахнул дверь шкафа и выбрался наружу. Тихонько прокравшись через комнату, он взял курочку и побежал прочь. Он знал дорогу в кухню, дверь которой оказалась приоткрыта.

Джек закрыл ее за собой и помчался к бобовому стеблю, по которому и слез так быстро, как только мог.

Увидев, как он входит в дом, мать расплакалась от радости, потому как боялась, что его увели феи или что он попался великану. Но Джек поставил перед ней коричневую курочку и рассказал, как он побывал в замке великана и какие другие приключения пережил. Она очень обрадовалась, увидев курицу, с которой они могли вновь разбогатеть.

Мешки с деньгами

Однажды, когда мать ушла на рынок, Джек опять поднялся по бобовому стеблю к замку великана, но сперва он покрасил волосы и изменил внешность. Старуха не узнала его и, как в прошлый раз, затащила в замок, чтобы он работал на нее, но услышала, что идет муж, и спрятала его в шкафу, не подозревая, что это тот самый мальчик, который украл курицу. Она велела ему сидеть смирно, иначе великан его съест.

Вошел великан, приговаривая:

Ха, ха, тирлим-бом-бом,
Англичанин в доме моем.
Будь он мертвый, будь он живой –
Пусть прощается с головой.
Его кости смелю в муку,
Да и хлеба себе напеку.

— Чушь! — сказала ему жена. — Это всего лишь жареный бычок, которым я хотела угостить тебя на ужин. Садись, сейчас я его принесу.

Великан сел, и скоро жена поднесла ему жареного быка на огромном блюде, и оба принялись за трапезу. Джек в изумлении смотрел, как они разгрызают кости быка, будто это был жаворонок. Поев, великанша встала и сказала:

— Теперь, дорогой, если позволишь, я пойду к себе и дочитаю книгу. Позови меня, если я тебе понадоблюсь.

— Сперва принеси мне мешки с золотом, — ответил великан, — чтоб я перед сном пересчитал свои деньги.

Великанша повиновалась. Она ушла и скоро вернулась, таща на плечах два больших мешка, которые поставила перед мужем.

— Вот, — сказала она, — все, что осталось от сокровищ рыцаря. Когда ты их истратишь, придется тебе захватить замок какого-нибудь другого барона.

«Этого он не сделает, я должен ему помешать», — подумал Джек.

Когда жена ушла, великан стал доставать пригоршни золотых монет, пересчитывать их и выставлять столбиками, пока это развлечение ему не надоело. Тогда он смахнул все золото обратно в мешки и, откинувшись на стуле, быстро заснул, храпя так, что ничего нельзя было услышать, кроме этого храпа.

Джек тихонько выбрался из шкафа, подхватил мешки с золотом (они принадлежали ему, ибо великан украл со-

кровища его отца) и убежал. С большим трудом спустился он по бобовому стеблю и положил мешки на стол перед матерью. Она только что вернулась из города и плакала оттого, что не могла найти сына.

— Смотри, мама, я принес тебе золото, которое отобрали у моего отца.

— Ох, Джек! Ты очень хороший мальчик, но я бы хотела, чтоб ты больше не рисковал своей жизнью в замке великана. Расскажи, зачем ты решил пойти туда опять.

Джек ей все рассказал.

Его мать была очень рада получить деньги, но не хотела, чтобы он ради нее подвергал себя опасности.

Однако спустя некоторое время Джек снова решил пойти в замок великана.

Говорящая арфа

Он снова взобрался по бобовому стеблю и протрубил в рог у ворот замка. Скоро великанша открыла дверь. Она была так глупа, что опять не узнала его, но замешкалась, прежде чем впустить его. Она боялась, что их обворуют опять. Но ясное лицо Джека казалось таким невинным, что она не могла устоять. Великанша велела ему войти и снова заперла его в шкафу.

Скоро великан вернулся домой и, едва переступив порог, прорычал:

Ха, ха, тирлим-бом-бом,
Англичанин в доме моем.
Будь он мертвый, будь он живой –
Пусть прощается с головой.
Его кости смелю в муку,
Да и хлеба себе напеку.

— Старый глупый великанишка, — сказала ему жена, — так пахнет славная овечка, которую я зажарила тебе на ужин.

Великан сел, и жена принесла ему на ужин целую овцу. Съев ее, великан сказал:

— Теперь принеси мне арфу, я послушаю музыку, пока ты гуляешь.

Великанша повиновалась и вернулась с прекрасной арфой. Та вся сверкала бриллиантами и рубинами, а струны ее были из золота.

— Одна из лучших вещей, которые я отнял у рыцаря, — сказал великан. — Я очень люблю музыку, а моя арфа верно мне служит.

Он придвинул арфу к себе и сказал:

— Играй!

И арфа издала очень нежный и грустный звук.

— Сыграй что-нибудь повеселее! — приказал великан.

И арфа взяла веселую ноту.

— Теперь играй мне колыбельную! — рыкнул великан, и арфа заиграла сладостную колыбельную, под которую ее хозяин заснул.

Тогда Джек выбрался из шкафа и пошел в большую кухню проверить, ушла ли великанша. Не найдя там никого, он подошел к двери и тихонько открыл ее, подумав, что с арфой в руках он не сможет этого сделать.

Потом он вошел в комнату великана, схватил арфу и побежал с ней, но, когда он прыгал через порог, арфа позвала:

— Хозяин! Хозяин!

И великан проснулся.

С ужасным ревом он вскочил и в два шага достиг двери.

Но Джек был очень проворен. Он мчался, как молния, и на бегу разговаривал с арфой, увидев, что это волшебное существо, — объяснял, что он сын рыцаря, который владел ею раньше.

Все же великан бежал так быстро, что не отставал от бедного Джека. Вот он уже протянул свою ручищу, чтобы схватить его... Но, к счастью, как раз в этот миг он наступил на камень, который подался у него под ногой, и, споткнувшись, великан растянулся на земле во весь свой гигантский рост.

Благодаря этому Джек успел добежать до бобового стебля и спуститься по нему. Но едва он очутился в своем саду, он понял, что великан спускается следом.

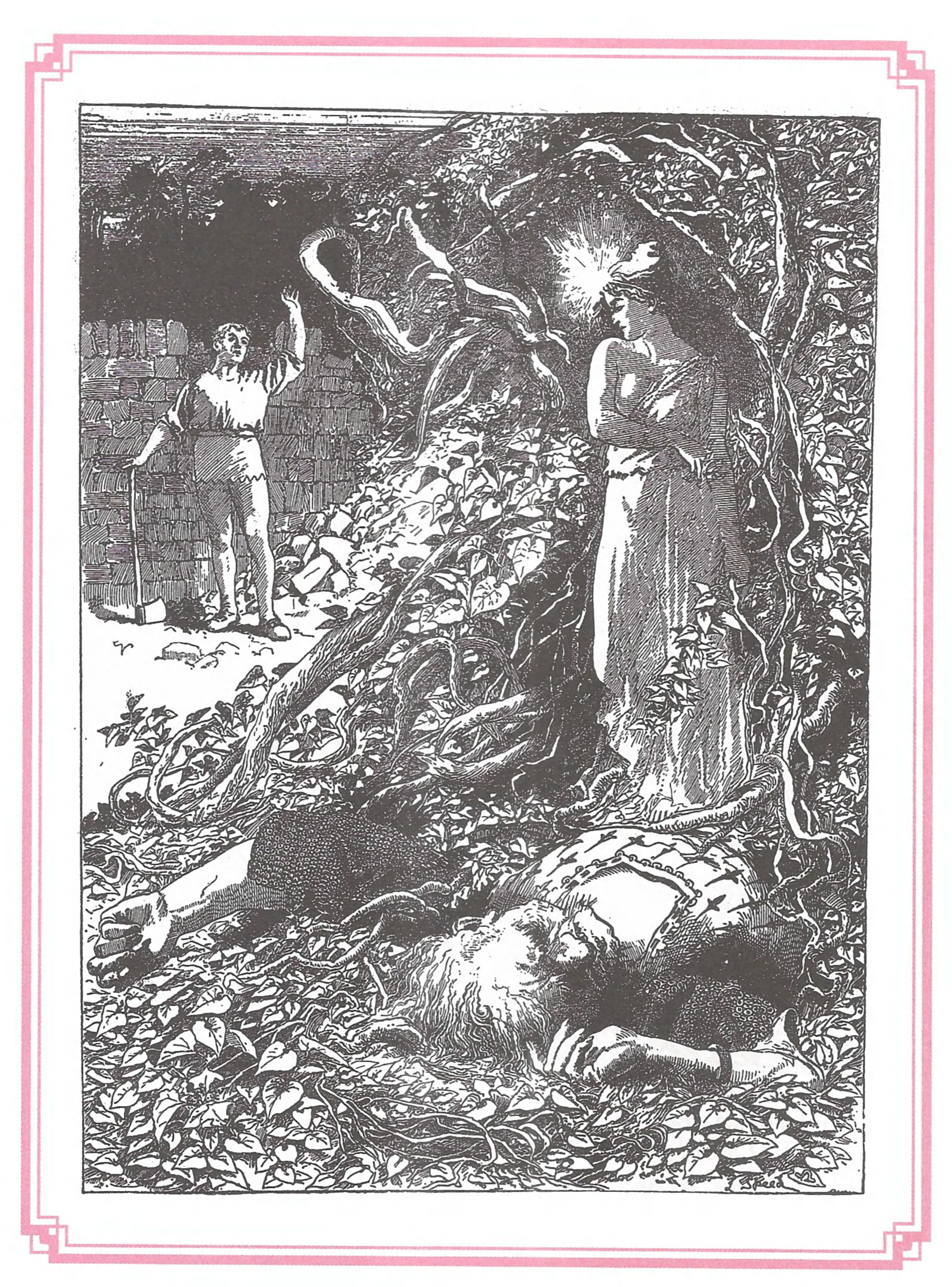
— Мама! Мама! — закричал Джек. — Быстрее дай мне топор!

Мать подбежала к нему с топором, и Джек одним могучим ударом перерезал все бобовые стебли, кроме одного.

— Теперь, матушка, отойди в сторону! — сказал он.

Великан бежал так быстро, что не отставал от бедного Джека

Перед ними предстала прекрасная дама

Великан ломает себе шею

Женщина отпрянула, и вовремя, ибо, едва великан схватился за последний из бобовых стеблей, Джек перерезал его и отскочил сам.

Великан обрушился наземь с чудовищным грохотом и, упав вниз головой, сломал себе шею. Он лежал мертвый у ног женщины, которой принес столько горя.

Прежде чем Джек и его мать оправились от тревоги и волнения, перед ними предстала прекрасная дама.

— Джек, — сказала она, — ты действовал доблестно, как подобает сыну рыцаря, и ты заслуживаешь того, чтобы твое наследство было тебе возвращено. Вырой могилу, схорони великана, а потом пойди убей великаншу.

— Но я не могу убить того, кто со мной не дерется, — ответил Джек, — и я не смог бы поднять оружие на женщину. Вдобавок великанша была ко мне очень добра.

Фея улыбнулась ему.

— Я очень рада убедиться в твоем благородстве, — сказала она. — И все-таки возвращайся в замок и сделай то, что сочтешь нужным.

Джек спросил, покажет ли фея ему дорогу к замку, ведь бобовый стебель упал. Она обещала отвезти его туда в своей колеснице, которую несли два павлина. Джек поблагодарил ее и встал рядом с ней на колесницу.

Фея долго везла его кружным путем, пока они не прибыли в деревню у подножия холма. Там они встретили

кучку жалко выглядящих людей. Фея остановила колесницу и обратилась к ним:

— Друзья, жестокий великан, который притеснял вас и пожирал ваши стада, мертв. Вот этот юный господин избавил вас от него. Это сын рыцаря, вашего доброго прежнего повелителя.

Люди встретили ее слова громким ликованием и подступили ближе, говоря, что будут служить Джеку столь же преданно, как служили его отцу. Фея велела им следовать за ней к замку, и они пришли туда все вместе, а Джек протрубил в рог и потребовал впустить его.

Старая великанша видела, как они идут, через бойницу башни. Она очень испугалась, понимая, что с ее мужем что-то произошло, и побежала вниз, но запуталась в платье, упала с большой высоты и сломала себе шею.

Когда люди, бывшие снаружи, поняли, что дверь им не откроют, они взяли ломы и вышибли ее. В замке они никого не увидели, но, пройдя через зал, нашли тело великанши у подножия лестницы.

Так Джек овладел замком. Фея привезла к нему мать, а с ней курицу и арфу. Он распорядился похоронить великаншу и как мог постарался исправить несправедливость, причиненную тем, кого великан обобрал.

Готовясь возвратиться в волшебную страну, фея объяснила Джеку, что это она подослала к нему мясника с бобами, желая испытать, что он за человек.

— Если бы ты попусту смотрел на громадный бобовый стебель и глупо дивился ему, — сказала она, — я бы оставила тебя там, куда занесло тебя несчастье, только вернула бы твоей матери корову. Но ты обнаружил пытливый ум, смелость и предприимчивость, а стало быть, ты заслуживал большего. Карабкаясь по бобовому стеблю, ты поднимался по лестнице удачи.

На этом она простилась с Джеком и его матерью.

Маленькая добрая мышка

*Французская сказка**

или-были некогда король с королевой, которые любили друг друга так сильно, что были счастливы, лишь когда были вместе. Каждый день они отправлялись на охоту или на рыбалку, каждую ночь — на бал или в оперу; они пели, танцевали, ели леденцы и были самыми веселыми из веселых людей, и все подданные следовали их примеру, так что их королевство называли Землей радости. А в соседнем королевстве все было совсем-совсем не так. Король был мрачным и злобным и никогда не веселился. Он был таким уродливым и сердитым, что все подданные боялись его, он видеть не мог довольных лиц — если ему попадался улыбающийся человек, тому сей же миг рубили голову. Это королевство вполне уместно прозвали Землей слез. А когда этот злой король услышал о том, как счастлив веселый король, он так позавидовал, что собрал огромное войско и пошел с ним воевать, и скоро королю и королеве сообщили о его приближении. Услышав об этом, королева очень испугалась и горько заплакала.

---

* Из сборника сказок мадам д'Онуа «Кабинет фей».

— Сир, — сказала она, — давайте соберем все наши сокровища и убежим так далеко, как только сможем, на другой конец света.

Но король ответил:

— Фи, мадам! Я для этого слишком храбр. Лучше умереть, чем быть трусом.

Потом он собрал всех своих воинов и, нежно простившись с королевой, сел на своего великолепного скакуна и уехал. Когда он скрылся из виду, королева не могла сдержать слез и рыдала, заламывая руки:

— Ах! Если короля убьют, что станет со мной и моей маленькой дочкой?

Она так скорбела, что не могла ни есть, ни спать.

Король каждый день слал ей письма, но наконец, выглянув утром из окна дворца, она увидела, что к ней во весь дух несется вестник.

— Какие новости, гонец? Какие новости? — крикнула королева, и он ответил:

— Битва проиграна, король мертв, и враг вот-вот будет здесь.

Бедная королева упала без чувств, и все ее дамы отнесли ее в кровать и столпились вокруг, плача и стеная. Поднялся страшный шум, все пришло в смятение, и они поняли, что прибыл враг, а скоро услышали, как злой король сам топает по дворцу, разыскивая королеву. Тогда женщины положили ей на руки маленькую принцессу и укрыли королеву с головы до пят простынями, а сами по-

бежали спасаться, а бедная королева лежала, трясясь, и надеялась, что ее не найдут. Но очень скоро злой король вломился в комнату и, разъяренный тем, что королева не откликнулась на его зов, сорвал с нее шелковое покрывало, стянул кружевной чепец, так что ее красивые волосы рассыпались по плечам, трижды намотал их себе на руку, забросил королеву на плечо и потащил, как мешок муки.

Бедная королева крепко сжимала в руках маленькую дочь и взывала к милосердию злого короля, но он только насмехался над ней и просил ее не умолкать, так как ее крики его забавляют. Так он сел на своего огромного черного коня и ускакал в свою страну. Приехав туда, он объявил, что повесит королеву и маленькую принцессу на ближайшем дереве, но его придворные сказали, что будет жаль их вешать, ведь, когда девочка вырастет, из нее выйдет отличная жена для единственного сына короля.

Королю понравилась эта мысль, и он запер королеву в комнате на самом верху высокой башни, очень тесной и скудно обставленной — там был только стол и очень жесткая постель на полу. Затем он послал за волшебницей, жившей поблизости от его королевства, принял ее куда обходительнее, чем у него было в обычае, и, задав в ее честь роскошный пир, отвел ее к королеве. Волшебницу так тронул вид несчастной вдовы, что она прошептала, целуя той руку:

— Мужайтесь, мадам! Пожалуй, я знаю, как вам помочь.

Королева, немного утешенная этими словами, приняла волшебницу милостиво и умоляла ее сжалиться над бедной маленькой принцессой, чья судьба так неожиданно переменилась. Но король очень разозлился, увидев, что они шепчутся, и сварливо закричал:

— Кончайте эти сладкие речи, мадам. Я привел вас сюда не для этого, а чтобы вы мне сказали, вырастет ли этот ребенок красивым и удачливым или нет?

Тогда фея ответила, что принцесса будет настолько красива, умна и хорошо воспитана, насколько возможно, и старый король буркнул королеве, что с этим ей повезло, а иначе он бы повесил обеих. Потом он удалился прочь, забрав с собой волшебницу и оставив бедную королеву в слезах.

«Как я могу желать, чтобы моя доченька выросла красивой, если ее выдадут за этого ужасного карлика, сына короля! — говорила она себе. — А если она не будет хорошенькой, нас обеих убьют. Если бы только я могла ее где-нибудь спрятать, чтобы жестокий король никогда ее не нашел».

Шли дни. Королева и маленькая принцесса все худели и худели, ибо жестокосердный тюремщик давал им каждый день лишь три вареные горошины и крохотный кусочек черного хлеба, так что они всегда были ужасно голодны. Наконец однажды вечером, когда королева сидела за прялкой — ибо король был так скуп, что заставлял ее работать днем и ночью, — она увидела маленькую хорошенькую мышку, выбежавшую из дырки, и сказала ей:

— Ах, маленькое создание! Чего ты здесь ищешь? Мне дают в день всего три горошины. Если не хочешь голодать, уходи отсюда.

Но мышка бегала туда-сюда, танцевала и прыгала так мило, что наконец королева отдала ей последнюю горошину, которую приберегла себе на ужин, сказав:

— Вот, маленькая, скушай. Мне больше нечего предложить тебе, но это я отдаю охотно в благодарность за то, что ты меня развлекла.

Едва договорив, она увидела на столе восхитительную жареную куропаточку и два блюда консервированных фруктов. «Воистину, доброе дело никогда не остается без награды», — сказала она и с огромным удовольствием поужинала вместе с маленькой принцессой, а потом отдала остатки маленькой мышке, которая стала танцевать еще лучше, чем прежде. На следующее утро пришел тюремщик с ежедневными тремя горошинами, которые он приносил на большом блюде, чтобы они казались еще меньше. Но, едва он поставил блюдо, выбежала мышка и съела все горошины, так что, когда королева захотела пообедать, ей не досталось ничего. Она расстроилась и сказала:

— Что за гнусное животное эта мышка! Если она и дальше будет так делать, я умру от голода.

Но, когда она опять посмотрела на блюдо, оно было наполнено всякими вкусностями, так что королева отлично пообедала и была за обедом веселее обычного. Однако

потом, сидя за прялкой, она стала думать, что будет, если маленькая принцесса вырастет недостаточно красивой, чтобы король остался доволен, и сказала себе:

— Ах! Если бы только я могла придумать, как нам бежать.

Говоря, она увидела, что мышка в углу играет с длинными соломинками. Королева взяла их и стала переплетать, приговаривая:

— Если бы только у меня было достаточно соломы, я сделала бы из нее корзину и спустила мою малышку в окно, чтобы какой-нибудь добрый прохожий позаботился о ней.

Когда она доплела, то обнаружила, что мышка притаскивает все новые пучки соломы, и наконец у королевы ее было достаточно, чтобы сплести корзину. Она трудилась день и ночь, а маленькая мышка танцевала, развлекая ее. На обед и на ужин королева давала ей три горошины и кусочек черного хлеба, а вместо них на блюде всегда оказывалось что-нибудь вкусное. Она понятия не имела, откуда берутся все эти лакомства. Наконец, когда корзина была готова, королева выглянула в окно, желая посмотреть, насколько длинная веревка ей понадобится, чтобы спустить корзину к подножию башни, и увидела маленькую старушку, которая смотрела на нее снизу, опираясь на палку. Старушка сказала:

— Мадам, я знаю о вашей беде. Если желаете, я помогу вам.

— О, мой дорогой друг! — сказала королева. — Если вы действительно хотите мне помочь, приходите, когда я скажу, и я спущу в корзине мое бедное дитя. Если вы возьмете ее и вырастите, я щедро вас вознагражу, когда буду богата.

— Я не ищу награды, — сказала старуха, — но кое-чего я хотела бы. Вам следует знать, что я очень разборчива в еде и больше всего я люблю пухлых, нежных маленьких мышек. Если там у вас есть такая, только бросьте ее мне, а взамен я обещаю позаботиться о вашей дочери.

Королева заплакала, услышав это, но ничего не ответила, и старуха, подождав несколько минут, спросила, в чем дело.

— Как же, — ответила королева, — в этой каморке всего одна мышь, и это такое милое и ласковое существо, что я не могу думать о том, что ее убьют.

— Как?! — в ярости закричала старуха. — Жалкая мышь вам дороже вашего собственного чада? Прощайте, мадам! Продолжайте наслаждаться ее обществом, а я со своей стороны благодарю звезды за то, что могу достать сколько угодно мышей, не утруждаясь просить о них вас.

И она похромала прочь, ворча и бурча. Королева же была столь огорчена, что, даже обнаружив еще более роскошный обед, чем раньше, и увидев, с какой небывалой радостью танцует маленькая мышка, она могла только плакать. Вечером, когда ребенок крепко уснул, она уложила дочь в корзину и написала на клочке бумаги: «Эту

несчастную девочку зовут Делицией!» Приколов бумажку к одежде малышки, она с грустью закрывала корзину, но мышка запрыгнула внутрь и уселась на подушке спящей девочки.

— Ах, дорогая моя мышка! — сказала королева. — Дорого мне обошлась твоя жизнь. Как я теперь узнаю, позаботился ли кто-нибудь о моей Делиции? Любой отдал бы тебя жадной старухе и позволил бы ей тебя съесть, но я не могу этого сделать.

И тут мышь ответила:

— Поверьте мне, мадам, вам не придется сожалеть о вашей доброте.

Королева очень удивилась, когда мышка заговорила, и еще больше, когда увидела, что ее острый носик превращается в красивое лицо, а лапки — в руки и ноги. Потом мышка вдруг выросла, и королева узнала волшебницу, которая приходила к ней вместе со злым королем.

Волшебница улыбнулась ее изумлению и сказала:

— Я хотела проверить вашу верность и способность быть мне подлинным другом — видите ли, у нас, волшебниц, всего много, только не друзей, а друзей найти нелегко.

— Быть того не может, чтобы вы нуждались в друзьях — вы, милое создание! — сказала королева и поцеловала ее.

— Но это так, — ответила волшебница. — Ибо тех, кто дружит со мной ради собственной выгоды, я вовсе не считаю. Но когда вы заботились о бедной маленькой мышке, вы не могли знать, что получите что-то за это, а чтобы еще

раз вас испытать, я приняла облик старухи, с которой вы говорили из окна, и тогда я убедилась, что вы меня действительно любите.

Повернувшись к маленькой принцессе, она трижды поцеловала ее розовые губки и сказала:

— Милая малышка, я обещаю, что ты будешь богаче, чем твой отец, и проживешь сто лет, всегда красивая и счастливая, не боясь старости и морщин.

Довольная королева ласково поблагодарила волшебницу и попросила ее позаботиться о маленькой Делиции и вырастить ее, как свою дочь. Та пообещала, и тогда они закрыли корзину и осторожно опустили ее вместе с ребенком на землю к подножию башни. Затем фея вновь обратилась в мышь, задержавшись на несколько секунд, но, когда она ловко сбежала по сплетенной из соломы веревке, ребенка на месте не оказалось.

В величайшем страхе она побежала обратно к королеве с криком:

— Все пропало! Канкалина, мой враг, похитила принцессу. Вы должны знать, что это жестокая колдунья, которая меня ненавидит. Она старше и сильнее меня, я ничего не могу с ней поделать. Я не знаю, как вызволить Делицию из ее когтей.

Услышав эту ужасную весть, королева пала духом и умоляла фею сделать все возможное, чтобы вернуть бедную маленькую принцессу. Тут пришел тюремщик и, хватившись малышки, сразу доложил королю. Тот явился

в башню, разъяренный, и спросил, что королева сделала с дочерью. Она ответила, что волшебница, имени которой она не знает, пришла и силой отняла ее у матери. Услышав это, король топнул ногой и закричал страшным голосом:

— Тебя повесят! Я всегда говорил, что тебя надо повесить.

И, не тратя больше слов, он утащил несчастную королеву в ближайший лес и влез на дерево, подыскивая сук, на котором мог бы ее повесить. Но, когда он забрался высоко, фея, которая следовала за ними невидимкой, вдруг толкнула его, так что он оступился и с грохотом упал на землю. Он сломал четыре зуба, и, пока он пытался вставить их на место, фея унесла королеву на своей летающей колеснице в прекрасный замок, где обходилась с ней так ласково, что королева была бы совершенно счастлива, если бы не лишилась Делиции. Но, хотя добрая маленькая мышка делала все, что было в ее силах, им не удавалось выяснить, где же Канкалина прячет маленькую принцессу.

Так прошло пятнадцать лет, и королева немного оправилась от своего горя, когда узнала, что сын злого короля хотел жениться на девушке, которая ходила за индейками, но она его отвергла. Тем не менее были приготовлены свадебные одеяния, а торжество должно было стать таким пышным, что на него сходились за много лиг. Королеве стало странно, что маленькая птичница не желает стать королевой, и мышка сама пошла на птичник посмотреть на нее.

Когда она нашла служанку, та сидела на большом камне, босая, убого одетая, в старом грубом льняном платье и чепце; земля у ее ног была устлана платьями, расшитыми золотом и серебром, лентами и кружевами, алмазами и жемчугами, по которым бродили индюшки, а уродливый, противный сын короля стоял напротив и злобно говорил, что ее убьют, если она не согласится стать его женой.

Птичница гордо отвечала:

— Я никогда за тебя не выйду! Ты слишком уродлив и слишком похож на своего жестокого отца. Оставь меня в покое, мне мои индюшки милее, чем все твои пышные дары.

Маленькая мышка смотрела на нее с восторгом, ибо девушка была прекрасна, как весна. И, как только злой принц ушел, она приняла облик старой крестьянки и сказала девушке:

— Добрый день, красавица! Какие отличные у тебя индюшки.

Молодая птичница обратила к ней свой нежный взор и ответила:

— Но от меня требуют покинуть их и стать жалкой королевой! Что мне делать?

— Дитя мое, — ответила фея, — корона — приятная вещь, но ты не знаешь ни цены ей, ни того, как она тяжела.

— Я знаю это так хорошо, что отказалась ее надевать, хоть мне и неведомо, кто были мои отец и мать, и у меня нет ни одного друга в целом свете.

— У тебя есть добрая душа и красота — они дороже десяти королевств, — сказала мудрая фея. — Но скажи мне,

«Ты должна стать моей женой!» — злобно потребовал сын короля.

дитя, как ты здесь очутилась и как вышло, что у тебя нет ни отца, ни матери, ни друга?

— Я здесь из-за волшебницы Канкалины. Пока я жила у нее, то видела от нее только побои и ругательства. Наконец терпение мое кончилось, и я убежала куда глаза глядят. Злой принц встретил меня в лесу и предложил мне место служанки в птичнике. Я радостно согласилась, не зная, что мне придется видеть его каждый день. А теперь он хочет на мне жениться, но на это я никогда не соглашусь.

Услышав это, фея убедилась, что за индюшками смотрит не кто иная, как принцесса Делиция.

— Как тебя зовут, маленькая моя? — спросила она.

— Делиция.

Тогда фея обняла принцессу и чуть не задушила ее поцелуями.

— Ах, Делиция! Я твой очень старый друг, я так рада наконец тебя найти. Но ты не должна выглядеть как замухрышка, тебе не следует ходить в этом старом платье, которое подобает только кухонной девчонке. Надень эти красивые одежды, посмотрим, как они изменят тебя.

Делиция сняла уродливый чепец, встряхнула своими блестящими светлыми волосами, вымыла руки и лицо в чистой воде из ближайшего ручья — и щеки ее заалели, как розы. А, когда она украсила себя бриллиантами и великолепным одеянием, которое дала ей волшебница, то стала самой прекрасной в мире принцессой, и фея восторженно воскликнула:

— Теперь ты выглядишь так, как должна выглядеть, Делиция! Что ты сама об этом думаешь?

И Делиция ответила:

— Я чувствую себя так, будто я дочь какого-нибудь могущественного короля.

— А была бы ты счастлива, будь ты дочерью короля?

— Конечно, была бы.

— Ну что ж, — сказала фея, — возможно, завтра я принесу тебе отрадные вести.

Она поспешила в свой замок, где королева сидела за вышиванием, и крикнула:

— Ах, мадам! Готовы ли вы поставить свой наперсток и золотую иголку на то, что я принесла вам лучшие новости, какие вы только могли бы услышать?

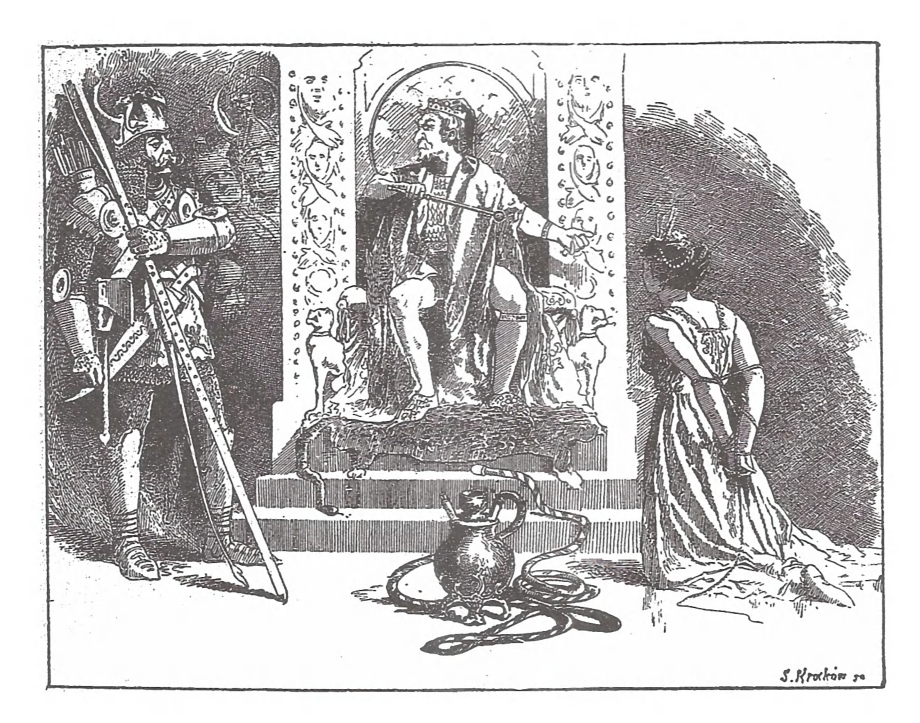
— Увы! — вздохнула королева. — После смерти веселого короля и утраты моей Делиции все новости мира не стоят для меня и булавки.

— Ну, ну, не убивайтесь! — сказала фея. — Уверяю вас, у принцессы все хорошо, и я никогда не видела никого, кто мог бы сравняться с ней красотой. Она могла бы завтра же стать королевой, если б захотела.

И она рассказала, что произошло. Королева сперва обрадовалась тому, что Делиция выросла такой красавицей, а потом заплакала при мысли, что она ходит за индюшками.

— Я не хочу слышать о том, как ее принуждают выйти за сына злого короля, — сказала королева. — Пойдем к ней сейчас же и заберем ее сюда.

Тем временем злой принц, который был очень сердит на Делицию, сидел под деревом, кричал и выл от гнева и

Стражники связали ее по рукам и ногам толстыми веревками

ярости, пока король не услышал его криков и не выглянул из окна:

— Что с тобой, что ты так галдишь?

Принц ответил:

— Все потому, что наша птичница меня не любит!

— Не любит тебя? Ха! — отозвался король. — Сейчас мы с этим разберемся!

Он позвал стражников и велел им привести Делицию.

— Сдается мне, она быстро передумает! — хихикнул злой король.

Стража стала обыскивать птичник, но не нашла там никого, кроме самой Делиции, а та в пышном платье и бриллиантовой короне выглядела такой прекрасной принцессой, что они едва отваживались с ней заговорить. Но она сама обратилась к ним очень вежливо:

— Прошу вас, скажите мне, что вы здесь ищете?

— Мадам, — отвечали они, — нас послали за какой-то незначительной особой по имени Делиция.

— О! Это я. Чего вы хотите от меня?

Тогда стражники связали ее по рукам и ногам толстыми веревками, боясь, что она убежит, и притащили к королю, который ждал вместе с сыном.

Увидев ее, король поразился ее красоте, за которую любой менее жестокосердный человек пожалел бы ее. Но злой король лишь насмехался над девушкой да кричал:

— Эй, маленькое пугало, крохотная жаба! Почему ты не любишь моего сына, который намного красивее и добрее тебя? Поторопись, ты должна полюбить его немедленно, иначе тебя измажут дегтем и вываляют в перьях.

Тогда бедная юная принцесса, дрожа от страха, упала на колени и закричала:

— О, пожалуйста, не надо обмазывать меня дегтем и вываливать в перьях! Это будет так ужасно. Дайте мне два-три дня, чтобы я приняла решение, а потом делайте со мной, что вам будет угодно.

Злой принц очень хотел бы посмотреть на то, как ее измажут дегтем и облепят перьями, но король приказал запереть ее в темном донжоне.

Как раз в этот миг на колеснице прилетели королева и фея. Королева была очень огорчена тем, какой оборот приняли события, и сказала горестно, что ей суждено быть несчастной до конца своих дней. Но фея попросила ее приободриться.

— Я с ними расквитаюсь, — пообещала она, склонив упрямо голову.

В ту же ночь, едва злой король лег в постель, фея превратилась в маленькую мышку и, забравшись к нему на подушку, укусила его за ухо, так что он громко взвизгнул и перевернулся на другой бок. Но это не помогло — мышка, продолжая свое дело, впилась в другое ухо, еще больнее.

Тогда король закричал: «Убивают! Грабят!» — и вся его стража сбежалась посмотреть, в чем дело, но они ничего и никого не нашли, ибо маленькая мышка убежала в комнату принца и обошлась с ним точно так же. Всю ночь она бегала из одной спальни в другую, пока король, измученный страхом и недосыпом, не выбежал из дворца с воплем:

— Помогите! Помогите! Меня преследуют крысы!

Принц, услышав это, тоже вскочил и побежал за королем, и оба они, не успев далеко убежать, попадали в реку. Больше о них никогда и ничего не слышали.

Добрая фея поспешила рассказать об этом королеве, и они вместе вошли в черный донжон, где томилась Делиция. Фея касалась каждой двери своей волшебной палочкой, и та вмиг распахивалась, правда, ей пришлось отворить сорок дверей, прежде чем они добрались до принцессы. Та,

подавленная, сидела на полу, но, когда вбежала королева, осыпала ее поцелуями и, смеясь и плача, поведала всю историю, принцесса почти запрыгала от радости. Потом фея показала ей все прекрасные платья и драгоценности, которые принесла для нее, и сказала:

— Не будем терять времени. Нужно обратиться к народу.

Она пошла впереди, очень серьезная и торжественная, в платье со шлейфом длиной не меньше десяти элей. За ней следовала королева в синем бархатном платье, вышитом золотом, и в короне с бриллиантами, которые сверкали ярче солнца. Последней шла Делиция, чьей красоте невозможно было не дивиться.

Они прошествовали по улицам, отвечая на приветствия всех людей, которые им встречались, больших и малых, и все люди поворачивали и шли следом за ними, гадая, что это за благородные дамы.

Когда зал для приемов наполнился, фея сказала подданным злого короля, что, если они захотят принять Делицию, дочь веселого короля, как свою королеву, она подыщет той подходящего мужа и проследит за тем, чтобы в их правление все только веселились и забавлялись, а все неприятное будет запрещено. На это люди закричали в один голос: «Да, да! Достаточно мы были унылы и несчастны!» Они все взялись за руки и стали танцевать вокруг королевы, Делиции и доброй феи, распевая: «Да, да! Хотим, хотим!»

Потом на каждой улице города начали пировать и пускать фейерверки, а рано утром фея, облетев за ночь весь

мир, привезла в своей летающей колеснице самого красивого и доброго принца, какого смогла найти. Он был так обаятелен, что Делиция полюбила его в ту самую минуту, когда их взгляды встретились, а что до него, то, конечно, он не мог не счесть себя счастливейшим принцем в мире. Королева поняла, что ее невзгоды наконец-то подошли к концу, и все они жили долго и счастливо.

Грациоза и Персинет

*Французская сказка**

или-были некогда король с королевой, и была у них одна очаровательная дочь. Так она была изящна, красива и умна, что ее звали Грациозой, а королева настолько ее любила, что не могла думать ни о чем другом.

Каждый день она дарила принцессе красивое новое платье из золотой парчи, атласа или бархата, а когда та хотела есть, у нее было полное блюдо леденцов и, по меньшей мере, двадцать горшочков варенья. Все говорили, что Грациоза — счастливейшая в мире принцесса.

Но жила при том же дворе очень богатая старая герцогиня по имени Грамбли-Ворчунья. Она была так страшна, что и описать невозможно: волосы огненно-рыжие и всего один глаз, да и в тот заглядывать не захочешь! Лицо у нее было широкое, как полная луна, а рот такой большой, что всякий, кто с ней встречался, боялся, как бы она его не съела, хоть у нее и не осталось ни одного зуба. А поскольку нрав у нее был не лучше, чем внешность, она не выносила разговоров о том, как мила и обаятельна Грациоза. Поэтому она

* Из сборника сказок мадам д'Онуа «Кабинет фей».

удалилась от двора в свой замок, что был неподалеку от дворца. Но если кому-нибудь из ее гостей случалось упоминать прелестную принцессу, Грамбли злобно кричала:

— Неправда, что она хороша собой! Один мой мизинец краше, чем все ее тело.

Вскоре, к большому горю принцессы, королева заболела и умерла, а король так скорбел о ней, что на целый год сел затворником в своем дворце. Наконец доктора, боясь, что он заболеет, велели ему выехать из дворца и поразвлечься. Была устроена охота, но из-за жары король быстро устал и сказал, что хочет сойти с коня и отдохнуть в замке, мимо которого он проезжал.

Случилось так, что это был замок герцогини Грамбли, и она, услышав, что к ней прибыл король, вышла ему навстречу и сказала, что подвал — самое прохладное место в замке, если ему будет угодно туда спуститься. Они вместе сошли вниз, и король, увидев две сотни больших бочек, выставленных рядами, спросил, только ли для себя она припасла все это вино.

— Да, сир, — ответила герцогиня, — это все для меня одной, но я буду счастлива угостить вас. Какое вино вы предпочитаете? Канарское, «Сен-Жюльен», шампанское, «Эрмитаж», изюмное вино или сидр?

— Что ж, — сказал король, — раз вам было угодно меня спросить, то я всему предпочитаю шампанское.

Тогда герцогиня Грамбли взяла молоточек и дважды стукнула по бочке. Из бочки высыпалось около тысячи крон.

Герцогиня дважды стукнула по бочке, и из нее высыпался бушель золотых монет

— Что бы это могло значить? — улыбнулась она.

И постучала по другой бочке. Из той высыпался бушель золотых монет.

— Ничего не понимаю, — еще шире улыбнулась герцогиня.

Она подошла к третьей бочке, тук, тук! — и из бочки вырвались потоком бриллианты и жемчужины, покрыв собою пол.

— Ах! Сир, это моему уму непостижимо. Должно быть, кто-то украл мое славное вино и подменил его вот этим хламом.

— Хламом? Так вы это называете, мадам Грамбли? — вскричал король. — Хлам! Да на это можно купить десяток королевств.

— Ну так знайте, что все эти бочки полны золота и драгоценных камней, и, если вы пожелаете на мне жениться, все это будет вашим.

А так как король любил деньги больше всего на свете, он радостно закричал:

— Жениться на вас? Со всей душой! Хоть завтра, если хотите.

— Но у меня есть одно условие, — продолжала герцогиня. — Я должна получить полную власть над вашей дочерью, чтобы я могла делать с ней все, что захочу.

— Конечно же, она ваша, — сказал король. — Давайте скрепим сделку рукопожатием.

Они пожали друг другу руки и вышли вместе из подвала с сокровищами. Герцогиня заперла дверь и отдала ключ королю.

Когда он вернулся в свой дворец, Грациоза выбежала его встречать и спросила, удачно ли он поохотился.

— Я поймал голубку, — ответил ей отец.

— О! Отдай ее мне, а я буду ее кормить и заботиться о ней.

— Мне трудно будет это сделать. Правду сказать, я имел в виду, что я встретил герцогиню Грамбли и обещал на ней жениться.

— И ты называешь ее голубкой? — воскликнула принцесса. — Я бы назвала ее совой-сипухой!

— Придержи язык, — грубо оборвал ее король. — Я ожидаю, что ты будешь с ней любезна. А теперь ступай и приготовься выезжать, я собираюсь вас познакомить.

Принцесса, очень грустная, ушла в свою комнату, и кормилица, увидев ее слезы, спросила, чем она так огорчена.

— Увы! — ответила Грациоза. — Как же мне не огорчаться? Ведь король собрался жениться опять и выбрал в жены моего врага — уродливую герцогиню Грамбли.

— Ах, так! — сказала кормилица. — Вы должны помнить, что вы принцесса и от вас ожидают, что вы смиритесь со всем, что бы ни произошло, и подадите достойный пример. Пообещайте мне, что не покажете герцогине свою нелюбовь.

Поначалу принцесса отказывалась дать такое обещание, но кормилица привела столько разумных доводов, что в конце концов она согласилась держаться со своей мачехой приветливо.

Потом кормилица нарядила ее в платье из бледно-зеленой с золотом парчи и расчесала ее длинные светлые волосы, так что они легли ей на плечи, как золотая мантия, и возложила на ее чело венок из роз и жасмина с изумрудными листьями.

Когда принцесса была готова, никто не мог бы превзойти ее красотой, но она все равно была печальна.

Тем временем герцогиня Грамбли тоже прихорашивалась. Она велела сделать один каблук на дюйм выше дру-

гого, чтобы меньше хромать, и вставила в пустую глазницу искусно сделанный стеклянный глаз. Рыжие волосы она вычернила и накрасила лицо. Потом она надела роскошное платье из лилового атласа на синей подкладке и желтую юбку, отделанную фиолетовыми лентами, а поскольку она слышала, что королевы всегда въезжают в свои новые владения верхом, она приказала оседлать для себя лошадь.

Ожидая, когда король будет готов отправляться, Грациоза одиноко прошлась по саду, присела в лесу на мшистом бережку и задумалась. И так горестны были ее мысли, что очень скоро она расплакалась и плакала, плакала, совсем забыв о возвращении во дворец. Но вдруг она увидела, что перед ней стоит красивый паж. Он был одет в зеленый камзол и держал в руке шляпу, украшенную белыми перьями. Когда Грациоза подняла на него глаза, он встал на одно колено и негромко произнес:

— Принцесса, король ожидает вас.

Принцесса была удивлена и, правду сказать, восхищена красотой этого пажа, которого она не могла припомнить. Думая, что он может состоять в свите герцогини, она спросила:

— Давно ли вы в пажах у короля?

— Мадам, я служу не королю, но вам.

— Мне? — изумилась принцесса. — Но как тогда может быть, что я никогда раньше вас не видела?

— Ах, принцесса! — ответил паж. — Я никогда раньше не дерзал представиться вам, но теперь, когда король же-

нится, вам угрожает столько опасностей, что я решился сказать вам, как я вас люблю и надеюсь, что со временем смогу заслужить взаимность. Я принц Персинет — вы могли слышать о моем богатстве, — и я надеюсь, что мои волшебные способности пригодятся вам в ваших невзгодах, если вы позволите мне сопровождать вас во всех превратностях вашей судьбы.

— Ах, Персинет! — воскликнула принцесса. — Это действительно вы? Я так много слышала о вас и так хотела вас увидеть. Если вы действительно будете моим другом, я больше не буду бояться этой злобной старой герцогини.

Они вместе вернулись во дворец, и там Грациоза обнаружила превосходную верховую лошадь, которую привел ей Персинет. Лошадь горячилась, поэтому он вел ее за узду, благодаря чему мог часто оборачиваться и смотреть на принцессу — а он об этой возможности только мечтал. В самом деле, она была так хороша, что смотреть на нее было одно удовольствие. Когда рядом с лошадью Грациозы появилась лошадь, на которой ехала герцогиня, она показалась всего лишь старой обозной клячей, а ее упряжь не шла ни в какое сравнение со сверкающим изобилием бриллиантов на седле и узде принцессиной лошадки. Король не заметил этого — ему и так было о чем подумать, — но все его придворные глаз не сводили с принцессы и ее прелестного пажа, одетого в зеленое, который превосходил красотой и изысканностью их всех, вместе взятых.

Когда они встретились с герцогиней Грамбли, та сидела в открытом экипаже, тщетно стараясь держаться с достоинством. Король и принцесса поприветствовали ее, и к ней подвели ее лошадь, чтобы она могла сесть в седло. Но она увидела лошадь принцессы и возмутилась:

— Если у этого ребенка будет лошадь лучше, чем у меня, то я сию же минуту вернусь в свой замок. Стоит ли быть королевой, если тебя настолько не уважают?

В ответ король приказал Грациозе спешиться и просить герцогиню оказать ей честь поехать на ее лошади. Принцесса молча повиновалась, и герцогиня, не удостоив ее взглядом и не поблагодарив, вскарабкалась на прекрасного скакуна. На нем она казалась мешком тряпья, и восемь офицеров должны были поддерживать ее, чтобы она не свалилась.

Но и тогда она не удовлетворилась и все ворчала себе под нос. Спросили, что ей не так.

— Хочу, чтобы этот паж в зеленом вел лошадь, как он это делал, когда на ней ехала Грациоза, — ответила она капризно.

И король приказал пажу подойти и вести лошадь королевы. Персинет и принцесса переглянулись, но промолчали, а затем он выполнил приказ короля, и шествие очень торжественно двинулось вперед. Герцогиня ликовала, восседая в седле при полном параде, и не хотела бы поменяться местами даже с Грациозой. Но в тот миг, когда этого никто не ожидал, прекрасный конь стал прыгать, вставать на дыбы, лягаться и наконец умчался так быстро, что остановить его было невозможно.

Поначалу герцогиня вцепилась в седло, но очень скоро конь ее сбросил, и она упала плашмя на камни и колючки, и там ее нашли, совсем беспомощную, и собрали, как разбитый стакан. Там же валялась ее шляпа, туфли, лицо было исцарапано, а нарядная одежда перепачкана. Мир еще не видывал невесты в таком незавидном состоянии. Ее отнесли обратно во дворец и положили на кровать, но, едва обретя дар речи, она стала браниться и гневаться и заявила, что в случившемся виновата Грациоза, что она нарочно все подстроила, чтобы избавиться от герцогини, и что, если король не накажет принцессу, она вернется в свой замок и оставит свои сокровища при себе.

Король очень испугался, ибо вовсе не хотел потерять все эти бочки с золотом и драгоценными камнями. Тут же он поспешил умилостивить герцогиню, сказав, что она может наказать Грациозу так, как ей заблагорассудится.

Тогда она послала за Грациозой, которая побледнела и задрожала, ибо не ждала от этого приглашения ничего хорошего. Она огляделась, но не увидела рядом Персинета — делать было нечего, пришлось ей идти в покои герцогини. Едва она вошла, как ее схватили четыре служанки, такие высокие, сильные и суровые, что принцесса содрогнулась от одного их вида и еще раз — когда увидела, что они вооружаются большими пучками розог, и услышала, как герцогиня со своей постели велит им хлестать принцессу без всякой жалости. Бедная Грациоза в отчаянии пожелала, чтобы Персинет узнал, что происходит, и пришел к ней на

помощь. Но, как только ее стали сечь, она с огромным облегчением убедилась, что розги превратились в павлиньи перья, и, хотя служанки герцогини усердствовали до тех пор, пока не устали настолько, что уже не могли поднять рук, принцесса совсем не пострадала. Однако, поскольку герцогиня думала, что Грациоза должна быть вся в синяках, то, когда ее отпустили, девушка притворилась, что ей очень плохо. Принцесса ушла к себе и стала рассказывать обо всем кормилице, потом она обернулась — перед ней стоял Персинет. Грациоза горячо поблагодарила его за то, что он так здорово ей помог, и оба они много смеялись над тем, как провели герцогиню и ее прислужниц. Персинет посоветовал принцессе притворяться больной еще несколько дней и, пообещав, что будет помогать ей каждый раз, когда у нее возникнет в нем нужда, исчез так же неожиданно, как появился.

Герцогиня так радовалась мысли о нездоровье Грациозы, что сама поправилась вдвое быстрее, и свадьбу сыграли почти роскошную. Поскольку король знал, что больше всего королева любит разговоры о своей красоте, он приказал написать ее портрет и устроить турнир, на котором храбрейшие рыцари его двора должны были доказывать всем желающим, что Грамбли — прекраснейшая в мире принцесса.

Множество рыцарей стекались отовсюду, чтобы принять вызов, а уродливая королева смотрела на состязание, торжественно восседая на балконе, завешенном золотой

тканью. Грациоза должна была стоять позади нее. Правда, на этом месте ее красота настолько бросалась в глаза, что собравшиеся бойцы не могли отвести от нее взгляд. А королева была так тщеславна, что принимала все их восхищенные взоры на свой счет. Итак, доблестные рыцари короля, хоть и сражались за безнадежное дело, побеждали во всех поединках.

Однако же, когда почти все чужестранцы были повержены, на ристалище появился молодой неизвестный рыцарь. Он нес портрет, сокрытый в отделанной алмазами шкатулке, и заявил, что желает доказать всем, что королева — уродливейшее в мире создание, а принцесса, чей портрет он несет, прекраснее всех.

Рыцари стали выходить против него один за другим, и он победил их всех, одного за другим, а затем открыл шкатулку и сказал, что покажет им, чтобы их утешить, портрет своей королевы красоты — и, когда он это сделал, все узнали принцессу Грациозу. Неведомый рыцарь изящно ее поприветствовал и удалился, никому не назвав своего имени. Но Грациоза без труда догадалась, что это был Персинет.

Что же до королевы, то она пришла в такую ярость, что насилу могла говорить. Но скоро голос к ней вернулся, и она обрушила на Грациозу водопад упреков.

— Как ты смеешь оспаривать мой титул королевы красоты и ждать, что я позволю нанести такую обиду моим рыцарям? Я этого не потерплю, гордая принцесса. Я отомщу.

— Уверяю вас, мадам, — отвечала Грациоза, — я не имею к этому никакого отношения и тоже очень хочу, чтобы вас провозгласили королевой красоты.

— А! Шутить изволишь, зазнайка! — ярилась королева. — Ничего, скоро настанет и мой черед!

Королю быстро донесли, что произошло и как принцесса боится злой королевы, но он сказал только:

— Королева может делать что ей угодно. Грациоза принадлежит ей!

Злая королева насилу дождалась ночи, а потом приказала подать карету. Грациозу почти насильно втолкнули туда, и карета тронулась. Ни разу не остановившись, она доехала до большого леса в сотне лиг от дворца. Лес был настолько мрачен и полон львов, тигров, медведей и волков, что никто не смел заходить в него даже днем — и там-то в глухую ночь высадили несчастную принцессу и бросили одну-одинешеньку, невзирая на ее рыдания и мольбы. Поначалу она, ошеломленная, стояла на месте, но, когда затих шум отъезжающих карет, она, пытаясь понять, где находится, забегала взад-вперед, то натыкаясь на дерево, то спотыкаясь о камень, боясь, что вот-вот ее сожрут львы. Наконец она настолько утомилась, что была уже не в состоянии сделать больше ни шагу, и тогда она бросилась на землю и вскричала в отчаянии:

— О Персинет, где же ты? Неужели ты совсем меня забыл?

Стоило ей это сказать, как весь лес озарился внезапным сиянием. Казалось, каждое дерево испускает мягкий свет,

Два оленя помчали принцессу и Персинета в хрустальный замок

который был яснее света луны и нежнее света дня. И в конце длинной аллеи деревьев принцесса увидела перед собой дворец из чистого хрусталя, сверкающий, как солнце. В этот миг она услышала позади себя негромкий шорох и обернулась — там стоял не кто иной, как Персинет.

— Я напугал вас, моя принцесса? — сказал он. — Я пришел пригласить вас в наш волшебный дворец от имени королевы, моей матери, которая готова любить вас так же сильно, как люблю вас я.

Принцесса радостно села вместе с ним на маленькие саночки, которые везли два оленя, и олени живо доставили их к чудесному дворцу, где королева приняла гостью самым любезным образом, и тут же начался великолепный пир. Грациоза была так рада найти Персинета и спастись из мрачного леса со всеми его ужасами, что ела с отличным аппетитом и была очень весела. Скучать на пиру не пришлось. После ужина перешли в другую прелестную комнату, где хрустальные стены были увешаны картинами, и принцесса с изумлением увидела, что на них изображена вся ее собственная жизнь до той самой минуты, когда Персинет нашел ее в лесу.

— Должно быть, у вас расторопные художники, — сказала она, показывая принцу последнюю картину.

— Они обязаны быть расторопными, ибо я не позволю себе упустить ничего из связанного с вами, — ответил он.

Когда принцесса захотела спать, двадцать четыре прелестные девы уложили ее в кровать в прекраснейшей комнате, какую только ей доводилось видеть, и спели для нее так сладостно, что ей всю ночь снились русалки, прохладные морские волны и пещеры, по которым она бродила вместе с Персинетом.

Но, пробудившись, она первым делом подумала о том, что, как бы ни нравился ей этот волшебный дворец, она не может оставаться в нем и должна вернуться к отцу. Когда двадцать четыре девы одели ее в великолепный наряд, который прислала королева и в котором Грациоза выглядела

еще прекраснее, принц Персинет пришел к ней и очень расстроился, когда она пересказала ему свои мысли. Он просил ее представить еще раз, как она будет несчастна при злой королеве и как, если только она станет его женой, весь волшебный дворец будет принадлежать ей и все его помыслы будут лишь о том, как ей угодить. Но, что бы он ни говорил, принцесса твердо намеревалась вернуться домой. В конце концов он уговорил ее остаться еще на восемь дней, которые были так наполнены радостью и весельем, что пролетели как часы. В последний день Грациоза, которой часто хотелось знать, что происходит во дворце ее отца, сказала Персинету, что он наверняка мог бы при желании узнать, как королева объяснила королю ее внезапное исчезновение. Персинет поначалу предложил послать гонца, чтобы это разузнать, но принцесса спросила:

— О, разве нет способа выяснить это побыстрее?

— Хорошо же, — ответил Персинет, — вы все увидите сами.

Они поднялись вдвоем на вершину очень высокой башни, построенной, как и весь замок, из горного хрусталя.

Там принц взял Грациозу за руку и заставил ее положить кончик мизинца в рот и посмотреть в сторону города. Она тут же увидела, как злая королева идет к королю и говорит ему: «Эта жалкая принцесса умерла — невелика потеря! Я приказала похоронить ее немедленно».

А потом принцесса увидела, что королева одела бревно в ее одежду и приказала его похоронить, а старый король

плакал и люди шептались, что королева убила Грациозу своей жестокостью и что ей надо бы отрубить голову. Увидев, как король сожалеет о ее ложной смерти — он не мог ни пить, ни есть, — принцесса вскричала:

— Ах, Персинет, скорее верни меня, если ты меня любишь!

И хотя ему этого вовсе не хотелось, он был вынужден пообещать, что отпустит ее.

— Быть может, вы, принцесса, не будете жалеть обо мне, — сказал он грустно, — ибо вы, боюсь, не настолько меня любите. Но я предвижу, что вы не раз пожалеете, что покинули этот волшебный дворец, где мы были так счастливы.

Но принцесса не слушала, она простилась с королевой, его матерью, и приготовилась уйти. Очень неохотно Персинет привел саночки с оленями, и Грациоза села в них рядом с ним. Но едва они отъехали на двадцать ярдов, как позади раздался чудовищный грохот. Грациоза обернулась, и увидела, что хрустальный дворец разлетелся на тысячу тысяч осколков, как струя фонтана, и исчез.

— О Персинет! — вскричала она. — Что случилось? Дворца больше нет.

— Да, — ответил Персинет, — мой дворец — дело прошлое. Ты увидишь его вновь, но лишь тогда, когда тебя скроют под землей.

— Теперь ты сердит на меня, — сказала Грациоза своим самым просительным голосом, — хотя, в сущности, я заслуживаю сочувствия больше, чем ты.

Когда они подъехали к дворцу, принц сделал санки и их самих невидимыми, так что принцесса вошла во дворец незамеченной и побежала наверх, в большой зал, где одиноко сидел король. Поначалу он очень удивился ее внезапному появлению, но она рассказала, как королева бросила ее в лесу и похоронила вместо нее бревно. Король, не зная, что и думать, тут же послал слуг с приказом выкопать бревно — и, конечно, все обстояло так, как говорила принцесса. Тогда он приласкал Грациозу и усадил ее ужинать за свой стол, и они были так счастливы, как это только возможно. Но кто-то уже рассказал злой королеве, что Грациоза вернулась, и она в ярости ворвалась к королю. Бедный старый король дрогнул перед ней, и, когда она заявила, что Грациоза — вовсе не принцесса, а дрянная обманщица и что, если король не выдаст ее сию же минуту, королева удалится в свой замок и никогда больше с ним не увидится, король не нашелся со словами и, казалось, действительно поверил, что перед ним все-таки не Грациоза. Тогда королева, торжествуя, послала за своими служанками, и те утащили несчастную принцессу прочь и заперли на чердаке. Они отобрали все ее драгоценности и красивое платье, а взамен дали грубую хлопковую одежду, деревянные башмаки и чепчик. В углу было немного соломы — вот вся ее постель, — а из еды ей давали лишь маленький кусочек черного хлеба. В таком незавидном положении Грациоза действительно пожалела о волшебном дворце, и она позвала бы Персинета на помощь, но была уверена, что он все еще

расстроен тем, что она его покинула, и думала, что не может рассчитывать на его появление.

Тем временем королева послала за старой колдуньей, не менее злокозненной, чем она сама, и сказала ей:

— Ты должна придумать мне какое-нибудь задание для этой миленькой принцессы, с которым та не сможет справиться, ибо я хочу ее наказать, и, если она не выполнит мой приказ, то ей не удастся обвинить меня в несправедливости.

Старая ведьма обещала над этим подумать и вернулась на следующий день. С собой она принесла моток пряжи втрое больше ее самой, такой тонкой, что дуновение ветра рвало ее, и такой запутанной, что невозможно было найти конец нитки.

Королева послала за Грациозой и сказала ей:

— Видишь этот моток? Приложи-ка к нему свои неуклюжие пальцы, ибо я хочу, чтобы к закату он был распутан, а если порвешь хоть одну ниточку, тебе же хуже.

И она ушла, закрыв за собой дверь на три замка.

Принцесса в испуге взирала на эту ужасную нить. Если она пробовала повернуть моток, чтобы посмотреть, с чего начать, нити одна за одной обрывались, и ни одну из них она не могла выпутать. Наконец она бросила моток на пол и зарыдала:

— О Персинет! Этот роковой моток станет моей смертью, если ты не простишь меня и не поможешь мне еще раз!

Он коснулся мотка своей палочкой, и моток распутался с удивительной легкостью

И тут же вошел Персинет, так легко, будто у него были ключи.

— Вот и я, принцесса, и так же, как всегда, готов вам служить, — сказал он, — хотя вы и не очень-то добры ко мне.

Потом он всего лишь коснулся мотка своей палочкой, и все порванные нити срослись, а весь моток распутался

с удивительной легкостью. Принц, повернувшись к Грациозе, спросил, не желает ли она, чтобы он исполнил для нее что-нибудь еще, и неужели так и не придет время, когда она позовет его ради него самого.

— Не сердись на меня, Персинет, — попросила она. — Я и без того достаточно несчастна.

— Но почему же вы должны быть несчастной, принцесса? — вскричал он. — Просто пойдемте со мной — и мы будем счастливы вместе до конца наших дней.

— А вдруг ты от меня устанешь? — спросила Грациоза.

Услышав, что она ему не верит, принц так огорчился, что ушел, не сказав ей более ни слова.

Злая королева так спешила наказать Грациозу, что ей казалось, будто солнце никогда не сядет и заката она не дождется. Поэтому уже задолго до назначенного часа она пришла со своими четырьмя служанками и, отпирая три замка, сказала:

— Бьюсь об заклад, негодная девчонка ничего не сделала. Она ведь предпочитает сидеть сложа руки, чтоб сохранить их белизну.

Но едва она вошла, как Грациоза преподнесла ей нить, смотанную в аккуратнейший клубок, так что она не нашла, к чему придраться, и сумела лишь притвориться, будто пряжа запачкана. За эту воображаемую вину она дала Грациозе пару пощечин, от которых ее бело-розовая кожа стала изжелта-зеленой. И опять велела запереть ее на чердаке.

Потом королева снова послала за ведьмой и устроила ей нагоняй:

— Не повторяй больше своей ошибки! Найди что-нибудь такое, что она не сможет сделать!

Так что на следующий день колдунья принесла большой бочонок, наполненный перьями всевозможных птиц: соловьев, канареек, щеглов, коноплянок, синиц, попугаев, сов, воробьев, голубей, страусов, дроф, павлинов, жаворонков, куропаток — и всех, каких только можно вспомнить. И все они были так плотно перемешаны, что птицы сами не сумели бы выбрать свои.

— Вот, — сказала колдунья, — небольшое заданьице, которое потребует от вашей пленницы всей ловкости и терпения. Велите ей выбрать перья каждой птицы и разложить их по отдельным кучкам. Чтобы это проделать, ей нужно быть волшебницей.

Королева с большим удовольствием подумала о том, в какое отчаяние повергнет принцессу эта задача. Она послала за Грациозой и, повторив свою угрозу, заперла ее на три замка, приказав разобрать все перья до заката. Принцесса сразу же принялась за работу, но не успела она достать и дюжину перьев, как поняла, что различить их совершенно невозможно.

— Ах! — вздохнула она. — Что ж, королева хочет моей смерти. И, раз уж я должна умереть, я умру. Я не могу опять просить Персинета о помощи, ибо, если бы он действительно меня любил, он не стал бы ждать, пока я его позову, а пришел бы незваный.

— Я здесь, моя Грациоза, — вскричал Персинет, выпрыгивая из бочонка, где он прятался. — Как вы можете до сих пор сомневаться, что я люблю вас всем сердцем?

Он трижды взмахнул палочкой над бочонком, и все перья вылетели оттуда облаком и разложились по всей комнате маленькими аккуратными кучками.

— Что бы я делала без тебя, Персинет? — благодарно сказала Грациоза.

Но она все еще не могла решиться уйти с ним и навсегда оставить королевство своего отца. Так что она попросила дать ей еще подумать, и снова ему пришлось уйти ни с чем.

На закате пришла злая королева, удивилась и разозлилась, обнаружив, что задание выполнено. Однако она пожаловалась, что кучки перьев уложены небрежно, и за это принцессу поколотили и отослали обратно на чердак. Затем королева опять послала за ведьмой и так ее разругала, что она, перепуганная, обещала дома придумать для Грациозы новую задачу, еще сложнее двух предыдущих.

Через три дня она вернулась, неся шкатулку.

— Велите вашей рабыне отнести шкатулку туда, куда вам будет угодно, но прикажите ни за что ее не открывать. Она, конечно, не сумеет удержаться, и вам понравится то, что произойдет, когда она откроет шкатулку!

Королева пришла к Грациозе и сказала:

— Отнеси этот ларец в мой замок и поставь на стол в моей комнате. Но я запрещаю тебе под страхом смерти смотреть, что внутри.

Грациоза вышла из дворца в своем чепчике, деревянных башмаках и старом хлопковом платье, но даже в этом обличье она была так прелестна, что прохожие гадали, кем может быть эта красавица. Не так уж далеко она ушла, когда жар солнца и тяжесть ноши настолько утомили ее, что она присела отдохнуть в тени рощи, рядом с которой лежал зеленый луг. Осторожно ставя ларец на колени, она вдруг испытала сильнейшее желание открыть его.

— Ну что может случиться, если я загляну внутрь? — спросила она себя. — Я ничего оттуда не возьму. Только посмотрю.

И, более не колеблясь, она подняла крышку.

Тотчас из шкатулки выскочили толпы крохотных человечков, ростом с ее палец, и рассыпались по лугу — пели, танцевали, играли в самые веселые игры, так что сперва Грациоза обрадовалась и забавлялась, наблюдая за ними. Но потом, отдохнув и решив продолжать путь, она обнаружила, что никак не может загнать человечков в ларец. Пока она ловила их на лугу, они сбегали в лес, а если она гналась за ними по лесу, эльфы прятались за деревьями или во мху и выскакивали опять на луг, заливаясь хохотом.

Наконец, усталая и перепуганная, она села и расплакалась.

— Это только моя вина, — печально сказала она. — Персинет, если ты все еще способен дорожить такой безрассудной принцессой, приходи и помоги мне еще раз.

Вмиг Персинет возник перед ней.

И, более не колеблясь, она подняла крышку ларца

— Ах, принцесса! — сказал он. — Боюсь, если бы не злая королева, вы никогда бы обо мне не вспомнили.

— Конечно, вспомнила бы, — ответила Грациоза. — Я не настолько неблагодарна, как вы думаете. Только подождите чуть-чуть, и скоро я буду нежно любить вас.

Персинет обрадовался этому и одним взмахом палочки загнал весь своенравный маленький народец на место в шкатулку, а затем, сделав принцессу невидимой, отвез ее в замок на своей колеснице.

Когда принцесса подошла к дверям и сказала, что королева поручила ей поставить эту шкатулку в королевской комнате, управляющий от души рассмеялся.

— Нет, нет, моя маленькая пастушка, — ответил он, — тут тебе не место. Никогда еще по этому полу не ступали деревянные башмаки.

Тогда Грациоза попросила его написать записку королеве о том, что он отказался ее впустить. Он написал, она вернулась к Персинету, который ждал ее, и они вместе направились во дворец. Нетрудно догадаться, что они выбрали не самую короткую дорогу, но принцессе она не показалась длинной, и на прощание она обещала, что, если королева опять будет с ней жестока и попытается сыграть с ней новую злую шутку, она оставит королеву и навсегда уйдет к Персинету.

Увидев, что она возвращается, королева накинулась на колдунью, которую удержала при себе: таскала ее за волосы, царапала ей лицо и убила бы ее, если бы только колдунью можно было убить. А когда принцесса подала ей письмо и шкатулку, она бросила то и другое в огонь, не открывая, и вид у нее был такой, будто она хотела бросить в огонь и принцессу. Впрочем, вместо этого она велела вырыть в саду яму размером с колодец и прикрыть ее сверху

плоским камнем. Потом она стала прогуливаться возле камня и сказала Грациозе и другим дамам, сопровождавшим ее:

— Мне говорили, что под этим камнем лежит огромное сокровище. Давайте-ка попробуем его поднять.

Все навалились на камень, не исключая Грациозы, а королеве того и было надо. Едва камень приподнялся, она столкнула принцессу на дно колодца, а потом камень поставили на место, заключив ее в темницу. Грациоза поняла, что теперь-то она пропала безнадежно, — уж, верно, даже Персинет не сумеет отыскать ее в самом сердце земли.

— Как будто меня похоронили заживо, — поежилась она. — О Персинет! Если бы ты только знал, как я страдаю оттого, что не доверяла тебе! Но как я могла быть уверена, что ты не такой, как другие мужчины, и не устанешь от меня в тот же миг, как убедишься, что я тебя люблю?

На этих словах она вдруг увидела, как открывается дверца и солнце врывается в злосчастный колодец. Не колеблясь ни мгновения, Грациоза ступила через порог в прекрасный сад. Цветы и плоды росли повсюду, журчали фонтаны, птицы пели в ветвях над ее головой, а когда она дошла до большой аллеи, обсаженной деревьями, и посмотрела, куда та ведет, она увидела неподалеку хрустальный дворец. Да, это был он! А навстречу ей шли королева и Персинет.

— Ах, принцесса! — сказала королева. — Не мучайте больше моего бедного Персинета неясностью. Вы не пред-

ставляете, как он беспокоился, пока вы находились во власти этой жалкой королевы.

Принцесса благодарно поцеловала ее и пообещала во всем ее слушаться, а затем протянула руку Персинету и сказала с улыбкой:

— Помнишь, ты сказал мне, что я не увижу больше вашего дворца, пока меня не скроют в земле? Хотела бы я знать, догадывался ли ты тогда, что, когда это произойдет, я скажу, что люблю тебя всем сердцем и стану твоей женой, когда ты того пожелаешь?

Принц Персинет радостно принял ее руку, и, боясь, что принцесса передумает, их свадьбу сыграли тотчас, очень пышно, и Грациоза с Персинетом жили долго и счастливо.

Три принцессы из Белой страны

*Норвежская сказка**

Жил-был некогда рыбак, чей дом стоял недалеко от дворца, а сам он ловил рыбу для королевского стола. Однажды рыбак пошел на берег моря, но ничего не поймал. Что бы он ни вытворял с удочкой и леской, не клевала даже мелкая рыбешка. Но на исходе дня из морских глубин высунулась голова и сказала:

— Если отдашь мне то, что твоя жена покажет тебе, когда ты придешь домой, наловишь довольно рыбы.

Рыбак немедленно согласился и наловил уйму рыбы. Но недолго длилось его счастье, ибо, когда он вечером пришел домой, жена показала ему ребенка, которого только что родила, и, узнав, какое он дал обещание, стала плакать и причитать.

Скоро об этом рассказали королю во дворце, и тот, услышав, как женщина горюет и какая тому причина, сказал, что сам заберет ребенка и попробует его спасти. Это был мальчик. Король взял его во дворец и вырастил, как своего сына.

---

* Из сказок Йоргена Му.

Однажды парень попросил позволения отправиться с отцом на рыбалку, сказав, что очень этого хочет. Король совсем не хотел его отпускать, но в конце концов дал согласие. Сын пошел рыбачить с отцом. Они вышли на лодке в море и за целый день наловили кучу рыбы, а вечером успешно вернулись на берег. Однако тут сын обнаружил, что потерял носовой платок, и решил сплавать за ним. Но едва он сел в лодку, как она поплыла вместе с ним прочь от суши, так быстро, что вода забурлила вокруг нее, и, сколько бы парень ни пытался отгрести назад, ничего не получалось. Лодка неслась куда-то всю ночь и наконец достигла белого берега, который был очень далеко от родины парня. Там он вышел на сушу и, пройдя немного, встретил старика с длинной белой бородой.

— Как называется эта страна? — спросил он.

— Белая страна, — ответил встречный и спросил, откуда юноша взялся и куда держит путь.

Тот рассказал.

— Ну что ж, — сказал старик, — если пойдешь по берегу дальше, увидишь трех принцесс, которые стоят по шею в земле. Первая из них, старшая, позовет тебя и станет очень мило просить подойти к ней и помочь ей, и вторая тоже, но ты к ним не подходи. Проходи мимо, будто не видишь их и не слышишь, подойди к третьей и сделай то, о чем она попросит. Это принесет тебе удачу.

Когда юноша дошел до первой принцессы, она окликнула его и очень мило просила приблизиться к ней, но он

прошел мимо, будто не увидел ее, и так же прошел мимо второй, а к третьей подошел.

— Если сделаешь, что я скажу, будешь выбирать между нами тремя, — сказала та.

Парень ответил, что это ему по вкусу, и принцесса рассказала, что их закопали в землю три тролля, а раньше они жили в замке, который стоит неподалеку в лесу.

— А теперь пойди в замок и позволь троллям побить тебя — по одной ночи за каждую из нас. Если ты это выдержишь, мы обретем свободу.

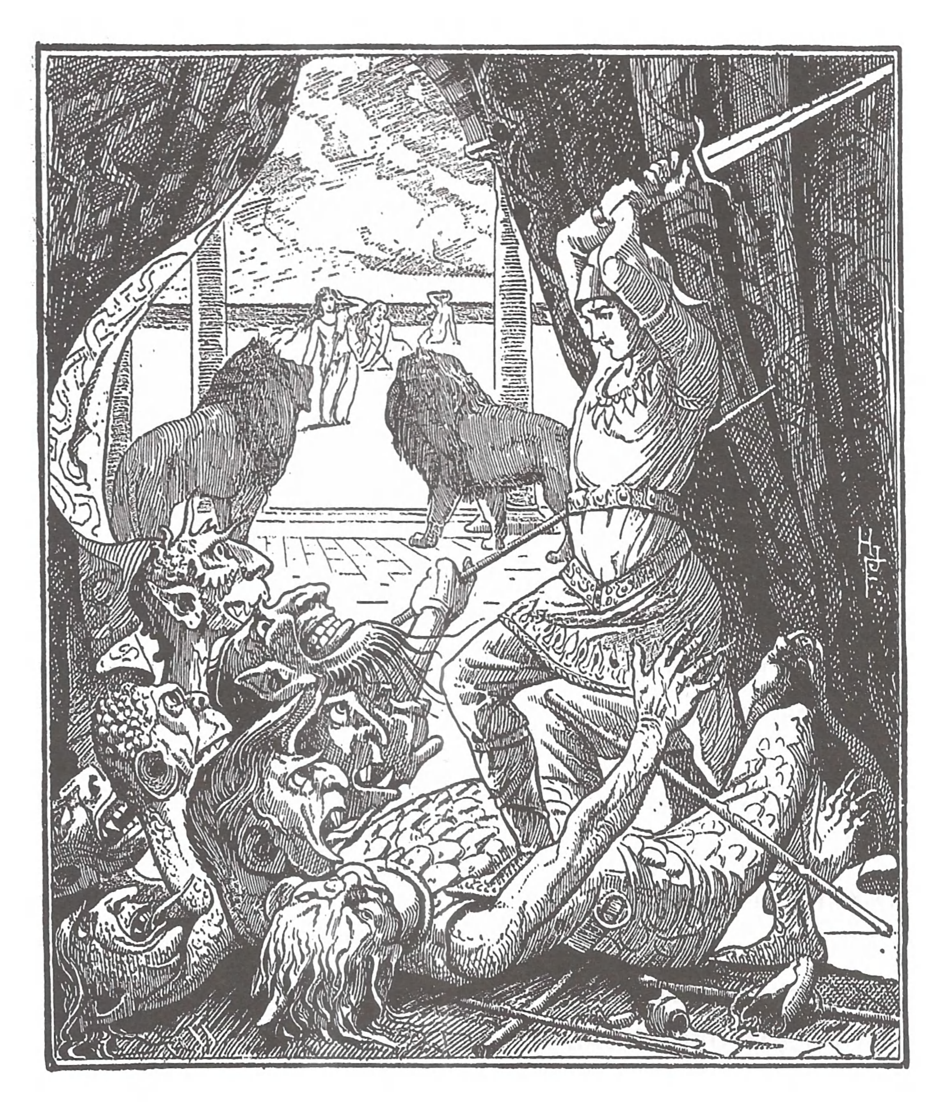
— Хорошо, я попытаюсь.

— Когда войдешь в замок, — продолжала принцесса, — увидишь у дверей двух львов, но, если ты пройдешь прямо между ними, они тебя не тронут. Иди прямо в темную комнатку и ложись там. Придет тролль бить тебя, но ты возьми флягу, которая висит на стене, смажь из нее места побоев, и тогда будешь здоров, как прежде. Потом возьми меч, который висит рядом с флягой, и убей тролля.

Парень сделал, как она сказала. Он прошел прямо между львами, будто не видя их, и лег на кровать в маленькой комнате.

В первую ночь пришел тролль с тремя головами и тремя палками и немилосердно его избил. Но он дождался, пока тролль закончит свое дело, взял бутыль и помазал места побоев. А потом схватил меч и зарубил тролля.

Утром он пошел на берег и увидел, что принцессы показались из земли по пояс.

Парень схватил меч и зарубил тролля

На следующую ночь все повторилось, только у тролля было шесть голов и шесть палок и он избил парня намного

тяжелее, чем первый тролль. Зато, когда парень утром вышел на берег, принцессы показались из земли до колен.

На третью ночь пришел тролль о девяти головах и так долго бил парня девятью палками, что тот потерял сознание. Тролль подхватил его и швырнул о стену, от удара фляга упала и облила парня снадобьем, так что он стал снова крепок и здоров.

Не теряя времени, он схватил меч и убил тролля, а наутро, когда он вышел из замка, принцессы были свободны. Он выбрал младшую себе в королевы и жил с ней очень счастливо долгое время.

Но наконец ему захотелось побывать дома и повидать своих родителей. Его королеве эта мысль не понравилась, но он настолько затосковал по дому, что удержать его не было никакой возможности. Тогда она сказала:

— Одно ты должен мне пообещать. Делай то, о чем попросит тебя твой отец, но не делай того, чего захочет мать.

Он обещал. Королева дала ему кольцо, которое исполняло два желания того, кто его носил.

Он пожелал оказаться дома и тут же там очутился. Но его родителей так изумила красота и богатство его одежд, что они долго не могли оправиться от удивления.

Когда он пробыл дома несколько дней, мать захотела, чтобы сын пошел во дворец и показал королю, каким знатным человеком стал.

— Нет, — сказал отец, — он не должен этого делать. Если он это сделает, конец нашей радости.

Но тщетны были его слова, ибо мать упрашивала и умоляла сына, пока тот не согласился.

Когда он прибыл во дворец, его одеяние и он сам выглядели так великолепно, что король был недоволен.

— Что ж, — сказал король, — ты можешь увидеть мою королеву, а я твою не могу. Не верю, что она так же красива, как моя.

— Хотел бы я, чтобы она стояла здесь и ты увидел ее своими глазами! — сказал молодой король Белой страны, и тут же его королева очутилась рядом с ним.

Но она была очень печальна и сказала ему:

— Почему ты не вспомнил, что я говорила? Ты должен был слушаться только отца. Теперь я должна немедленно вернуться домой, а ты истратил оба своих желания.

Она вплела в его волосы кольцо, на котором стояло ее имя, и пожелала вновь оказаться дома.

Молодой король очень страдал и целыми днями думал только о том, как ему вернуться к своей королеве. «Пойду по миру и, может быть, найду дорогу в Белую страну», — решил он и пустился в странствие.

Добрался он до горы, где встретил человека, повелевавшего всеми зверями лесными, — все они приходили к нему, когда он трубил в свой рог. Король спросил у него, где Белая страна.

— Не знаю, — ответил тот, — но спрошу у своих зверей.

Он протрубил в рог и спросил, знает ли кто-нибудь из зверей, где находится Белая страна, но никто этого не знал.

Он протрубил в рог, и все звери пришли к нему

Повелитель зверей дал королю пару снежных башмаков.

— Надень, и сможешь добраться до моего брата, который живет в сотнях миль отсюда. Он повелевает всеми птицами небесными, спроси у него. Когда отыщешь его, просто поверни башмаки носками сюда, и они сами найдут дорогу назад.

Найдя повелителя птиц, король повернул башмаки носками назад, как велел ему повелитель зверей, и они пошли сами.

Он снова спросил о Белой стране, и повелитель созвал всех птиц и спросил, не знает ли кто-нибудь из них, где она находится. Нет, никто не знал. Позже всех прилетел старый орел. Он отсутствовал целых десять лет, но знал не больше остальных.

— Ну что ж, — сказал повелитель птиц, — тогда я сам одолжу тебе пару снежных башмаков. Надень их, и сможешь добраться до моего брата, который живет отсюда в сотнях миль. Он повелевает всеми рыбами морскими, спроси у него. Но не забудь повернуть башмаки носками назад.

Король поблагодарил его, надел башмаки и, найдя повелителя рыб, повернул их назад, и они ушли обратно, как предыдущая пара башмаков. А король снова спросил, где же Белая страна.

Повелитель созвал своим рогом всех рыб, но ни одна из них ничего не знала. Наконец появилась старая-престарая щука, с трудом дотащившаяся на общий сбор.

Спросили щуку, и она ответила:

— Да, я хорошо знаю Белую страну, ибо эти десять лет я была там кухаркой. Завтра утром я должна туда вернуться, ибо теперь королева, чей король где-то пропадает, снова выходит замуж.

— Если дело обстоит так, — сказал повелитель рыб, — я дам тебе совет. Недалеко отсюда стоят на вересковой пу-

стоши три брата. Они стоят там уже сотню лет и дерутся за шляпу, плащ и пару сапог. Тот, кто обладает всеми тремя вещами, может стать невидимкой, и, если он хочет куда-то попасть, ему достаточно пожелать — и он там окажется. Можешь сказать братьям, что хочешь испытать вещи, а потом сможешь решить, кому они достанутся.

Король поблагодарил его, ушел и сделал так, как ему посоветовали.

— Из-за чего это вы всегда деретесь? — спросил он у братьев. — Дайте я испытаю эти вещи, а потом рассужу вас.

Братья охотно согласились, но, получив шляпу, плащ и сапоги, он сказал:

— Когда встретимся снова, услышите, что я решил.

И пожелал оказаться в другом месте.

Летя по воздуху, он встретился с Северным Ветром.

— Куда это ты направляешься? — спросил Северный Ветер.

— В Белую страну. — И король рассказал, что с ним произошло.

— Что ж, — сказал Северный Ветер, — ты меня легко обгонишь, ибо я должен задувать в каждый уголок. Поэтому, когда окажешься там, подожди меня на крыльце возле двери, а потом примчусь я и сделаю вид, будто хочу снести замок, и, когда принц, за которого собирается выйти твоя королева, выглянет посмотреть, что творится, просто схвати его за глотку и вышвырни. А уж я постараюсь унести его подальше от двора.

Король все сделал, как сказал ему Северный Ветер. Он встал на крыльце и, когда с ревом налетел Северный Ветер и сотряс крышу и стены замка, принц выглянул посмотреть, в чем дело. Но, едва он вышел, король схватил его за горло и отбросил, а там Северный Ветер подхватил его и унес.

Избавившись от соперника, король вошел в замок. Поначалу королева не признала его, ибо он исхудал и побледнел после долгих скорбных странствий. Но при виде своего кольца она искренне обрадовалась, и тогда сыграли законную свадьбу, да так пышно, что о ней говорили повсюду.

Голос смерти

*Румынская сказка**

ил-был человек, который одного хотел и об одном молился — как бы ему разбогатеть. Днем и ночью он ни о чем другом не думал, и наконец его молитвы были услышаны — он стал очень богатым. Теперь, когда он стал так богат, что ему было что терять, он почувствовал, что было бы ужасно умереть и лишиться всего, что он имеет; и он решил отыскать край, где смерти нет. Он приготовился к путешествию, простился с женой и отбыл. Каждый раз, как он приезжал в новую страну, он первым делом спрашивал, умирают ли здесь люди, и, узнав, что умирают, вновь пускался на поиски. Наконец он попал в край, где ему сказали, что люди здесь даже не знают слова «смерть». Наш путник обрадовался, услышав это, и сказал:

— Но, наверное, в вашей стране очень много людей, если никто никогда не умирает?

— Нет, — ответили ему, — не очень много. Видите ли, время от времени раздается голос, который зовет то одного, то другого, и тот, кто слышит этот голос, встает и уходит — и никогда не возвращается.

---

* Из сказок Миты Кремниц (1852–1916).

— А эти люди видят того, кто зовет их? — спросил путник. — Или только слышат голос?

— Видят и слышат, — ответили ему.

Путник изумился, узнав, что люди так глупы и идут на голос, зная, что, если пойдут на его зов, никогда не воротятся. И он вернулся в свой дом, собрал все свое имущество и вместе с женой и семьей перебрался в эту страну, где люди не умирали, но взамен слышали голос, который звал их, и уходили за ним в край, откуда никогда не возвращались. Ибо он решил, что, когда он сам или кто-то из его родных услышит этот голос, они не отзовутся, как бы громко голос ни звал.

Поселившись в новом доме и устроив все дела, он предупредил жену и семью, что, если они не хотят умереть, они ни за что не должны слушать тот голос, который однажды может позвать их.

Несколько лет все у них шло хорошо, и они счастливо жили в своем новом доме. Но однажды, когда вся семья сидела за столом, его жена вдруг вскочила и громко воскликнула:

— Иду! Иду!

И она стала осматриваться, разыскивая свою шубу, но муж вскочил, крепко схватил ее за руку и, удерживая ее, стал укорять:

— Разве не помнишь, что я тебе говорил? Стой на месте, если не хочешь умереть.

— Но разве ты не слышишь этот голос, который зовет меня? — отвечала она. — Я только пойду посмотрю, зачем я нужна. И сразу вернусь.

Она боролась, пытаясь вырваться и пойти туда, куда звал ее голос. Но муж не пускал ее, он закрыл и запер все двери в доме. Увидев, что он это сделал, она сказала:

— Хорошо, милый муж. Я сделаю то, чего ты хочешь, и останусь на месте.

И ее муж поверил, что все в порядке, что она одумалась и отказалась от безумного побуждения повиноваться голосу. Но через несколько минут она бросилась к одной из дверей, открыла ее и выбежала, а муж побежал за ней. Он схватил ее за шубу, просил и умолял ее не уходить, потому что она, если уйдет, никогда уже не вернется. Она не отвечала, но завела руки за спину и вдруг, наклонившись вперед, выскользнула из шубы, а шуба осталась в руках у мужа. Бедняга, казалось, окаменел и смотрел, как она убегает от него и кричит во весь голос:

— Иду! Иду!

Когда она скрылась из виду, ее муж пришел в себя и вернулся в дом, бормоча:

— Если она настолько глупа, что хочет умереть, я ничего не могу с этим поделать. Я предупреждал ее и умолял не слушать этот голос, как бы громко тот ни звал.

Что ж, проходили дни, недели, месяцы и годы, и ничто не нарушало домашний покой. Но однажды этот человек пошел к брадобрею. Лавка была полна народу, и ему только-только намылили подбородок, как вдруг он вскочил со стула и громко крикнул:

— Я не пойду, слышишь? Не пойду!

Ничего не отвечая, она выскользнула из шубы и бросилась вон из дома

Брадобрей и прочие, кто был в лавке, слушали его с удивлением. А он опять посмотрел на дверь и крикнул:

— Говорю тебе раз и навсегда, я не собираюсь идти к тебе. Убирайся!

И через несколько минут закричал опять:

— Убирайся, говорю тебе, или тебе же будет хуже. Можешь звать, сколько хочешь, я ни за что не пойду.

И он так разозлился, что можно было подумать, будто кто-то действительно стоял у двери и донимал его. Наконец он вскочил и выхватил у брадобрея бритву:

— Дай мне бритву, и я его проучу, чтоб оставил людей в покое.

И он выбежал из дома, как будто гнался за кем-то, кого никто другой не видел. Брадобрей, не желая потерять свою бритву, погнался за этим человеком, и оба они бежали во весь дух, пока не убежали далеко от города, а там наш герой вдруг упал вниз головой в пропасть, и его больше никогда не видели. Так и он, подобно остальным, был принужден против своей воли последовать за голосом, который звал его.

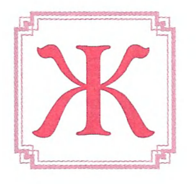
Брадобрей вернулся домой, насвистывая и поздравляя себя с тем, что так легко отделался, рассказал, что произошло, и по стране пошли толки о том, что люди, которые ушли и не вернулись, все упали в эту пропасть. Ведь прежде никто не знал, что происходило с теми, кто услышал голос и повиновался его зову.

Но, когда толпа людей вышла из города, желая осмотреть злополучную пропасть, которая поглотила такое множество тел, но так и не наполнилась, они ничего не нашли. Все, что они увидели, — большую равнину, которая выглядела так, будто была здесь с начала времен. И с этих пор люди в той стране стали умирать, как простые смертные по всему миру.

Шестеро глупцов

*Бельгийская сказка**

Жила-была девушка, которой сравнялось уже тридцать семь лет, а ее никто никогда не любил — ведь она была такая глупая, что никто не хотел на ней жениться.

Но однажды явился юноша и стал за ней ухаживать, и ее мать, сияя от радости, послала дочь в подвал, чтобы та принесла кувшин пива.

Девушка все не возвращалась, и мать пошла вниз посмотреть, что с ней случилось, и увидела, что та сидит на ступеньках, обхватив голову руками, а рядом с ней пиво льется на пол, потому что она забыла закрыть кран.

— Что ты здесь делаешь? — спросила мать.

— Я думала о том, как назову своего первого ребенка, когда выйду за этого юношу. Все имена в календаре уже заняты.

Мать села на лестницу рядом с дочерью и сказала:

— Я подумаю об этом вместе с тобой, милая.

Отец, который остался наверху с гостем, удивился, что ни жена, ни дочь не вернулись, и в свой черед пошел

* Происхождение сказки — бельгийская провинция Эно.

Жених потерял терпение и спустился в подвал посмотреть, чем все заняты

поискать их. Он увидел, что обе они сидят на ступеньках, а рядом с ними пиво вовсю льется из открытого крана.

— Что вы здесь делаете? Залили пивом весь подвал.

— Мы думали о том, как назовем детей, которых родит наша дочь, когда выйдет за этого юношу. Все имена в календаре уже заняты.

— Ну, — сказал отец, — я подумаю об этом вместе с вами.

Когда ни мать, ни дочь, ни отец не вернулись, жених потерял терпение и спустился в подвал посмотреть, чем они все заняты. Он увидел, что все трое сидят на ступеньках, а рядом с ними весь пол залит пивом, льющимся из широко открытого крана.

— Да что такое вы все тут делаете, почему не идете наверх и залили весь подвал пивом?

— Да, знаю, мой мальчик, — сказал отец, — но если ты женишься на нашей дочери, как вы назовете детей? Все имена в календаре уже заняты.

Услышав это, юноша ответил:

— Ну что ж, прощайте. Я ухожу. Когда найду трех человек глупее, чем вы, я вернусь и женюсь на вашей дочери.

И он продолжил странствия. Долго шел он и дошел до фруктового сада. Там он увидел, как люди сбивают на землю грецкие орехи и пытаются сложить их в телегу вилами.

— Что вы там делаете? — спросил он.

— Хотим собрать орехи в телегу, но у нас не получается.

Жених посоветовал им взять корзину и положить орехи в нее, а потом высыпать в телегу. «Ну, — сказал он себе, — я уже нашел кое-кого поглупее тех троих».

Он продолжил путь и мало-помалу пришел в лес. Там он увидел человека, который хотел накормить свинью желудями и как мог пытался заставить ее влезть на дуб.

— Что ты делаешь, добрый человек? — спросил путник.

— Хочу, чтобы свинья поела желудей, только не могу заставить ее залезть на дерево.

— Если ты влезешь на дерево и обтрясешь желуди, свинья их подберет.

— Ого, я до такого не додумался.

«Вот и второй глупец», — сказал себе жених.

Он шел и шел и увидел человека, который никогда не носил штанов и теперь пытался надеть штаны. Тот привязал штаны к дереву и подпрыгивал что есть мочи, чтобы впрыгнуть в обе штанины.

— Будет намного проще, если ты возьмешь их в руки, — сказал юноша, — а потом одну за другой просунешь ноги в отверстия.

— Подумать только, и впрямь! Ты умнее меня. Мне это в голову не приходило.

Итак, юноша нашел трех человек глупее, чем его невеста, ее отец и мать. Он вернулся и женился на ней.

И со временем у них родилось много детей.

Кари Деревянная Рубашка

*Норвежская сказка**

ил-был некогда король, которому случилось овдоветь. Королева оставила ему дочь, такую умную и красивую, что невозможно было превзойти ее ни умом, ни красотой. Долго король горевал о своей жене, ибо чрезвычайно ее любил, но наконец он устал жить один и женился на вдовой королеве, а у той тоже была дочь, настолько же уродливая и злая, насколько дочь короля была мила и хороша собой. Мачеха и ее дочь завидовали дочери короля из-за того, что она была так прелестна, но, пока король был дома, не решались причинить ей вред, ибо отец любил ее всем сердцем.

Но пришло время, когда король начал войну с другим королем и ушел в поход, тогда новая королева и решила, что может делать что захочет. Она стала морить дочь короля голодом, била ее и ко всему придиралась. Наконец она решила, что девчонка и этого не заслуживает, и отправила ее пасти скот. Та пошла пасти стадо и бродила с ним по лесам и полям. Она недоедала, стала бледной и худой и почти всегда грустила и плакала. В стаде был огромный

* Из сказок П. К. Асбьёрнсена.

синий бык, красивый и холеный, который часто приходил к дочери короля и разрешал ей себя гладить. И однажды, когда она сидела в слезах, бык подошел к ней и спросил, почему она все время горюет. Она не ответила и продолжала рыдать.

— Что ж, — сказал бык, — я знаю, в чем беда, хоть ты мне и не говоришь. Ты плачешь оттого, что королева дурно с тобой обходится и хочет уморить тебя голодом. Но тебе нечего беспокоиться о еде, ведь у меня в левом ухе лежит скатерть — достань ее, расстели, и у тебя будет вдоволь съестного.

Она так и сделала — достала скатерть, расстелила ее на траве, и скатерть покрылась самыми изысканными блюдами, каких только можно пожелать, там были вино, медовуха и пирог. Девочка снова стала бойкой и здоровой и сделалась такой розовощекой, пухленькой и хорошенькой, что королева и ее тощая дочь зеленели и бледнели от расстройства. Королева не могла взять в толк, как падчерица может расти такой здоровой при такой дрянной кормежке, и приказала одной своей служанке проследить за ней в лесу, подозревая, что кто-то из слуг приносит ей пищу. Служанка пошла в лес и увидела, как пастушка достала скатерть из уха синего быка и расстелила, а затем скатерть покрылась великолепнейшими кушаньями, которыми девушка и стала угощаться. Служанка вернулась домой и рассказала все королеве.

Тут вернулся домой король, победив того короля, с которым ходил воевать. Много было радости во дворце, но

Она достала скатерть, расстелила ее на траве, и скатерть покрылась самыми изысканными блюдами

всех больше радовалась королевская дочь. Королева же притворилась больной и подкупила врача, чтобы тот сказал, что она поправится только, когда отведает мяса синего быка. И королевская дочь, и люди во дворце спрашивали у врача, нет ли другого способа спасти королеву, и молили сохранить быку жизнь, ибо его все любили, и говорили, что другого такого быка нет во всей стране; но все было

тщетно, быка обрекли на смерть, его должны были убить, и никак нельзя было этому помешать. Услышав об этом, дочь короля преисполнилась горя и спустилась в коровник повидать быка. Он стоял там, повесив голову, так печально, что она расплакалась.

— О чем ты плачешь? — спросил бык.

Она рассказала ему, что король вернулся домой, а королева притворилась больной и заставила врача сказать, что она поправится, только когда поест мяса синего быка, и что теперь его убьют.

— Убив меня, они скоро убьют и тебя, — ответил бык. — Если ты думаешь так же, как я, то мы этой же ночью убежим.

Дочь короля подумала, что будет нехорошо убежать и бросить отца, но что оставаться в одном доме с королевой еще хуже, и обещала быку прийти ночью.

Ночью, когда все легли спать, королевская дочь тихонько прокралась в коровник к быку, тот посадил ее к себе на спину и во весь дух ускакал прочь со двора. И наутро, когда пропели петухи и люди пришли убивать быка, его не оказалось, а когда король встал и спросил о своей дочери, не оказалось и ее. Он разослал гонцов на поиски во все концы королевства, объявил о своей утрате во всех приходских церквах, но никто их не видал.

Тем временем бык преодолел многие земли, неся на спине дочь короля, и однажды они попали в огромный медный лес, где деревья, и ветки, и листья, и цветы, и все прочее было из меди.

Медный лес был такой густой, что двигаться вперед было почти невозможно

Но, прежде чем войти в лес, бык сказал королевской дочери:

— Когда мы войдем в этот лес, будь очень осторожна, не трогай ни единого листка, иначе конец и мне, и тебе, ибо здесь живет трехголовый тролль, хозяин этого леса.

Принцесса обещала остерегаться и не прикасаться ни к чему. Она была очень внимательна, отклонялась, чтобы не задеть ветки, и отводила их руками. Но лес был такой густой, что двигаться вперед было почти невозможно, и, как бы она ни старалась, один лист оторвался и остался у нее в руке.

— О, о! — воскликнул бык. — Что ты наделала? Нам придется биться не на жизнь, а на смерть. Только не потеряй этот лист!

Очень скоро они добрались до конца леса, и к ним примчался трехголовый тролль.

— Кто это трогает мой лес? — спросил тролль.

— Этот лес такой же твой, как и мой! — ответил бык.

— Ах так, тогда мы будем драться! — закричал тролль.

— Давай, — сказал бык.

Они бросились друг на друга, и схватка была тяжелой. Бык бодался и лягался со всей силы, но тролль сражался не хуже, и прошел целый день, пока бык наконец не совладал с ним. Но он был так измучен и изранен, что едва мог пошевелиться. Пришлось им задержаться на день, и бык попросил дочь короля взять рог со снадобьем, висевший у тролля на поясе, и помазать его этим снадобьем. Тогда он

оправился, и на следующий день они продолжили путь. Теперь они скакали много-много дней и наконец попали в серебряный лес. Деревья, и ветки, и листья, и цветы, и все прочее было из серебра.

Прежде чем войти в лес, бык сказал дочери короля:

— Когда мы будем в лесу, ради всего святого, будь очень осторожна, ни к чему не прикасайся, не срывай ни единого листика, иначе конец и тебе, и мне. Шестиголовый тролль живет здесь, он хозяин этого леса, и я не думаю, что справлюсь с ним.

— Да, — ответила дочь короля, — я очень постараюсь не прикасаться к тому, к чему ты велишь мне не прикасаться.

Но, когда они вошли в лес, он оказался таким густым, деревья росли так тесно, что они едва могли двигаться вперед. Дочь короля была очень осторожна, отклонялась, чтобы не задеть ветки, и отводила их руками; но вдруг одна ветка хлестнула ее по глазам, и она, как ни береглась, сорвала один листок.

— О, о! — воскликнул бык. — Что ты наделала? Нам придется биться не на жизнь, а на смерть, ибо у этого тролля шесть голов и он вдвое сильнее того. Только не потеряй этот лист!

Едва он это сказал, как появился тролль.

— Кто это трогает мой лес? — спросил он.

— Этот лес такой же твой, как и мой!

— Ах так! Тогда будем драться! — завопил тролль.

— Давай, — сказал бык и бросился на тролля.

Рогами он выбил троллю глаза и проткнул его насквозь, так что кишки вывалились наружу, но тролль сражался не хуже, и прошло целых три дня, пока бык наконец прикончил его. Но бык был так слаб и измучен, что мог двигаться лишь с большим трудом, причиняя себе боль, и так изранен, что кровь текла ручьем. Он попросил дочь короля взять рог со снадобьем, висевший у тролля на поясе, и помазать его этим снадобьем. Она так и сделала, и тогда бык оправился, но им пришлось задержаться на неделю, чтобы бык набрался сил, прежде чем идти дальше.

Наконец они продолжили путь, но бык был еще слаб и поначалу не мог скакать быстро. Дочь короля хотела его поберечь и сказала, что она так молода и легконога, что охотно пойдет пешком, но он не позволил, и пришлось ей по-прежнему сидеть у него на спине. Долго странствовали они, проходя через многие земли, и дочь короля знать не знала, куда ее везут, но наконец они попали в золотой лес. Там было столько золота, что оно капало сверху, и деревья, и ветви, и цветы, и листья — все было из чистого золота. Здесь повторилось то же, что произошло в медном и серебряном лесах. Бык сказал дочери короля, чтобы она ни за что ни к чему не прикасалась, ибо этим лесом владеет девятиголовый тролль, который намного больше и сильнее, чем два других, взятые вместе, и бык не верит, что сумеет его одолеть. Девушка обещала, что постарается ничего не трогать, он сам это увидит. Но, когда они вошли в лес, он оказался еще более густым, чем серебряный, и чем

глубже они забирались, тем хуже становилось дело. Лес был все гуще и гуще, все теснее и теснее, и наконец дочь короля подумала, что им никак не продвинуться дальше. Она так боялась что-нибудь сломать, что сидела, изгибаясь и вертясь, чтобы не задевать ветки, и отводила их руками, но они то и дело лезли ей в глаза, так что она не видела, за что хватается, и вдруг она обнаружила у себя в руках золотое яблоко. Она так перепугалась, что расплакалась и хотела его выбросить, но бык сказал, что она должна сохранить яблоко и всячески его беречь. Он утешал ее как мог, но знал, что бой будет жестоким, и сомневался, что исход будет для него благоприятным.

Тут как раз появился девятиголовый тролль, такой ужасный, что дочь короля едва осмеливалась на него взглянуть.

— Кто это трогает мой лес? — завопил тролль.

— Этот лес такой же твой, как и мой! — ответил бык.

— Ах так! Тогда мы будем драться! — крикнул тролль.

— Давай, — сказал бык.

Они бросились друг на друга, и схватка началась. И такое это было страшное зрелище, что дочь короля едва не лишилась чувств. Бык выколол троллю глаза и пронзил его рогами, но тролль сражался не хуже, а когда быку удавалось забодать насмерть одну из голов тролля, другие головы вновь вдыхали в нее жизнь, и прошла целая неделя, прежде чем бык сумел убить тролля. Но он сам был так измучен и слаб, что даже не мог пошевелиться. Его тело было одной сплошной раной, и он был не в состоянии даже попросить

дочь короля, чтобы та взяла с пояса тролля рог со снадобьем и помазала его. Она сделала это сама, и бык пришел в себя, но ему пришлось пролежать, отдыхая, три недели, и лишь тогда он смог двинуться с места.

Они потихоньку продолжали путь, поскольку бык сказал, что им нужно проехать еще немного, и преодолели немало высоких холмов и густых лесов. Со временем они добрались до какого-то холмистого края.

— Ты что-нибудь видишь? — спросил бык.

— Нет, я не вижу ничего — только небо вверху и дикий склон холма, — ответила дочь короля.

Тогда они взобрались повыше, и местность стала более ровной, так что они смогли осмотреться получше.

— Теперь ты что-нибудь видишь? — спросил бык.

— Да, я вижу маленький замок, очень-очень далеко, — ответила принцесса.

— Не такой уж он и маленький, — сказал бык.

Долго-долго шли они и пришли к высокому холму, у подножия которого был отвесный скальный склон.

— Теперь ты ничего не видишь? — спросил бык.

— Да, теперь я вижу замок довольно близко, — ответила дочь короля, — и он намного больше.

— Туда ты пойдешь одна, — сказал бык. — Прямо под замком свинарник. Когда войдешь в него, найди деревянную рубашку — надень ее, а потом отправляйся в замок и скажи, что тебя зовут Кари Деревянная Рубашка и что ты ищешь работу. Но теперь возьми свой ножик и отрежь мне им го-

«Если я тебе зачем-нибудь понадоблюсь, просто постучи палкой по скале».

лову, а потом сними с меня шкуру, скатай ее и спрячь под скалой, а под ней положи медный лист, серебряный лист и золотое яблоко. У скалы стоит палка — когда я тебе зачем-нибудь понадоблюсь, просто постучи ею по скале.

Поначалу она отказывалась, но, когда бык сказал, что это единственная награда, о которой он просит после всего, что сделал для нее, она не смогла противиться. И, хоть ей и казалось это очень жестоким, она подступила к огромному животному с ножом и долго возилась, пока не отрезала ему голову и не сняла с него шкуру, а потом скатала шкуру и положила под скалу, а внутрь спрятала медный лист, серебряный лист и золотое яблоко.

Сделав это, она пошла в свинарник, но, пока шла, всю дорогу плакала и была очень печальна. Там она надела де-

ревянное одеяние и пошла во дворец короля. Добравшись туда, она вошла в кухню и попросила дать ей работу, назвавшись Кари Деревянная Рубашка.

Повар сказал, что она может остаться и сейчас же приниматься мыть посуду, потому что девушка, которая делала это раньше, только что ушла.

— А как только тебе здесь надоест, уйдешь и ты, — сказал повар.

— Нет, — ответила девушка, — этого я точно не сделаю.

Она стала мыть посуду и мыла ее очень чисто.

В воскресенье в королевском дворце ждали гостей, так что Кари попросила разрешить ей принести принцу воды для ванны, но над ней посмеялись:

— Чего тебе там надо? Думаешь, принц хотя бы взглядом удостоит такое страшилище, как ты?

Но она не отступалась и продолжала просить, пока не получила разрешение. Когда она поднималась по лестнице, ее деревянная рубашка так громыхала, что принц вышел и спросил:

— Это что еще за чудище?

— Мне велено принести вам эту воду, — сказала Кари.

— Думаешь, я воспользуюсь водой, которую принесла ты? — спросил принц и выплеснул воду на нее.

Ей пришлось это стерпеть, но потом она попросила разрешения сходить в церковь. Ей позволили, поскольку церковь была совсем близко. Но прежде она подошла к скале и постучала по ней стоявшей рядом палкой, как на-

казал ей бык. Тут же из скалы вышел человек и спросил, чего она хочет. Дочь короля сказала, что ей позволили пойти в церковь послушать священника, но ей нечего надеть. Так что человек вынес ей наряд, который сверкал так же ярко, как медный лес, а заодно дал ей лошадь и седло.

Когда она приехала в церковь, она была так хороша собой и так богато одета, что все гадали, кто бы это мог быть, и едва ли кто-нибудь слушал священника, ибо все смотрели только на нее. И самому принцу она так понравилась, что он ни на миг не мог отвести от нее глаз. Когда она выходила из церкви, принц пошел следом и притворил за ней дверь, удержав в руке одну из ее перчаток. Она вышла и села на лошадь; принц опять подошел к ней и спросил, откуда она.

— О! — ответила Кари. — Я из Страны ванн.

А когда принц достал перчатку и хотел вернуть ей, она произнесла:

Позади меня тьма, предо мной свет горит,
Чтобы принц не видал, куда путь мой лежит!

Принц никогда не видел перчатки подобной красоты, и он изъездил все, расспрашивая о стране, которую назвала ему гордая леди, уехавшая в одной перчатке, но никто не мог ему сказать, где находится Страна ванн.

В следующее воскресенье нужно было отнести принцу полотенце.

— Ах, можно мне пойти? — умоляла Кари.

— Что толку от твоего желания? — сказали ей на кухне. — Ты видела, что было в прошлый раз.

Кари не сдавалась и продолжала просить, пока не получила разрешение. Тогда она побежала наверх так быстро, что деревянная рубашка опять загрохотала. Принц вышел из своих покоев и, увидев, что это она, выхватил у нее полотенце и бросил ей в лицо.

— Убирайся немедленно, безобразный тролль! — сказал он. — Думаешь, я возьму полотенце, которого касались твои грязные пальцы?

После этого принц отправился в церковь, и Кари тоже попросила позволения пойти туда. Все спрашивали, как она собирается пойти в церковь, если ей нечего надеть, кроме этой деревянной одежки, такой черной и некрасивой. Но Кари сказала, что это не имеет значения, так как в прошлый раз слова священника были для нее очень полезны. И наконец ей разрешили пойти.

Она подошла к скале и постучала. Оттуда вышел человек и дал ей платье еще более прекрасное, чем в первый раз. Оно было сплошь расшито серебром и сверкало, как серебряный лес, а еще он дал ей прекраснейшую лошадь, сбруя у которой была вышита серебром, и серебряную узду.

Когда дочь короля приехала в церковь, все люди стояли рядом с церковью на склоне холма и гадали, кто же это скачет, а принц тут же заметил ее, подошел и хотел подержать лошадь, пока она сходит с седла. Но она спрыгнула наземь и сказала, что в этом нет нужды, ибо лошадь так хорошо

объезжена, что стоит смирно, когда она велит, и сама подходит на зов, когда она ее зовет. Все вошли в церковь, но едва ли кто-то слушал священника, ибо все смотрели только на прекрасную незнакомку. А принц влюбился в нее еще сильнее, чем прежде.

Когда после проповеди она вышла из церкви и уже собралась сесть в седло, к ней опять приблизился принц и спросил, откуда она.

— Я из Страны полотенец,— ответила дочь короля и, произнося это, уронила хлыстик.

Принц наклонился за ним, а она молвила:

Позади меня тьма, предо мной свет горит,
Чтобы принц не видал, куда путь мой лежит!

И она опять ускакала, и принц не мог увидеть куда. Он расспрашивал там и сям о стране, которую она назвала, но никто не мог сказать, где эта страна находится, и пришлось ему снова запастись терпением.

В следующее воскресенье нужно было отнести принцу гребень. Кари просила поручить это ей, но ей напомнили о том, что случилось в прошлый раз, и выбранили ее за то, что она хочет показаться принцу на глаза в своей черной безобразной деревянной рубашке. Но она продолжала просить, пока ей не позволили отнести гребень. Когда она вновь с грохотом поднималась по лестнице, принц вышел навстречу, взял гребень, бросил им в нее и приказал убираться как можно скорее.

Потом принц отправился в церковь, и Кари тоже попросила, чтобы ей разрешили туда пойти. Опять у нее спросили, что она там будет делать, такая черная и безобразная, ей же нечего надеть, чтобы показаться людям. Говорили, что принц или кто-нибудь еще запросто может ее увидеть и тогда влетит и ей, и поварам; но Кари сказала, что людям будет чем заняться, кроме как смотреть на нее, и не переставала просить, пока ее не отпустили.

И все произошло так же, как в прошлые два раза. Она пошла к скале и постучала по ней палкой, а потом оттуда показался человек и дал ей платье еще роскошнее, чем два предыдущих. Оно почти все было из чистого золота и бриллиантов, а еще ей дали благородную лошадь со сбруей, расшитой золотом, и золотую узду.

Когда дочь короля приехала в церковь, священник и все люди уже стояли на склоне холма, дожидаясь ее, а принц выбежал навстречу и хотел подержать ее лошадь, но она спрыгнула сама и сказала:

— Нет, благодарю, в этом нет нужды. Моя лошадь так хорошо объезжена, что будет стоять смирно, когда я прикажу.

Все вместе поспешили в церковь, и священник взошел на кафедру, но никто не слушал, что он говорит, ибо все смотрели на нее и гадали, откуда она. А принц полюбил ее еще сильнее и не мог ни о чем думать, только о ее красоте.

Когда проповедь закончилась и дочь короля собиралась выйти из церкви, принц подстроил так, что на крыльце

Принцесса вскочила в седло и исчезла в неизвестном направлении

опрокинули бочонок смолы, и хотел помочь ей перебраться через лужу. Но это не стало для нее препятствием — она наступила в середину лужи и перепрыгнула через нее, оставив в ней золотую туфельку. Когда она уселась в седло, принц выбежал из церкви и спросил, откуда она.

— Из Страны гребней, — ответила Кари.

Но, когда принц хотел вернуть ей золотую туфельку, она произнесла:

Позади меня тьма, предо мной свет горит,
Чтобы принц не видал, куда путь мой лежит!

И исчезла с глаз. Принц не знал, куда она делась, и долго и многотрудно странствовал по миру, расспрашивая про Страну гребней; а когда никто не смог сказать ему, где эта страна, он возвестил всем, что женится на той женщине, которой подойдет золотая туфелька. Со всех концов стали стекаться красавицы и уродины, но ни у кого не было такой маленькой ножки, на которую туфелька налезла бы. Наконец явилась и злая мачеха Кари Деревянной Рубашки со своей дочерью, и той туфелька подошла. Но она была так безобразна и выглядела так омерзительно, что принц очень не хотел исполнять свое обещание. Тем не менее все было приготовлено к свадьбе, и дочь королевы обрядили невестой, но, когда принц ехал с ней в церковь, маленькая птичка села на дерево и запела:

Полпятки отрубить бедняжке,
Потом отрезать от носка –
И туфля Кари Деревяшки
В крови от каждого шажка!

Посмотрели — и поняли, что птичка говорит правду, ибо из туфельки текла кровь. Стали искать истинную хозяйку туфельки. Всех женщин в замке, включая служанок, заставили прийти и примерить туфельку, но никому она не подходила.

— Где же тогда Кари Деревянная Рубашка? — спросил принц, когда все остальные попробовали туфельку, ибо он знал язык птиц и понимал, о чем пела птичка.

— Ах, это создание! — ответили ему. — Ей незачем сюда приходить, у нее ноги как у кобылы.

— Возможно, — сказал принц, — но раз все другие примерили туфельку, Кари тоже могла бы попробовать.

— Кари! — позвал он через дверь, и Кари поднялась по лестнице, а ее деревянная рубашка громыхала так, будто шел целый драгунский полк.

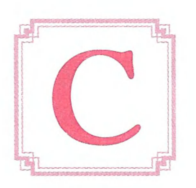
— Ну-ка, надень золотую туфельку и стань принцессой, — смеялись прочие слуги, подшучивая над ней.

Кари взяла туфельку, легко надела ее и отбросила свое деревянное платье. И вот она стояла в золотом наряде, который сиял, как солнце, а на другой ноге у нее была вторая золотая туфелька. Принц вмиг ее узнал и на радостях подбежал к ней, обнял ее и расцеловал, а узнав, что она дочь короля, обрадовался еще больше. Потом они сыграли свадьбу.

Утиный Хвост

*Французская сказка**

елезень по имени Утиный Хвост был очень малого роста, вот почему его прозвали Утиным Хвостом; но он хоть и был собой невелик, ум имел изрядный и знал, что делает, потому-то, начав без гроша, сумел накопить сотню крон. А король той страны был транжирой и не умел беречь деньги. Прослышав, что у Утиного Хвоста они есть, он как-то раз явился к тому собственной персоной, чтобы одолжить накопленное. Ох и горд был тогда Утиный Хвост, что одалживает деньги королю! Но прошел год и два, а об уплате процентов и речи не шло. Расстроился Утиный Хвост и решил наконец пойти к его величеству за деньгами. И в одно прекрасное утро, нарядный и свежий, он пустился в путь, напевая:

— Кря! Кря! Кря! Кря! Денежки я возьму с короля!

Прошел он немного и встретил своего друга Лиса, который, как обычно, прогуливался вдоль дороги.

— Доброе утро, сосед, — говорит ему друг Лис, — куда это ты так рано?

* Из сказок Шарля Мари Марелля (1827–1903).

— Иду требовать с короля то, что он мне должен.

— Ого! Возьми меня с собой!

«Друзей много не бывает», — подумал Утиный Хвост.

— Возьму, — ответил он, — только ты скоро устанешь, если побежишь на своих четырех. Сделайся маленьким, полезай ко мне в горло, спускайся в желудок, и я тебя понесу.

— Отличная мысль! — ответил друг Лис.

Собрал он вещи и — глядь! — проскользнул к Утиному Хвосту в желудок, как письмо в щель ящика.

И пошел Утиный Хвост дальше, нарядный и свежий, распевая:

— Кря! Кря! Кря! Кря! Денежки я возьму с короля!

Прошел он еще немного и встретил свою подругу Лестницу, которая стояла у стены.

— Доброе утро, любезный мой селезень, — говорит она ему, — куда это ты так гордо идешь?

— Иду требовать с короля то, что он мне должен.

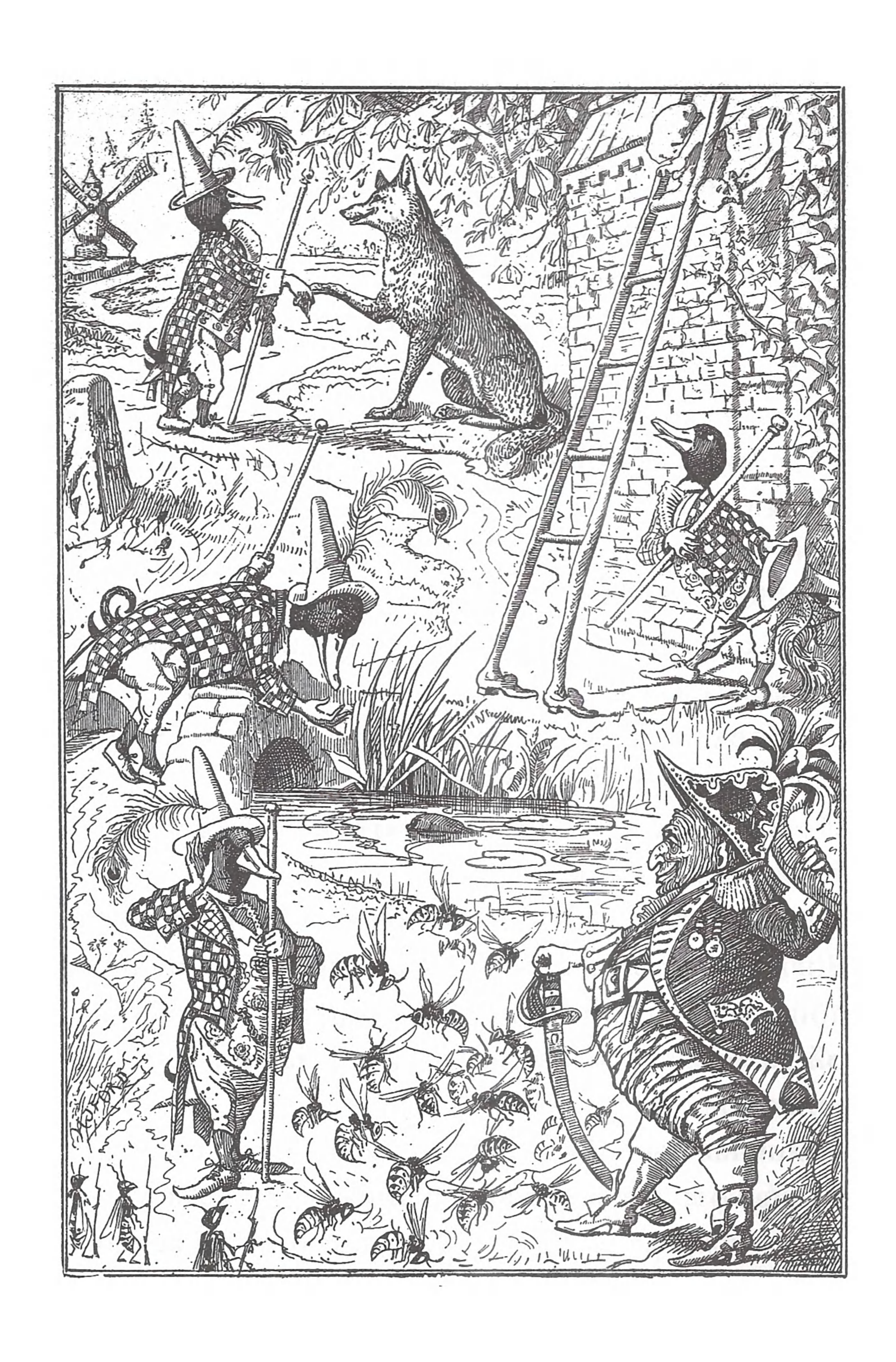
— Ого! Возьми меня с собой!

«Друзей много не бывает», — подумал Утиный Хвост.

— Возьму, — ответил он, — только ты скоро устанешь, если пойдешь на своих деревянных ногах. Сделайся маленькой, полезай ко мне в горло, спускайся в желудок, и я тебя понесу.

— Отличная мысль! — отвечает Лестница и, собрав вещички, живо отправляется в компанию к другу Лису.

И — кря, кря, кря! — Утиный Хвост, такой же нарядный, как раньше, продолжает свой путь, распевая. Еще немного

Утиный Хвост встречает своих друзей по дороге
к королевскому дворцу

прошел он и встретил свою милую подругу Реку, которая мирно петляла под солнцем.

— Ангел мой, — говорит она ему, — куда это ты идешь один по грязной дороге, задрав хвост?

— Иду, знаешь ли, требовать с короля то, что он мне должен.

— Ого! Возьми меня с собой!

«Друзей много не бывает», — подумал Утиный Хвост.

— Возьму, — ответил он, — только ты скоро устанешь, ты же спишь на ходу. Сделайся маленькой, полезай ко мне в горло, спускайся в желудок, и я тебя понесу.

— Отличная мысль! — отвечает Река.

Она собирает вещи и — буль, буль, буль! — устраивается меж другом Лисом и подругой Лестницей.

И — кря, кря, кря! — Утиный Хвост продолжает свой путь, распевая все ту же песенку.

Прошел он еще немного и встретил своего товарища — Осиное Гнездо, вокруг которого вились осы.

— Доброе утро, друг Утиный Хвост! — сказал товарищ Осиное Гнездо. — Куда это ты собрался такой нарядный и свежий?

— Иду требовать с короля то, что он мне должен.

— Ого! Возьми меня с собой!

«Друзей много не бывает», — подумал Утиный Хвост.

— Возьму, — ответил он, — только ты скоро устанешь, тебе же надо нести всех этих ос. Сделайся маленьким, полезай ко мне в горло, спускайся в желудок, и я тебя понесу.

— Боже мой, какая отличная мысль! — отвечает Осиное Гнездо.

И глядь! — он со всей своей оравой отправляется к остальным друзьям. Тесновато было, но все устроились. А Утиный Хвост идет себе дальше и поет.

Так он пришел в столицу и направился прямо на Высокую улицу. Бежит себе да поет:

— Кря! Кря! Кря! Кря! Денежки я возьму с короля!

А народ дивится. Так и пришел он к королевскому дворцу.

Стучит дверным молоточком: тук-тук!

— Кто там? — спрашивает привратник, выглядывая в окошко.

— Это я, Утиный Хвост. Я желаю говорить с королем.

— Говорить с королем! Легко сказать. Король обедает и не потерпит, чтобы его беспокоили.

— Скажи ему, что это я и он отлично знает, зачем я пришел.

Привратник затворил окошко и пошел передать его слова королю, который как раз сел обедать с салфеткой на шее, а также всем его министрам.

— Хорошо, хорошо! — рассмеялся король. — Я знаю, зачем он тут! Пусть войдет, а ты посади его к индюшкам и цыплятам.

Привратник спустился к воротам.

— Входите, сделайте милость.

«Неплохо! — сказал себе Утиный Хвост. — Наконец-то я увижу, как едят при дворе».

— Сюда, сюда, — говорит привратник. — Еще шажок... Вот и пришли.

— Как? Куда? На птичник?

Представьте, как Утиный Хвост был раздосадован!

— Ах вот как! — говорит он. — Ну погодите, я вас заставлю меня принять. Кря! Кря! Кря! Кря! Денежки я возьму с короля!

Но индюшки и цыплята — такой народ, они терпеть не могут тех, кто на них не похож. Увидали чужака, рассмотрели его, услышали, о чем он кричит, и давай на него коситься:

— Что это? Чего он хочет?

Наконец они все накинулись на него и стали больно клевать.

— Я пропал! — сказал себе Утиный Хвост.

Но, по счастью, он вспомнил про своего друга Лиса и закричал:

Лис! Лис! Скорей покажись,
Не то Уткохвоста прервется жизнь.

Тогда друг Лис, который только этих слов и ждал, выскакивает наружу, набрасывается на злобных птиц и — хрясь, хрясь! — разрывает их в клочья. Прошло пять минут, и никого нет в живых. А Утиный Хвост, довольный, завел свое:

— Кря! Кря! Кря! Кря! Денежки я возьму с короля!

Когда король, который еще сидел за столом, услыхал этот припев, а птичница пришла к нему рассказать, что произошло во дворе, он очень разозлился.

Он приказал бросить этого противного селезня в колодец, и дело с концом.

Сделали, как он велел. Утиный Хвост был в отчаянии — как ему выбраться из такой глубокой ямы? — но тут он вспомнил про свою подругу Лестницу.

Лестница! Лестница! Встань у стены,
Не то Уткохвоста дни сочтены!

Подруга Лестница, которая только этих слов и ждала, выскакивает наружу, хватается обеими руками за край колодца, Утиный Хвост живо залезает ей на спину и — прыг! — вот он во дворе и поет громче прежнего.

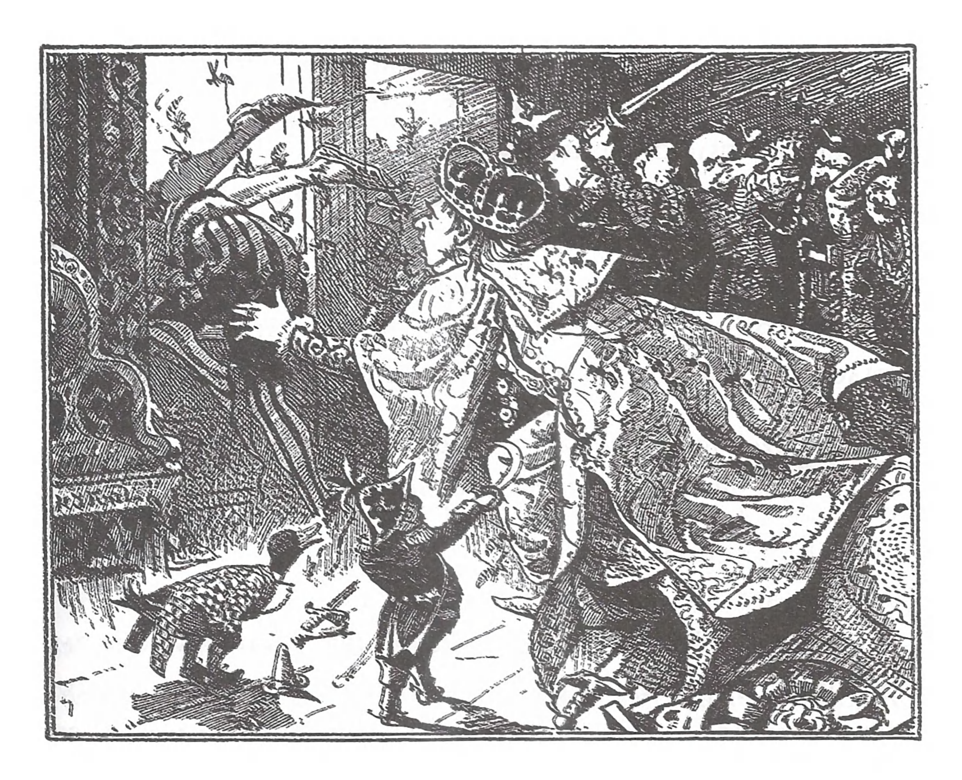
Когда король — он все еще сидел за столом и смеялся над тем, какую славную шутку сыграл со своим кредитором, — услышал, как тот опять требует назад свои деньги, он так и побелел со злости.

Он приказал растопить печь и бросить в нее этого противного селезня, ибо тот, должно быть, колдун.

Скоро печь разогрели, но на этот раз Утиный Хвост уж так не боялся — он рассчитывал на свою милую подругу Реку.

Река! Река! Скорее теки,
Не то Уткохвоста сочтутся деньки!

Подруга Река выплескивается наружу и — фр-р-р! — устремляется к печи и заливает ее и всех тех, кто ее растапливал, а потом она потекла, рокоча, в зал дворца и разлилась там глубиной больше четырех футов.

Король и министры беспорядочно выскакивают в окно

И Утиный Хвост, довольный, стал там плавать, распевая оглушительно:

— Кря! Кря! Кря! Кря! Денежки я возьму с короля!

Король все еще сидел за столом и был уверен в успехе; но когда он услышал, что Утиный Хвост опять поет, и когда ему рассказали, что произошло, он в ярости вскочил, размахивая кулаками.

— Приведите его сюда, я перережу ему глотку! Живо подать его сюда! — закричал король.

И тут же два лакея побежали за Утиным Хвостом.

— Наконец-то меня изволят принять, — сказал бедняга, поднимаясь по большим ступеням.

Вообразите, как он испугался, когда вошел и увидел, что король от гнева красен как рак, а все его министры стоят с оружием в руках. Он подумал, что уж на этот-то раз для него все кончено. Но, к счастью, он вспомнил, что у него остался еще один друг, и закричал слабым голосом:

Осиное Гнездышко, скорей покажись,
Не то Уткохвоста прервется жизнь.

И все изменилось.

— З-з-з, з-з-з, в штыковую, ребята!

Отважное Осиное Гнездо выскакивает наружу со всеми своими осами. Они набросились на разгневанного короля и его министров и так яростно жалили их в лицо, что те совсем потеряли голову и, не зная, где спрятаться, беспорядочно повыскакивали в окно и сломали себе шеи, попадав на мостовую.

И вот Утиный Хвост, изумленный, остается совсем один в большом зале, как хозяин положения. Он не мог в это поверить.

Однако вскоре он вспомнил, зачем пришел во дворец, и, пользуясь случаем, стал разыскивать свои милые денежки. Но напрасно он рылся во всех ящиках. Ничего он не нашел — все было истрачено.

Так он перерыл одну за другой все комнаты и дошел наконец до последней, в которой стоял трон. Притомив-

шись, он присел на трон, чтобы обдумать свое приключение. Тем временем люди обнаружили, что их король и его министры лежат на мостовой вверх тормашками, и пошли во дворец узнать, как это получилось. Войдя в тронный зал и увидев, что на месте короля уже кто-то сидит, толпа разразилась криками удивления и радости:

Король умер! Король да здравствует!
Небом послан нам тот, кто ныне царствует!

Утиный Хвост, который уже ничему не удивлялся, принял восклицания людей так, будто всю свою жизнь ничем другим не занимался.

Кое-кто, конечно, ворчал, что хорошенький же король выйдет из Утиного Хвоста; а те, кто знал его, отвечали, что сметливый Утиный Хвост станет править достойнее, чем тот транжира, который лежит сейчас на мостовой. Короче говоря, сбегали к покойнику, сняли с него корону и водрузили ее на Утиного Хвоста, которому она пришлась в самый раз.

Так он стал королем.

— А теперь, — сказал он после церемонии, — дамы и господа, пойдемте ужинать. Я так проголодался!

Крысолов

*Французская сказка**

огда-то в незапамятные времена город Гаммельн в Германии наводнили стаи крыс, каких никогда прежде не видывали, да и никогда больше не увидят.

То были огромные черные звери, которые при свете дня бесстрашно бегали по улицам и так кишели в домах, что людям ступить было некуда, не наступив на крысу. Одеваясь поутру, люди находили их в штанах и юбках, в карманах и башмаках, а когда хотели чем-нибудь перекусить, оказывалось, что прожорливая орда уже смела все, от подвала до чердака. Ночью было еще хуже. Стоило погасить огни, как неутомимые грызуны принимались за работу. И повсюду — над потолком, под полом, в буфете, за дверью — раздавались топот и возня, и так гремели буравы, клещи и пилы, что даже глухой не смог бы уснуть ни на час.

Ни кошки, ни собаки, ни яд, ни ловушки, ни молитвы, ни свечи во имя всех святых — ничто не помогало. Чем больше крыс убивали, тем больше их становилось. Жизнь в Гаммельне пошла псу под хвост — хоть и от псов большой

* Из сказок Шарля Марелля.

пользы не было! — когда однажды в пятницу появился в городе человек со странным лицом, который играл на волынке и напевал:

Все узнает тот, кто доживет.
Крысолов идет! Крысолов идет!

Это был высокий неуклюжий парень, сухой и загорелый, с горбатым носом и длинными усами, похожими на крысиные хвосты, а из-под полей его большой войлочной шляпы с алым петушиным пером насмешливо и пронзительно смотрели большие желтоватые глаза. Одет он был в зеленую куртку с кожаным поясом и красные штаны, а на ногах носил сандалии, подвязанные к ногам ремешками на цыганский лад.

Таким его можно увидеть и сегодня на рисунке витража в одном из окон гаммельнского собора.

Он остановился на большой рыночной площади перед ратушей, повернулся спиной к церкви и заиграл, напевая:

Все узнает тот, кто доживет.
Крысолов идет! Крысолов идет!

Как раз собрался городской совет, чтобы еще раз обсудить эту чуму египетскую, от которой никто не мог избавить город.

Чужестранец послал сказать советникам, что, если ему хорошо заплатят, он еще до наступления ночи избавит город от всех крыс до одной.

— Значит, он колдун! — в один голос закричали горожане. — Нужно его остерегаться.

Глава совета, которого считали умным человеком, успокоил их.

— Колдун этот волынщик или нет, — сказал глава совета, — если он говорит правду, то он и наслал на нас этих чудовищных зверей, от которых теперь хочет освободить нас за деньги. Что ж, надо научиться ловить дьявола в его собственные силки. Предоставьте это мне.

— Предоставим это главе совета, — сказали друг другу горожане.

И чужака привели к ним.

— Еще до ночи, — сказал он, — я прогоню всех крыс из Гаммельна, если вы заплатите мне по грошу за голову.

— По грошу за голову! — вскричали горожане. — Да тут набегут миллионы флоринов!

Глава совета только пожал плечами и сказал пришельцу:

— По рукам! Принимайся за работу, тебе заплатят по грошу за каждую крысиную голову, как ты просишь.

Волынщик объявил, что приступит к делу в тот же вечер, едва взойдет луна. Он добавил, что жители города должны в этот час уйти с улиц и удовольствоваться созерцанием того, что произойдет, из окон, а зрелище будет знатное. Услышав о сделке, люди Гаммельна тоже воскликнули:

— По грошу за голову! Но это обойдется нам в изрядную сумму!

— Предоставим это главе совета, — сказали члены городского совета с лукавым видом.

И добрые люди города Гаммельна повторили за своими советниками:

— Предоставим это главе совета.

В девять часов вечера волынщик вновь был на рыночной площади. Как прежде, он повернулся спиной к церкви, и, едва луна появилась на небе, волынка запела:

— Тра-ри-ра, трари!

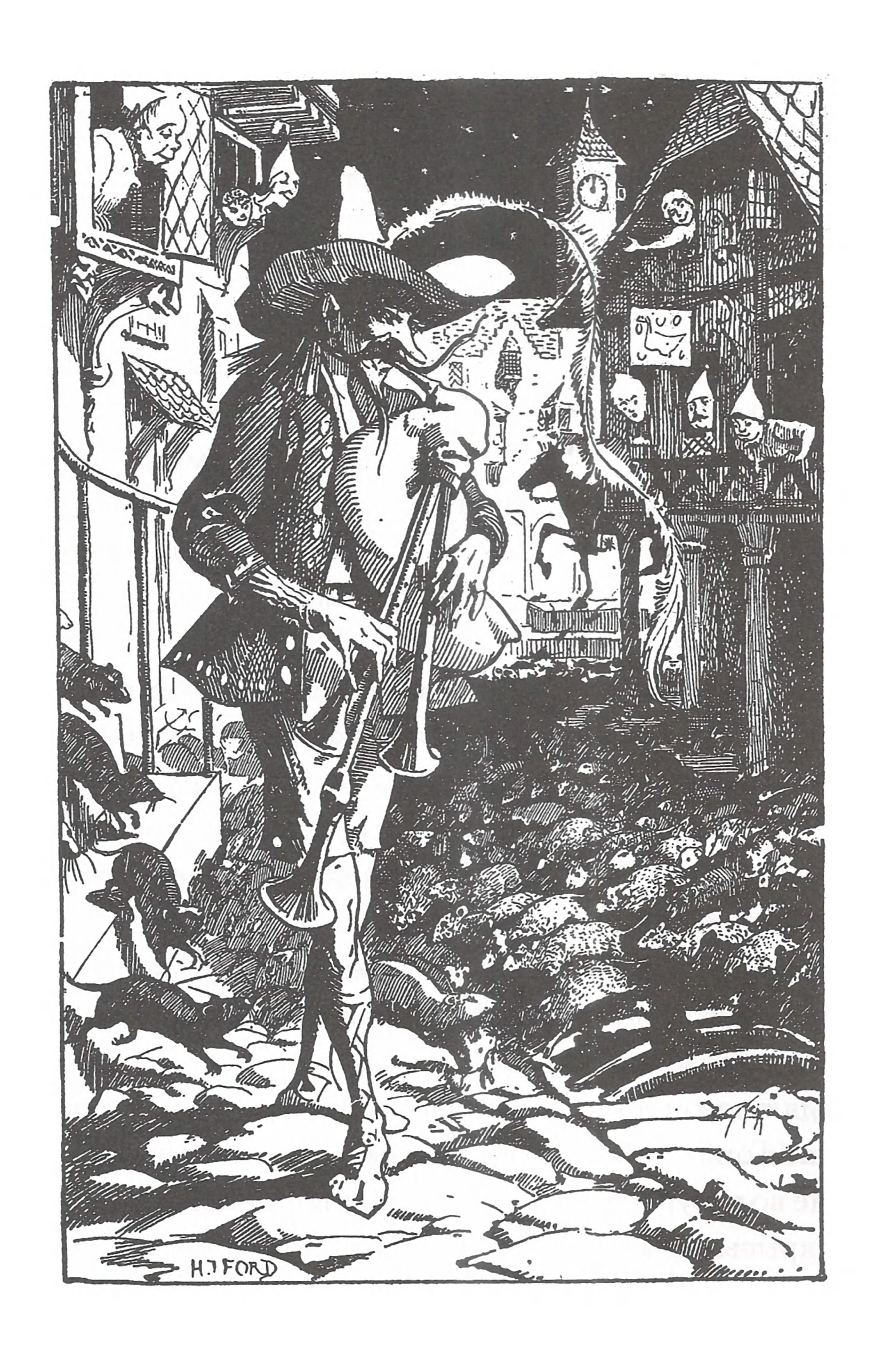
Поначалу это был медленный, нежный звук, потом он делался все живее и настойчивее и наконец стал таким звонким и пронзительным, что достигал самых отдаленных закоулков и закутков города.

Скоро из глубин подвалов, с верхушек чердаков, из-под всей мебели, изо всех уголков и тайников в домах стали выходить крысы: искали дверь, выскакивали на улицу и — топ, топ, топ! — бежали рядами к городской ратуше, сбившись так плотно, что из-под них не было видно мостовой, будто это река разлилась и затопила улицы.

Когда площадь заполнилась, волынщик повернулся и, продолжая живо наигрывать, пошел к реке, которая текла под городской стеной.

Придя туда, он обернулся к крысам, которые шли следом.

— Гоп! Гоп! — крикнул он, показывая пальцем на стремнину, где вода бурлила и закручивалась воронкой. И — гоп, гоп! — крысы, не колеблясь, прыгали в воду, плыли прямо к воронке, ныряли в нее головой вперед и исчезали из виду.

Когда площадь заполнилась крысами, волынщик повернулся
и пошел к реке

Так они делали беспрерывно до полуночи.

Наконец с трудом притащилась большая крыса, седая от старости, и остановилась на берегу.

То был король стаи.

— Все там, друг Беляк? — спросил волынщик.

— Все там, — ответил друг Беляк.

— А сколько их было?

— Девятьсот девяносто тысяч, девятьсот девяносто девять.

— Подсчет верен?

— Подсчет верен.

— Тогда ступайте к ним, ваше величество. И до встречи.

Тогда старая белая крыса в свою очередь прыгнула в реку, подплыла к водовороту и исчезла.

Так завершив свою работу, волынщик пошел спать в гостиницу. И впервые за три месяца люди Гаммельна спокойно спали ночью.

Наутро, в девять часов, волынщик вновь пришел в ратушу, где его ждал городской совет.

— Все ваши крысы вчера прыгнули в реку, — сказал он, — и я ручаюсь, что ни одна не вернется. Их было девятьсот девяносто тысяч, девятьсот девяносто девять, по грошу за голову. Считайте!

— Давай сперва пересчитаем головы. Один грош за голову — значит, одна голова за грош. Где головы?

Такого предательского удара волынщик не ожидал. Он побелел от гнева, глаза его вспыхнули.

— Головы?! — выкрикнул он. — Если они вам нужны, поищите их в реке.

— Итак, — продолжал глава городского совета, — ты отказываешься соблюсти договор? Следовательно, мы можем отказаться от уплаты. Но ты был нам полезен, и мы не отпустим тебя без награды.

И он предложил волынщику пятьдесят крон.

— Оставь свою награду себе, — гордо ответил волынщик. — Если вы мне не заплатите, поплатятся ваши наследники.

Он надвинул шляпу на глаза, быстро вышел из ратуши и покинул город, никому не сказав ни слова.

Когда люди Гаммельна услышали, чем кончилось дело, они стали довольно потирать руки, как глава совета, без всяких угрызений совести смеялись над волынщиком, говоря, что он попался в свою же западню. Но больше всего позабавило их то, что он думал, будто ему заплатят их дети. Ха-ха! Да можно только мечтать о том, чтоб у тебя всю жизнь были такие же доверчивые кредиторы.

На следующий день, в воскресенье, они все весело пошли в церковь, думая, что после обедни смогут наконец поесть вкусной еды, которой до них не отведали крысы.

Они и не подозревали, какой ужасный сюрприз ждет их дома. Их детей нигде нет, они все исчезли!

— Наши дети! Где наши бедные дети? — раздавались крики на всех улицах.

Тогда через восточные ворота в город вошли три маленьких мальчика, крича и плача, и вот что рассказали.

Пока родители были в церкви, послышалась восхитительная музыка. Скоро все маленькие мальчики и маленькие девочки, которых оставили дома, вышли на улицы, привлеченные волшебными звуками, и поспешили на большую рыночную площадь. Там, на том же месте, что и вчера, стоял и играл волынщик. Потом он быстро зашагал прочь, и дети последовали за ним — бегали, пели и танцевали под музыку, пока не дошли до подножия горы у въезда в Гаммельн. Когда они подошли к горе, та приоткрылась, и волынщик вошел внутрь вместе с детьми, а потом гора закрылась опять. Только те три малыша, которые обо всем рассказали, случайно остались снаружи. Один был кривоног и не мог угнаться за остальными; другой в спешке выбежал из дома в одном башмаке, споткнулся о большой камень и шагал с трудом; третий пришел вовремя, но, стараясь не отстать, так усердно проталкивался к склону горы, что упал, когда гора закрылась за его товарищами.

Услышав это, родители зарыдали еще горше. Они побежали с копьями и мотыгами к горе и дотемна искали там проход, в котором исчезли их дети, но не смогли его найти. Наконец, когда спустилась ночь, они в отчаянии вернулись в Гаммельн.

Но несчастнее всех был глава совета, ибо он потерял трех маленьких сыновей и двух красивых дочерей, а в довершение всех бед жители Гаммельна обрушили на него поток упреков, забыв, что еще вчера все они согласились с ним.

Что же стало с этими несчастными детьми?

Дети пели и танцевали под музыку, пока не дошли до подножия горы

Родители всегда надеялись, что они не умерли и что крысолов — он-то наверняка вышел из горы! — увел их с собой в свою страну. Вот почему несколько лет они посылали гонцов в разные страны на поиски бедных детей, но никому так и не удалось набрести на их след.

Прошло много времени, прежде чем о детях услышали снова.

Спустя полтора столетия после этих событий, когда не осталось в живых никого из отцов, матерей, братьев и сестер тех детей, однажды вечером в Гаммельн прибыли бременские купцы, возвращавшиеся с востока, и пожелали по-

говорить с горожанами. Они рассказали, что, проезжая через Венгрию, побывали в горной местности под названием Трансильвания, жители которой говорят только на немецком, хотя вокруг них все знают только венгерский. Эти трансильванские жители заявили, что они родом из Германии, но не знают, как оказались в этой чужой стране.

— Сдается, — сказали бременские купцы, — эти немцы не могут быть не кем иным, как потомками пропавших детей Гаммельна.

Люди Гаммельна поверили безоговорочно и с того дня считают, что трансильванцы в Венгрии — их родня, чьих предков детьми привел туда крысолов. Порой приходится верить и в более диковинные вещи.

Подлинная история Золотой Шапочки

*Французская сказка**

ы знаете сказку о бедной маленькой Красной Шапочке, которую обманул и сожрал волк вместе с пирогом, бидончиком для масла и бабушкой; но на самом деле все было не совсем так, как мы теперь знаем. Прежде всего, девочка звалась и поныне зовется Золотой Шапочкой; а еще в конце концов поймали и съели не ее и не добрую бабушку, а волка.

Итак, слушайте.

Эта история начинается почти как сказка.

Жила-была маленькая крестьянская девочка, милая и хорошенькая, как звезда в ночи. Ее настоящее имя было Бланшетт, но чаще ее звали Золотой Шапочкой из-за чудесного плащика с капюшоном цвета золота и огня, который она всегда носила. Этот капюшон подарила ей бабушка, которая была так стара, что сама не знала, сколько ей лет; она говорила, что подарок принесет внучке удачу, ибо он соткан из солнечных лучей. А поскольку добрую старушку считали чем-то вроде волшебницы, все верили, что капюшончик тоже заколдован.

---

* Из сказок Шарля Марелля.

Так оно и было, и об этом вы скоро узнаете.

Однажды мать сказала дочери:

— Давай-ка проверим, моя Золотая Шапочка, умеешь ли ты сама находить дорогу. Отнеси этот славный кусок пирога бабушке, ведь завтра воскресенье — пусть полакомится. Спроси, как она себя чувствует, и сразу возвращайся, не останавливайся по пути поболтать с незнакомыми людьми. Ты все поняла?

— Я все поняла, — весело ответила Бланшетт.

И ушла с пирогом, гордая поручением.

Бабушка жила в другой деревне, и, чтобы попасть туда, нужно было пройти через большой лес. У поворота дороги, под деревьями, девочка вдруг воскликнула:

— Кто там?

— Это я, твой друг Волк.

Негодяй увидел, что девочка идет одна, и собрался ее сожрать, но почуял лесорубов, которые могли его заметить, и передумал. Вместо того чтобы прыгнуть на Бланшетт, он вышел к ней, виляя хвостом, как ласковый пес.

— Это ты, моя милая Золотая Шапочка? — сказал он.

И маленькая девочка остановилась поговорить с Волком, которого она совершенно не знала.

— Так ты меня знаешь?! — удивилась она. — А тебя как зовут?

— Меня зовут друг Волк. А куда ты идешь, милая, с корзиночкой на руке?

— Я иду к своей бабушке, несу ей славный кусок пирога, ведь завтра воскресенье — пусть полакомится.

— А где она живет, твоя бабушка?

— Она живет за лесом, в первом же доме на краю деревни, возле ветряной мельницы. Знаешь там такую?

— Ах да! Теперь я понял, — ответил Волк. — Я как раз туда иду. Конечно, я доберусь туда быстрее, чем ты на своих маленьких ножках, и скажу ей, что ты идешь ее проведать. Тогда она будет тебя ждать.

Итак, Волк побежал через лес напрямик и через пять минут был у дома бабушки.

Он стучит в дверь: тук-тук.

Ответа нет.

Он стучит громче.

Никто не открывает.

Тогда он встает на задние лапы, кладет передние на задвижку, и дверь отворяется.

В доме ни души.

Старая женщина встала рано, собираясь в город продавать травы, и ушла в такой спешке, что оставила кровать неубранной, а на подушке — свой большущий ночной колпак.

«Отлично! — сказал себе Волк. — Я знаю, что делать».

Он закрывает дверь, натягивает до глаз бабушкин колпак, забирается в кровать и задергивает занавески.

Тем временем добрая Бланшетт тихо шла своей дорогой, как это делают маленькие девочки, — срывая маргаритки,

что расцветают на Пасху, наблюдая, как птички вьют гнезда, и гоняясь за бабочками, порхавшими на солнце.

Наконец она подошла к двери дома.

Тук-тук.

— Кто там? — спрашивает Волк, смягчив свой грубый голос, насколько это для него было возможно.

— Это я, бабушка, твоя Золотая Шапочка. Я несу тебе славный кусок пирога — угостись, ведь завтра воскресенье.

— Нажми пальцем на задвижку, толкни дверь, она и откроется.

— Бабушка, да ты простудилась! — сказала внучка, войдя в дом.

— Кхм! Ну да, немножко, — ответил Волк, притворно кашляя. — Закрой дверь получше, мой ягненочек. Поставь корзину на стол, а потом снимай платье и ложись со мной. Отдохнешь немного.

Доброе дитя разделось, но, заметьте, оставило на голове свой капюшончик. Увидев очертания своей бабушки под одеялом, бедная малышка очень удивилась.

— Ой! — вскрикнула она. — Бабушка, как ты похожа на друга Волка!

— Это из-за моего ночного колпака, дитятко, — ответил Волк.

— Ой, бабушка! Какие у тебя волосатые руки!

— Это чтобы крепче тебя обнять, дитятко.

— Ой, бабушка! Какой у тебя большой язык!

— Это чтобы проще было отвечать тебе, дитятко.

Волк отпрянул, завывая и тряся челюстью, будто проглотил раскаленные угли

— Ой, бабушка! Какие у тебя во рту огромные зубы!

— Это чтобы есть маленьких деток!

И Волк разинул пасть, собираясь проглотить Бланшетт.

Но она наклонила голову, крича:

— Мама! Мама!

И в пасть к Волку попал только ее капюшон.

Тут-то — Бог мой! — Волк отпрянул, завывая и тряся челюстью, будто проглотил раскаленные угли.

Это капюшончик цвета огня обжег ему язык в глотке.

Ибо это был один из тех волшебных плащей, которыми пользовались в историях былых времен, чтобы становиться невидимыми или неуязвимыми.

И вот Волк метался с обожженным горлом, спрыгнув с кровати и пытаясь найти выход. Он завывал так, будто за ним по пятам гнались собаки со всей страны.

Тут как раз вернулась из города бабушка, неся на плече пустой мешок.

— Ах, подлец! — кричит она. — Ну, погоди!

Она быстро открывает свой мешок за дверью, и обезумевший Волк прыгает в него прямиком.

Вот он и попался: скользнул внутрь, как письмо в ящик.

А отважная старушка закрыла свой мешок, а потом подбежала к колодцу и вытряхнула негодяя в воду. Все еще завывая, он упал в колодец и утонул.

— Ах, мерзавец! Задумал сожрать мою внученьку! Что ж, завтра мы сделаем ей муфту из твоей шкуры, а тебя самого сожрут псы, которым бросят тушу.

Потом бабушка поспешила одеть бедную Бланшетт, которая все еще тряслась от ужаса в постели.

— Ну, — сказала она, — что бы было с тобой, дорогая, без моего капюшончика?

И, чтобы девочка пришла в себя, бабушка отрезала ей хороший кусок пирога и налила большую кружку вина, а потом взяла ее за руку и отвела домой.

А кто потом отругал ее, узнав обо всем, что произошло?

Ее мать. Бланшетт снова и снова повторяла обещание, что больше никогда не остановится, чтобы поговорить с Волком, и наконец мать ее простила.

И Бланшетт, Золотая Шапочка, сдержала свое слово. В хорошую погоду ее и сейчас можно встретить в полях и узнать по красивому капюшончику цвета солнца.

Но, чтобы ее увидеть, нужно встать очень рано.

Золотая ветвь

*Французская сказка**

Жил-был некогда король, такой мрачный и неприятный, что все подданные его боялись — и не напрасно, ибо за малейшую провинность он рубил им головы. У этого короля по прозвищу Грампи — то есть Брюзга — был один сын, во всем разительно несхожий с отцом. Не было другого принца, который мог бы сравниться с ним в уме и доброте, но, к несчастью, он был ужасно уродлив. У него были кривые ноги и косые глаза, большой скособоченный рот и горб на спине. Не бывало еще, чтобы столь прекрасная душа оказалась в столь ужасном теле, но, несмотря на его внешность, его все любили. Королева, его мать, звала его Керликью, то есть Завитушкой, ибо это имя всегда ей нравилось и, казалось, подходило ему.

Король Грампи, который беспокоился о своем величии куда больше, чем о счастье сына, хотел обручить его с дочерью короля, чьи огромные владения соседствовали с его страной, думая, что этот союз сделает его сильнее, чем когда-либо. Что до принцессы, то она для принца Керли-

* Из сказок мадам д'Онуа.

кью будет в самый раз, ибо столь же безобразна. Хоть она и была добрейшим созданием на свете, никак нельзя было скрыть ее пугающую внешность и хромоту — она всегда ходила с костылем, — так что люди прозвали ее принцессой Кочерыжкой.

Король попросил портрет принцессы, а получив его, поставил у себя в большом зале и послал за принцем Керликью, которому он сказал, что, так как на портрете его будущая невеста, он надеется, что принц найдет ее очаровательной.

Принц взглянул на портрет и презрительно отвернулся, чем очень задел отца.

— Я так понимаю, что ты недоволен? — спросил король резко.

— Да, ваше величество, — ответил принц. — Разве я могу быть доволен тем, что женюсь на безобразной и хромой принцессе?

— Тебе только и возражать против этого, — заворчал король Грампи, — ибо ты сам достаточно уродлив, чтоб напугать кого угодно.

— В этом-то и причина, по которой я хочу жениться на ком-нибудь не столь отталкивающем. Я достаточно устал от самого себя.

— А я тебе говорю, что ты женишься на ней! — зло крикнул король.

Принц, видя, что от возражений толку нет, поклонился и ушел.

Поскольку король Грампи не привык, чтобы ему в чем-либо перечили, он был очень недоволен своим сыном и приказал заточить его в башне, которую приготовили для мятежных принцев, но за неимением таковых не использовали уже лет двести. Принцу показалось, что все комнаты выглядят диковинно старомодными из-за старой мебели, но он обрадовался тому, что в башне имелась хорошая библиотека, и скоро он получил позволение брать из нее сколько угодно книг. Но, взглянув на них, он обнаружил, что они написаны на забытом уже языке и не мог понять ни слова, хотя попытки разобрать текст его развлекли.

Король Грампи был настолько уверен, что принцу Керликью скоро надоест сидеть в тюрьме и он согласится жениться на принцессе Кочерыжке, что он послал к ее отцу, предлагая ей приехать и выйти за его сына, с которым она будет совершенно счастлива.

Король был рад получить столь выгодное предложение для своей невезучей дочери, хотя, правду сказать, он не смог найти ничего привлекательного в портрете принца, который ему прислали. Однако он по возможности поставил портрет в выгодном освещении и послал за принцессой, но та, едва увидев портрет, отвернулась и заплакала. Король, очень раздосадованный тем, насколько портрет ей не понравился, взял зеркало и, держа его перед несчастной принцессой, сказал:

— Вижу, ты не находишь принца красивым. Но посмотри на себя и скажи, есть ли у тебя право на это жаловаться.

— Сир, — ответила она, — я не хочу жаловаться, но я молю вас не принуждать меня к замужеству. Я бы скорее предпочла всю свою жизнь быть несчастной принцессой Кочерыжкой, чем навязывать еще кому-то зрелище моего уродства.

Но король был глух к ее словам и решительно отправил ее с послами.

Тем временем принц сидел под замком в своей башне, и, чтобы он поскучал как следует, король Грампи приказал, чтобы с ним никто не говорил и чтобы ему почти не давали еды. Но вся стража так любила принца, что, несмотря на королевскую волю, делала все, на что только осмеливалась, чтобы он приятно проводил время.

Однажды принц прогуливался взад-вперед по большой галерее, размышляя о том, как прискорбно быть таким безобразным и быть принуждаемым к браку со столь же уродливой принцессой. Вдруг он поднял голову и обратил внимание, насколько красивы и ярки расписанные окна. Чтобы как-нибудь отвлечься от своих мрачных мыслей, он стал внимательно рассматривать росписи. Оказалось, что это картины из жизни какого-то мужчины, который был нарисован на каждом окне, и принц, заметив в нем некоторое сходство с собой, увлекся изучением этих картинок. На первом окне мужчина был изображен в одной из башенок, дальше он искал что-то в щели стены, на следующей картине открывал старый шкаф золотым ключом, и так далее, и наконец принц заметил, что в каждой сцене самое видное место занимает другая фигура — высокого и кра-

сивого юноши, такого стройного и сильного, что бедный принц Завитушка с удовольствием им любовался. Уже стемнело, и принцу пришлось вернуться в свои покои; чтобы занять себя, он взял диковинную старую книгу и стал разглядывать картинки. И как же он удивился, когда обнаружил там те же сцены, что и в окнах галереи, — более того, картинки были живые! Рассматривая изображение музыкантов, он увидел, как движутся их руки, и услышал сладостные звуки; дальше был нарисован бал, и принц мог видеть, как танцуют человечки. Он перевернул страницу — запахло великолепным ужином, и один из пирующих посмотрел на него и сказал:

— Мы пьем за ваше здоровье, Керликью. Попытайтесь вернуть нам нашу королеву — если сумеете, будете вознаграждены, а если нет, вам же хуже.

На этих словах принц, который все больше и больше изумлялся, сильно испугался, и, уронив книгу, которая с грохотом упала на пол, он лишился чувств. На шум пришли стражники и, приведя его в сознание, спросили, что случилось. Он сослался на слабость и головокружение от голода, из-за которых ему виделись и слышались разные странные вещи. Тогда, пренебрегая приказом короля, стража принесла ему великолепный ужин, и, поев, он снова открыл книгу, но не увидел ни одной из тех прекрасных картинок. Он решил, что видел сон.

Однако же, когда на следующий день он пришел в галерею и снова посмотрел на расписные окна, он увидел, что

фигуры движутся, они ходят туда и сюда, будто живые, и, разглядев, как похожий на него человек достает ключ из трещины в башенной стене и открывает старый шкафчик, принц решил осмотреть это место и попытаться разобраться в этой тайне. Он поднялся в башенку и начал простукивать там стены, — и вдруг он наткнулся на полость. Он отколол молотком кусок камня и нашел за ним золотой ключик. Оставалось найти шкаф, и скоро принц отыскал его в темном углу, такой старый и невзрачный, что, если не искать специально, нипочем его не заметишь. Поначалу он не увидел замочной скважины, но, поискав внимательно, нашел ее в резьбе, и золотой ключик подошел в самый раз. Принц с усилием повернул ключ — и дверцы распахнулись.

Хотя снаружи шкафчик был стар и потрепан, не могло быть ничего богаче и прекраснее зрелища, которое представилось изумленному взгляду принца. Каждый ящичек был сделан из хрусталя, янтаря или из какого-нибудь драгоценного камня и наполнен сокровищами. Принц Керликью был рад; он открывал ящики один за другим и наконец добрался до ящичка, в котором лежал один изумрудный ключ.

«Должно быть, он открывает эту золотую дверцу посередине», — сказал себе принц.

Он вставил ключ и повернул. Дверца открылась, и мягкий малиновый свет осиял собой весь шкафчик. Принц понял, что это мерцает огромный карбункул, вделанный в лежащую перед ним шкатулку. Он немедленно открыл шкатулку — и каков же был его ужас, когда в ней оказалась

мужская рука, сжимающая какой-то портрет! Первой мыслью принца было убрать на место ужасную шкатулку и убежать из башни, но чей-то голос шепнул ему на ухо:

— Эта рука принадлежала тому, кому ты можешь помочь, вернув ее. Взгляни на этот прекрасный портрет, оригинал которого был причиной всех моих несчастий, и, если пожелаешь мне помочь, отправляйся, не медля ни минуты, в большую галерею. Заметь, где ярче всего светит солнце, и, если поищешь там, найдешь мое сокровище.

Голос стих, и, сколько бы вопросов ни задавал пораженный принц, ответа не было. Он убрал шкатулку на место, снова запер шкафчик и, вернув ключ в щель стены, поспешил в галерею.

Когда он пришел туда, все окна странно дрожали и гремели, но принц не обратил на это внимания, так внимательно он высматривал то место, где солнце светит ярче всего, и ему показалось, что это окно с портретом прекраснейшего юноши.

Он подошел ближе и, осмотрев окно, обнаружил, что картина, как и все остальные, укреплена на отделанной золотом панели из черного дерева. Он постоял в замешательстве, не зная, что делать дальше, пока не догадался посмотреть, не помогут ли ему окна; и, взглянув на ближайшее окно, он увидел себя самого — там он приподнимал картину, отрывая ее от стены.

Принц понял подсказку и, без труда приподняв край картины, оказался в мраморном зале, украшенном ста-

туями. Он прошел через несколько роскошных комнат и наконец оказался в покое, завешенном голубой газовой тканью. Стены были из бирюзы, а на низкой кушетке лежала прелестная дама. Она казалось спящей, ее волосы, черные как смоль, разметались по подушкам, оттеняя белизну лица, словно выточенного из слоновой кости. Но принц заметил, что сон ее беспокоен. Когда он осторожно приблизился, опасаясь ее разбудить, он услышал, что она вздыхает и бормочет про себя:

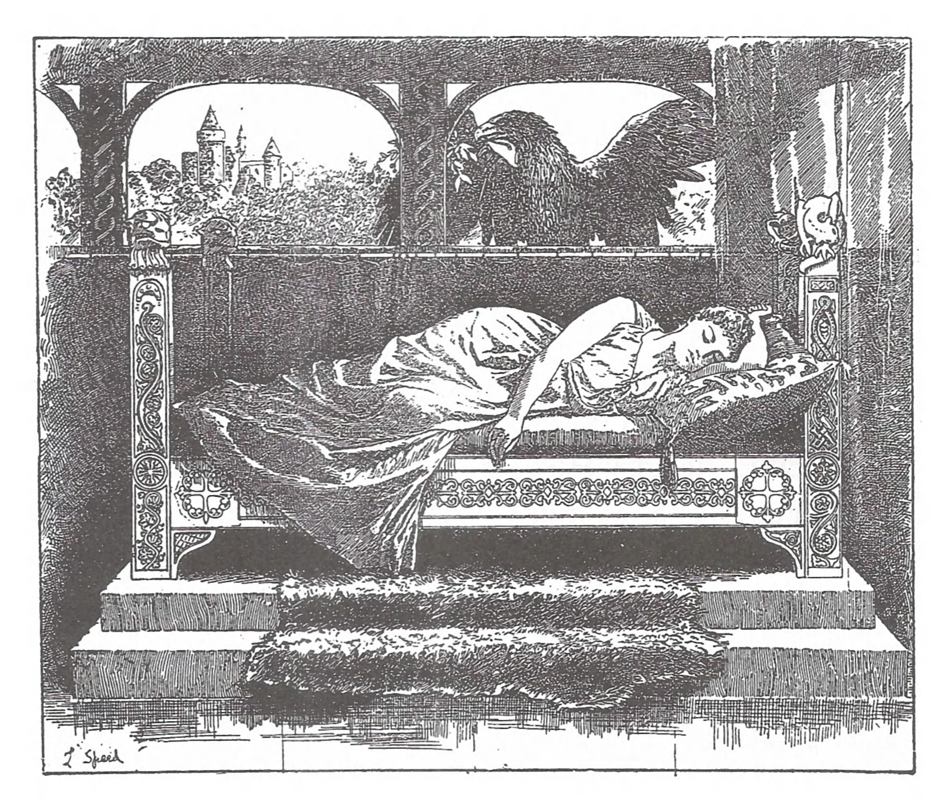
— Ах! Как смел ты думать, что завоюешь мою любовь, если разлучишь меня с моим возлюбленным Флоримондом и у меня на глазах отсечешь ту дорогую длань, которую даже тебе подобало бы окружить страхом и почетом?

По щекам прелестной дамы медленно покатились слезы, и принц Керликью начал понимать, что она под властью заклинания, а он нашел руку ее возлюбленного.

В этот миг в комнату влетел огромный орел, сжимая в когтях золотую ветвь, на которой гроздьями висело что-то вроде вишен, только каждая вишня оказалась сияющим рубином.

Он преподнес ветвь принцу, который уже понял, что должен как-то разорвать заклятие, сковывающее спящую даму. Принц взял ветвь и легонько коснулся ею спящей, сказав:

— Прекрасная госпожа, я не знаю, какое колдовство властно над вами, но во имя любимого вами Флоримонда я заклинаю вас вернуться к той жизни, которую вы утратили, но не забыли.

На кушетке лежала прелестная дама, она казалась спящей

Дама вмиг открыла блестящие глаза и увидела реющего над ней орла.

— Ах, милый! Останься, останься! — вскричала она.

Но орел с горестным криком взмахнул своими широкими крыльями и исчез. Тогда дама повернулась к принцу Керликью и сказала:

— Я знаю, это вам я обязана своим избавлением от заклятия, которое владело мной две сотни лет. Если есть что-

нибудь, что я могла бы сделать для вас взамен, только скажите, и я употреблю всю свою волшебную силу на то, чтобы сделать вас счастливым.

— Мадам, — ответил принц Керликью, — я желаю, чтобы мне позволили вернуть любимому вами Флоримонду настоящий облик, ибо я не могу забыть тех слез, что вы проливали о нем.

— Вы очень добры, дорогой принц, — ответила волшебница, — но это дело поручено другой особе. Большего я сейчас объяснить не могу. Но разве для себя вы ничего не хотите?

— Мадам! — воскликнул принц, падая к ее ногам. — Посмотрите только, как я уродлив. Меня зовут Завитушкой и смеются надо мной. Умоляю вас сделать меня менее смешным.

— Встаньте, принц, — молвила фея, коснувшись его золотой ветвью. — Будьте столь же совершенны, сколь вы прекрасны, и зовитесь принцем Несравненным, ибо это единственный титул, который подходит вам отныне.

Онемев от радости, принц благодарно поцеловал ей руку, и, когда он встал и увидел свое новое отражение в зеркалах, он понял, что Керликью-Завитушка действительно исчез навсегда.

— Как бы я хотела, — продолжала фея, — решиться рассказать вам, что вас ждет, и предостеречь вас от ловушек, лежащих на вашем пути, но я не должна этого делать. Бегите из башни, принц, и помните, что фея Дуселина всегда будет вашим другом.

Когда она умолкла, принц, к огромному своему изумлению, увидел, что он уже не в башне, а в густом лесу, по меньшей мере в сотне лиг от башни. Там мы должны его пока оставить, чтобы посмотреть, что происходит в других местах.

Спохватившись, что принц не попросил, как обычно, свой ужин, стража пришла к нему в комнату и, не обнаружив его там, очень встревожилась. Обыскали башню от чердака до подвала, но тщетно. Зная, что король, вне всякого сомнения, отрубит им головы за то, что они позволили принцу сбежать, стражники уговорились объявить, что принц болен, и, придав самому маленькому из числа стражников кое-какое сходство с принцем Керликью, они уложили его в постель принца и послали весть к королю.

Король Грампи обрадовался, услышав о болезни сына, ибо думал, что тем скорее принц согласится выполнить его волю и женится на принцессе. Он отослал стражников назад, приказав обращаться с принцем так же сурово, как раньше, а они именно на это и рассчитывали. Между тем во дворец прибыла принцесса Кочерыжка, которую несли в носилках.

Король Грампи вышел ей навстречу, но, увидев ее кожу, морщинистую, как у черепахи, толстые брови, сросшиеся над крупным носом, и рот от уха до уха, он не удержался и вскричал:

— Должен сказать, что Керликью и сам достаточно уродлив, но сдается мне, что ты дважды не думала, когда я предложил вам пожениться!

— Сир, — ответила принцесса, — меня не задели ваши слова, ибо я отлично знаю, как я выгляжу, но, уверяю вас, у меня нет никакого желания выходить за вашего сына. Я предпочту называться принцессой Кочерыжкой, чем королевой Завитушкой.

Король Грампи очень разозлился.

— Твой отец прислал тебя сюда, чтобы ты стала женой моего сына, — пробурчал он, — и, будь уверена, я не нанесу ему обиду, нарушив его планы.

Он отослал бедную принцессу, впавшую в немилость, в ее покои, а дамам, которые прислуживали ей, поручил заставить ее передумать.

Тем временем стражники, страшно боясь, что обман раскроется, передали королю, что его сын мертв, чем сильно разгневали Грампи. Он тут же решил, что в этом всецело виновата принцесса, и приказал посадить ее в башню на место принца Керликью. Принцесса Кочерыжка была изумлена несправедливым обхождением и часто направляла королю укоризненные письма, но он был в таком расположении духа, что никто не отваживался ни передать ему эти послания, ни переслать отцу принцессы другие ее письма. Однако она об этом не знала и жила надеждой на скорое возвращение в свою страну, а пока старалась развлечь себя как могла. Каждый день она прогуливалась по длинной галерее, пока и ее внимание не привлекли восхитительные изменчивые картины на окнах. В одной из фигур она узнала себя.

Король Грампи-Брюзга

— Кажется, с тех пор, как я прибыла в эту страну, людям понравилось меня рисовать, — сказала она себе. — Можно подумать, что меня с моей клюкой нарисовали здесь, чтобы рядом со мной вон та стройная и очаровательная юная пастушка с соседней картины казалась еще прекраснее. Ах! Как было бы хорошо быть такой же милой, как она.

Потом она взглянула на себя в зеркало и, утирая слезы, быстро отвернулась от этого горестного зрелища. Вдруг она поняла, что не одна. Рядом стояла маленькая старая женщина в чепце, такая же безобразная, как принцесса, и тоже хромая.

— Принцесса, — сказала она, — ваши терзания вызывают такую жалость, что я пришла предложить вам выбор между доброй душой и красотой. Если пожелаете быть красивой, будете; но будете также пустой, капризной и ветреной. Если останетесь такой, как сейчас, будете мудрой, доброй и скромной.

— Увы, мадам! — вскричала принцесса. — Неужели нельзя быть и умной, и красивой сразу?

— Можно, дитя, — ответила старушка, — только тебе заповедано выбирать одно из двух. Смотри, вот моя бело-желтая муфта. Подыши на желтую сторону — и станешь такой, как прелестная пастушка, которой ты восхищаешься, и завоюешь любовь того прекрасного пастуха, чей портрет — я это видела — ты рассматривала с таким вниманием. Подыши на белую сторону — и твоя внешность не изменится, но ты с каждым днем будешь становиться все добрее и счастливее. Теперь можешь выбирать.

— Что ж, — сказала принцесса, — я понимаю, что нельзя иметь все, а быть доброй, конечно, лучше, чем быть красивой.

Так что она подышала на белую сторону муфты и поблагодарила старую волшебницу, которая вмиг исчезла. Без нее принцессе Кочерыжке стало очень одиноко, и она подумала, что самое время ее отцу прислать войско ей на помощь.

«Если бы только я могла подняться в башенку, — подумала она, — и посмотреть, не едет ли кто-нибудь». Но взобраться туда казалось невозможным. Тем не менее она быстро придумала, как быть. Она знала, что большие часы находятся в башенке, хотя гири висят внизу в галерее. Сняв с веревки одну из гирь, принцесса вместо нее привязала себя и, когда часы заводили, триумфально вознеслась в башенку. Первым делом она осмотрелась, но ничего не увидела и присела отдохнуть. Случайно она оперлась на ту самую стену, которую наскоро починил принц Керликью, точнее, принц Несравненный. Расколотый камень выпал, а с ним и золотой ключ. Ключ звякнул о каменный пол и привлек внимание принцессы Кочерыжки.

Девушка подняла его и, чуть подумав, решила, что это ключ от забавного старого шкафчика в углу, хоть у того и не видно замочной скважины. Вскоре она таки открыла его и стала любоваться находящимися внутри сокровищами, как до нее принц Несравненный, и наконец она добралась до шкатулки с карбункулом. Едва открыв ее, принцесса содрогнулась от ужаса и хотела отбросить шкатулку, но

какая-то таинственная сила побуждала ее удерживать шкатулку в руке против своей воли. В этот миг тихий голос сказал ей на ухо:

— Мужайтесь, принцесса, от этого приключения зависит ваше будущее счастье.

— Что я должна сделать? — дрожа, спросила принцесса.

— Возьмите шкатулку, — продолжал голос, — спрячьте ее под подушкой, а когда увидите орла, сразу же отдайте ему шкатулку.

Принцесса, хоть и перепуганная, повиновалась беспрекословно и поспешила убрать все прочие сокровища на место. Стража уже повсюду ее искала и очень удивилась, обнаружив ее в башне, ибо решила, что она могла туда попасть не иначе, как по волшебству. В течение трех дней ничего не происходило, но наконец ночью принцесса услышала шум крыльев за окном и, отодвинув занавеси кровати, увидела в свете луны орла.

Прохромав через комнату так быстро, насколько смогла, она распахнула окно, и огромный орел влетел в комнату, радостно хлопая крыльями. Принцесса немедленно поднесла ему шкатулку с карбункулом, а он стиснул шкатулку когтями и... исчез, а на его месте оказался прекраснейший принц, какого она когда-либо видела, красиво одетый и в короне с бриллиантами.

— Принцесса, — молвил он, — двести лет злой колдун удерживал меня здесь. Мы оба любили одну и ту же волшебницу, но она предпочла меня. Однако он был сильнее

меня и, когда я потерял бдительность, сумел превратить меня в орла, а мою королеву погрузить в колдовской сон. Я знал, что через двести лет некий принц пробудит ее, а некая принцесса возвратит мне руку, отрубленную моим врагом, и вернет мне мой истинный облик. Фея, которая следит за вашей судьбой, поведала мне об этом, и это она привела вас к шкафчику в башне, куда она поместила мою руку. Она же позволила мне отблагодарить вас, выполнив любую вашу просьбу. Скажите, принцесса, чего вы больше всего желаете? Сделать ли мне вас такой прекрасной, какой вы заслуживаете быть?

— Ах, пожалуйста! — вскричала принцесса и в тот же миг услышала, как затрещали все ее кости.

Она стала высокой, стройной и красивой — глаза как звезды, кожа белее молока.

— О, как это прекрасно! Неужели это я, бедная и маленькая? — восклицала она, изумленно глядя на свою короткую изношенную клюку, которая валялась на полу.

— Воистину, принцесса, это вы,— отвечал Флоримонд, — но теперь вам нужно новое имя, ибо прежнее вам уже не подходит. Зовитесь принцессой Солнечный Луч, ибо ваши красота и очарование достойны этого имени.

Сказав это, он исчез, и принцесса, не зная, как она сюда попала, обнаружила себя в тени деревьев на берегу чистой реки. Конечно, первым делом она посмотрела на свое отражение в воде и изумилась, увидев, что она выглядит точно как та пастушка на рисунке в окне, которой она вос-

хищалась, и что на ней такие же белое платье и цветочный венок, какие она видела в расписных окнах. Сходство довершало стадо овец, которые паслись позади нее, а на берегу она нашла посох, увитый яркими цветами. Утомленная всеми этими чудесными приключениями, принцесса села отдохнуть под деревом и быстро заснула. Случилось так, что в этом самом краю поселился принц Несравненный, и, пока принцесса Солнечный Луч спокойно спала, он пришел к той же реке, подыскивая для своих овец пастбище в тени.

Едва увидев принцессу, он признал в ней очаровательную пастушку, портрет которой так часто видел в башне, и, так как она была еще прекраснее, чем ему помнилось, он обрадовался, что удача повела его этой дорогой.

Он все еще любовался ею, когда принцесса открыла глаза, и, поскольку она тоже его узнала, они быстро сдружились. Принцесса попросила принца Несравненного, раз уж он знает эту местность лучше, чем она, указать ей каких-нибудь крестьян, у которых можно поселиться. И он сказал, что знает пожилую женщину, чья хижина ей как раз подойдет, ибо женщина добра и мила. Они пошли туда вместе, и принцессе понравились и хозяйка, и дом. Скоро под раскидистым деревом поставили ужин для нее, и она предложила принцу разделить с ней сливки и серый хлеб, которые дала ей хозяйка. Он охотно принял приглашение, но сперва принес из собственного сада всю клубнику, вишни, орехи и цветы, которые только нашел; они очень

весело посидели вдвоем. И так стали встречаться каждый день, когда пасли свои стада. Они оба были так счастливы, что принц Несравненный умолял принцессу стать его женой, чтобы им никогда не расставаться. Однако принцесса Солнечный Луч, хотя и приняла облик простой пастушки, никогда не забывала, что на самом деле она принцесса, и вовсе не была уверена, что ей следует выйти замуж за скромного пастуха, даже если она очень хотела бы этого.

Она решилась посоветоваться с волшебником, о котором слышала очень много с тех пор, как стала пастушкой, и, никого не предупредив, пошла на поиски замка, в котором он жил со своей сестрой, могущественной колдуньей. Дорога была долгая и лежала через густой лес, где принцессе слышались странные голоса, окликавшие ее со всех сторон, но она так торопилась, что ни разу не остановилась. И вот она входит во двор замка волшебника.

Двор зарос травой и колючими кустами, такими высокими, будто здесь лет сто не ступала ничья нога, но принцесса, изрядно поцарапанная, пробралась к крыльцу и вошла в темный мрачный зал, освещенный солнцем через одно небольшое отверстие в стене. Гобелены были сплошь из крыльев летучих мышей, а с потолка свисали двенадцать кошек, наполняя зал пронзительными воплями. На длинном столе двенадцать мышей были привязаны за хвосты так, что ни одна не могла дотянуться до соблазнительного кусочка жирного бекона, лежавшего прямо у нее перед носом. Так что кошки постоянно видели мышей, но не

Принцесса кинулась к двери, но ее тут же заплела густая паутина

могли их достать, а голодных мышей мучили вид и запах аппетитных, но недосягаемых кусочков пищи.

Принцесса в смятении взирала на бедные создания, как вдруг появился волшебник в длинном черном одеянии и с крокодилом на голове. В руке он нес плеть из двадцати длинных змей, живых и извивающихся, и принцесса так перепугалась, увидев это, что пожалела о своем приходе. Она кинулась к двери, но ту уже заплела густая паутина. Принцесса разорвала ее, но нашла еще одну, и еще, и еще. Паучьим сетям не было конца, у принцессы заболели руки оттого, что она пыталась их рвать, а выхода не было, и злой волшебник позади нее недобро смеялся. Наконец он сказал:

— Можешь заниматься этим до конца своих дней — ничего не выйдет. Но ты молода и красотой превосходишь всех, кого я видел за долгое время. Если хочешь, я женюсь на тебе и отдам тебе этих кошек и мышей. Они все — принцы и принцессы, которым случилось меня оскорбить. Они любили друг друга так же сильно, как теперь ненавидят. Недурно я им отомстил!

— О! — воскликнула принцесса. — Если бы только вы и меня превратили в мышь!

— Ого! Так ты не станешь моей женой? Маленькая простушка, да у тебя было бы все, чего только может пожелать сердце.

— Нет, ни за что! Ничто не заставит меня выйти за вас. Не думаю, что я вообще кого-нибудь полюблю! — вскричала принцесса.

— Раз так, — сказал волшебник и коснулся ее, — тебе подойдет быть особым созданием — ни рыба ни мясо, легкое и воздушное, и такое же зеленое, как трава, в которой оно живет. Прощайте, мадам кузнечик.

И принцесса, радуясь свободе, выскочила в сад — прелестнейший на свете крохотный зеленый кузнечик. Но, едва освободившись, она стала жалеть себя.

— Ах, Флоримонд! — вздохнула она. — Неужто пришел конец вашему дару? Воистину, красота недолговечна, и какая насмешка судьбы — обрести после нее это смешное личико и зеленое креповое платьице. Мне следовало выйти замуж за моего милого пастуха. Должно быть, я за свою гордыню обречена быть кузнечиком и петь день и ночь в траве у ручья, хотя мне больше хочется плакать.

Тем временем принц Несравненный обнаружил отсутствие принцессы и грустил на берегу реки, как вдруг увидел маленькую старую женщину. Одета она была необычно — круглый воротник, юбка с фижмами и бархатный колпак на белоснежных волосах.

— Ты выглядишь печальным, сынок, — сказала она. — Что случилось?

— Увы, матушка! Я потерял свою милую пастушку, но я намерен найти ее, пусть даже мне придется для этого обойти весь мир.

— Ступай туда, сынок. — Старушка показала на тропинку, ведущую в замок. — Думается мне, что скоро ты ее нагонишь.

Принц сердечно поблагодарил ее и пустился в путь. Не встретив препятствий, он скоро оказался в зачарованном лесу, окружавшем замок, и там ему показалось, что впереди, среди деревьев, он видит принцессу Солнечный Луч. Принц Несравненный помчался за ней во весь дух, но не мог ее догнать. Тогда он позвал:

— Солнечный Луч, дорогая, подожди же меня!

Но призрак только полетел быстрее, и в этой напрасной погоне прошел весь день. Когда спустилась ночь, принц увидел перед собой замок, весь освещенный огнями, и, решив, что принцесса должна быть там, поспешил в замок. Он вошел без препятствий, и в зале его встретила ужасная старая колдунья. Она была такой худой, что свет просвечивал сквозь нее, а глаза у нее горели, как лампы; кожа, как у акулы, руки тощие, как палки, каждый палец — будто веретено. Однако она была нарумянена и носила мушки, а одета была в мантию из серебряной парчи, бриллиантовую корону и платье в зеленых и розовых лентах, украшенное драгоценностями.

— Наконец-то ты пришел ко мне, принц,— сказала она.— Забудь ту маленькую пастушку, она недостойна твоего внимания. Я королева комет, и, если ты на мне женишься, я добуду для тебя великую честь.

— Жениться на вас, мадам?! — в ужасе вскричал принц. — Нет, я никогда на это не соглашусь.

Тогда разгневанная колдунья дважды взмахнула палочкой, и галерея наполнилась чудовищными гоблинами, с ко-

торыми принцу пришлось драться не на жизнь, а на смерть. Хотя у него был только кинжал, он защищался так успешно, что вырвался невредимым, и тогда старая колдунья остановила гоблинов и спросила, не передумал ли принц. Он твердо ответил, что нет, и тогда она сотворила в дальнем конце галереи образ принцессы Солнечный Луч и сказала:

— Видишь там свою возлюбленную? Обдумай свое решение. Если ты опять откажешься на мне жениться, два тигра разорвут ее на куски.

Принц смутился, ибо ему показалось, что он слышит, как его милая пастушка плачет и умоляет его спасти ее. В отчаянии он вскричал:

— Ах, фея Дуселина, неужели ты оставила меня после того, как столько раз обещала мне дружбу? Помоги, помоги же нам теперь!

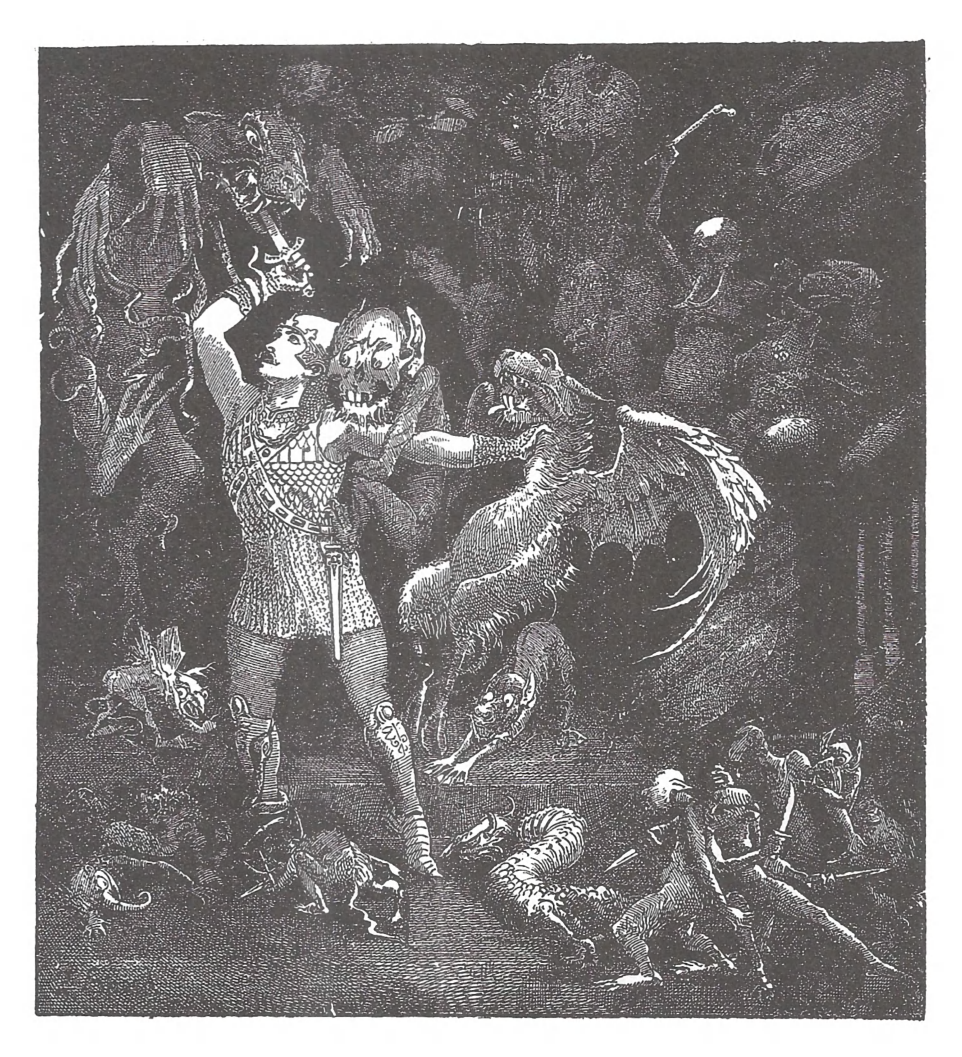
И тут же тихий голос сказал ему на ухо:

— Будь тверд, что бы ни случилось, и ищи золотую ветвь.

Ободренный этими словами, принц упорствовал в своем решении, и наконец старая колдунья гневно крикнула:

— Убирайся с глаз моих, упрямый принц. Будь отныне сверчком!

И вмиг прекрасный принц Несравненный стал бедным маленьким черным сверчком, который мог думать только о том, чтобы найти какую-нибудь уютную щелочку близ

Галерея наполнилась чудовищными гоблинами, с которыми принцу пришлось драться не на жизнь, а на смерть

пылающего очага, если бы, по счастью, не вспомнил, что фея Дуселина велела ему искать золотую ветвь.

Он поспешил прочь из рокового замка и нашел убежище в дупле дерева, в углу которого съежился печальный маленький кузнечик, слишком несчастный, чтобы петь.

Принц спросил, вовсе не ожидая получить ответ:

— Куда вы направляетесь, мамаша кузнечик?

— А вы сами куда спешите, папаша сверчок? — спросил в ответ кузнечик.

— Как! Вы умеете разговаривать?

— Почему бы мне не уметь разговаривать, как вы? Разве кузнечик хуже сверчка?

— Я умею говорить потому, что был принцем, — сказал сверчок.

— По той же самой причине мне подобает уметь говорить еще лучше, чем вы, ибо я была принцессой, — ответил кузнечик.

— Значит, вас постигла та же участь, что и меня. Но куда вы направляетесь теперь? Не можем ли мы пойти вместе?

— Мне показалось, что я слышала в воздухе голос, который говорил: «Мужайтесь, что бы ни случилось, и ищите золотую ветвь». Я решила, что это повеление обращено ко мне, и сразу же пустилась в путь, хоть и не знаю дороги.

В этот миг их разговор прервали двое мышей — запыхавшись от долгого бега, они нырнули в дупло головой вперед, едва не сбив с ног кузнечика и сверчка, хотя те убрались с дороги и спрятались в темном углу.

— Ах, мадам, — сказала мышь потолще, — у меня так колет в боку от быстрого бега. Как чувствует себя ваше высочество?

— Я оторвала себе хвост, — ответила мышь помладше, — но, если бы не это, я все еще металась бы по столу чародея, так что я не жалею о хвосте. Как вы думаете, за нами гонятся? Как же нам повезло сбежать!

— Я лишь надеюсь, что нам удастся миновать кошек и ловушки и поскорее отыскать золотую ветвь, — продолжала толстая мышь.

— Так вы знаете дорогу? — спросила другая.

— Ну конечно же, мадам! Не хуже, чем дорогу в свой собственный дом. Эта золотая ветвь — настоящее чудо, одного листка с нее достаточно, чтобы обрести вечное богатство. Она разрушает заклятия и делает всех, кто приближается к ней, молодыми и красивыми. Мы должны отправиться к ней как только рассветет.

— Не окажете ли вы нам честь, взяв нас с собой — этого почтенного сверчка и меня? — спросил кузнечик, выступив вперед. — Мы тоже ищем золотую ветвь.

Мыши любезно согласились, и после долгой учтивой беседы вся компания легла спать. На рассвете они тронулись в путь, и, хотя мыши постоянно боялись, что их догонят или поймают в ловушку, они добрались до золотой ветви без приключений.

Золотая ветвь росла посреди великолепного сада, все дорожки в котором были усыпаны жемчужинами величиной с горошину. Розами служили бриллианты малинового цвета с изумрудными листьями, плодами граната — камни граната, бархатцами — топазы, нарциссами — бледно-жел-

тые бриллианты, фиалками — сапфиры, васильки были из бирюзы, тюльпаны из аметистов, опалов и бриллиантов, так что сад сверкал, как солнце. Сама золотая ветвь была высотой с дерево в лесу, и это дерево было сплошь усыпано рубиновыми вишнями. Едва коснувшись его, кузнечик и сверчок приняли свой настоящий облик, и как же велико были их удивление и радость, когда они узнали друг друга. В этот миг появились величественные Флоримонд и Дуселина. И фея, сойдя со своей колесницы, молвила с улыбкой:

— Вижу, вы двое вновь нашли друг друга, но у меня есть для вас еще один сюрприз. Принцесса, не колеблясь, скажите своему преданному пастуху, как крепко вы его любите, ибо это тот самый принц, к которому отец отослал вас в жены. Подойдите сюда, дайте мне короновать вас, и мы тут же сыграем свадьбу.

Принц и принцесса поблагодарили ее от всего сердца и заявили, что всем своим счастьем они обязаны ей, а потом подошли две принцессы, которые еще так недавно были мышами, и стали умолять фею своею волшебною силой освободить их несчастных друзей, которые все еще томились в замке под властью злого заклятия.

— В самом деле, — сказала фея Дуселина, — по такому счастливому случаю я ни в чем не могу вам отказать.

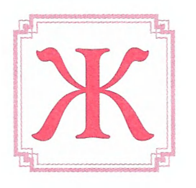
Она трижды взмахнула своей палочкой над золотой ветвью, и тут же все узники замка колдуна обрели свободу и прибежали в чудесный сад, где прикосновение к золотой ветви возвращало каждому его настоящий облик, после

чего они радостно приветствовали друг друга. В довершение своих щедрот фея подарила им чудесный шкафчик и все лежавшие в нем сокровища, которые стоили по меньшей мере десяти королевств. Но принцу Несравненному и принцессе Солнечный Луч она даровала дворец и сад с золотой ветвью, где, баснословно богатые и невероятно любимые всеми подданными, они и жили долго и счастливо.

Три лесных человечка

*Немецкая сказка**

или-были хозяин, у которого померла жена, и хозяйка, у которой помер муж. У хозяина была дочка, у хозяйки — также. Обе девушки были подружками и гуляли вместе. Вот однажды зашли они после гулянья в дом вдовы, а та и говорит дочери вдовца:

— Послушай, милая! Посоветуй своему отцу, чтобы он женился на мне, тогда ты каждое утро будешь умываться молоком и пить только вино. Моя же дочь будет получать и для умывания, и для питья одну только воду.

Девушка пошла домой и рассказала отцу обо всем, что говорила ей вдова.

— Как быть? — сказал отец. — Хорошо иметь дома хозяйку, да каков-то у нее будет нрав?

Наконец, не зная, на что решиться, он снял с ноги сапог и сказал дочери:

— Возьми этот сапог, у него в подошве дыра. Снеси его на чердак, повесь на крюк, да налей в него воды. Если вода в нем останется, то я женюсь на вдове, если же протечет — не женюсь ни за что.

---

* Из сказок братьев Гримм.

Девушка сделала все, как отец велел. Но вода, смочив кожу, стянула дыру, и сапог остался полон воды до самого верха. Тогда она побежала к отцу и рассказала, что вода не вытекла из сапога. Отец пошел сам на чердак, и когда убедился, что дочь права, отправился к вдове и тотчас же посватался. Скоро после того отпраздновали и свадьбу.

На другое утро, когда обе девушки проснулись, перед дочерью вдовца стояло уже молоко для умыванья и вино для питья, перед дочерью же вдовы — одна лишь вода. На следующее утро как перед той, так и перед другой стояла лишь вода для мытья и питья. А на третье утро вода для мытья и питья стояла уже перед дочерью мужа; перед дочерью же вдовы стояло молоко для умыванья и вино для питья, да так оно и пошло. Хозяйка возненавидела свою падчерицу и с каждым днем обращалась с ней все хуже да хуже. Больше всего ее злило то, что падчерица была и хороша, и кротка, тогда как ее родная дочь была безобразна, да еще вдобавок злючка.

В один зимний день, когда на дворе трещал мороз и глубокий снег устлал горы и долины, мачеха сшила платье из бумаги, подозвала падчерицу и сказала ей:

— Надень это платье, да ступай в лес и набери мне корзиночку земляники — хочется мне сегодня полакомиться.

— Господи помилуй! — воскликнула девушка. — Ведь земляника зимой не растет: земля замерзла и все покрыто снегом. И как пойду я в бумажном платье? На дворе такой холод, что дух захватывает: ветер продует меня насквозь, а терновник изорвет платье.

Девушка налила в сапог воды, но он остался полон до самого верха

— А! Ты еще рассуждать? — вскричала мачеха. — Убирайся скорее вон и не смей показываться мне на глаза, пока не наберешь целую корзинку земляники. Вот тебе ломоть хлеба, этого тебе хватит на весь день.

А сама думает: «Она, наверно, замерзнет или умрет с голоду, и тогда я избавлюсь от нее навсегда».

Бедняжка послушалась — надела бумажное платье и ушла с корзиночкой в руках. Но куда ни взгляни — повсюду земля была покрыта снегом, не видно было ни одного зеленого стебелька. Пришла она в лес и увидала избушку, из которой выглядывали три крохотных человечка. Девушка поздоровалась с ними и робко постучала в дверь.

— Войди! — крикнули человечки.

Она вошла в комнату и села на скамью у печки, чтобы обогреться и съесть свой завтрак.

— Угости и нас! — сказали человечки.

— Охотно! — отвечала она и, разделив свой хлеб пополам, отдала им половину.

— Чего тебе нужно в лесу в такое время и зачем ты так легко оделась? — спросили они.

— Ах! — отвечала девушка. — Мачеха приказала мне набрать корзинку земляники, и я не смею вернуться домой с пустыми руками.

Когда она поела, три лесных человечка дали ей в руки метлу и сказали:

— Смети снег у задних дверей.

Пришла она в лес и увидала избушку, из которой выглядывали три крохотных человечка

Когда она вышла, чтобы исполнить их приказание, все трое разом заговорили:

— Что бы нам подарить ей за то, что она так приветлива и добра и поделилась с нами своим хлебом?

Тогда первый сказал:

— Мой дар заключается в том, что она будет хорошеть с каждым днем.

— А мой, — сказал второй, — состоит в том, что при каждом слове, которое она произнесет, у нее изо рта будет падать червонец.

— Ну а я дарю ей в мужья царя, — сказал третий.

Между тем девушка делала то, что приказали ей человечки, и когда она смела снег за избушкой, то нашла там — угадайте что? — самую спелую, красную землянику, которая так и просилась в рот. Обрадованная девушка набрала полную корзинку, поблагодарила своих хозяев, каждому протянула руку и побежала домой, чтобы отдать землянику мачехе.

Когда она вошла в комнату и пожелала всем доброго вечера, изо рта у нее вдруг выпал червонец. Тогда она стала рассказывать о том, что было с нею в лесу, но при каждом ее слове червонцы так и сыпались из ее рта, так что весь пол покрылся золотом.

— Посмотрите-ка, что за неряха! — вскричала сестра. — Бросать деньги зря на пол!

Но в душе она завидовала сестре, и ей захотелось тоже пойти в лес за земляникой. Мать не хотела отпустить ее,

боясь, что она простудится. Однако девушка до тех пор приставала к ней, что та наконец уступила, но прежде сшила ей богатую шубу и напекла на дорогу всяких пирожков.

Девушка пошла в лес и прямо направилась к избушке. Три лесных человечка, как и в первый раз, выглянули из окна, но она даже не поздоровалась с ними и, не спрашивая позволения, вошла в комнату, присела к огню и принялась за свои пирожки.

— Угости и нас! — попросили они ее.

— Мне и самой мало, — сказала она, — как же мне делиться с вами!

Когда она наелась, человечки сказали:

— Вот тебе метла, поди и смети снег у задних дверей.

— Ну вот еще, — отвечала она, — сметайте сами, я вам не служанка.

Видя, что хозяева и не думают подарить ей что-нибудь, девушка вышла из дому. Тогда три человечка заговорили между собой:

— Что бы нам подарить ей за то, что она так груба и завистлива?

Тогда первый сказал:

— Пусть с каждым днем дурнеет, — вот мой подарок!

— Пусть при каждом ее слове у нее изо рта выскакивает жаба! — сказал второй.

— Пусть умрет лютой смертью! — пожелал ей третий.

Между тем девушка стала искать в лесу земляники, но, не найдя ничего, вернулась в сердцах домой. А когда она

стала рассказывать матери про все, что приключилось с ней в лесу, то при каждом слове из ее рта выскакивала жаба, отчего она стала еще противнее.

С тех пор мачеха еще больше возненавидела падчерицу и только и думала о том, как бы еще хуже отравить ей жизнь. А падчерица как назло хорошела с каждым днем. Однажды мачеха взяла котел, поставила его на огонь и стала вываривать нитки. А когда все было готово, она набросала нитки на плечо девушки, дала ей в руки топор и приказала идти к реке, прорубить там лед и выполоскать нитки. Девушка повиновалась, пошла на реку и стала рубить топором лед. В это время проезжала мимо великолепная карета, а в ней сидел царь. Карета остановилась, и царь спросил:

— Дитя мое, кто ты и что ты тут делаешь?

— Я бедная девушка и полощу нитки, — отвечала сиротка.

Царю стало жаль ее, а когда он заметил, как она хороша, то спросил ее:

— Хочешь поехать со мной?

— О да! От всего сердца! — воскликнула она, потому что была рада избавиться от мачехи и ее дочки.

Тогда царь посадил ее к себе в карету, и когда они прибыли во дворец, то отпраздновали свадьбу с большим великолепием, как посулили девушке лесные человечки. Через год молодая царица родила сына.

Когда мачеха услыхала о том, какое счастье досталось девушке, то вместе со своей дочкой поспешила во дворец

«Я бедная девушка и полощу нитки», — отвечала сиротка.

под предлогом, что хочет проведать свою милую падчерицу. Но когда царь однажды вышел из комнаты и никого поблизости не было, злая женщина схватила царицу за голову, а ее дочь — за ноги и выбросила ее в реку, протекавшую прямо под окнами дворца. После этого безобразная дочка легла в постель, а мать прикрыла ее одеялом с головой. Скоро после этого вернулся царь и хотел поговорить с женой, но старуха закричала:

— Тише, тише! Теперь нельзя говорить с ней; она вся в испарине. Дайте ей хорошенько отдохнуть.

Царь, не подозревая ничего дурного, ушел и пришел навестить жену только на другое утро. Но когда он заговорил с ней и она ему отвечала, то при каждом ее слове выскакивала жаба, тогда как прежде обыкновенно из ее уст сыпались червонцы. На его вопрос, что это значит, старуха отвечала, что это произошло от сильной испарины и скоро пройдет.

Ночью поваренок увидел, как ко дворцу приплыла утка и спросила:

— Что поделывает царь? Спит он или бодрствует?

И, не получив ответа, продолжала:

— Что поделывают мои гости?

На это поваренок отвечал:

— Они крепко спят.

— А что поделывает мое дитятко? — продолжала спрашивать утка.

— Оно спит в своей колыбельке, — отвечал он.

Тогда утка приняла образ царицы, пошла наверх, покормила своего ребенка, поправила ему постельку, прикрыла его одеяльцем и опять уплыла уткой по реке. Так появлялась она две ночи подряд, а на третью она сказала поваренку:

— Ступай и скажи царю, чтобы он взял свой меч и трижды на пороге взмахнул им надо мной.

Поваренок побежал и рассказал все царю, а тот сделал так, как велела утка. И что же? Едва он взмахнул в третий раз мечом, как перед ним очутилась его жена, живая и здоровая и прекрасная, как всегда.

Царь был вне себя от радости; однако он решил скрыть свою жену до воскресенья, когда назначены были крестины ребенка. После крестин царь спросил:

— Какое наказание заслужил тот, кто схватил человека с кровати и бросил в воду?

— Такой негодяй заслуживает, чтобы его посадили в бочку, набитую гвоздями, и сбросили с горы в воду, — сказала старуха.

— Ты сама произнесла свой приговор! — сказал царь и тут же приказал принести бочку, набитую гвоздями, и посадить туда старуху с дочерью. После этого бочку забили и спустили с горы, так что она покатилась прямо в реку.

Дым-Угрюм

*Норвежская сказка**

Жила-была некогда богатая супружеская пара, у которой были двенадцать сыновей, и младший, когда вырос, не захотел оставаться дома — он решил выйти в свет и искать себе счастья. Отец и мать пытались убедить его, что, на их взгляд, ему совсем неплохо живется дома, пусть остается с ними; но он не желал оставаться и сказал, что должен уйти и уйдет. В конце концов, они его отпустили. Долго шел он и наконец пришел во дворец короля. Там он попросил приюта и получил его.

А дочь короля той страны утащил в горы тролль, и других детей у короля не было. Из-за этого и он, и его подданные были очень печальны, и король пообещал, что отдаст руку и сердце принцессы любому, кто сумеет ее освободить, а с ней и полкоролевства в придачу. Многие пытались, но никто не преуспел. Прожив во дворце год или около того, юноша захотел побывать дома и навестить своих родителей, но, вернувшись туда, он обнаружил, что его родители умерли, а братья разделили между собой все их имущество, не оставив ему ничего.

---

* Из собрания Йоргена Му.

— Что ж, разве я ничего не получу из своего наследства? — спросил он.

— Кто мог знать, что ты еще жив? — спросили братья. — Тебя ведь так долго не было. Правда, вон там на холмах пасутся двенадцать кобыл, которых мы еще не поделили. Если хочешь, возьми их в счет своей доли.

Юноша удовлетворился этим и, поблагодарив братьев, пошел на холм, где паслись кобылы. Когда он взобрался туда, у каждой из кобыл было по стригунку*, а рядом с одной стоял крупный жеребенок, чья серая в яблоках шерсть так лоснилась, что прямо сияла.

— Ого, какой славный жеребчик! — сказал юноша.

— Да, — ответил жеребенок, — но если убьешь всех остальных жеребят, чтобы я мог целый год сосать всех маток, увидишь, какой я вырасту большой и красивый!

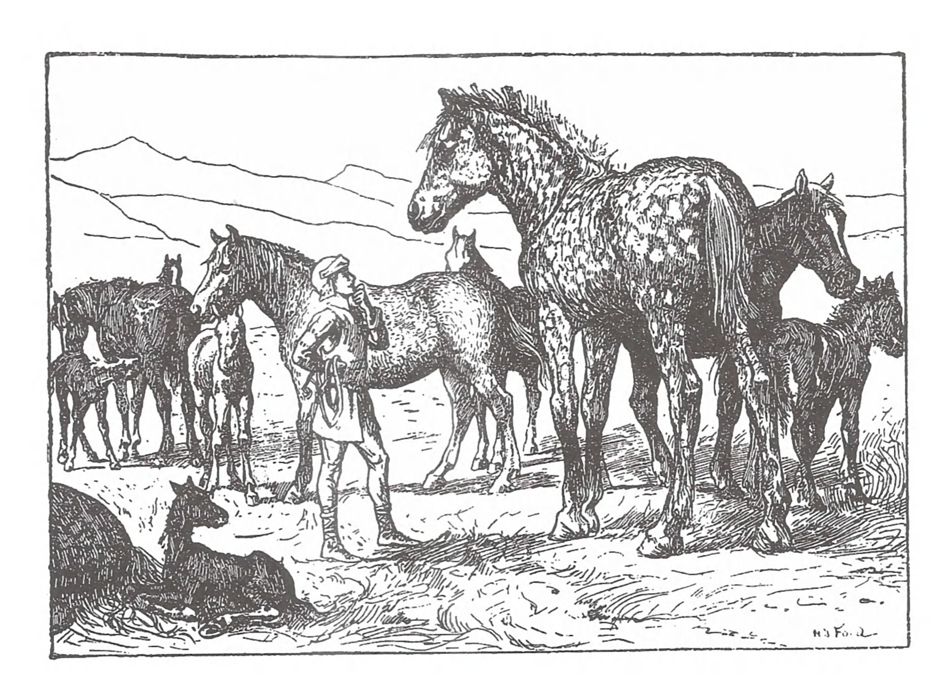
Юноша так и поступил: убил остальных жеребят и ушел восвояси.

На следующий год, когда он вернулся проведать кобыл и жеребца, тот был толст и лоснился, а вырос настолько, что юноша с большим трудом влез к нему на спину. А к тому времени каждая кобыла принесла еще по жеребенку.

— Гляжу, я не прогадал, позволив тебе сосать всех моих маток, — сказал хозяин. — Но теперь ты достаточно вырос и должен уйти со мной.

---

* Стригунок — годовалый жеребенок-подросток, которому стригут гриву.

«Я должен остаться здесь еще на год», — сказал конь.

— Нет, — ответил жеребенок, — я должен остаться здесь еще на год. Убей двенадцать жеребят, чтобы я и в этом году мог сосать всех маток, и летом увидишь, каким большим и красивым я стану.

Парень снова так и поступил, и, когда на следующий год он вернулся в холмы проведать своего жеребца и своих кобыл, у каждой кобылы опять было по жеребенку, но серый в яблоках конь вырос таким громадным, что парень не смог дотянуться до его шеи, когда решил пощупать, насколько он откормлен. Так высок был конь, а от его лоснящейся шерсти отражалось солнце.

— Ну что, жеребчик, ты и в прошлом году был крупным и красивым, но за этот год ты стал еще краше, — сказал хозяин. — Даже при дворе короля такого коня не найти. Но теперь-то ты пойдешь со мной.

— Нет, — снова ответил конь в яблоках. — Я должен провести здесь еще один год. Просто убей опять всех жеребят, чтобы я и в этом году мог сосать всех маток, а потом приходи летом посмотреть на меня.

Парень так и сделал — убил всех жеребят и ушел.

Но на следующий год, придя проведать коня в яблоках и кобыл, он испугался. Он и подумать не мог, что лошадь способна вырасти такой огромной, ибо серому в яблоках коню пришлось лечь, подогнув все четыре ноги, чтобы хозяин смог влезть на него, и даже тогда сделать это было нелегко. Он был так упитан, что его шкура блестела и сияла, как зеркало. На этот раз серый конь согласился уйти с хозяином, так что тот сел на него верхом и поехал домой к братьям. Увидав коня, они все хлопнули себя по бокам и перекрестились, ибо никогда в жизни не видели подобной лошади, да и не слышали о таких.

— Если дадите моей лошади лучшие подковы и самые нарядные седло и уздечку, какие только можно найти, — сказал парень, — можете взять всю ту дюжину кобыл, которые стоят там, на холме, а в придачу и дюжину их жеребят.

Ибо в тот год каждая кобыла опять принесла по жеребенку. Братья охотно на это согласились, так что конь младшего получил такие подковы, что сучья и камни взле-

тали высоко в воздух, когда он мчался по холмам, и такие седло и узду из золота, что их блеск и мерцание были видны издали.

— А теперь мы отправимся в королевский дворец, — сказал Дым-Угрюм, ибо так звали коня, — но не забудь попросить у короля хорошее стойло и самый лучший корм для меня.

Парень пообещал, что не забудет. Он поехал во дворец, и, как можно догадаться, на таком необычном коне путь его был недолог.

Когда он прибыл, король стоял на крыльце и ел гостя глазами.

— Нет, никогда, — сказал король, — никогда за всю мою жизнь не видел я такого человека и такого коня.

И, когда парень спросил, можно ли ему остаться во дворце, король так обрадовался, что чуть не пустился в пляс прямо на ступеньках, и немедленно объявил, что найдет для гостя место.

— Но мне нужны также хорошее стойло и лучший корм для коня, — ответил тот.

Ему сказали, что у коня будет вдоволь сладкого сена и овса, и всем прочим наездникам пришлось забрать своих скакунов из конюшни, чтобы Дым-Угрюм остался там один и ему не было тесно.

Но так продолжалось недолго, ибо некоторые придворные короля стали завидовать пришлецу и сотворили бы с ним какое угодно злодейство, если бы только посмели.

Наконец они придумали сказать королю, будто слышали, как парень говорил, что, если захочет, сможет спасти принцессу, которую давным-давно утащил в горы тролль.

Король тут же призвал парня к себе и сказал, что ему доложили о его словах, будто в его силах вызволить принцессу, а значит, он должен это сделать. Если ему это удастся, то он, конечно, знает, что король пообещал спасителю дочери ее руку и полкоролевства, каковое обещание и будет исполнено в точности и по чести, если же он не преуспеет, его казнят. Юноша отрицал, что говорил это, но напрасно, ибо король был глух к его словам. Делать нечего, осталось пообещать, что он попытается.

Он спустился в конюшню, очень грустный и озабоченный. Тогда Дым-Угрюм спросил, что его тревожит, и юноша все ему рассказал, добавив, что он не знает, как быть:

— Ведь спасти принцессу просто невозможно!

— Да нет, это вполне возможно,— ответил Дым-Угрюм. — Я тебе помогу, но сначала меня нужно как следует подковать. Потребуй на подковы десять фунтов железа и двенадцать фунтов стали, и пусть один кузнец держит мою ногу, а другой бьет молотом.

Юноша высказал эти требования, и отказа не было. Он получил железо, сталь и кузнецов, и Дым-Угрюма подковали крепко и хорошо, так что, когда он ускакал из дворца, за ним выросло облако пыли. Но, когда юноша добрался до горы, на которую тролль унес принцессу, трудность была в том, чтобы взобраться по крутой скале, ибо наверху она

вздымалась отвесно, как стена дома, гладкая, как стекло. В первый раз попытался он въехать на скалу и чуть-чуть поднялся, но потом передние ноги жеребца заскользили, и он вместе со всадником низринулся с грохотом, который отдавался в горах, как гром. Во второй раз попытался он въехать наверх и поднялся чуть дальше, но потом передняя нога коня соскользнула, и оба обрушились вниз, гремя, как обвал. Но на третий раз Дым-Угрюм сказал:

— Теперь надо показать, на что мы способны.

Он опять ринулся на скалу, так что камни летели до небес, и взобрался наверх. Парень въехал на всем скаку в горную расселину, подхватил принцессу, усадив ее на луке седла, и умчался прежде, чем тролль успел встать. Так принцесса обрела свободу.

Когда он вернулся во дворец, король был счастлив вновь увидеть свою дочь, — мудрено ли в это поверить! Но каким-то образом придворные сумели восстановить его против парня, и он был зол.

— Я отблагодарю тебя за то, что ты освободил принцессу, — сказал король, когда парень привез ее во дворец, и хотел уйти.

— Принцесса настолько же моя, насколько твоя, — сказал юноша. — Ведь ты человек слова, не так ли?

— Да, да, — сказал король. — Ты получишь ее, как я обещал. Но сперва сделай так, чтобы в моем дворце светило солнце.

Ибо огромный холм затенял дворец, не давая солнцу светить в окна.

Парень подхватил принцессу и умчал ее к отцу во дворец

— Об этом мы не договаривались, — ответил юноша. — Но раз словами я тебя не растрогаю, придется постараться, ибо принцесса будет моей.

Он опять спустился к Дым-Угрюму и рассказал тому, чего хочет король, и Дым-Угрюм сказал, что это сделать нетрудно. Но сначала ему нужны новые подковы, из десяти фунтов железа и двенадцати фунтов стали, и один кузнец должен держать его, а второй — бить молотом. Потом он без труда заставит солнце светить в окна дворца.

Парень попросил все это и тут же получил, ибо король посчитал постыдным отказать ему. Так Дым-Угрюм получил отменные новые подковы. Хозяин уселся на него, и вновь они пустились в путь, и каждым скачком конь выбивал пятнадцать элей земли, пока наконец от холма не осталось ничего.

Парень опять пришел во дворец и спросил у короля, когда наконец принцесса будет его женой, ибо никто теперь не может утверждать, что во дворце не светит солнце. Но придворные опять подговорили короля, и тот ответил, что парень, конечно, получит принцессу, но прежде он должен найти для нее такую же лошадь, как у него самого, чтобы невеста могла достойно поехать под венец. Парень ответил, что об этом у них уговора не было и ему кажется, что он уже заслужил принцессу. Но король стоял на своем и заявил, что, если он этого не сделает, не сносить ему головы. Юноша вновь спустился в конюшню, и можно себе представить, насколько он был грустен и подавлен. Он рассказал Дым-Угрюму, что теперь король требует, чтобы он достал для принцессы лошадь не хуже, чем у жениха, иначе он лишится жизни.

— Это нелегко будет сделать, — сказал он, — ведь коня под стать тебе не найти в целом свете.

— Отчего ж, — ответил Дым-Угрюм, — есть один конь мне под стать. Но достать его будет нелегко, ибо он под землей. Но мы попробуем. Пойди к королю и попроси для меня новые подковы — пусть на них пойдет десять фунтов

железа и двенадцать фунтов стали, и пусть один кузнец держит меня, а другой бьет молотом, но проследи, чтобы шипы были очень острыми. Еще попроси приготовить двенадцать бочек ржи, потом забить двенадцать быков, чтобы двенадцать бычьих туш были у нас с собой, а в двенадцать бычьих шкур спрятать двенадцать сотен шипов. Еще у нас должна быть бочка с двенадцатью тоннами смолы.

Парень пошел к королю, потребовал все, что перечислил Дым-Угрюм, и снова получил это все, ибо король посчитал позором отказать ему.

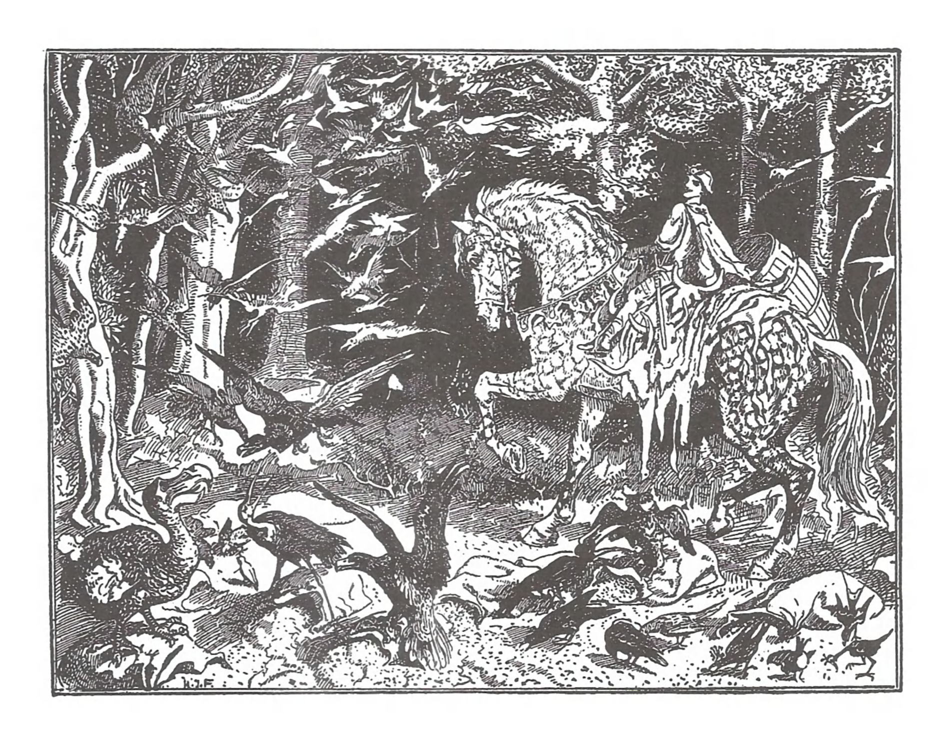
Наш герой сел верхом на Дым-Угрюма и уехал от двора. Долго ехали они по холмам и болотам, и наконец Дым-Угрюм спросил:

— Слышишь что-нибудь?

— Да. В воздухе такой жуткий свист, что я тревожусь, — ответил седок.

— Это все дикие лесные птицы летят за нами, их послали, чтобы нас остановить, — объяснил конь. — Просто прорежь дыру в мешках с зерном, они займутся зерном и забудут про нас.

Парень так и сделал. Он продырявил мешки, так что рожь с ячменем посыпались на землю. И все дикие птицы, уже затмившие собой солнце, увидев зерно, не удержались и кинулись его клевать, копаясь в земле, потом стали драться друг с другом, а про Дым-Угрюма и его седока совсем забыли и не причинили им вреда.

Увидев зерно, птицы кинулись клевать его, а про Дым-Угрюма и его седока совсем забыли

Долго еще они ехали вперед и вперед, по горам и долам, по камням и топям, но вот Дым-Угрюм прислушался опять и спросил, не слышит ли чего-нибудь его седок.

— Да, теперь я слышу такой ужасный хруст и треск в лесу со всех сторон, что мне становится страшно, — ответил тот.

— Это все дикие лесные звери бегут за нами, их послали, чтобы нас остановить, — объяснил конь. — Просто брось на землю двенадцать бычьих туш, тогда звери увлекутся мясом и забудут про нас.

Парень побросал туши, и вот прибежали все дикие звери, которые были в лесу, медведи и волки, львы и прочие хищники. Но, увидев мясо, они стали драться за него друг с другом, проливая кровь, а про Дым-Угрюма и его хозяина забыли напрочь.

Дальше ехали они и многое повидали — нетрудно догадаться, что на спине Дым-Угрюма путешествовалось быстро! — и вот Дым-Угрюм заржал.

— Слышишь что-нибудь? — спросил он.

— Да. Отчетливо слышу ржание жеребенка, далеко-далеко.

— Это взрослый жеребец, раз ты слышишь его так отчетливо, несмотря на то, что он так далеко от нас.

Еще долго ехали они и многое повидали. Потом Дым-Угрюм заржал опять.

— Теперь ты что-нибудь слышишь? — спросил он.

— Да. Теперь я ясно слышу ржание взрослого жеребца.

— Да! Очень скоро ты опять его услышишь, и тебе станет ясно, что у него за голос.

Долго еще ехали они по разной местности, и наконец Дым-Угрюм заржал в третий раз. Но не успел он спросить, слышит ли его седок что-нибудь, как с другой стороны пустоши донеслось такое ржание, что парень подумал, будто холмы и камни вот-вот разлетятся на куски.

— Вот и он! — сказал Дым-Угрюм. — Скорее, набрось на меня бычьи шкуры с шипами, разлей по полю двена-

дцать тонн смолы и полезай вон на ту большущую ель. Когда он появится, пламя будет вырываться у него из ноздрей, и смола загорится. Запомни, что я скажу: если пламя взметнется вверх, победа будет за мной, а если опадет, я буду повержен. Но если увидишь, что я одерживаю верх, набрось узду (которую ты должен снять с меня) ему на голову, и он станет ручным.

Едва парень набросил на Дым-Угрюма все шкуры, расплескал по полю смолу и взобрался на ель, как примчался конь, выдыхая пламя, и смола вмиг заполыхала. Дым-Угрюм схватился с этим конем так, что камни полетели в небо. Они кусали друг друга, лягались передними и задними ногами, а парень смотрел то на них, то на смолу, но наконец пламя стало подниматься, ибо, куда бы чужой конь ни пытался укусить или лягнуть Дым-Угрюма, он натыкался на шипы в шкурах, и наконец чужак был вынужден сдаться. Увидев это, парень тут же спустился с дерева и накинул на того коня узду, и тот стал таким смирным, что его можно было вести на тонкой веревочке.

Этот конь тоже был в яблоках и так напоминал Дым-Угрюма, что никто не смог бы их различить. Юноша сел верхом на пойманного им коня и поскакал домой во дворец короля, а Дым-Угрюм бежал без привязи рядом. Когда они прибыли, король стоял во дворе.

— Можешь сказать, какую лошадь я поймал, а какая была у меня раньше? — спросил парень. — Если нет, сдается мне, что твоя дочь теперь моя.

Король подошел и осмотрел обеих пятнистых лошадей: заглядывал туда и сюда, заходил спереди и сзади, но не замечал между ними ни малейшей разницы.

— Нет, — сказал он, — я не могу их различить, а так как ты добыл для моей дочери такую отличную лошадь, чтобы ей ехать к венцу, ты ее получишь. Но сперва еще одно испытание — просто проверим, суждено ли тебе ее добиться. Она спрячется дважды, а потом дважды спрячешься ты. Если ты оба раза найдешь ее, а она не найдет тебя в твоих убежищах, то такова судьба — ты получишь принцессу.

— Об этом у нас тоже не было уговора, — ответил парень. — Но, раз так, устроим это испытание.

Итак, дочь короля должна была прятаться первой.

Она превратилась в утку и стала плавать в озере близ дворца. Но парень спустился в конюшню и спросил у Дым-Угрюма, что ему делать.

— О, просто возьми свое ружье, пойди к воде и прицелься в утку, которая там плавает. Она сразу выдаст себя.

Парень схватил ружье и побежал к озеру.

— Подстрелю-ка я эту утку, — сказал он и начал в нее целиться.

— О нет, дорогой друг, не стреляй! Это я! — сказала принцесса.

Так он нашел ее в первый раз.

В другой раз принцесса превратилась в буханку хлеба и легла на стол, четвертой среди других буханок, и она была так на них похожа, что никто не смог бы ее отличить.

Но парень опять спустился в конюшню к Дым-Угрюму и сказал, что принцесса снова спряталась и на этот раз он понятия не имеет, что с ней стало.

— О, просто возьми большой нож для хлеба, наточи его и притворись, будто хочешь разрезать третью слева из четырех буханок, которые лежат на столе в дворцовой кухне, и скоро ты ее отыщешь, — сказал конь.

Парень пошел на кухню и стал точить самый большой хлебный нож, который только нашел. Потом взялся за третью слева буханку и приставил к ней нож, будто собирался разрезать ее пополам.

— Съем-ка я кусочек хлеба, — сказал он.

— Нет, дорогой друг, не режь! Это я! — снова закричала принцесса.

Так он нашел ее во второй раз.

Пришла его очередь прятаться, но Дым-Угрюм дал ему такие хорошие советы, что найти его было нелегко. Поначалу он превратился в слепня и забрался в левую ноздрю коня. Принцесса всюду заглядывала, везде искала, там и тут, и хотела даже зайти в стойло Дым-Угрюма, но он так кусался и лягался, что она побоялась туда соваться и не нашла юношу.

— Что ж, — сказала она, — раз я не могу тебя найти, покажись.

И тут же он появился и встал на полу конюшни.

Дым-Угрюм сказал, что ему делать во второй раз, и он превратился в комок земли и забился между копытом и

подковой на левой передней ноге коня. Снова королевская дочь искала везде, во дворце и снаружи, пока не пришла в конюшню и не захотела войти в стойло Дым-Угрюма. На этот раз он впустил ее, и она заглядывала туда и сюда, но не могла заглянуть к нему под копыта, ибо он слишком твердо стоял на ногах, и она не смогла найти юношу.

— Что ж, придется тебе показаться самому, ибо я не могу тебя найти, — сказала принцесса, и вмиг он очутился рядом с ней, стоя на полу конюшни.

— Теперь ты моя! — сказал он принцессе.

— Теперь ты видишь, что ей суждено быть моей, — сказал он королю.

— Да, так суждено, — ответил король. — Пусть же свершится то, что должно.

Безотлагательно приготовили все для великолепнейшей свадьбы, и юноша поехал в церковь на Дым-Угрюме, а дочь короля — на второй лошади. Нетрудно догадаться, что в пути они не задержались.

Заколдованная канарейка

*Французская сказка**

I

екогда, в правление короля Гамбринуса, жил-был в Авене один из королевских лордов, добрейший — то есть самый раздобревший — во всей стране Фландрии. Он ел четыре раза в день, спал двенадцать часов в сутки и ничем никогда не занимался, только стрелял по мелким птицам из лука.

Но сколько бы он ни тренировался, стрелял он очень плохо, такой он был толстый и тяжелый — и день ото дня становился все толще, так что наконец ему пришлось перестать ходить пешком, и его стали возить в кресле на колесиках. Люди смеялись над ним и прозвали его милордом Табби, что в переводе означает — милорд Бочка.

Единственной заботой лорда Табби был его сын, которого он очень любил, хотя они вовсе не были похожи, ибо молодой принц был худ как жердь. И более всего огорчало отца то, что, хотя молодые дамы со всей страны делали все, лишь бы понравиться принцу, принц не желал с ними разговаривать и говорил отцу, что не собирается жениться.

---

* Из сказок Шарля Делена (1827–1877).

Вместо того чтобы болтать с красавицами в сумерках, он бродил по лесам, шепчась с луной. Не удивительно, что молодые дамы считали его очень странным, но тем больше он им нравился. И так как при рождении ему дали имя Дезире́, что значит Желанный, они все называли его д'Амур-Дезире́, то есть Желанный-в-Любви.

— Что с тобой? — часто спрашивал отец. — У тебя есть все, чего только можно желать: хорошая кровать, хорошая еда и полные бочки пива. Чтобы стать толстым как свинья, тебе нужна только жена, которая принесет с собой обширные и богатые земли. Женись же, и будешь совершенно счастлив.

— Я ничего так не хочу, как жениться, — отвечал Дезире, — но я ни разу не видел девушку, которая бы мне понравилась. Все девушки здесь — кровь с молоком, и я до смерти устал от их вечных роз и лилий.

— Бог мой! — вскричал Табби. — Неужто ты хочешь жениться на негритянке и принести мне детей, уродливых, как обезьяны, и глупых, как совы?

— Нет, отец, ничего подобного. Но должны же быть в мире другие женщины, у которых кожа не белая и лицо не румяное, и я заявляю раз и навсегда, что нипочем не женюсь, пока не найду невесту себе по вкусу.

II

Прошло какое-то время, и случилось так, что приор аббатства Святого Аманда послал лорду Авена корзину апельсинов с изящно написанным письмом, в котором говорилось, что эти золотые плоды, доселе неизвестные во Фландрии, прибыли прямо из страны, где всегда светит солнце.

В тот вечер Табби с сыном ели за ужином эти золотые плоды и нашли их превосходными.

Наутро, едва занялся день, Дезире спустился в конюшню и оседлал свою красивую белую лошадь. Потом, одетый по-дорожному, он подошел к кровати Табби, который курил первую за день трубку.

— Отец, — торжественно объявил принц, — я пришел проститься с тобой. Прошлой ночью мне приснилось, будто я иду по лесу, в котором деревья покрыты золотыми апельсинами. Я сорвал один, и, когда я его открыл, из него появилась прекрасная принцесса с золотой кожей. Вот такую жену я бы хотел для себя, и я собираюсь на поиски.

Лорд Авена был так изумлен, что уронил трубку на пол. Потом его так позабавила мысль о том, что его сын женится на желтой женщине и что женщина может быть заперта внутри апельсина, что он зашелся в приступе смеха.

Лорд Табби смеялся так, что никак не мог остановиться

Дезире ждал, пока он успокоится, чтобы попрощаться. Но, так как его отец продолжал хохотать и, казалось, не собирался умолкать, юноша взял его руку и нежно поцеловал, а потом распахнул дверь и в мгновение ока сбежал вниз по лестнице. Он легко вскочил на своего коня и ускакал на милю от дворца, прежде чем Табби отсмеялся.

— Желтая жена! Да он с ума сошел! Рехнулся! — закричал добряк, когда к нему вернулся дар речи. — Эй, живо! Верните его назад!

Слуги сели на коней и погнались за принцем, но, не зная, в каком направлении он ускакал, они проверили все дороги, кроме той, по которой он уехал, и, вместо того, чтобы доставить его домой, они, когда стемнело, вернулись одни на пыльных и усталых лошадях.

III

Когда Дезире рассудил, что погоня ему больше не угрожает, он пустил лошадь шагом как человек благоразумный, который знает, что путь еще далек. Так он ехал много недель, минуя деревни, города, горы, долины и равнины, но всегда направляясь на юг, и солнце с каждым днем казалось все ярче и горячее.

Однажды на закате солнце показалось ему таким раскаленным, что он понял — страна его мечты уже недалеко. Он как раз подъехал к хижине, стоявшей на краю леса. Его конь сам остановился перед дверью. Белобородый старик сидел на пороге, наслаждаясь свежим воздухом. Принц сошел с коня и попросил позволения отдохнуть в его доме.

— Входи, мой молодой друг, — сказал старик. — Мой дом невелик, но место для гостя найдется.

Путник вошел, и хозяин поставил перед ним нехитрый ужин. Когда гость утолил голод, старик сказал ему:

— Если не ошибаюсь, ты издалека. Могу я спросить, куда ты направляешься?

— Я отвечу, — сказал Дезире, — хотя ты, скорее всего, посмеешься надо мной. Мне приснилось, что в солнечном краю есть лес, полный апельсиновых деревьев, и что в одном из апельсинов я найду прекрасную принцессу, которая будет моей женой. Это ее я ищу.

— С чего бы мне смеяться? — спросил старик. — Безумие молодых и есть подлинная мудрость. Ступай, юноша, следуй указанию своего сна, и, если ты и не найдешь то счастье, которого ищешь, по крайней мере, обретешь счастье поиска.

IV

На другой день принц встал рано и простился с хозяином хижины.

— Место, которое ты видел во сне, недалеко отсюда, — сказал старик. — Оно в глубине леса, а эта дорога приведет тебя туда. Ты придешь в большой парк, окруженный высокими стенами. Посреди парка стоит замок, где живет ужасная ведьма, которая не впускает в дом ни одно живое существо. За замком — та самая апельсиновая роща. Иди вдоль стены, пока не дойдешь до тяжелых железных ворот. Не пытайся открыть их силой, смажь петли вот этим.

И старик дал юноше бутылочку.

— Ворота откроются сами собой, — продолжал он, — и большой пес, который охраняет замок, выскочит на тебя с громким лаем. Брось ему эту овсяную лепешку. Потом ты увидишь, как женщина стряпает, склоняясь над раскаленной печью. Дай ей эту щетку. Наконец слева от тебя будет колодец. Не забудь взять веревку, которой привязано ведро, и разложить ее на солнце. Сделав это, не входи в замок, обойди вокруг и войди в апельсиновую рощу. Сорви три апельсина и возвращайся к воротам так быстро, как только сможешь. Выйдя из ворот, уходи из леса в противоположную сторону. И не забудь: что бы ни случилось, не открывай свои апельсины, пока не придешь на берег реки или к фонтану. Из каждого апельсина выйдет принцесса, и ты сможешь выбрать себе в жены ту, которая тебе больше понравится. Сделав выбор, будь осторожен, не оставляй свою невесту ни на минуту и помни, что настоящая опасность — всегда не та, которой мы боимся больше всего.

V

Дезире горячо поблагодарил хозяина и поехал по дороге, которую тот указал. Менее чем через час он добрался до стены, действительно очень высокой. Он спрыгнул наземь, привязал лошадь к дереву и скоро нашел железные

Дезире кинул лепешку собаке и подал щетку стряпухе-великанше

ворота. Тогда он достал бутылочку и смазал петли. Ворота отворились сами собой, и он увидел за ними старый замок. Принц отважно вошел во двор замка.

Вдруг он услышал яростный рев, и пес ростом с осла и с глазами размером с бильярдные шары выскочил на него, оскалив зубы длиной с зубья вил. Дезире бросил ему овсяную лепешку, которую пес тут же проглотил, и спокойно пошел дальше.

Через несколько ярдов он увидел большую печь, широкое отверстое устье которой дышало жаром. Женщина великанского роста склонялась над печью. Дезире подал ей щетку, которую она молча взяла.

Потом он дошел до колодца, вытянул веревку, которая наполовину сгнила, и разложил ее на солнце.

Наконец он обошел вокруг замка и попал в апельсиновую рощу. Там он сорвал три самых красивых плода, какие смог найти, и повернулся, направляясь назад к воротам.

Но в этот миг солнце затмилось, земля задрожала, и Дезире услышал крик:

— Стряпуха, хватай его за ноги и бросай в печь!

— Нет уж, — ответила женщина, — я давно уже отчищаю эту печь собственными руками. Ты так и не позаботилась дать мне щетку, а он дал, и он уйдет с миром.

— Веревка, эй, веревка! — снова закричал голос. — Обернись вокруг его шеи и задуши его!

— Нет, — ответила веревка. — Ты позволила мне долгие годы гнить в сырости. Он положил меня на солнце. Пусть уходит с миром.

— Пес, мой славный пес! — крикнул голос еще злее. — Схвати его за горло и сожри!

— Нет, — отозвался пес, — хоть я долго служил тебе, ты не давала мне и куска хлеба. Он накормил меня досыта. Пусть уходит с миром.

— Железные ворота, железные ворота! — загремел голос. — Захлопнитесь перед ним и сотрите его в порошок!

— Нет, — ответили ворота. — Ты сотню лет позволяла нам ржаветь, а он нас смазал. Пусть уходит с миром.

VI

Оказавшись за воротами, молодой искатель приключений положил апельсины в сумку, висевшую у седла, сел на коня и быстро ускакал из леса.

Он очень хотел увидеть принцесс, и ему не терпелось добраться до реки или до фонтана, но он ехал уже не один час, а реки или фонтана не было видно. Но он продолжал путь с легким сердцем, чувствуя, что справился с самой трудной частью своей задачи, а остальное дастся без труда.

В середине дня он попал в раскаленные солнцем пески. Здесь его обуяла чудовищная жажда, и он поднес к губам фляжку. Но фляга была пуста: на радостях он забыл ее наполнить. Он поехал дальше, превозмогая жажду, но наконец более не смог ее терпеть.

Он соскользнул на землю и лег возле своей лошади. Глотка горела, на грудь давила тяжесть, голова шла кру́гом. Он уже чувствовал приближение смерти, когда взгляд его упал на сумку, из которой выглядывали апельсины.

Бедняга Дезире, который не убоялся стольких опасностей на пути к даме из своих снов, променял бы в этот миг всех принцесс мира, будь они розовощеки или золотокожи, на каплю воды.

— Ах! — сказал он себе. — Если бы только эти апельсины были настоящими — такими же освежающими плодами, как те, что я ел во Фландрии! Но, в конце концов, почему бы и нет?

Эта мысль придала ему сил. Он сумел приподняться и запустить руку в сумку, вытащил плод и вскрыл его ножом.

Из апельсина выпорхнула прелестнейшая канареечка, которую только видел свет.

— Дай мне попить, я умираю от жажды, — сказала золотая птичка.

— Подожди минутку, — попросил Дезире, который настолько изумился, что забыл о собственных мучениях, и, чтобы напоить птичку, взял второй плод и вскрыл его, не подумав о том, что делает.

Наружу вылетела еще одна канарейка и тоже закричала:

— Я умираю от жажды, дай мне попить!

Тогда сын Табби понял свою ошибку и, когда обе канарейки улетели, упал на землю, где и лежал без чувств, растратив последние силы.

Дезире никогда не видывал никого и вполовину столь же прекрасного и замер, любуясь ею

VII

Он очнулся, ощущая всем телом приятную свежесть. Была ночь, на небе сияли звезды, а на земле лежала густая роса.

Придя в себя, путник сел в седло, и с первыми лучами рассвета он увидел перед собой ручей. Он наклонился к воде и вволю напился.

Не сразу он набрался решимости вскрыть свой последний апельсин. Потом он вспомнил, что прошлой ночью ослушался указаний старика. Быть может, ужасную жажду наслала на него коварная ведьма, и что, если он, даже вскрыв апельсин на берегу ручья, не найдет в нем принцессы, которой искал?

Он взял нож и взрезал кожуру. И что ж? Из плода вылетела крохотная канарейка, похожая на двух других, и закричала:

— Меня мучит жажда, дай мне попить!

Дезире был очень разочарован. Однако он набрал в ладонь воды и поднес к клювику.

Едва глотнув воды, канарейка превратилась в красивую девушку, высокую и стройную как тополь, с черными глазами и золотой кожей. Дезире никогда не видывал никого и вполовину столь же прекрасного и замер, любуясь ею.

Она, в свою очередь, казалась ошеломленной, но радостно осматривалась и вовсе не боялась своего избавителя.

Он спросил ее имя. Она сказала, что ее зовут принцессой Зизи, что ей около шестнадцати лет и десять из них ведьма держала ее взаперти в апельсине в обличье канарейки.

— Что ж, моя очаровательная Зизи, — сказал молодой принц, которому не терпелось на ней жениться, — тогда поехали отсюда поскорее, чтобы злая ведьма нас не нашла.

Зизи спросила, куда он собирается ее отвезти.

— В замок моего отца, — сказал он.

Он сел верхом, посадил ее перед собой и, бережно держа ее в объятиях, отправился в путь.

VIII

Все, что видела принцесса, было для нее ново, и, когда они проезжали горы, долины и города, она задавала тысячу вопросов. Дезире с восторгом отвечал. Как сладостно обучать тех, кого любишь!

Однажды она спросила, как выглядят девушки в его стране.

— Они белокожи и розовощеки — кровь с молоком, — ответил он. — А глаза у них голубые.

— Тебе нравятся голубые глаза? — спросила принцесса, но Дезире не ответил, решив, что ему предоставляется удобный случай узнать, что таится в ее сердце. — И, без сомнения, — продолжала она, — одна из них — твоя нареченная?

Он продолжал молчать. Зизи гордо выпрямилась.

— Нет, — сказал наконец принц. — Ни одна из девушек моей страны не кажется мне красивой, и потому я отправился за женой в край солнца. Был ли я неправ, моя прелестная Зизи?

На этот раз промолчала Зизи.

IX

За этой беседой они добрались почти до самого замка. Не доезжая до ворот четырех бросков камня, они спешились в лесу у источника.

— Моя дорогая Зизи, — сказал сын Табби, — мы не можем предстать перед моим отцом, подобно паре простолюдинов, вернувшихся с прогулки. Мы должны въехать в замок более торжественно. Подожди меня здесь, и через час я вернусь с каретами и лошадьми, достойными принцессы.

— Не задерживайся, — попросила Зизи и проводила его тоскующим взглядом.

Оставшись в одиночестве, бедная девочка испугалась. Впервые в жизни она была одна, да еще в густом лесу.

Вдруг она услышала шум за деревьями. Боясь, что это волк, она спряталась в полом стволе ивы, нависавшей над ручьем. Ствол был так велик, что она помещалась там целиком, лишь чуть-чуть выглядывая наружу, так что ее прелестная головка отражалась в чистой воде.

Потом появился — нет, не волк, но человек почти столь же злобный и уродливый. Сейчас мы расскажем, что это было за создание.

X

Недалеко от ручья жила семья каменщиков. И вот пятнадцать лет назад отец, проходя через лес, нашел маленькую девочку, брошенную цыганами. Он принес ее домой к жене, добрая женщина пожалела малышку и вырастила ее вместе со своими сыновьями. Подрастая, маленькая цыганочка обнаружила больше силы и коварства, чем ума или красоты. У нее был низкий лоб, плоский нос, толстые губы, жесткие волосы и кожа не золотая, как у Зизи, а цвета глины.

Поскольку ее постоянно дразнили из-за ее внешности, она стала шумной и сварливой, как синичка. И ее прозвали Ничкой.

Каменщики часто посылали Ничку к ручью за водой, а цыганка, гордая и ленивая, терпеть этого не могла.

Так вот, это она и напугала Зизи, когда появилась у ручья с кувшином на плече. Наклонившись, чтобы набрать воды, она увидела в воде прелестное отражение принцессы.

— Какое красивое лицо! — воскликнула она. — Да это же я! Как они только могут называть меня уродиной? Уж верно, я слишком хороша, чтобы таскать для них воду.

Наклонившись, она увидела в воде прелестное отражение принцессы

Она разбила кувшин и пошла домой.

— Где кувшин? — спросил каменщик.

— Ну а чего вы ожидали? Сколько кувшину по воду ни ходить...

— А разбитым быть. Что ж, вот тебе ведро, оно не разобьется.

Цыганка вернулась к фонтану и снова сказала, глядя на отражение Зизи:

— Нет уж, я больше не буду вьючным животным.

И она подбросила ведро так высоко, что оно застряло в ветвях дуба.

— Я встретила волка, — сказала она каменщику, — и сломала ведро об его голову.

Каменщик больше не задавал ей вопросов. Он взял метлу и отделал цыганку так, что несколько умерил ее гордость.

Потом он дал ей старый медный молочный бидон и сказал:

— Если не принесешь полный бидон воды, переломаю тебе кости.

XI

Ничка ушла, потирая бока. На этот раз она не посмела ослушаться и, очень недовольная, склонилась над ручьем. Молочный бидон был круглым и широким, и наполнить его

было вовсе не просто. Он никак не погружался глубоко в воду, сколько цыганка ни пыталась.

Наконец у нее так устали руки, что, когда она наконец сумела погрузить бидон в воду, ей не хватило сил его вытащить, и он пошел на дно.

Увидев, что он тонет, она сделала такое несчастное лицо, что Зизи, которая все это время наблюдала за ней, расхохоталась.

Ничка оглянулась и поняла свою ошибку. Она так рассердилась, что тут же задумала отомстить.

— Что ты делаешь там, красавица? — спросила она у Зизи.

— Жду своего возлюбленного, — ответила та, а потом рассказала всю свою историю с доверчивостью, естественной для девушки, которая так долго была канарейкой.

Цыганка часто видела молодого принца, когда он проходил мимо с ружьем на плече, собираясь пострелять ворон. Она была слишком безобразна и оборвана, чтобы он заметил ее, но сама Ничка им восхищалась, хотя и думала, что ему не помешало бы чуть-чуть растолстеть.

«Так-так! — сказала она себе. — Так он любит желтых женщин! Что ж, я сама желта, и если только я придумаю...»

Скоро она придумала.

— Как?! — вскричала лукавая Ничка. — Сюда за тобой едет пышная свита, а твои волосы в таком беспорядке! Да как же ты не боишься показаться всем этим великолепным

господам и дамам в таком виде? Вылезай скорее, мое бедное дитя, и дай мне расчесать тебя.

Неискушенная Зизи тут же спустилась и встала рядом с Ничкой. Цыганка стала расчесывать ее длинные каштановые волосы, но вдруг вытащила из своего корсета булавку и, подобно тому, как синица всаживает клюв в головки жаворонков и коноплянок, всадила булавку в голову Зизи.

Ощутив укол, Зизи тут же превратилась обратно в птицу, взмахнула крыльями и улетела.

— Отлично сработано, — сказала цыганка. — Ловок же будет принц, если сумеет найти свою невесту.

И, расправив платье, она уселась на траве ждать Дезире.

XII

Тем временем принц гнал коня во весь опор. Он был так нетерпелив, что опередил на целых пятьдесят ярдов тех господ и дам, которых Табби послал встретить Зизи.

Увидев уродливую цыганку, он онемел от изумления и ужаса.

— Ах! — воскликнула Ничка. — Так ты не узнаешь свою бедную Зизи? Пока тебя не было, явилась злая ведьма и превратила меня вот в это. Но если только тебе хватит смелости жениться на мне, я вновь обрету свою красоту.

И горько заплакала.

А добрый Дезире был столь же мягкосердечен, сколь отважен. «Бедная девушка, — сказал он себе. — В конце концов, не ее вина, что она стала такой некрасивой, а моя. О, почему я не послушал совета старика? Почему я оставил ее одну? И все же в моей власти разорвать заклятие, и я слишком люблю ее, чтобы позволить ей пребывать в таком виде».

И он представил цыганку придворным господам и дамам, объяснив, какое ужасное несчастье постигло его прекрасную невесту.

Все притворились, что поверили, и дамы вмиг обрядили поддельную принцессу в богатые платья, которые принесли для Зизи.

Потом ее усадили на великолепного иноходца, и все двинулись обратно в замок.

Но, к несчастью, в богатых одеяниях и драгоценностях Ничка выглядела лишь еще более безобразной, и Дезире не мог не испытывать мучительной неловкости, когда въезжал с ней в город.

Гудели колокола, звонили часы, и люди, которые столпились на улицах и на порогах домов, чтобы посмотреть на процессию, насилу могли поверить своим глазам, когда видели, какую странную невесту выбрал их принц.

Чтобы оказать ей честь, Табби вышел встречать ее к подножию огромной мраморной лестницы. Увидев уродливое существо, он чуть не упал от неожиданности.

— Как?! — вскричал он. — Это и есть та чудесная красавица?

«Как?! — вскричал король. — Это и есть чудесная красавица?»

— Да, отец, это она, — робко ответил Дезире. — Но ее заколдовала злая волшебница, и красота не вернется к ней, пока она не станет моей женой.

— Это она так говорит? Что ж, если ты в это веришь, ты, пожалуй, способен пить холодную воду и думать при этом, что ешь бекон, — сердито ответил разочарованный Табби.

Но тем менее, поскольку он обожал своего сына, король подал невесте руку и провел ее в большой зал, где был накрыт свадебный пир.

XIII

Кушанья были превосходны, но Дезире едва к ним притронулся. Впрочем, восполняя его упущение, остальные гости ели с жадностью, а уж у Табби ничто не могло отбить аппетит.

Когда пришло время подавать жареного гуся, возникла заминка, и Табби воспользовался случаем ненадолго отложить нож и вилку. Но, поскольку гусь не появлялся, он послал своего главного нарезчика выяснить, что случилось на кухне.

А случилось вот что.

Пока гусь вращался на вертеле, прелестная крохотная канарейка села на открытое окно.

— Доброе утро, мой славный повар, — сказала она серебряным голосом человеку, который присматривал за жарким.

— Доброе утро, прелестная золотая птичка, — ответил шеф-повар, поскольку был хорошо воспитан.

— Молю, чтобы небо погрузило тебя в сон, — продолжала золотая птичка, — и чтобы гусь сгорел, а Ничке ничего не досталось.

И тут же повар заснул, а гусь сгорел дотла.

Проснувшись, шеф-повар пришел в ужас и приказал ощипать другого гуся, начинить его каштанами и насадить на вертел.

Пока этот гусь подрумянивался, Табби во второй раз потребовал свое жаркое. Шеф-повар сам поднялся в зал, чтобы принести извинения и попросить повелителя проявить немного терпения. Табби проявил терпение, отыгравшись на своем сыне.

— Будто мало было, — проворчал он сквозь зубы, — что парень выбрал в жены какую-то каргу без гроша за душой, теперь еще и гусь сгорел. Да он не жену привел ко мне, а сам Голод!

XIV

Пока шеф-повар был в зале наверху, золотая птичка снова вспорхнула на подоконник и позвала своим ясным голоском поваренка, наблюдавшего за вертелом:

— Доброе утро, мой славный поваренок!

— Доброе утро, прелестная золотая птичка, — ответил поваренок, которого забыл предостеречь взволнованный повар.

— Молю, чтобы небо погрузило тебя в сон, — продолжала золотая птичка, — и чтобы гусь сгорел, а Ничке ничего не досталось.

Поваренок тут же заснул, и, когда главный повар вернулся, гусь был черен от сажи, как печная труба.

В ярости повар разбудил поваренка, и тот все рассказал, снимая вину с себя.

«Доброе утро, мой славный повар», — сказала птичка.

— Проклятая птица! — сказал повар. — Кончится тем, что король меня прогонит. Идите-ка сюда, ребята, спрячьтесь, и, если она вернется, поймайте ее и сверните ей шею.

Он насадил на вертел третьего гуся, развел большой огонь и сел рядом.

Птичка прилетела в третий раз и сказала:

— Доброе утро, мой славный повар.

— Доброе утро, прелестная золотая птичка, — ответил повар как ни в чем ни бывало, и в тот миг, когда птичка начала: «Молю, чтобы небо...» — поваренок, спрятавшийся снаружи под окном, выскочил и захлопнул ставни. Птичка влетела в кухню. Тогда все повара и поварята кинулись ее ловить, колотя передниками. Наконец кто-то схватил ее в тот самый миг, когда вошел Табби, размахивая жезлом. Он сам пошел узнать, почему гусь так и не появился.

Поваренок тут же остановился, хотя уже собирался свернуть канарейке шею.

XV

— Не будет ли кто-нибудь столь любезен объяснить мне, что тут происходит? — грозно спросил лорд Авена.

— Ваше превосходительство, всему виной вот эта птица, — ответил поваренок и подал птичку королю.

— Чепуха! Какая милая птичка, — сказал Табби и, поглаживая канарейку по головке, нащупал булавку, торчавшую между перьями.

Он вытащил булавку и что ж? Канарейка вмиг превратилась в прекрасную девушку с золотой кожей, которая легко спрыгнула на пол.

— Боже, какая прелестная девушка! — сказал Табби.

— Отец! Это она! Это Зизи! — воскликнул Дезире, который как раз тоже появился в дверях.

И он заключил ее в объятия, воскликнув:

— Моя дорогая Зизи, как я счастлив вновь тебя видеть!

— Ну а та, другая? — спросил Табби.

Другая тихонько пробиралась к входной двери.

— Держите ее! — велел Табби. — Вынесем ей приговор немедленно.

Он торжественно уселся на печи и приговорил Ничку к сожжению заживо. Потом господа и повара выстроились рядами, и Табби благословил Дезире и Зизи.

XVI

Свадьбу сыграли через несколько дней. Все деревенские мальчишки явились на праздник, вооруженные деревянными мечами и украшенные эполетами из позолоченной бумаги.

Зизи добилась прощения для Нички, и ту отослали назад к каменщикам, а все мальчишки бежали следом и улюлюкали. Вот почему сегодня деревенские мальчишки всегда кидают камни в синиц.

Вечером в день свадьбы все кладовые, подвалы и буфеты людей, и богатых, и бедных, наполнились, как по волшебству, хлебом, вином, пивом, пирогами и пирожными, жареными жаворонками и даже гусями, так что

Табби уже не мог пожаловаться на то, что его сын выбрал в жены Голод.

С тех пор в этой стране всегда было вдоволь еды. А еще с тех самых пор среди светловолосых и голубоглазых фламандских женщин попадаются изредка красавицы с черными глазами и золотой кожей. Это потомки Зизи.

Двенадцать братьев

*Немецкая сказка**

В некотором невеликом королевстве был король, а у него была жена — королева. Жили они ни бедно, ни богато, между собою в любви и согласии; одного недоставало им для полного счастия: у королевы все сыновья родились, а королю хотелось бы дочку. Так-то народилось у них двенадцать сыновей; королевичи все — молодец к молодцу; а отец и глядеть на них не хочет, ходит сумрачный.

Вот один раз вышел король разгулять свое горе; ходил он, бродил по темному лесу и повстречался там с злою колдуньей. Посмотрела на него колдунья и говорит: «Что, король, призадумался? Или уж мне твоему горю помочь?» — «Помоги, бабушка,— отвечает король.— Вот, жена моя скоро опять родит. Эх, если б могла ты сделать так, чтоб у нас дочка родилась!» — «Что ж, могу, только с одним уговором: если родится у тебя дочь, то ты должен всех двенадцать сыновей твоих смерти предать, чтобы все твое царство досталось новорожденной королевне, а то разделика его на двенадцать долей, дочка-то твоя будет нищая, а она

* Из сказок братьев Гримм.

родится у тебя красавицей, с золотой звездой во лбу». — «Правда, — думает король, — королевство мое небогатое... Согласен», — говорит он. «Королевское слово — свято! Поклянись!» Поклялся король своим словом. Смотрит, — а колдуньи уж нет как нет, точно сквозь землю провалилась.

Воротился он домой, как ошеломленный, а сам все про себя думает: «Королевское слово свято!» И приказал он сделать заранее двенадцать гробов, а когда гробы были готовы, приказал поставить их в потайной комнате; запер ее на замок и ключ отдал жене своей, королеве. Случилось как-то королеве отворить эту комнату, смотрит она, дивится и думает: «Для кого эти гробы приготовлены?» Спросила мужа. Король подумал, подумал: «Все равно рано ли поздно узнается», — и рассказал жене о встрече в лесу с колдуньей и о своем королевском слове. Королева никогда своему мужу ни в чем не перечила. Пошла она в свою спальню и горько заплакала. Входит к ней младший королевич Вениамин, любимец ее, и спрашивает: «О чем ты, матушка, плачешь?» А она ему: «Дорогое мое дитятко! Как же мне не плакать? Изойди весь белый свет, — не найдешь ни одной матери несчастнее меня». Не хотела было королева про свое горе и про участь детей своих никому рассказывать; но любимец ее так стал упрашивать и ласкаться к ней, что не утерпела мать и про все ему рассказала, а сама еще пуще залилась слезами.

Королевич Вениамин был не по летам своим умен и рассудителен. «Не плачь, — говорит, — милая матушка, мы все уж на своих ногах, сумеем сами себя выручить. Пойду-ка я

расскажу про это братьям; возьмем мы все по ружью на плечи, да и уйдем в темный дремучий лес, там как-нибудь прокормимся, а отцу скажи, что мы задумали к будущим крестинам дичи настрелять». — «И то правда, — говорит королева, — а я еще вот что придумала: когда уйдете вы все в дремучий лес, не заходите пока далеко, выберите там высокое дерево и пусть один из вас взлезет на самую верхушку да поглядывает в ту сторону, где наш дворец стоит: коль увидите на башне белый флаг, тогда можете все домой воротиться, — значит, мне сына Бог дал; а коль будет на дворце развеваться красный флаг, — тогда, значит, дочь родилась, тогда вам, мои детушки, лучше уж не возвращаться домой. Идите с Богом по белу свету куда глаза глядят».

Времени терять нельзя было: Вениамин-королевич поспешил поведать все это братьям своим; недолго думая, они, все одетые в охотничье платье, пришли к матери за благословением. Король в это время был занят делами и не видал, как жена его молилась Богу и благословляла детей своих. Она обнимала каждого из них и горько плакала.

И пошли двенадцать братьев в лес дремучий; отыскали они там высокий дуб и стали с него поочередно караул держать: не увидят ли белого флага на своем родном дворце, на высокой башне?

Так прошло одиннадцать суток; на двенадцатый день подошла очередь Вениамина-королевича. Взлез он на самую верхушку дуба и закричал: «Братцы! Флаг развевается, только не белый, а, как кровь, красный».

Отыскали братья высокий дуб и стали с него поочередно караул держать

Услыхали это братья, тяжко закручинились и в гневе поклялись друг другу убить первую девочку, которую встре-

тят, за то, что из-за девочки лишились они своего королевства и отца с матерью. И пошли они в самую глубину темного леса, далеко, далеко от родного дома.

Испугалась злая колдунья, как узнала, что королевичи дальше в лес ушли и могут набрести на ее избушку. Собрала ведьма свои пожитки да бежать с ними поскорее. Не утерпела все-таки, чтоб не сделать какой каверзы братьям-королевичам: взяла она двенадцать зерен и посеяла в садике, около своей избушки, на пагубу королевичам. А зерна эти волшебные были. Вырастут из них двенадцать белых лилий, и, как только кто сорвет заколдованную лилию, тот, на чье имя она посеяна, обратится в ворона. Бродили, бродили по лесу братья-королевичи, как раз набрели на избушку колдуньи и поселились в ней.

Между тем у них дома родилась сестрица, красавица — ни в сказке сказать, ни пером описать, и во лбу у нее блестела звезда золотая.

Накануне ее рождения королева распорядилась, чтобы, коль родится у нее дочь, выкинули бы на башне дворца красный флаг, а коль сын — белый. Приказание было исполнено. Король в это время сидел на вышке башни и смотрел в подзорную трубу на войска свои. Ему докладывают: «Ваше величество! Вам дочку Бог дал». Бросился король со всех ног вниз, чтоб поскорее увидеть давно желанное сокровище — дочку; второпях оступился и кубарем полетел вниз головой по мраморной лестнице. Сбежались слуги, глядят, а король-то лежит мертвый с разбитой головой. Так ему и не привел Бог увидеть своей дочки.

От королевы преданные слуги скрыли смерть короля до ее выздоровления, а когда она узнала о том, братья-королевичи далеко уж были. Потужила королева, поплакала, да и стала со своей дочкой жить-поживать. Дочка ее, красавица, росла, хорошела и умнела не по дням, а по часам.

Исполнилось королевне двенадцать лет; вот раз при ней разбирала мать в сундуках; увидела королевна двенадцать мужских рубашек на разный возраст и спрашивает: «Чьи эти рубашки?» — «Твоих братьев-королевичей», — отвечала мать. Она до этого времени никогда ничего не говорила дочери о братьях. Все надеялась, что они прослышат о смерти отца своего и вернутся домой; но двенадцать братьев словно в воду канули. Царевна была любопытна, стала свою старую няню выпытывать, где братья ее, а та ей все как было рассказала. «Матушка, — говорит королевна матери, — я знаю все, и вот что я тебе скажу: не буду я ни пить, ни есть, если не отпустишь меня искать моих братьев. Дай мне эти рубашки, благослови меня, и я пойду разыскивать». Сколько ни плакала, ни уговаривала ее королева, — настояла она на своем. И пошла она в темный, дремучий лес; бродила она лесом долго ли, коротко ли и набрела на избушку, где жили ее братья-королевичи. Вошла королевна, а в избушке младший брат Вениамин обед братьям готовит. Королевич так был поражен красотой девочки с золотой звездой во лбу, что остолбенел от удивления; он даже и клятву позабыл свою. А королевна говорит ему: «Я разыскиваю моих братьев-королевичей, что ушли из

дому, хочу воротить их домой к матушке, потому что отец мой король давно умер». — «А я твой брат Вениамин!» — сказал с радостью королевич и бросился обнимать сестру. Но вдруг вспомнил он про клятву, которую братья друг другу дали, и говорит: «Милая сестричка, спрячься скорее в подполье, я после скажу тебе зачем». Поднял он половицу, бросил туда медвежью шкуру, чтоб не холодно было ножкам сестрицы, и спустил туда королевну.

Воротились братья с охоты, сели за обед, а Вениамин не пьет, не ест, все чему-то про себя усмехается. Старший брат и говорит: «Братцы, Вениамин знает что-то и не говорит нам». — «Верно, — отвечает Вениамин, — я знаю, да не скажу». — «Требуй от нас чего хочешь, только не томи, рассказывай скорей!» — «Я требую, чтоб вы все отказались от клятвы, которую мы дали друг другу, когда навек ушли из родительского дома». Братья охотно согласились: они хорошо понимали теперь, что та клятва была неразумная. Тогда Вениамин вывел сестрицу из подполья и рассказал братьям все, что она ему говорила. Всем братьям по сердцу пришлась их новая сестрица; она и им рассказала про все, что случилось в доме, и звала скорее к матери.

Так и осталась жить у братьев королевна. Рано утром проснулась она и вышла в сад, где цвели двенадцать прекрасных лилий. Сорвала она лилии для братьев, каждому по цветку. И только что сорвала, как раздался страшный грохот, небо потемнело, сверкнула молния; избушка исчезла, а над головой ее пролетели двенадцать воронов.

«Прощай, сестрица! Ты нас погубила!»

«Прощай, сестрица! Ты нас погубила!» — крикнули они и скрылись за темным лесом.

Стоит королевна и не знает, что делать. Вдруг откуда ни возьмись перед нею старая колдунья и спрашивает ее: «Что,

красавица, пригорюнилась? Я могу твоему горю помочь». — «Помоги, бабушка, спасти моих братьев-королевичей. Я на все готова, рада умереть за них», — отвечала королевна и горько заплакала. «Есть одно средство выручить твоих братьев, — говорит колдунья, — только не легкое оно: ты должна будешь семь лет не говорить ни одного слова и не смеяться. Но если ты не вытерпишь, то все погибло, и братья твои умрут воронами. Теперь пойдем ко мне в гости; будешь мне пряжу прясть, — увижу я, как ты будешь молчать».

Тут колдунья ударила о землю тоненькой палочкой, и прежняя избушка очутилась опять перед ними, как была. Колдунья заставила королевну прибрать в избе. Вспомнила королевна своих братьев-королевичей и опять горько заплакала. А злой ведьме не терпится: начала она королевну пытать, не скажет ли та хоть одно слово; но королевна молчит как убитая.

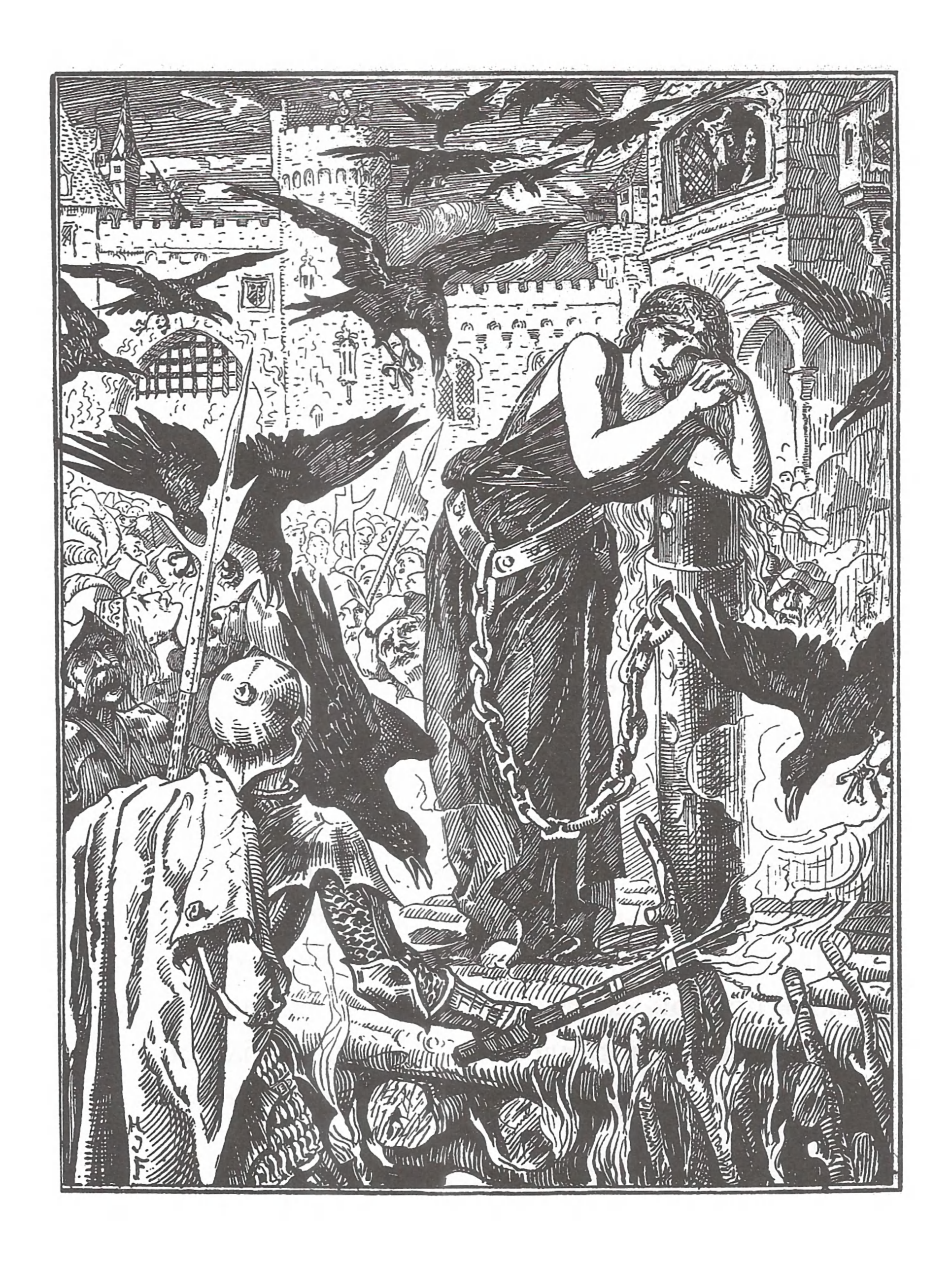
Страшно девице жить с ведьмой в темном лесу одной, да ничего не поделаешь, братьев жалко, надо терпеть! Даже колдунья увидела, что ничем не смутишь ее. «Позову-ка я, — говорит она себе, — сюда моего красавца царевича, пускай он полюбуется и заговорит с ней».

Вот раз ушла ведьма на целый день из дома, королевна взяла свою прялку, села на крылечке и прядет. Вдруг выскочили из чащи леса собаки, а за ними на борзом коне выехал красавец царевич с охотниками.

Подъехал он к королевне, слез с коня и спрашивает: «Откуда ты, красавица, как ты сюда попала?» А королевна

молчит, только головой качает. Любуется на нее царевич, глаз отвести не может, а потом и говорит: «Поедем со мною, девица, будешь ты у меня во дворце моей милой женой». Королевна протянула ему свою белую ручку; он посадил ее на своего коня и умчал в свое царство. Там царевич и женился на ней.

Любит царевич свою молодую жену, души в ней не чает; а она все молчит. Муж думает, что жена его немая; так и идут год за годом. А колдунья, у которой молодая царица в лесу жила, была царевичу кормилицей и, когда он женился, стала жить при молодых вместо няньки. Видит она, что царевна уж семилетний срок доживает, ни разу не улыбнулась даже, и стала ведьма на нее матери царевича, свекрови, наговаривать: что она совсем не немая, а только притворяется, что она-де царевича не любит и ждет не дождется его смерти, чтоб получить его богатство и выйти замуж за другого, что оттого и детей у них нет. Свекровь и без этого недолюбливала немую невестку свою, поверила она колдунье и все передала сыну. Тот задумался и не знал, как поступить со своей молодой женой, которую любил всем сердцем, а мать стала говорить ему, чтобы он отвез жену опять в темный лес, в избушку кормилицы. Царица не знала, что та ведьма. Царевич и думает: «Объявлю об этом жене своей; коль она меня любит, то заговорит, упрашивать будет, чтоб я не бросал ее». Услыхала об этом молодая царица, побледнела вся: жалко ей с мужем расстаться, жаль и братьев своих погубить. Царевич смотрит на нее, ждет, что она хоть словечко вымолвит, а она

Царевич велел казнить колдунью, а кости ее сжечь и развеять по ветру

молчит да жалобно на него смотрит. Не дождался царевич ни словечка от своей жены и дал слово своей матери завтра же отвезти молодую жену в темный лес.

На другой день подали к крыльцу карету, и царевич приказал жене своей садиться в нее. Царевна смотрит на мужа и молчит; а он отвернется, отрет слезу и все ждет, не заговорит ли она. Молчит царевна.

Только что бедная царевна поставила ногу на подножку кареты, — истекла последняя минута заветных семи лет.

Вдруг с шумом прилетели двенадцать черных воронов, ударились о землю и превратились в красивых молодцов. То были королевичи, братья молодой царевны. Стали они обнимать, целовать свою сестрицу и благодарить ее за спасение, а она обернулась к своему мужу и тут в первый раз назвала его по имени. Не вспомнил себя от радости молодой царевич. А братья-королевичи рассказали всю вину старой колдуньи — кормилицы. Пришел и злой ведьме конец: царевич как узнал, что его любимая жена была невинна и столько вытерпела из-за нее, велел казнить колдунью, а кости ее сжечь и развеять по ветру.

Потом братья с сестрицею и мужем ее отправились к своей родной матери. Обрадовалась она им несказанно, и прожили они весь свой век в счастии и благополучии.

Незабудочка

*Немецкая сказка**

Жили-были однажды муж с женой, но детей у них не было. Долго они горевали и молили Бога послать им ребеночка; наконец, жена почувствовала, что Бог услыхал ее молитвы. В задней горенке дома, где жили муж с женой, было маленькое окошечко, а из него можно было видеть соседний великолепный сад, в котором росли прекраснейшие цветы и растения. Но сад был окружен высокой стеной, и никто не осмеливался входить туда, так как он принадлежал могущественной волшебнице, которой все очень боялись. Вот однажды подошла жена к окну и заглянула в сад, как вдруг взгляд ее упал на грядку, усеянную прелестнейшими незабудками. Они были так свежи и аппетитны, что ей вдруг страшно захотелось отведать их. С каждым днем желание это все усиливалось, но так как она знала, что оно неисполнимо, то впала в уныние, стала худеть и чахнуть. Наконец муж заметил это и со страхом спросил:

— Что с тобой, женушка? Отчего ты так похудела?

---

* Из сказок братьев Гримм.

— Ах! — отвечала она. — Если я не отведаю тех незабудок, что растут в соседнем саду, то я умру.

Муж очень любил свою жену и потому подумал:

— Что ж, не допустить же мне свою жену зачахнуть из-за каких-то незабудок! Пойду и раздобуду их, чего бы это мне ни стоило.

Вечером, когда совсем стемнело, он перелез через забор в сад волшебницы, нарвал полную горсть незабудок и принес жене. Та тотчас же приготовила из них салат и поела с большим аппетитом. Но новое блюдо так пришлось ей по вкусу, что на другой день ей еще сильнее захотелось полакомиться им. Чтобы успокоить ее, муж решился еще раз забраться в соседний сад. Но когда с наступлением сумерек он перелез через забор, то так и замер на месте от страха: перед ним стояла сама волшебница.

— Как смеешь ты, — вскричала она с гневом, — забираться в мой сад и красть мои незабудки! Постой же, это тебе дорого обойдется!

— Ах! — пробормотал муж. — Будьте милостивы, не взыщите с меня за мою вину. Я решился на это только из нужды. Жена моя увидела из окна ваши незабудки, и ей так сильно захотелось их, что она умерла бы, если бы я не исполнил ее желания.

Тут колдунья, по-видимому, смягчилась и сказала:

— Если это так, то я позволю тебе набрать незабудок, сколько сам пожелаешь, но с одним условием: ты должен отдать мне то дитя, которое скоро у тебя родится. Обещаю

тебе, что ему будет хорошо у меня и что я буду заботиться о нем, как родная мать.

Муж со страху пообещал все, что она хотела, и побежал домой. Но когда скоро жена родила ему дочь, волшебница не замедлила явиться, дала девочке имя Незабудочка и унесла ее с собой.

Незабудочка была прелестнейшим ребенком в мире. Когда ей минуло двенадцать лет, волшебница заключила ее в башню, находившуюся в дремучем лесу и не имевшую ни лестниц, ни дверей, а только одно маленькое окошечко на самом верху. Когда волшебница хотела проведать девочку, то кричала ей снизу:

Незабудка, светик мой,
Спусти свою косу за мной!

У Незабудочки были чудные золотистые волосы необыкновенной длины. Как только, бывало, заслышит голос колдуньи, она тотчас же распускала свою косу, обвивала ее вокруг оконного крюка, и тогда коса спускалась вниз до земли на целых двадцать аршин, и колдунья по ней взбиралась в башню.

Так прошло несколько лет. Как-то раз случилось, что мимо башни проезжал королевский сын. Вдруг он услыхал пение, да такое чудное, что остановился и стал прислушиваться. То пела Незабудочка, коротавшая таким образом время в своем уединении. Королевскому сыну захотелось проникнуть в башню, и он стал искать двери, но ничего не

нашел. Тогда он поехал домой, но пение так понравилось ему, что он с тех пор каждый день стал ездить в лес и слушать. Вот однажды стоит он за деревом и слушает, а в это время явилась колдунья и крикнула:

Незабудка, светик мой,
Спусти свою косу за мной!

Незабудочка тотчас же спустила свою косу, и колдунья мигом по ней добралась до оконца и скрылась.

«Ага, так вот та лестница, по которой можно пробраться в башню! — подумал королевский сын. — Попытаю-ка и я свое счастье!»

И на следующий день, когда начало смеркаться, он отправился к башне и крикнул:

Незабудка, светик мой,
Спусти косу свою за мной!

В ту же минуту из оконца спустилась длинная коса, и королевский сын по ней поднялся наверх.

В первую минуту Незабудочка страшно перепугалась, увидав перед собой чужого человека, так как, кроме колдуньи, она до сих пор еще никого не видала. Но когда королевский сын ласково заговорил с ней и рассказал, как сильно тронуло его ее пение и как он не мог найти себе покоя, пока ее не увидал, у Незабудочки и весь страх пропал. Королевский сын был к тому же молод и красив, он понравился ей, и когда он спросил, согласна ли она

В ту же минуту из оконца спустилась длинная коса

выйти за него замуж, она подумала: «Уж он-то, наверно, будет любить меня больше, чем старая колдунья!» — и в знак согласия протянула ему руку.

— Я охотно последую за тобой, — сказала она, — но не знаю, как мне спуститься вниз. Вот что: приноси ты мне каждый раз, как будешь приезжать ко мне, моток шелку: я буду плести из него веревочку, а когда она будет готова, то спущусь по ней вниз, и ты возьмешь меня на своего коня и увезешь в свое царство.

И они условились, чтобы он приезжал каждый вечер, так как днем Незабудочку навещала старуха.

Долго ничего не подозревала колдунья, пока однажды сама Незабудочка не проговорилась ей:

— Скажи мне, бабушка, отчего это мне тебя гораздо тяжелее поднимать наверх, чем молодого королевича? Тот в один миг уже и здесь.

— Королевича? — воскликнула колдунья. — Ах ты, негодная девчонка! Я думала, что скрыла тебя от всего света, а ты меня уже давно надуваешь.

И колдунья в ярости схватила Незабудочку за косу, обмотала ее несколько раз вокруг своей левой руки и — чик, чик! — срезала ее ножницами, так что великолепные волосы рассыпались по земле. Потом жестокая старуха унесла бедную девушку в пустыню, где та должна была провести свой век в горе и лишениях.

В тот же вечер колдунья прикрепила к окну срезанную косу Незабудочки, и когда явился королевич и крикнул:

Незабудка, светик мой,
Спусти косу свою за мной! —

спустила косу на землю. Королевич тотчас же взобрался по ней наверх, но уже не нашел своей милой Незабудочки. Вместо нее перед ним предстала колдунья, глядевшая на него яростным взором.

— Ага! — насмешливо воскликнула она. — Ты пришел за своей милой, но прелестной птички уже нет в гнездышке, и не слыхать тебе больше ее пения. Птичку съела кошка, которая и тебе выцарапает глаза. Так и знай: Незабудка для тебя потеряна, ты ее никогда более не увидишь.

При этих словах такое горе охватило королевича, что он с отчаянья бросился головой вниз с башни. Однако он

остался в живых, только терновник, в который он упал, выколол ему глаза. С тех пор он слепой стал блуждать по лесу, питался одними ягодами и кореньями и не переставал оплакивать утрату своей Незабудочки. Так блуждал он по свету несколько лет, пока наконец не попал в ту пустыню, где жила Незабудочка. Однажды он услыхал голос, который показался ему знакомым. Он пошел по направлению голоса, и когда подошел очень близко к певице, то Незабудочка узнала его и со слезами бросилась ему на шею. Две ее слезинки попали ему в глаза, и как только они смочили их, глаза королевича тотчас же прозрели, и он стал видеть ими так же хорошо, как прежде. После этого он увез ее в свое царство, где был встречен с большой радостью, обвенчался с ней, и они прожили много лет в радости и благополучии.

Прядильщица крапивы

*Французская сказка**

I

ил-был некогда в Ле-Кенуа, во Фландрии, знатный лорд, чье имя было Бурхард, но в деревнях его прозвали Бурхард Волк. Ибо у него было такое злое и жестокое сердце, что поговаривали, будто он впрягает босых крестьян в плуг и ударами плети заставляет их пахать его землю.

Его жена, напротив, была всегда ласкова и милосердна к сирым и убогим.

Каждый раз, узнав об очередном нечестии своего мужа, она тайком старалась исправить причиненное им зло, за что ее имя благословляли во всей округе. Графиню любили настолько же, насколько графа ненавидели.

II

Раз граф пошел поохотиться и, проходя через лес, увидел у двери уединенной хижины красивую девушку, которая пряла коноплю.

* Из сказок Шарля Делена.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Ренельда, милорд.

— Ты, должно быть, устала от жизни в такой глуши?

— Я привыкла к этому месту, милорд, и никогда от него не устаю.

— Может, и так. Но все равно приходи в замок, и я сделаю тебя камеристкой графини.

— Я не могу этого сделать, милорд. Я должна присматривать за бабушкой, она совсем беспомощна.

— Приходи в замок, говорю тебе. Жду тебя вечером!

И граф ушел своей дорогой.

Но Ренельда была обручена с молодым дровосеком Гвибером и вовсе не собиралась подчиняться графу; в конце концов, ей нужно было присматривать за бабушкой.

Через три дня граф опять проходил той же дорогой.

— Почему ты не пришла? — спросил он у прелестной прядильщицы.

— Я говорила вам, милорд, что должна заботиться о бабушке.

— Приходи завтра, и я сделаю тебя фрейлиной графини.

И граф пошел своей дорогой.

Это предложение также не возымело действия — Ренельда не пришла в замок.

— Если ты только придешь, — сказал ей граф, когда опять проезжал мимо, — я отошлю графиню и женюсь на тебе.

«Приходи в замок, и я сделаю тебя камеристкой графини!»

Но двумя годами раньше, когда мать Ренельды умирала после долгой болезни, графиня не забыла ее семью и подала им помощь, в которой они остро нуждались. Так что Ренельда отказалась бы, даже если бы граф действительно хотел на ней жениться.

III

Но прошло несколько недель, и Бурхард появился вновь.

Ренельда уже было надеялась, что избавилась от него, но однажды он остановился у двери, держа под мышкой ружье для утиной охоты и неся на плече охотничью сумку. На этот раз Ренельда пряла не коноплю, а лен.

— Что ты прядешь? — грубо спросил граф.

— Мое свадебное платье, милорд.

— Так ты собираешься замуж?

— Да, милорд, с вашего позволения.

А надо заметить, что в те времена крестьянин не мог вступить в брак без позволения хозяина.

— Я разрешу тебе выйти замуж при одном условии. Видишь вон ту высокую крапиву на могилах во дворе церкви? Ступай собери ее и спряди две хорошие рубахи. Одна будет тебе брачным нарядом, а другая — саваном мне. Ибо ты выйдешь замуж только в тот день, когда я лягу в могилу.

И граф отвернулся с издевательским смехом.

Ренельда задрожала. Никогда во всем Локиньоле не слыхивали, что можно было прясть крапиву.

Вдобавок граф, казалось, был сделан из железа — он очень гордился своей силой и часто похвалялся, что доживет до ста лет.

Каждый вечер, покончив с работой, Гвибер приходил к своей будущей невесте. В этот вечер он тоже пришел, и Ренельда передала ему слова Бурхарда.

— Хочешь, я выслежу Волка и раскрою ему череп топором?

— Нет, — ответила Ренельда, — на моем свадебном букете не должно быть крови. И мы не должны причинять вред графу. Вспомни, как добра была графиня к моей матери.

Теперь заговорила старая-престарая женщина. То была мать бабушки Ренельды, которой перевалило за девяносто. Целыми днями она сидела в своем кресле, кивая головой и не произнося ни слова.

— Дети мои, — сказала она, — за все те годы, что я живу на свете, не слыхала я о рубашке, сотканной из крапивы. Но что велит Бог, то человек может исполнить. Отчего бы Ренельде не попытаться?

IV

Ренельда попыталась, и, к большому ее удивлению, из крапивы, когда ее размяли и подготовили к работе, вышла

отличная нить — мягкая, легкая, прочная. Очень скоро она напряла ниток на первую рубаху — свое свадебное платье. Она сразу соткала полотно и выкроила платье, надеясь, что граф не заставит ее начинать второе. Как раз когда она дошивала платье, Бурхард Волк проходил мимо.

— Ну, — спросил он, — как продвигается работа?

— Вот, милорд, мой свадебный наряд, — ответила Ренельда и показала ему платье из прекраснейшей белой ткани, какую только видели.

Граф побледнел, но ответил сурово:

— Очень хорошо. Начинай вторую.

Прядильщица принялась за работу. Когда граф вернулся в замок, его пробила холодная дрожь, и он почувствовал, будто кто-то, как говорится, ходит по его могиле. Он попытался поужинать, но не мог есть и лег в постель, трясясь в лихорадке. Ночью он так и не заснул, а утром не смог встать.

Эта внезапная хворь, которая все усиливалась, сильно его встревожила. Несомненно, в ней была повинна прялка Ренельды. Ведь следует подготовить к погребению не только его саван, но и тело!

Первым делом Бурхард послал к Ренельде и приказал остановить прялку.

Ренельда повиновалась, а вечером Гвибер спросил у нее:

— Граф разрешил нам пожениться?

— Нет.

— Продолжай работу, милая. Это единственный способ добиться разрешения. Ты же знаешь, он сам тебе это сказал.

V

На следующее утро, убравшись в доме, девушка села прясть. Через два часа пришли солдаты и, увидев, что она прядет, схватили ее, связали по рукам и ногам и отнесли на берег реки, разлившейся от недавних дождей.

Выйдя на берег, они бросили ее в воду и проследили, чтобы она потонула, а потом ушли. Но Ренельда выплыла и даже сумела выбраться на сушу.

Едва вернувшись домой, она села прясть.

В хижину снова пришли двое солдат, схватили девушку, отнесли ее к реке и снова бросили в воду, на этот раз привязав ей на шею камень.

Едва они отвернулись, камень отвязался. Ренельда перешла реку вброд, вернулась в свою хижину и села прясть.

На этот раз граф решил лично отправиться в Локиньоль, но, так как он был очень слаб и не мог идти, его понесли в носилках. А прядильщица пряла.

Увидев ее, граф выстрелил в нее, как выстрелил бы в дикого зверя. Пуля отскочила, не повредив прядильщице, и та продолжала прясть.

Бурхард впал в такое неистовство, что чуть не умер от гнева. Он разбил колесо прялки на тысячу кусков и без чувств упал на землю. Так его и унесли в замок.

Но стражи заснули, и прядильщица продолжила прясть

На следующий день прялку починили, и прядильщица села прясть. Чувствуя, что, пока она прядет, он умирает, граф приказал связать ей руки и ни на миг не спускать с нее глаз.

Но стражи заснули, веревки развязались, и прядильщица продолжила прясть.

Бурхард приказал выполоть всю крапиву на три лиги окрест. Едва крапиву вырывали из земли, она пробивалась заново и росла на глазах.

Она выросла даже на утоптанном полу хижины, и, стоило ее сорвать, у прялки появлялся запас крапивных стеблей, размятых и подготовленных к прядению.

Бурхарду с каждым днем становилось все хуже, и он видел перед собой смерть.

VI

Движимая жалостью к мужу, графиня наконец вызнала причину его болезни и умоляла его разрешить спасти себя. Но граф в своей гордыне тверже, чем когда-либо, отказывался дать согласие на брак Ренельды.

И госпожа решила без его ведома молить о милосердии прядильщицу — именем покойной матери она заклинала Ренельду бросить прясть. Ренельда обещала, но вечером в ее хижину пришел Гвибер. Увидев, что полотна не прибавилось за день, он спросил, что произошло. Ренельда призналась, что графиня просила не дать ее мужу умереть.

— Он согласился на наш брак?

— Нет.

— Тогда пусть умирает.

— Но что скажет графиня?

— Графиня поймет, что это не твоя вина. В смерти графа виновен только он сам.

— Подождем немного. Быть может, его сердце удастся смягчить.

Они ждали месяц, два, шесть месяцев, год. Прядильщица больше не пряла. Граф перестал ее преследовать, но все еще отказывался разрешить их брак. Гвибер стал нетерпелив.

Бедная девушка любила его всей душой и была более несчастна, чем тогда, когда слуги Бурхарда терзали лишь ее тело, пытаясь утопить.

— Покончим с этим, — сказал Гвибер.

— Подожди еще немного, — умоляла Ренельда.

Но юноша устал. Он все реже приходил в Локиньоль и наконец не явился вовсе. Ренельде показалось, что у нее сердце разорвалось, но она держалась твердо.

Однажды она встретила графа. Она молитвенно сложила руки и вскричала:

— Милорд, сжальтесь!

Бурхард Волк отвернулся и проехал мимо.

Пожалуй, она умерила бы его гордыню, если бы снова взялась за прялку, но она этого не сделала.

Вскоре она узнала, что Гвибер покинул страну. Он даже не пришел с ней проститься, но все же она узнала день и час его отъезда и спряталась на дороге, чтобы еще раз его увидеть.

Вернувшись, она поставила в угол безмолвную прялку и проплакала три дня и три ночи.

VII

Так прошел еще год. Потом граф заболел, и графиня заподозрила, что это Ренельда, устав ждать, вновь принялась за свою работу; но, придя в хижину, она обнаружила, что прялка стоит без дела.

Однако графу делалось все хуже и хуже, пока врачи не отказались от него. Пробили в колокол, знаменуя его конец, и он лежал, ожидая смерти. Но смерть была не так близка, как казалось врачам, и он все еще дышал.

Казалось, его положение безнадежно, но ему не становилось ни лучше, ни хуже. Он не мог ни жить, ни умереть, он тяжко страдал и громко призывал смерть положить конец его мукам.

В этот час невзгод он вспомнил, что сказал маленькой прядильщице давным-давно. Если смерть так медлит, то потому, что он не готов последовать за ней, ведь у него нет погребального савана.

Он приказал привести Ренельду и усадить у его одра и велел ей немедленно приниматься за саван.

Едва она начала работу, как боли, одолевавшие графа, стали слабеть.

Тогда наконец его сердце растаяло. Он пожалел обо всем зле, которое совершил из гордыни, и умолял Ренельду простить его. Ренельда простила и продолжала прясть днем и ночью.

Спрядя крапивную нить, она взяла челнок и соткала холст, а потом выкроила саван и принялась его шить.

И, как раньше, пока она шила, граф чувствовал, что боль слабеет, а жизнь уходит из него, и с последним стежком ее иголки он испустил дух.

VIII

В тот же час Гвибер вернулся в страну, поскольку он никогда не переставал любить Ренельду. И через восемь дней они поженились.

Он потерял два года счастья, но утешался мыслью, что его жена — умелая пряха и, что встречается куда реже, смелая и добрая женщина.

Вьюгобород

*Норвежская сказка**

или-были некогда муж с женой, и был у них единственный сын Джек. Жена решила, что пора ему обучиться какому-нибудь ремеслу, и попросила мужа, чтобы тот нашел для него учителя.

— Найди ему такое хорошее место, где он станет мастером над всеми мастерами, — сказала она и положила для них в мешок немного еды и табаку.

И они обошли огромное множество мастеров, но все говорили, что могут научить парня делать их дело не хуже, чем они сами, но научить его работать лучше себя не могут. Когда муж принес этот ответ старухе, та сказала:

— Делай что хочешь, но одного я требую — пусть он станет мастером из мастеров.

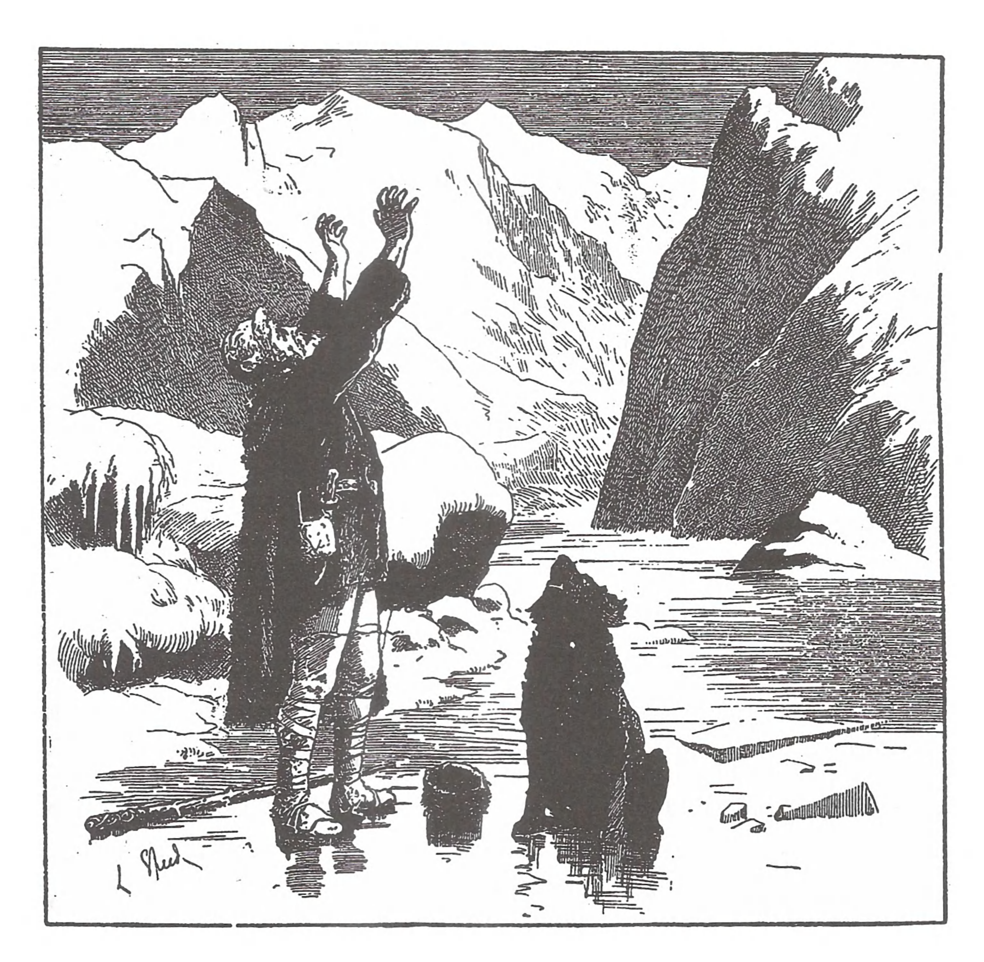
Потом она опять положила в мешок еды и табаку, и отец с сыном были принуждены продолжить странствия.

Пройдя немного, они вышли на открытое пространство, сплошь покрытое льдом, и встретили там мужчину на черной лошади.

— Далеко ли вы идете? — спросил мужчина.

---

* Из сказок П. К. Асбьёрнсена.

В этот миг ликования прибыл сын короля Мерлина

— Я должен пристроить сына в учение к кому-нибудь, кто сумеет обучить его ремеслу, ведь моя жена из такой состоятельной семьи, что требует сделать его мастером из мастеров.

— Стало быть, не зря мы встретились, — ответил возница, — ибо я как раз тот, кому это под силу. Полезай

сюда, — сказал он мальчику, и лошадь взвилась в воздух с ними обоими.

— Нет, нет, подожди немного! — закричал отец мальчика. — Мне нужно знать, как тебя зовут и где ты живешь.

— О, я дома и на севере, и на юге, и на востоке, и на западе, и я зовусь Мастером погоды Вьюгобородом, — ответил мастер. — Можешь вернуться через год, и я скажу тебе, годится ли для меня твой парень.

И они исчезли.

Когда старик вернулся домой, старуха спросила, что стало с их сыном.

— Эх! — ответил муж. — Только небо ведает, что с ним. Он улетел ввысь.

Потом он рассказал ей, что произошло.

Услышав это и узнав, что муж даже не знает, где сын и когда закончится его ученичество, жена опять собрала его в дорогу, чтобы он это выяснил, и дала ему с собой мешок еды и скрученный в жгут запас табаку.

Пройдя немного, он пришел в большой лес, которому не было конца. Мужчина шел и шел, а когда стало смеркаться, он увидел вдали огонек и пошел на него. Не скоро добрался он до маленькой хижины у подножия скалы, близ которой женщина носом доставала воду из колодца — такой длинный был у нее нос.

— Добрый вечер, матушка, — сказал путник.

— Добрый вечер и тебе, — ответила старуха. — Сотню лет никто не называл меня матушкой.

— Можно мне переночевать здесь сегодня?

— Нет.

Но путник достал свой табак, зажег щепотку и дал ей понюхать. Ей так понравилось, что она пустилась в пляс и разрешила ему заночевать. Скоро он спросил ее о Мастере погоды Вьюгобороде.

Она сказала, что ничего о таком не знает, но ей подчиняются все четвероногие звери, и, может статься, кто-то из них его знает. Она собрала всех зверей, дунув в рожок, и спросила их, но ни один не знал про Мастера погоды Вьюгоборода.

— Что ж, — сказала старуха, — у меня есть две сестры, и, может быть, одна из них знает, где его найти. Возьми мою лошадь и повозку, и к ночи доберешься до моей старшей сестры. Но ее дом в трех сотнях миль отсюда — поезжай коротким путем.

Путник поехал ко второй сестре и приехал к ночи. Эта старуха тоже доставала носом воду из колодца.

— Добрый вечер, матушка, — сказал путник.

— Добрый вечер тебе, — ответила старуха. — Сотню лет никто не называл меня матушкой.

— Можно мне переночевать здесь сегодня?

— Нет.

Тогда он достал табак, понюхал сам и дал понюхать старухе, отсыпав ей щепоть на тыльную сторону кисти. Ей так понравилось, что она пустилась в пляс и разрешила ему заночевать. Скоро он стал спрашивать ее о Мастере погоды Вьюгобороде.

Она ничего о таком не знала, но сказала, что правит всеми рыбами и, может статься, какая-нибудь из них что-то знает. Она собрала всех рыб, подув в свой рожок, и расспросила их, но ни одна ничего не знала про Вьюгобородa.

— Что ж, — сказала старуха, — у меня есть еще одна сестра, может быть, она про него что-нибудь знает. Она живет в шестистах милях отсюда, но если ты возьмешь мою лошадь и повозку, то доберешься туда к ночи.

Путник поехал к третьей сестре и добрался к ночи. Старуха ворошила костер носом — такой длинный был у нее нос.

— Добрый вечер, матушка, — сказал путник.

— Добрый вечер тебе, — ответила старуха. — Сотню лет никто не называл меня матушкой.

— Можно мне переночевать здесь сегодня?

— Нет.

Но путник снова достал свой табачок и насыпал немного старухе на тыльную сторону ладони. Ей так понравилось, что она пустилась в пляс и разрешила ему заночевать. Скоро он стал спрашивать ее о Мастере погоды Вьюгобороде. Она сказала, что ничего о нем не знает, но, поскольку правит всеми птицами, то пообещала узнать у них. Она собрала всех птиц с помощью своего рожка. Когда она расспрашивала птиц, орла среди них не было, но скоро он прилетел и сказал, что явился прямо от Вьюгоборода. Тогда старуха сказала, что орел должен показать путнику дорогу. Но орел захотел сначала поесть, а потом до-

Она подула в свой рожок и собрала всех рыб

ждаться следующего дня, ибо от долгого путешествия он так устал, что едва мог взлететь.

Когда орел поел и отдохнул, старуха выдернула перо из его хвоста и посадила путника на место пера, а потом орел улетел, но до жилища Вьюгоборода они добрались лишь к полуночи. Там орел сказал:

— Перед дверью лежит множество тел, но ты их не бойся. Люди в доме спят так крепко, что их нелегко будет разбудить. Однако ты должен подойти прямо к ящику стола и взять три куска хлеба, а когда услышишь чей-нибудь храп, вырви у него из головы три волоска — он от этого не проснется.

Путник исполнил все, как было велено. Взяв хлеб, он выдернул волосок.

— Уф! — простонал Вьюгобород.

Путник выдернул второй волосок, и опять Вьюгобород вскрикнул: «Уф!» А когда путник вырвал третий, Вьюгобород завопил так, что путник стал прощаться с жизнью, но спящий не проснулся. Орел сказал путнику, что делать дальше, и тот повиновался. Он подошел к дверям конюшни, споткнулся там о твердый камень и подобрал его, а под ним нашел три щепки и прихватил их заодно. Он постучал в дверь конюшни, и та вмиг отворилась. Он бросил три кусочка хлеба — выбежал заяц и съел их. Он поймал зайца. Тогда орел велел выдернуть из своего хвоста три пера и на их место сесть самому, взяв зайца, камень и щепки, чтобы орел смог отнести это все домой.

Долго летел орел и вот присел на камень.

— Видишь что-нибудь? — спросил он.

— Да, вижу, как стая ворон летит за нами.

— Тогда не худо бы нам еще полетать, — сказал орел и полетел дальше.

Скоро он снова спросил:

— Теперь ты что-нибудь видишь?

— Да. Вороны близко.

— Тогда брось вниз те три волоска, что ты выдернул из его головы.

Седок так и поступил, и, едва он бросил их, как волоски превратились в стаю вóронов, которые прогнали ворон домой. Орел полетел дальше со своей ношей, но наконец опустился на камень.

— Видишь что-нибудь? — спросил он.

— Не уверен, но, кажется, вижу, как что-то движется вдали.

— Тогда не худо бы нам еще полетать, — сказал орел и полетел дальше.

— Теперь ты что-нибудь видишь? — спросил он через некоторое время.

— Вижу. Погоня близко.

— Тогда брось вниз те щепки, что ты нашел под серым камнем у дверей конюшни.

Седок так и поступил, и, едва он бросил щепки, они превратились в огромный густой лес, так что Вьюгобороду пришлось вернуться домой за топором и прорубать себе дорогу. Орел летел и летел дальше, но вот он устал и сел на ель.

— Видишь что-нибудь? — спросил он.

— Не уверен, но, кажется, вижу что-то вдали.

— Тогда не худо бы нам еще полетать, — сказал орел и полетел дальше.

— Теперь ты что-нибудь видишь? — спросил он через некоторое время.

— Вижу. Он близко.

— Тогда брось вниз тот большой камень, который ты нашел у дверей конюшни.

Седок так и поступил, и камень превратился в громадную каменную гору, через которую Вьюгобород стал пробивать себе путь, прежде чем возобновить погоню. Но в середине горы он повредил себе ногу, и пришлось ему вернуться домой, чтобы ее вправить.

Тем временем орел принес путника и зайца домой, и, сойдя на землю, мужчина пошел в церковь и посыпал зайца христианской землей — и заяц превратился в его сына Джека.

Когда пришла пора ярмарки, парень обернулся лошадью светлой масти и велел отцу отвести его на торг.

— Если кто-нибудь захочет меня купить, скажи, что просишь за меня сотню золотых монет. Но не забудь снять с меня недоуздок, иначе я никогда не смогу убежать от Вьюгобородa, ибо это он придет за меня торговаться.

Так и случилось. Пришел барышник, которому очень хотелось купить эту лошадь, и хозяин получил за нее сотню золотых монет, но, когда сделка была заключена и отец Джека получил деньги, барышник потребовал недоуздок.

— Об этом мы не договаривались, — сказал хозяин, — недоуздок ты не получишь, ведь у меня есть еще другие лошади на продажу.

Они разошлись. Но не успел барышник уйти далеко, как Джек вернул себе настоящий облик, и, когда отец явился домой, сын уже сидел на скамейке у печи.

На другой день он обернулся гнедой лошадью и велел отцу отвести себя на торг.

— Если кто-нибудь захочет меня купить, скажи, что просишь за меня двести золотых монет — он заплатит, — и заодно он должен будет тебя угостить. Но что бы ты ни пил, что бы ты ни ел, не забудь снять с меня недоуздок, иначе никогда больше меня не увидишь.

Так и случилось. Отец получил за лошадь две сотни золотых монет, а потом покупатель его угостил, и, уходя, он насилу вспомнил, что надо снять с лошади недоуздок. Но не успел барышник уйти далеко, как парень вернул себе настоящий облик, и, когда отец явился домой, Джек уже сидел на скамейке у печи.

На третий день все повторилось. Парень обернулся крупным вороным конем и велел отцу продать его, если придет человек, который предложит за него триста золотых монет и как следует угостит продавца, но, что бы отец ни делал, сколько бы ни выпил, пусть не забывает снять недоуздок, иначе Джек до конца своих дней не сможет сбежать от Вьюгоборода.

— Да, я не забуду, — сказал отец.

Придя на торг, он получил три сотни золотых монет, но Вьюгобород так его напоил, что он забыл снять недоуздок. И Вьюгобород увел коня.

Пройдя немного, Мастер погоды решил зайти в трактир и пропустить еще бренди. Он поставил бочонок, полный раскаленных гвоздей, под носом у коня, а корыто овса — под хвостом, затем крепко привязал недоуздок к крюку и зашел в трактир. Конь стоял, топая, лягаясь и всхрапывая, и наконец во двор вышла девушка, которая решила, что худо так обращаться с животиной.

— Ах, бедное создание, что же у тебя за хозяин, коли он так с тобой обходится! — сказала она и стянула недоуздок с крюка, чтобы лошадь могла повернуться и съесть овес.

— Я здесь! — крикнул Вьюгобород, выбегая из дверей.

Но конь уже сбросил недоуздок и прыгнул в пруд с гусями, где превратился в маленькую рыбку. Вьюгобород погнался за ним и превратился в большую щуку. Джек обернулся голубкой, а Вьюгобород — ястребом. Он полетел за голубкой и напал на нее. Но их схватку увидела принцесса, которая стояла у окна королевского дворца.

— Если ты не глупее меня, то прилетишь сюда ко мне, — сказала она голубке.

Голубка влетела в окно, превратилась обратно в Джека и рассказала обо всем принцессе.

— Стань золотым кольцом и залезай ко мне на палец, — сказала принцесса.

Принцесса подошла к очагу и посыпала кольцо пеплом

— Так не пойдет, — ответил Джек. — Тогда Вьюгобород нашлет на короля болезнь, и никто не сможет его вылечить, пока не придет Вьюгобород. А он вылечит короля и потребует за это золотое кольцо.

— Я скажу, что это кольцо моей матери и я его не отдам.

Тогда Джек обернулся золотым кольцом и устроился у принцессы на пальце, где Вьюгобород не мог на него напасть. Но потом все случилось, как юноша предсказал.

Король заболел, и ни один врач не мог его излечить, пока не явился Вьюгобород, а тот попросил себе в награду кольцо с пальца принцессы.

Король послал к принцессе за кольцом. Но она отказалась расстаться с ним, говоря, что унаследовала его от матери. Узнав об этом, король впал в ярость и заявил, что он заберет кольцо, от кого бы она его ни унаследовала.

— Что ж, не стоит из-за этого гневаться, — сказала принцесса, — ибо я не могу его снять. Если хочешь кольцо, придется тебе отрезать мне палец!

— Попробую. Тогда-то кольцо вмиг снимется, — сказал Вьюгобород.

— Нет уж, спасибо. Я попытаюсь сама.

Принцесса подошла к очагу и посыпала кольцо пеплом.

Кольцо соскользнуло и упало в золу.

Вьюгобород превратился в зайца, кинулся рыться в очаге и закопался в золу по уши. Но Джек превратился в лису и откусил зайцу голову. Если Вьюгобород и был одержим дьяволом, то теперь с ним было покончено.

Госпожа Метелица

*Немецкая сказка**

одной вдовы было две дочери: одна старательная и собой красивая, а другая — и некрасивая, и ленивая. Только ленивица была родная дочь матери и ее любимица, а другую — мачеха ненавидела. Взваливала на нее всю черную работу и не жалела ее. Посылала каждый день, зимой, на улице пряжу прясть. Пойдет бедняжка на большую дорогу, сядет там у колодца с прялкою и до тех пор прядет, пока у нее из-под ногтей кровь не выступит. Вот раз перепачкала она в крови веретено, наклонилась к колодцу — обмыть его, да и уронила в колодец. Как быть? Мачеха браниться будет; заплакала девушка и пошла скорей к мачехе, повиниться в этой беде. Та на нее накинулась. «Умела, — говорит, — уронить веретено, сумей и вытащить! Ступай и доставай его как знаешь». Пошла девушка опять к колодцу; не знает, как горю помочь, прыгнула сама за веретеном в колодец — и пошла ко дну. Очнулась она на зеленой лужайке, где было много цветов, и солнышко светило на нее так весело и грело ее.

* Из сказок братьев Гримм.

Пошла девушка по этой лужайке. Попадается ей печь: полна-полнешенька хлебами. А хлебцы сидят румяные, поджаристые и кричат ей:

Мы совсем испеклись!
Коль не вынешь ты нас,
Мы сгорим все как раз!

Она схватила лопату и вынула их из печи. Идет дальше; попадается ей яблоня, вся покрытая яблоками спелыми, краснобокими, они и кричат ей:

Мы на солнышке созрели
И давным-давно поспели!
Эй, стряхни ты, девица,
Нас скорее с деревца!

Девушка только чуть тряхнула яблоньку, — яблоки дождем и посыпались на зеленую траву. Отрясла она все яблоки, сложила их в кучу и пошла дальше. Видит, стоит избушка, из окна этой избушки выглянула старая-престарая старуха с длинными зубами; испугалась девица и хотела прочь бежать. «Эй, девица, куда бежишь? Оставайся у меня! — кричит старуха. — Коли будешь все делать хорошенько, поживется тебе здесь веселенько. За старание награжу: сама домой провожу». Девушке речь старухи понравилась, и она согласилась быть слугой у нее. А старуха-то эта была сама госпожа Метелица. И велела она ей перину себе так взбить, чтобы перья во все стороны белым снегом на землю сыпались.

Угодила девушка старухе: особенно постель умела хорошо взбивать, и старуха не обижала ее. Кормила ее сладко и вдоволь, не говорила ей ни одного грубого слова, но девушке, как ни хорошо здесь жилось, захотелось домой, и стала она такая скучная, что госпожа Метелица раз ее спрашивает: «Чего тебе, девица, недостает?» Девушка и говорит: «Хорошо мне у тебя, бабушка, здесь, под землей, жить, а все же домой, повидаться со своими хочется!» — «Это неплохо, — говорит Метелица, — что ты по своим соскучилась; значит, у тебя сердце доброе. А за то, что ты мне служила хорошо, я сама провожу тебя». Взяла ее за руку, подвела к калитке и говорит:

Калиточка, калиточка,
Золотая ты плиточка,
Сама собой растворись,
Своим златом поделись!

Калитка распахнулась, и на девушку дождем посыпались червонцы и покрыли ее с головы до ног. «Вот, это тебе награда за твое старание! — говорит госпожа Метелица. — Да вот, кстати, возьми и веретено свое, что уронила тогда в колодец». Калитка захлопнулась, и красна девица очутилась опять на земле, недалеко от своего дома.

Когда она вошла во двор, петушок на крышке запел:

Кукуреку! Наша девица идет!
Чисто золото с собой она несет!

Мачеха глядит на падчерицу и глазам не верит; встречает ее ласково, расспрашивает. Тут девица рассказала, что было с ней в колодце. Мачеха выслушала и захотелось ей и своей родной дочке доставить такое же счастие. Усадила она ее прясть у колодца, а чтоб у дочки на веретене кровь была, уколола ей в терновнике палец и вымазала кровью веретено. Та пошла мыть веретено и нарочно бросила его в колодец, потом сама за ним в воду прыгнула. Очутилась и она на зеленой лужайке; идет тропинкой, видит: печь с хлебами. Те и крикнули ей:

Мы совсем испеклись!
Коль не вынешь ты нас,
Мы сгорим все как раз!

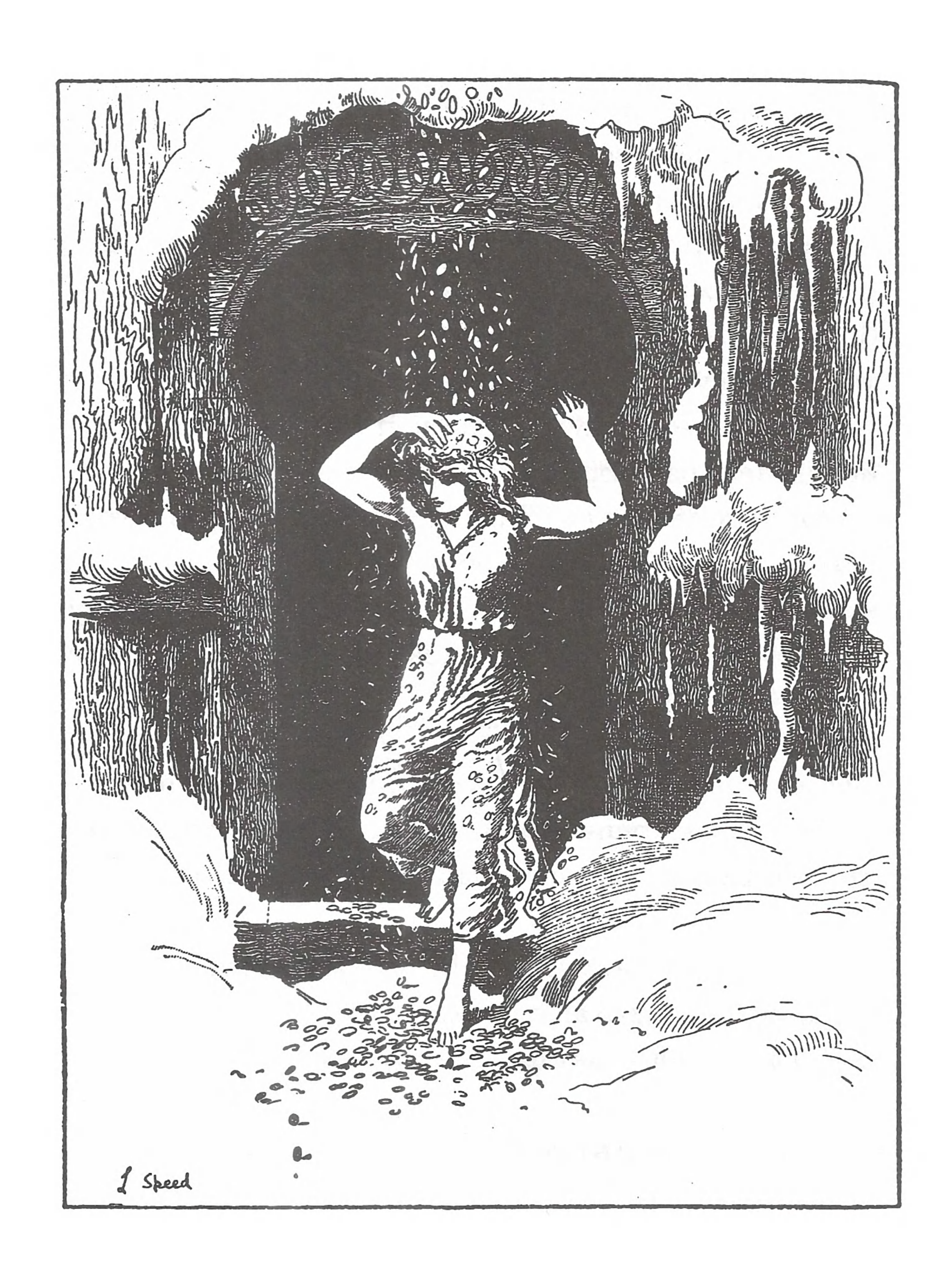
«Как же, стану я руки пачкать, — говорит ленивая девушка, — горите, мне какое дело!»

А сама идет дальше. Идет мимо яблоньки, та кричит ей:

Мои яблочки созрели
И давным-давно поспели;
Эй, стряхни ты, девица,
Их скорее с деревца!

«Очень нужно мне, что поспели! Как же, стану трясти, поди, другой еще в голову стукнет небось, сами свалятся», — говорит она и пошла дальше.

Подошла к избушке госпожи Метелицы; та в окошко глядит. Девушка вошла в избушку и попросилась к госпоже Метелице на службу. Когда та согласилась взять ее, она одо-

Калитка распахнулась, и на девушку дождем посыпались червонцы

лела свою лень и на первый день старалась угодить своей госпоже; но на другой день ей скучно стало перину взбивать и подушки встряхивать, и она поскорее кой-как постель оправила. А на третий день и вовсе чуть дотронулась, а сама все ворчит, что ей не под силу эта работа. Посмотрела госпожа Метелица, да и говорит: «Не нужна ты мне больше, ступай! Я тебя домой провожу, и что заслужила, тем награжу». Девушка обрадовалась: вот сейчас старуха ее всю золотом осыплет. Подошли они к калитке; та молча перед ними растворилась; когда же девушка переступила за порог, на нее вдруг смола полилась. А старуха и говорит: «Это — награда тебе за труды твои и усердие». И захлопнула за нею калитку. Приходит ленивица домой — чучело чучелом, вся в смоле; а петушок сидит на крыше и кричит:

Кукуреку! Наша девица идет,
По лицу ее черна смола течет!

Смола так крепко пристала к лицу и рукам ленивицы, что не отмылась на всю жизнь.

Минникин

*Норвежская сказка**

ила-была когда-то бедная чета, которая обитала в полуразвалившейся лачуге, где не было ничего, кроме черной нужды,— ни еды, ни дров. Но, хоть у них ничего и не было, Бог благословил их детьми — каждый год в семье рождалось по ребенку. Мужу это не очень-то нравилось. Он вечно ворчал и брюзжал, повторяя, что на его взгляд, этих даров божьих подчас бывает многовато. И незадолго до рождения очередного малыша ушел в лес по дрова, сказав, что не хочет видеть свое новорожденное дитя, — и так его будет слышно достаточно скоро, когда оно запросит есть.

Едва родившись, этот младенец стал осматривать комнату.

— Ах, моя дорогая матушка! — сказал он. — Дай мне что-нибудь из старой одежды моих братьев и еды на несколько дней, и я пойду по миру искать счастья — вижу, у вас уже довольно детей.

— Господь с тобой, сынок! — ответила мать. — Ты еще слишком мал.

---

* Из сказок Йоргена Му.

Но крохотное создание упорствовало и просило так долго, что матери пришлось найти для него какие-то старые обноски и наскрести немного еды, а потом он весело и радостно ушел в свет.

Но, едва он вышел, родился еще один мальчик, и он тоже огляделся и сказал:

— Ах, моя дорогая матушка! Дай мне что-нибудь из старой одежды моих братьев и еды на несколько дней, и я пойду по миру искать своего брата, ведь у вас уже довольно детей.

— Господь с тобой, дитятко! Ты еще слишком мал, — ответила женщина. — Ни за что.

Но слова ее были напрасны, ибо мальчик упрашивал до тех пор, пока не получил кое-какие обноски и узелок с едой, а потом он смело пошел по свету искать своего брата-близнеца.

Пройдя немного, младший брат заметил впереди, неподалеку, старшего, окликнул его и попросил остановиться.

— Подожди минутку, — сказал он. — Ты несешься, как на спор, но тебе бы стоило задержаться и увидеть своего младшего брата прежде, чем ты ушел из дома в большой мир.

Старший брат остановился и посмотрел назад, и, когда младший поравнялся с ним и объяснил, что они братья, сказал:

— А теперь давай присядем и посмотрим, какой едой снабдила нас мать.

Так они и сделали.

Пройдя еще немного, они дошли до ручья, пересекавшего зеленый луг, и здесь младший сказал, что им бы стоило окрестить друг друга:

— Раз уж нам пришлось так спешить и мы не успели сделать это дома, можно с тем же успехом заняться этим здесь.

— Как ты хочешь зваться? — спросил старший.

— Меня будут звать Минникин, — ответил младший, — а тебя как?

— Меня будут звать Король Пипин.

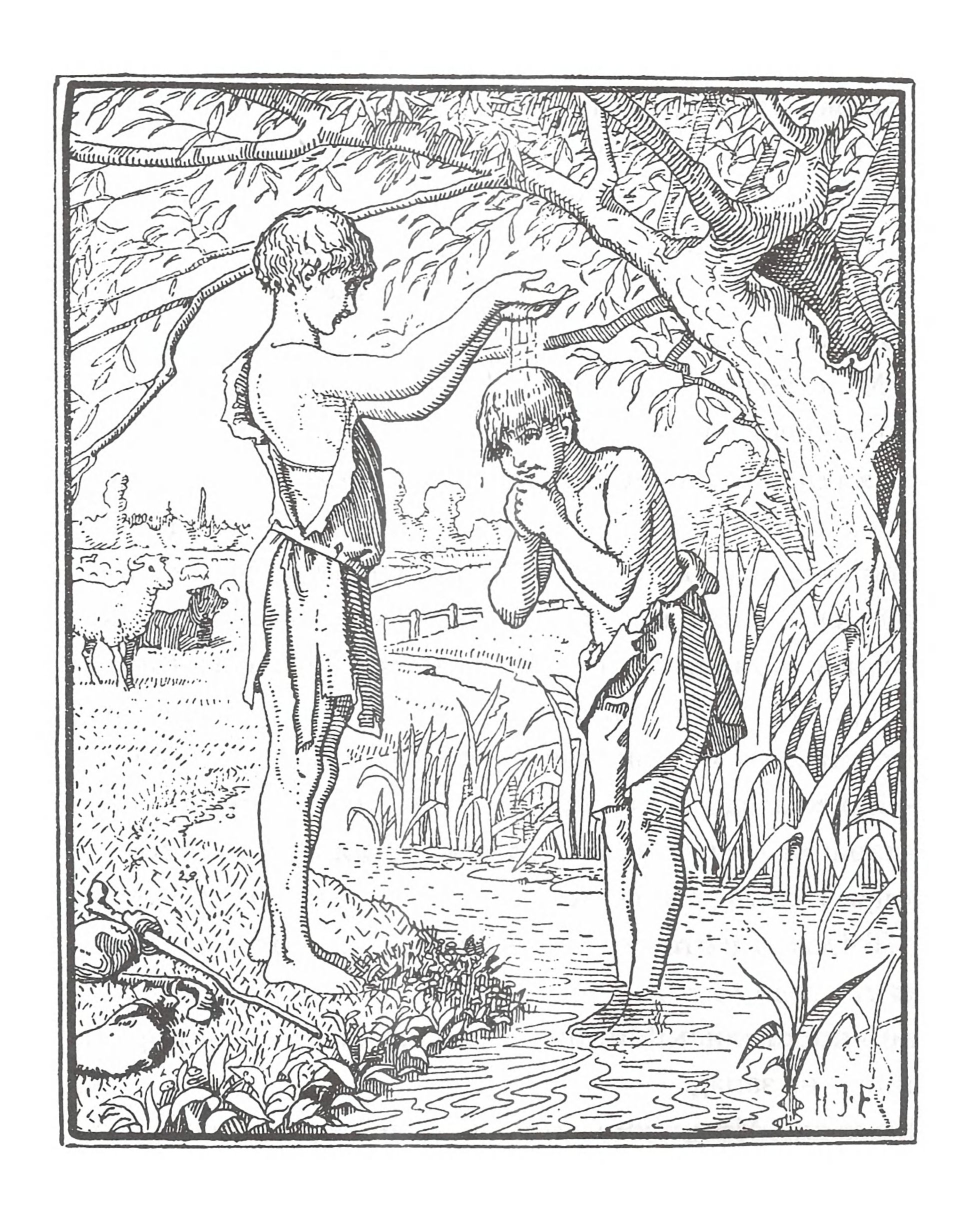
Они окрестили друг друга и пошли дальше. Через какое-то время они дошли до развилки и там договорились расстаться и избрать каждому свою дорогу. Так они и сделали, но, пройдя совсем немного, встретились вновь. Затем снова разошлись они, каждый своим путем, но очень скоро все повторилось — они негаданно встретились. Так же и в третий раз. Тогда они договорились, что каждый выберет себе сторону света и что один пойдет на восток, а другой на запад.

— Но если вдруг ты попадешь в нужду или в беду, — сказал старший, — позови меня трижды, и я приду к тебе на помощь. Только не зови меня без крайней необходимости.

— Тогда мы долго друг друга не увидим, — ответил Минникин.

Они простились. Минникин пошел на восток, а Король Пипин — на запад.

Долго шел Минникин один и наконец встретил старую-престарую горбатую колдунью с одним глазом. Минникин украл у нее глаз.

Братья окрестили друг друга и пошли дальше

— Ох! Ох! — закричала старуха. — Что стало с моим глазом?

— Что ты мне дашь, если я его верну? — спросил Минникин.

— Дам тебе такой меч, которым можно победить целое войско, каким бы огромным оно ни было.

— Что ж, давай его сюда.

Старуха дала ему меч и получила назад свой глаз. Минникин пошел дальше и скоро опять встретил старую-престарую горбатую колдунью с одним глазом. Минникин украл его прежде, чем она спохватилась.

— Ох! Ох! Что стало с моим глазом? — закричала старуха.

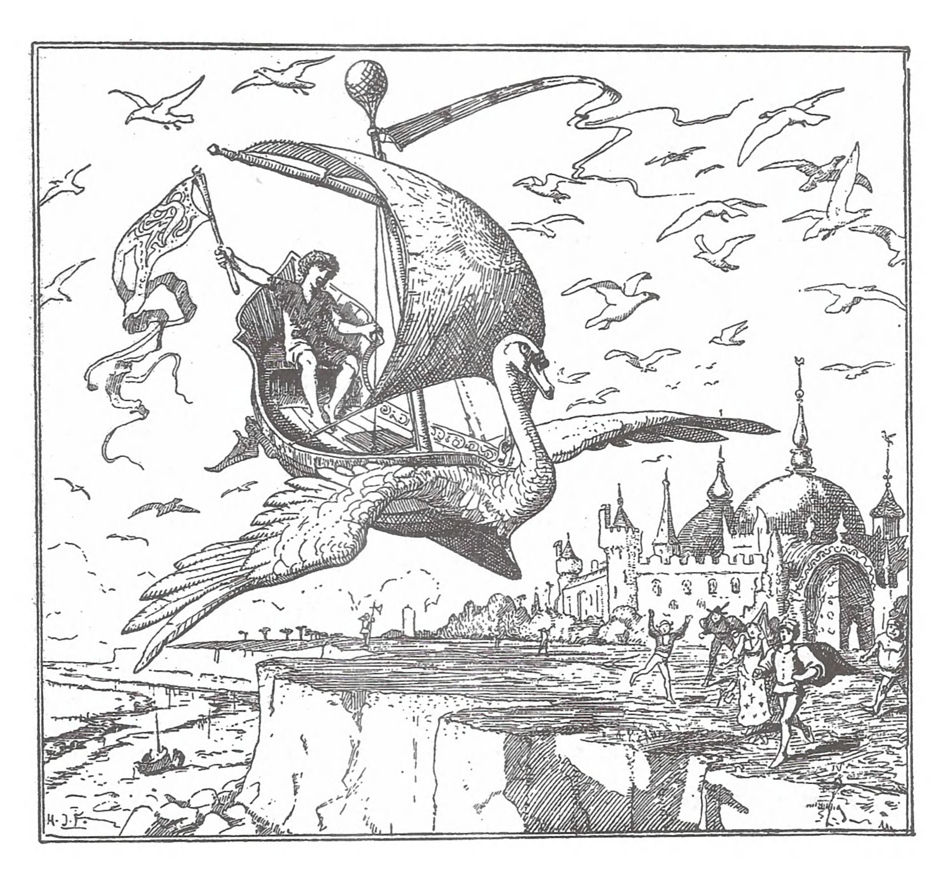
— Что ты мне дашь, чтобы получить его обратно? — спросил Минникин.

— Дам тебе корабль, который может плавать и по пресной воде, и по соленой, по высоким горам и глубоким долам.

— Что ж, давай его сюда.

И старуха дала ему крохотный кораблик, который помещался в карман, а потом получила свой глаз и ушла своей дорогой, а Минникин своей. Долго шел он и в третий раз повстречал старую-престарую горбатую ведьму с одним только глазом. Этот глаз он тоже украл, и, когда женщина стала кричать, рыдать и спрашивать, куда же делся ее глаз, Минникин спросил:

— Что ты мне дашь, чтобы получить обратно глаз?

Корабль плавно, будто птица в воздухе, доплыл до самого королевского дворца

— Дам тебе умение варить разом сотню ластов* солода.

Оделив его этим искусством, старая ведьма получила свой глаз, и они разошлись по разным дорогам.

---

* Ласт — устаревшая мера веса, равная примерно 4 тысячам английских фунтов, что составляет около 10 квартеров зерна, 12 мешков шерсти, 12 дюжин кож, 24 бочонка пороха и т. п.

Но, пройдя немного, Минникин решил посмотреть, на что способен его корабль. Он достал корабль из кармана, поставил в него ногу, потом другую — и только он поставил одну, как корабль стал заметно крупнее, а когда поставил вторую, корабль сделался под стать тем, что плавают по морю.

Тогда Минникин сказал:

— Теперь плыви по пресной воде и по соленой, по высоким горам и глубоким долам, и не останавливайся, пока не доберешься до королевского дворца.

Корабль вмиг тронулся с места, плавно, будто птица в воздухе, доплыл до самого королевского дворца и там встал.

Многие видели из окон дворца, как Минникин подплывает под парусами, и смотрели на него, и все так удивились, что побежали наружу посмотреть, что это за человек плывет в корабле по воздуху. Но, пока они выбегали из дворца, Минникин выбрался из корабля и опять спрятал его в карман, ибо корабль, едва он вышел, стал таким же крохотным, каким был, когда Минникин получил его от старухи, и вышедшие из дворца люди увидели только оборванного маленького мальчика, стоявшего на морском берегу. Король спросил, откуда он, но мальчик ответил, что не знает и не может объяснить, как он сюда попал. Но он очень искренне и трогательно просил приютить его во дворце. Он сказал, что, если для него не найдется работы, он будет приносить для кухарки дрова и воду, и ему позволили за это приняться.

В королевском дворце Минникин увидел, что все завешено черной тканью, внутри и снаружи, сверху донизу. Он спросил у кухарки, что это значит.

— О, я тебе расскажу, — ответила кухарка. — Давно уже королевскую дочь пообещали троим троллям, и вечером в четверг один из них придет за ней. Красный Рыцарь сказал, что сможет ее спасти, но кто знает, сможет ли он? Можешь себе представить, какое здесь царит уныние и горе.

Итак, настал вечер четверга, и Красный Рыцарь сопроводил принцессу на берег моря, где она должна была встретить тролля, а рыцарь должен был оставаться при ней и защищать ее. Впрочем, непохоже было, что он причинит троллю существенный вред, ибо, едва принцесса уселась на берегу, Красный Рыцарь взобрался на большое дерево поблизости и хорошенько спрятался в ветвях.

Принцесса плакала и горячо просила его не покидать ее, но рыцарь не внял.

— Лучше одна смерть, чем две, — сказал он.

Тем временем Минникин очень трогательно просил у кухарки позволения немного прогуляться по берегу.

— Да зачем тебе на берег? — спросила кухарка. — Нечего там делать.

— Ну, пожалуйста, миленькая, просто отпусти меня, — ответил Минникин. — Я так хочу поиграть с другими детьми.

— Ладно, ладно, ступай! Но смотри, как бы я не застала тебя там, когда придет время ставить на огонь сковороду

с ужином и насаживать жаркое на вертел. И не забудь принести на кухню хорошую вязанку дров.

Минникин пообещал не забыть и побежал к морю.

Едва он пришел туда, где сидела дочь короля, как со свистом и воем появился тролль с пятью головами, такой большой и крепкий, что смотреть на него было страшно.

— Стреляй! — проскрежетал тролль.

— Сам стреляй! — ответил Минникин.

— Ты умеешь сражаться? — взревел тролль.

— Если и не умею, то могу научиться, — сказал Минникин.

Тролль замахнулся огромной железной дубиной, которую сжимал в кулаке, так что клочья дерна взлетели в воздух на пять ярдов.

— Фи! — сказал Минникин. — Тоже мне удар. А теперь посмотри, как я бью.

Он взял меч, который получил от горбатой старухи, и рубанул им тролля так, что все пять голов разом покатились по песку.

Увидев, что она спасена, принцесса так обрадовалась, что, не помня себя, пустилась прыгать и плясать.

— Иди сюда, положи голову мне на колени и поспи, — сказала она Минникину и, когда тот заснул, надела на него золотое одеяние.

Но Красный Рыцарь, увидав, что опасности больше нет, немедленно слез с дерева и стал запугивать принцессу, пока не заставил ее пообещать, что она назовет своим спасителем его, — в противном случае он пригрозил ее убить.

Потом он взял легкие и язык тролля, положил их в платок и увел принцессу во дворец короля. Ежели ранее ему недоставало почестей, то теперь никто уже не мог бы сказать, что его мало чествуют, ибо король не знал, как еще его похвалить, и всегда сажал его за стол справа от себя.

Что же до Минникина, он сперва сходил на корабль тролля и захватил с собой великое множество золотых и серебряных обручей, а потом поспешил во дворец.

Увидев все это золото и серебро, кухарка изумленно спросила:

— Друг мой Минникин, где ты все это взял? — ибо побаивалась, что он добыл сокровище нечестным путем.

— О, я побывал дома, и эти обручи соскочили с корзин, вот я и унес их для тебя.

Услышав, что все это для нее, кухарка больше не задавала вопросов. Она поблагодарила Минникина, и все было улажено.

Вечером в следующий четверг все повторилось, и все были полны горя и скорби, но Красный Рыцарь сказал, что сумел спасти дочь короля от одного тролля, а значит, запросто спасет ее и от другого, и отвел ее на берег моря. Но и этому троллю он не причинил большого вреда, ибо, когда пришло время троллю появиться, рыцарь опять заявил: «Лучше одна смерть, чем две», — и укрылся среди ветвей на дереве.

Минникин снова попросил кухарку отпустить его ненадолго на берег.

— Да что тебе там делать? — удивилась кухарка.

— Миленькая, отпусти меня! — просил Минникин. — Я так хотел бы сходить туда и поиграть немножко с другими детьми.

И на этот раз она разрешила, но взяла с него слово, что он вернется к тому времени, когда надо будет переворачивать окорок, и принесет большую охапку дров.

Едва Минникин вышел к морю, как примчался тролль с оглушительным свистом и воем. Он был вдвое больше первого, а голов у него было десять.

— Стреляй! — завопил тролль.

— Сам стреляй! — ответил Минникин.

— Ты умеешь сражаться? — взревел тролль.

— Если и не умею, я могу научиться, — сказал Минникин.

Тролль замахнулся на него своей железной дубиной — она тоже была больше, чем у первого тролля, — и ударил так, что ошметки земли взлетели в воздух на десять ярдов.

— Фи! — сказал Минникин. — Тоже мне удар. А теперь посмотри, как я бью.

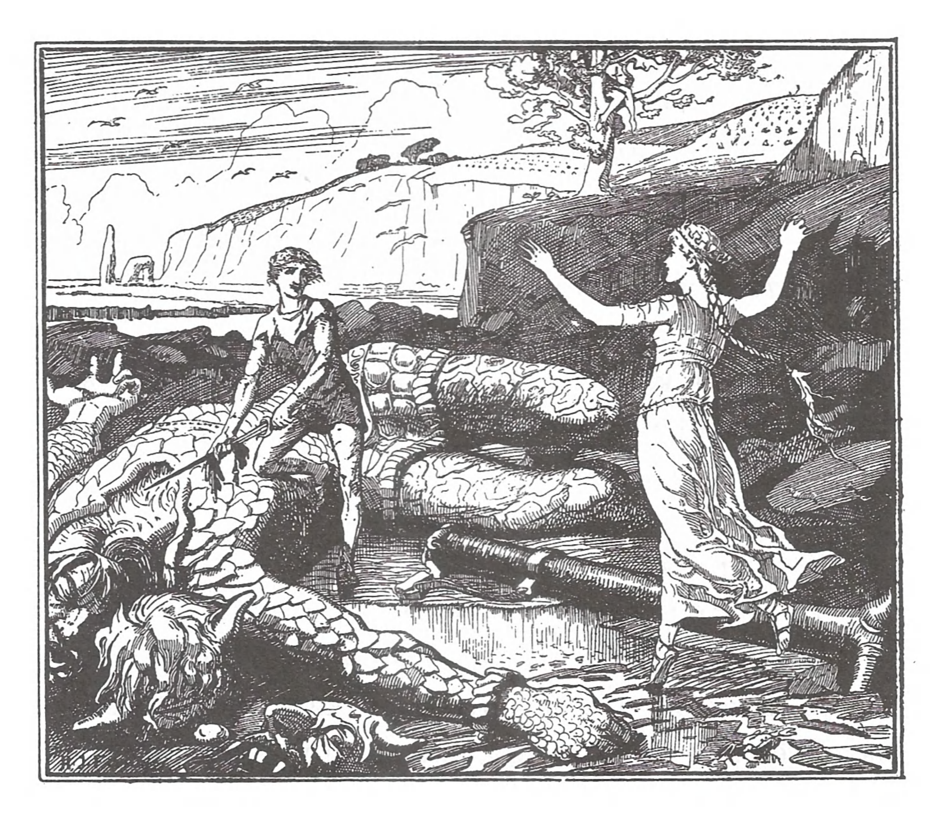
Он взял свой меч и рубанул им тролля так, что все десять голов покатились по песку.

Королевская дочь снова сказала ему:

— Поспи немного у меня на коленях.

И, пока Минникин так лежал, она надела на него серебряное одеяние.

Увидав, что опасности больше нет, Красный Рыцарь спустился с дерева и стал запугивать принцессу, пока та не

Он взял свой меч, и все десять голов покатились по песку

пообещала опять назвать своим спасителем именно его. Потом он положил в платок язык и легкие тролля и увел принцессу во дворец. Нетрудно представить, как радовались и веселились во дворце, и король уже не знал, как еще уважить Красного Рыцаря и каким еще окружить его почетом и уважением.

Минникин же унес с собой охапку золотых и серебряных обручей с корабля тролля. Когда он вернулся во дво-

рец, кухарка хлопнула в ладоши и спросила, где он мог взять эти сокровища, но он ответил, что зашел ненадолго домой, а там эти обручи соскочили с бочек, вот он и забрал их для кухарки.

Когда в третий раз настал вечер четверга, все произошло так же, как в предыдущие два раза. Все во дворце завесили черным, и каждый был подавлен и грустил, но Красный Рыцарь сказал, что им нечего бояться — он спас дочь короля от двух троллей и запросто спасет ее от третьего.

Он отвел ее на берег моря, но, когда пришла пора троллю появиться, рыцарь опять спрятался на дереве.

Принцесса плакала и просила его остаться, но все напрасно. Он повторил свою присказку: «Лучше одна смерть, чем две».

В этот вечер Минникин снова попросил отпустить его на берег.

— Да нечего тебе там делать, — ответила кухарка.

Но он просил до тех пор, пока она не разрешила, однако ему пришлось пообещать, что он вернется на кухню к тому времени, когда пора будет поворачивать жаркое.

Едва он вышел к морю, как с громким свистом и воем появился тролль, и он был намного, намного крупнее, чем любой из предыдущих, а голов у него было пятнадцать.

— Стреляй! — взревел тролль.

— Сам стреляй! — ответил Минникин.

— Ты умеешь сражаться? — завопил тролль.

— Если и не умею, то могу научиться, — сказал Минникин.

— Я тебя научу! — крикнул тролль и ударил своей железной дубиной так, что комья земли взлетели в воздух на пятнадцать ярдов.

— Фи! — сказал Минникин. — Тоже мне удар. А теперь посмотри, как я бью.

Он взял свой меч и рубанул им тролля так, что все пятнадцать голов разлетелись по песку.

Принцесса была спасена, и она благодарила и благословляла своего избавителя.

— Теперь поспи немного у меня на коленях, — сказала она, и, пока он так лежал, обрядила его в медное одеяние. — Но как теперь мы сообщим людям, что это ты меня спас? — спросила она.

— Я тебе скажу, — отвечал Минникин. — Когда Красный Рыцарь опять уведет тебя домой и заявит, что это он тебя спас, ему, как ты знаешь, тебя отдадут в жены и полкоролевства в придачу. Но когда в день свадьбы тебя спросят, кого ты хочешь видеть своим виночерпием, ты должна сказать, что хочешь оборванного мальчишку, который служит на кухне и носит кухарке дрова и воду. А когда я буду наполнять для тебя чаши, я пролью вино на тарелку рыцаря, но не на твою, он разозлится и ударит меня, и это повторится трижды. Но на третий раз ты должна сказать: «Постыдись бить избранника моего сердца. Это он спас меня от тролля, и за него я выйду замуж».

Потом Минникин, как раньше, убежал во дворец короля, но прежде поднялся на корабль тролля и унес много золота, серебра и других ценностей, из которых снова отдал кухарке целую охапку золотых и серебряных обручей.

Убедившись, что опасность миновала, Красный Рыцарь слез с дерева и запугивал дочь короля, пока не заставил ее пообещать, что она назовет его своим спасителем. Потом он отвел ее во дворец, и, если раньше ему оказывали недостаточные почести, теперь-то все было возмещено с лихвой, ибо король только и думал, как бы возвеличить человека, который спас его дочь от троих троллей. Было решено, что Красный Рыцарь женится на принцессе и получит полкоролевства.

Однако в день свадьбы принцесса попросила, чтобы мальчик, который служит на кухне и таскает для кухарки дрова и воду, был виночерпием на пиру.

— Да зачем тебе здесь этот грязный оборвыш? — спросил Красный Рыцарь, но принцесса ответила, что хочет видеть виночерпием его и больше никого.

Наконец она добилась своего, и все произошло так, как было условлено между принцессой и Минникином. Он проливал вино на тарелку Красного Рыцаря, но не на ее тарелку, и каждый раз, когда он так делал, рыцарь приходил в ярость и бил его. От первого удара с Минникина свалились обноски, которые он надевал на кухне, от второго — медный наряд, а от третьего — серебряный, и на нем оста-

лось золотое платье, такое яркое и великолепное, что все светилось.

Тогда дочь короля сказала:

— Постыдись бить избранника моего сердца. Это он спас меня от тролля, и за него я выйду замуж.

Красный Рыцарь поклялся, что он ее спаситель, и король сказал:

— Тот, кто спас мою дочь, должен явить какое-нибудь доказательство.

Красный Рыцарь сразу сбегал за своим платком, в котором лежали легкие и языки, а Минникин принес все золото, серебро и прочие ценности, которые он взял на кораблях троллей, и оба они выложили свои доказательства перед королем.

— Тот, кто владеет такими дорогими вещами из золота и серебра с бриллиантами, — сказал король, — должно быть, и есть убийца тролля, ибо нигде более нельзя достать такие драгоценности.

И Красного Рыцаря бросили в яму со змеями, а Минникин получил принцессу и полкоролевства.

Однажды Минникин пошел на прогулку с королем и спросил, не было ли у него других детей.

— Да, у меня была еще дочь, — ответил король, — но ее утащил тролль, ибо не нашлось никого, кто мог бы ее спасти. Ты получишь одну мою дочь, но, если сможешь освободить вторую, похищенную троллем, я охотно отдам тебе и ее, а с ней вторую половину королевства.

— Могу попытаться, — ответил Минникин. — Но мне нужна железная веревка длиной пять элей, а еще пятьсот человек и припасов на пять недель, ибо мне предстоит долгий путь.

Король сказал, что он все получит, но выразил опасение, что не найдется корабля, который мог бы все это вместить.

— У меня есть свой корабль, — ответил Минникин и достал из кармана корабль, который дала ему старуха.

Король посмеялся над ним и подумал, что это еще одна из его шуточек, но Минникин попросил просто дать ему то, о чем он просил, и тогда, мол, король кое-что увидит. Принесли все, о чем просил Минникин. Поначалу он приказал положить на корабль веревку, но никто не мог ее поднять, а пока корабль был мал, на нем могли поместиться лишь один или два человека. Тогда Минникин сам взялся за веревку и положил на корабль пару ее витков, и, пока он виток за витком забрасывал веревку на корабль, корабль рос, пока наконец не стал таким, что мог нести веревку, пятьсот человек, припасы и самого Минникина.

— Теперь лети по пресной воде и по соленой, по горам и долам и не останавливайся, пока не прибудешь туда, где находится дочь короля, — сказал Минникин кораблю, и тот вмиг помчался над сушей и над водой так, что ветер свистел и завывал вокруг.

Долго-долго они так плыли, и наконец корабль остановился среди моря.

— Ну вот мы и дошли до цели, — сказал Минникин. — А вот вернуться — дело другое. — Тогда он взял веревку и обвязался одним ее концом. — Теперь я нырну на дно, а когда дерну за веревку в знак того, чтобы меня поднимали, тяните за нее все как один, иначе конец и вам, и мне.

Он спрыгнул в воду, и желтые пузыри поднялись вокруг него. Он погружался все ниже и наконец достал до дна. Там он увидел большой холм с дверью и вошел. Вторая принцесса сидела за шитьем, но при виде Минникина захлопала в ладоши.

— Ах, благословение небу! — вскричала она. — Я не видела христианской души с тех пор, как попала сюда.

— Я пришел за тобой, — сказал Минникин.

— Увы, ты меня не получишь, — ответила дочь короля. — Нечего и думать об этом: тролль убьет тебя, если увидит.

— Расскажи-ка мне о нем. Куда он ушел? Забавно будет на него посмотреть.

И королевская дочь рассказала Минникину, что тролль пошел поискать человека, который умеет заваривать сотню ластов солода сразу, ибо тролль готовил пир и знал, что выпивки понадобится никак не меньше.

— Я это умею, — заявил Минникин.

— Ах, если бы только тролль не был так вспыльчив, я могла бы ему об этом сказать. Но он так гневлив, что, боюсь, разорвет тебя на куски, как только войдет. Но я попытаюсь как-нибудь это устроить. Можешь спрятаться здесь в чулане? Посмотрим, что будет.

Минникин спрятался, и тут же явился тролль.

— Уф! Как несет христианской кровью! — сказал тролль.

— Да, — ответила принцесса, — над крышей пролетела птица с костью христианина в клюве и уронила ее в нашу трубу. Я поскорее ее выбросила, но, наверно, это ею все еще пахнет.

— Да, наверное, — сказал тролль.

Потом принцесса спросила, нашел ли он кого-нибудь, кто умеет заваривать сотню ластов солода сразу.

— Нет, — сказал тролль, — никто этого не умеет.

— Недавно здесь побывал человек, который сказал, что он это может.

— Вот тупица! Как ты могла его отпустить? Ты же знала, что мне нужен как раз такой человек.

— Ну, в общем-то я его не отпустила, — сказала принцесса, — но папочка так раздражителен... Я спрятала его в чулане, и, раз уж папочка никого не нашел, тот гость до сих пор здесь.

— Пусть войдет.

Явился Минникин, и тролль спросил, вправду ли он умеет заваривать сотню ластов солода сразу.

— Да, умею.

— Тогда хорошо, что я тебя нашел. Принимайся за дело немедленно, но, если эль не будет крепок, тебе останется только уповать на Господа.

— О, не сомневайся, пиво выйдет вкусное, — пообещал Минникин и тут же стал его варить. — Но мне нужны еще

«Я спрятала в чулане человека, который умеет варить солод».

тролли, чтобы приносить все необходимое, — сказал он, — те, что у меня есть, никуда не годятся.

Пришли еще тролли и заполонили дом, и варка началась. Когда было сварено сладкое сусло, они все, конечно,

захотели его попробовать, сперва тролль-хозяин, потом остальные. Но Минникин сварил такое крепкое сусло, что тролли попадали замертво, как мухи, едва отпив. Осталась одна жалкая старуха, лежавшая за печью.

— О, бедная старушка! — сказал Минникин. — И ты, как все они, получишь свою долю сусла.

Он зачерпнул со дна кадки кастрюлей для молока, угостил ее — и так избавился от всех троллей.

Минникин постоял, осматриваясь, и заметил большой сундук. Он наполнил сундук золотом и серебром, обвязал веревкой себя, принцессу и сундук и со всей силы дернул за веревку, после чего их вытащили наверх целыми и невредимыми.

Благополучно поднявшись опять на свой корабль, Минникин велел ему:

— Теперь мчись по соленой воде и по пресной, по горам и долам и не останавливайся, пока не прибудешь к королевскому дворцу.

И вмиг корабль помчался так, что желтая пена поднялась вокруг него.

Когда люди, бывшие во дворце, увидели корабль, они тут же вышли его встречать с музыкой и пением, и так они шли навстречу Минникину с великой радостью, но всех счастливее был король, который получил назад свою вторую дочь.

Зато теперь стал несчастлив Минникин, ибо обе принцессы хотели выйти за него, а он хотел жениться на той,

которую спас первой, и ни на ком другом — а она была младшей из сестер. Он постоянно расхаживал взад-вперед, думая, как ему получить младшую и ничем не обидеть старшую. Однажды, когда он ходил, раздумывая об этом, он сообразил, что, если бы только при нем был его брат Король Пипин — братья были так похожи, что никто не мог их различить, — он мог бы отдать брату вторую принцессу и полкоролевства. Едва эта мысль посетила его, как он вышел из дворца и позвал Короля Пипина, но тот не появился. Минникин позвал снова, погромче, но никто не пришел. Он позвал в третий раз, со всей мочи, и вот его брат оказался рядом с ним.

— Я говорил, чтобы ты звал меня не иначе, как в крайней нужде, — сказал он, — а тут нет даже комара, который мог бы причинить тебе вред!

И он отвесил брату такой удар, что тот покатился по траве.

— Постыдись меня бить! — сказал Минникин. — Сперва я завоевал одну принцессу и полкоролевства, потом другую принцессу и вторую половину королевства. А теперь, как раз когда я решил отдать тебе одну из принцесс и половину королевства в придачу, как, по-твоему, есть ли у тебя повод так меня колотить?

Услышав это, Король Пипин попросил у брата прощения, и они сразу же примирились и стали добрыми друзьями.

— Смотри, — сказал Минникин, — ты сам знаешь, что мы так похожи, что нас никто не может различить. Поме-

няйся со мной одеждой и иди во дворец — принцессы решат, что это пришел я, и та, которая поцелует тебя первой, будет твоей, а мне достанется вторая.

Ведь он знал, что старшая принцесса сильнее, и мог предугадать, чем обернется дело.

Король Пипин сразу на это согласился. Он поменялся с братом одеждой и пошел во дворец. Когда он вошел в покои принцесс, они поверили, что это Минникин, и обе кинулись к нему, но старшая была крупнее и сильнее — она оттолкнула сестру, обняла Короля Пипина и поцеловала. Он взял ее в жены, а Минникин женился на младшей. Как вы понимаете, сыграли две свадьбы, и были они так величественны, что во всех семи королевствах слышали о них и говорили про них.

Еловая Невеста

*Норвежская сказка**

Жил-был некогда вдовец, которому остались от первой жены сын и дочь. Дети были славные и любили друг друга всем сердцем. Прошло время, и этот человек женился снова. Он взял вдову, у которой была одна дочь, безобразная и злая, и мать ее тоже была безобразна и зла. С первого же дня, когда новая жена вошла в дом, детям мужа не стало покоя, и не было уголка, где они могли бы отдохнуть. Мальчик решил, что лучше всего ему пойти в мир и попытаться заработать себе на хлеб.

Побродив немного, он пришел во дворец короля и устроился там помощником возничего, а так как он был работящ и проворен, лошади, за которыми он ухаживал, стали такими упитанными и гладкими, что их шерсть блестела на солнце.

Но его сестре, которая осталась дома, приходилось все хуже и хуже. И мачеха, и сводная сестра всегда находили за ней какую-нибудь вину, что бы она ни делала, куда бы ни шла, бранили ее и помыкали ею, так что она не знала покоя

---

* Из сказок Йоргена Му.

ни на час. Они заставляли ее делать всю тяжелую работу и ругали грубыми словами, а еды давали мало.

Однажды они послали ее принести воды, и вдруг из ручья поднялась страшная безобразная голова и сказала:

— Умой меня, девица!

— Да, я с удовольствием вас умою, — ответила она и принялась мыть и оттирать уродливую рожу, хоть и не могла отделаться от мыслей о том, насколько же это неприятно.

Когда она сделала свое дело — и сделала его хорошо, — из воды поднялась другая голова, еще уродливее.

— Причеши меня, девица! — сказала вторая голова.

— Да, я с удовольствием вас причешу, — отвечала девушка и принялась разбирать перепутанные волосы — нетрудно догадаться, что приятного в этом тоже было немного.

Когда она закончила, из воды выглянула самая страшная и отвратительная на вид голова.

— Поцелуй меня, девица! — сказала она.

— Да, я вас поцелую, — ответила дочь вдовца и выполнила приказ, хоть и думала, что это самое трудное из всего, что ей приходилось делать в жизни.

Головы заговорили между собой и стали обсуждать, что им сделать для этой девушки, которая так добра.

— Она будет прекраснее всех, кто был на свете, светла ликом и хороша, как день, — сказала первая голова.

— Золото будет падать с ее волос, когда она станет расчесываться, — добавила вторая.

Головы стали обсуждать, что бы им сделать для этой девушки

— Золото будет падать с ее уст, когда она станет говорить, — постановила третья.

И, когда дочь вдовца вернулась домой, прекрасная и милая, как день, мачеха и сводная сестра еще больше ее невзлюбили, а совсем худо стало, когда она заговорила и они увидели, что у нее изо рта сыплются золотые монеты. Мачеха впала в такую ярость, что затолкала падчерицу в свинарник и велела ей оставаться там со всем своим золотом и чтобы в дом и не думала соваться.

Вскоре мачеха потребовала, чтобы ее дочь сходила за водой.

Когда она с ведрами подошла к ручью, близ берега поднялась из воды первая голова.

— Умой меня, девица! — сказала она.

— Сама умойся! — ответила дочь мачехи.

Появилась вторая голова:

— Расчеши меня, девица!

— Сама расчешись!

И, как прежде, выглянула третья голова:

— Поцелуй меня, девица!

— Стану я целовать твой безобразный рот! — ответила девушка.

Головы опять посовещались насчет того, что им сделать с этой девчонкой, которая так груба и так важничает, и сошлись на том, что у нее будет нос длиной четыре эля и челюсть длиной три эля, а еще посреди лба вырастут еловые ветки, и каждый раз, когда она будет говорить, изо рта у нее будет сыпаться зола.

Вернувшись к хижине с ведрами, она позвала мать, которая была в доме:

— Открой дверь!

— Открой сама, милое дитятко! — отозвалась мать.

— Не могу подойти, нос мешает, — сказала дочь.

Можете себе представить, что сделалось с матерью, когда она вышла и увидела свою дочь. Как бы она ни кричала и ни плакала — но ни нос, ни челюсть от этого не уменьшились.

Меж тем брат, служивший в королевском дворце, нарисовал портрет своей сестры и унес рисунок с собой, а по утрам и по вечерам становился перед ним на колени и молился за сестру — так крепко он ее любил.

Прочие подконюшие услышали, как он это делает, подглядели в замочную скважину и увидели его на коленях перед изображением. Они рассказали всем, что каждое утро и каждый вечер юноша встает на колени и молится своему кумиру, и даже дошли до самого короля и попросили его тоже подглядеть в скважину и увидеть своими глазами, чем занят слуга. Поначалу король им не верил, но наконец поддался на уговоры, на цыпочках подкрался к двери, заглянул в замочную скважину — и увидел, что юноша стоит на коленях, сложив руки, перед картиной, висящей на стене.

— Открой дверь! — крикнул король, но юноша не услышал.

Король позвал опять, но юноша молился так пылко, что не услышал его и на этот раз.

— Открой дверь, я приказываю! — снова закричал король. — Это я! Я хочу войти.

Юноша бросился к двери и отпер ее, но впопыхах забыл спрятать портрет.

Когда король вошел и увидел картину, он замер, будто на него напал столбняк, и не мог сдвинуться с места, такой дивной показалась ему красавица, изображенная на ней.

— Нигде на земле нет такой прекрасной женщины! — сказал он.

Но юноша сказал, что это его сестра и что он сам ее рисовал, и, если она и не краше, чем его рисунок, то, по крайней мере, столь же хороша.

— Что ж, если она столь же хороша, она будет моей королевой, — сказал король и послал парня домой, чтобы тот немедленно привел к нему сестру.

Брат пообещал не медлить ни минуты и ушел из дворца.

Когда он пришел домой и все рассказал, мачеха и сводная сестра тоже захотели пойти с ними во дворец. Итак, все они выдвинулись в путь, а дочь вдовца взяла с собой шкатулку, в которой хранила свое золото, и собаку по кличке Снежок. Шкатулка и щенок — вот и все, что оставила ей мать. Через какое-то время им пришлось плыть через море. Брат сел к рулю, а мачеха и сводные сестры ушли на нос, и так они плыли долго-долго. Наконец впереди показалась земля.

— Посмотри вон на ту белую полосу — туда мы пристанем, — сказал брат, показывая вдаль.

— Что сказал мой брат? — спросила дочь вдовца.

— Он говорит, чтобы ты выбросила свою шкатулку в воду, — отозвалась мачеха.

— Что ж, если мой брат так говорит, я должна это сделать, — сказала девушка и бросила шкатулку в море.

Прошло еще время, и брат снова показал вдаль.

— Видишь, вон там дворец, куда мы направляемся? — сказал он.

— Что говорит мой брат? — спросила дочь вдовца.

— Теперь он говорит, чтобы ты выбросила в море свою собаку, — ответила мачеха.

Дочь вдовца расплакалась и очень горевала, ибо любила Снежка более всего на свете, но в конце концов она выбросила его за борт.

— Если мой брат так говорит, я должна это сделать, но небесам ведомо, как я не хочу тебя бросать, Снежок! — сказала она.

И еще дальше плыли они.

— А там ты можешь увидеть короля, который вышел тебя встречать, — сказал брат, показывая на берег.

— Что говорит мой брат? — снова спросила сестра.

— Теперь он говорит, чтобы ты поскорее кинулась в воду сама, — ответила мать.

Девушка плакала и стенала, но, так как это сказал ее брат, она думала, что должна это сделать. И она прыгнула в море.

Но, когда они прибыли во дворец и король получил уродливую невесту — нос длиной четыре эля, челюсть в три эля, а посреди лба растут еловые ветки, — он пришел в ужас. Однако свадебный пир был приготовлен, пиво сварено, хлеб испечен, и все гости сидели и ждали. Так что, сколь бы уродлива она ни была, пришлось королю взять ее в жены.

Но он был очень зол, и трудно его в этом упрекнуть. Поэтому он приказал бросить брата в яму со змеями.

В первый же четверг после этого, ночью, прекрасная дева вошла в кухню дворца и попросила у спавшей там кухарки гребень. Она просила очень учтиво и получила же-

лаемое, а потом она расчесала волосы, и золото падало, пока она расчесывалась.

При ней был песик, и она сказала:

— Снежок, ступай наружу, погляди, скоро ли день!

Так она говорила трижды, и, когда она в третий раз послала песика посмотреть, рассвет уже был близок. Тогда деве пришлось уйти, но, уходя, она сказала:

Тебе я проклятия шлю, еловой страшиле-невесте,
Пока ты так сладостно спишь в ночи с королем моим вместе.
Себе я готовлю постель в песке, среди голых камней,
А брат мой тем временем спит меж скользких холодных змей.
Никто не жалеет о нем, никто не оплакал его.

— Еще дважды приду я, а больше не появлюсь, — сказала она.

Утром кухарка рассказала о том, что видела и слышала, и король сказал, что в следующий четверг он сам придет на кухню и посмотрит, правда ли это. И, когда стало темнеть, он пришел на кухню. Но, хотя он тер глаза и всячески старался не заснуть, все было напрасно, ибо Еловая Невеста ворковала и пела, пока король не смежил веки, и, когда явилась прекрасная молодая дева, он уже крепко спал.

Как и прежде, она одолжила гребень и расчесала им свои волосы, и, когда она это делала, с них падало золото. И вновь она трижды посылала собачку наружу и ушла, когда занялся день, но перед уходом сказала, как раньше:

— Еще один раз приду я, а больше не появлюсь.

В третий четверг ночью король опять настоял на том, чтобы проследить за ней. Он поручил двоим поддерживать себя, каждый должен был держать его за руку и встряхивать, дергая, как только им покажется, что он засыпает, а еще двоим он поручил стеречь Еловую Невесту. Но, когда настала ночь, Еловая Невеста опять заворковала и запела, так что глаза короля закрылись и голова стала падать набок. Потом явилась прекрасная дева, взяла гребень и расчесывалась, пока золото не стало падать с волос, потом она послала Снежка посмотреть, скоро ли день, и так трижды. На третий раз занимался рассвет, и тогда она сказала:

Тебе я проклятия шлю, еловой страшиле-невесте,
Пока ты так сладостно спишь в ночи с королем моим вместе.
Себе я готовлю постель в песке, среди голых камней,
А брат мой тем временем спит меж скользких холодных змей.
Никто не жалеет о нем, никто не оплакал его.

— Больше я не приду, — сказала она и повернулась, чтобы уйти.

Но двое мужчин, поддерживавших короля под мышки, вложили ему в руки нож и заставили его порезать ей мизинец до крови.

Так настоящая невеста обрела свободу. Король проснулся, и она рассказала ему обо всем, что произошло, и о том, как мачеха и сводная сестра ее предали. Тогда ее брата сразу же извлекли из ямы со змеями, которые его так и не тронули, и бросили туда взамен мачеху и ее дочь.

Король порезал девушке мизинец до крови

Невозможно описать, как рад был король избавиться от этой уродливой Еловой Невесты и получить королеву, веселую и красивую, как сам день.

Теперь сыграли настоящую свадьбу, да так, что во всех семи королевствах слышали о ней и говорили про нее. Король с невестой поехали в церковь, посадив в карету Снежка. Получив благословение, они вернулись домой, и с тех пор я их не видел.

Белоснежка

*Немецкая сказка**

У одной королевы родилась хорошенькая дочка, беленькая, как снег, и румяная, как кровь. Назвали ее Белоснежкой, и стала она расти и хорошеть не по дням, а по часам. А королева пожила после того немного и умерла. Через год король взял себе другую жену, молодую и красивую.

Мачеха Белоснежки очень гордилась своей красотой и не терпела, чтобы кто-нибудь был красивее ее. Было у ней такое волшебное зеркальце; станет она перед ним, полюбуется на себя и спросит:

Зеркальце, правду скажи мне скорей:
Кто всех красивей, кто всех милей?

А зеркальце ей отвечает:

Знай, королева, всегда про себя:
Нет в королевстве прекрасней тебя.

Между тем Белоснежка росла да росла и стала такой красавицей девочкой, что мачеху зависть взяла. Спрашивает она раз у зеркальца:

---

* Из сказок братьев Гримм.

Мачеха Белоснежки очень гордилась своей красотой

Зеркальце, правду скажи мне скорей:
Кто всех красивей, кто всех милей?

Зеркальце ей ответило:

Ты хороша, королева моя,
Только Белоснежка, дочь короля,
Много красою тебя превзойдет.
Всякий так скажет, коль не солжет.

Рассердилась королева, даже позеленела от злости. Стала с этих пор думать, как бы ей извести красавицу падчерицу. Наконец, решилась; позвала своего верного слугу и говорит ему: «Возьми Белоснежку, уведи в лес и зарежь ее там. А чтобы я могла поверить тебе, принеси мне ее сердце». Взял слуга Белоснежку и повел в лес. Когда пришли они, слуга вынул нож и говорит: «Ну, бедная девочка, я должен тебя зарезать, не могу я ослушаться королеву». Белоснежка заплакала и стала просить не убивать ее. «Я убегу в лес и не вернусь никогда, — говорила она, — я маленькая, за что ты меня хочешь убить?» Жалко стало слуге Белоснежку, и говорит он ей: «Иди, бедная девочка, Бог с тобой!» И отпустил ее. По дороге он убил козу, вынул у нее сердце и принес королеве.

Очутилась Белоснежка в лесу одна, и стало ей так жутко, что она бросилась бежать. Долго бежала она по лесу, не зная устали, наконец, к вечеру утомилась и захотелось ей отдохнуть. Видит она, — стоит маленькая избушка; вошла в нее, а там столик стоит, покрытый чистой скатертью; на

столике семь маленьких приборов, а около стен семь кроваток. Захотелось Белоснежке кушать, но, чтобы не обидеть никого из хозяев, поела она с каждой тарелочки понемножку, выпила из каждой чарки по капле вина и легла на кроватку.

Вечером в избушку вошли семь маленьких человечков, засветили семь свечей и сели за стол. Сидят они и видят, что в домике беспорядок. «Кто-то у нас чужой побывал?» — говорят они друг другу. Стали разглядывать сначала на столе: с каждой тарелочки понемногу было съедено, из каждой чарки отпито. Осматривают постели, глядят, — а на кроватке лежит Белоснежка. «Какая хорошенькая девочка!» — воскликнули все семь человечков в один голос. Обрадовались они гостье и решили не будить ее и оставить у себя хозяйкой.

Утром проснулась Белоснежка, увидала маленьких человечков и испугалась. «Не бойся нас, девочка! — сказали они. — Мы тебе ничего худого не сделаем. Как тебя зовут?» — «Белоснежкой». — «А как ты сюда попала?» Белоснежка рассказала им, как мачеха велела ее убить и как она избавилась от смерти. «Оставайся у нас, Белоснежка, — сказали человечки. — Смотри за нашим хозяйством. Тебе будет хорошо у нас». Белоснежка согласилась. «Только будь осторожнее, — говорили человечки, уходя из дому. — Мачеха скоро узнает, что ты здесь; не пускай никого в дом без нас». Осталась Белоснежка у маленьких человечков, стала жить в их домике, хозяйство их вести.

А мачеха рада была, что избавилась от Белоснежки, подошла к зеркальцу и спрашивает:

Зеркальце, правду скажи мне скорей:
Кто всех красивей, кто всех милей?

Зеркальце ей отвечает:

Чужды всегда мне неправда и лесть:
Много прекрасней красавица есть.
В чаще лесной человечки живут,
Там и Белоснежки сокрытый приют.

Как узнала королева, что Белоснежка жива, разозлилась и стала опять думать, как бы погубить девочку. Уж очень ей хотелось быть первой красавицей на свете. Переоделась она торговкой, взяла короб с разными безделушками и отправилась в дальнюю дорогу. Долго шла она. Наконец, пришла к избушке и кричит: «Шнурки, нитки, булавки! Не нужно ли кому-нибудь?» Услыхала Белоснежка голос торговки, высунулась из окна и спрашивает: «Ты что продаешь?» Торговка показала ей хорошенькие шелковые поясочки. Белоснежка и думает: «Пущу я ее в избу, ведь это торговка». И пустила. «Купи, вот, поясочек шелковый, пестрый, — говорит торговка, — дай-ка я тебя им опояшу». Опоясала она Белоснежку, да так затянула крепко, что у той дыхание схватило, и она упала замертво. «Ну, теперь я опять первая красавица на свете», — сказала королева-торговка и ушла.

Пришли маленькие человечки домой и видят: Белоснежка на полу лежит, туго-натуго стянутая поясом; бросились они к ней, разрезали скорее пояс, и Белоснежка ожила. Рассказала она им про торговку, те и говорят: «Это была не торговка, а твоя мачеха. Не послушалась ты нас и пустила ее в дом. Смотри в другой раз не делай этого».

А мачеха пришла домой, подошла к зеркальцу и спрашивает:

Зеркальце, правду скажи мне скорей:
Кто всех красивей, кто всех милей?

Зеркальце ей отвечает:

Чужды всегда мне неправда и лесть.
Много прекрасней красавица есть:
В чаще лесной человечки живут,
Там Белоснежки сокрытый приют.

Узнала мачеха, что Белоснежка ожила, и опять стала придумывать, как извести ей красавицу падчерицу. Наконец, придумала: заколдовала гребень, и сделался он от того ядовитым-преядовитым. Переоделась мачеха опять старухой и пошла за семь гор к семи маленьким человечкам. Пришла к избушке и стучится в дверь: «Не нужно ли чего купить; гребни есть хорошие!» — кричит она. Выглянула Белоснежка из окошка и говорит: «Проходи, старушка, проходи! Не велено никого пускать!» Старуха показала ей гребень, и Белоснежке он так понравился, что она пустила торговку в избу. Когда сторговались в цене, торговка и го-

ворит: «Дай, девочка, я тебя причешу, увидишь, какой гребень хороший!» Запустила она ядовитый гребень в волосы Белоснежки, — та замертво сейчас же и упала. «Теперь уж тебе не жить на свете», — сказала королева и ушла скорее из избы. Вечером воротились маленькие человечки, видят: Белоснежка на полу лежит, словно мертвая. Догадались они, что это дело злой мачехи, стали осматривать Белоснежку и увидали в волосах ее гребень. Как только они вынули гребень, Белоснежка ожила и рассказала обо всем, что с ней было. «Смотри в другой раз будь осторожнее: не пускай к себе никого», — сказали ей человечки. Девочка обещала.

А королева, как пришла домой, сейчас к своему зеркальцу и спрашивает:

Зеркальце, правду скажи мне скорей:
Кто всех красивей, кто всех милей?

Зеркальце ей отвечает:

Чужды всегда мне неправда и лесть.
Много прекрасней красавица есть:
В чаще лесной человечки живут,
Там Белоснежки сокрытый приют.

Услыхала это королева и так разозлилась, что поклялась во что бы то ни стало погубить свою падчерицу. Вот и придумала королева дать ей отравленное яблоко. Наколдовала она, и стало спелое, румяное яблоко ядовитым-преядовитым. Приняла королева образ старухи, взяла яблоко и

пошла за семь гор к семи маленьким человечкам. Приходит и стучит в дверь, а Белоснежка выставила в окно голову и спрашивает: «Кто там?» — «Это я; не нужно ли яблок? Спелые, румяные яблочки». — «Не могу я тебя впустить, — говорит девочка, — не велят мне». — «Да мне и не надо входить, хочешь я тебе дам яблочко?» — «Не велели мне брать ничего». — «Да ты что, боишься? Хочешь я половинку съем, а другую тебе дам; не бойся, неотравленное». А у яблока-то была отравлена только одна половина. Увидала Белоснежка, что старуха съела половину яблока и что ничего не сделалось с ней от этого, взяла другую половинку и стала есть. Но только проглотила она один кусочек, как упала замертво. «Ну, теперь тебя никто не оживит», — сказала мачеха, пошла скорей домой и спрашивает зеркальце:

Зеркальце, правду скажи мне скорей:
Кто всех красивей, кто всех милей?

Зеркальце наконец ответило:

Знай, королева, теперь про себя:
Нет в королевстве прекрасней тебя.

Вернулись домой маленькие человечки и видят: лежит Белоснежка на полу. Подняли ее, расчесали волосы, развязали пояс, — не знают, отчего приключилась с нею такая напасть. Что они с ней ни делали, ничего не помогает. Лежит Белоснежка, не дышит. Тогда положили маленькие

Белоснежка лежала в гробу, как живая

человечки Белоснежку в хрустальный гроб, внесли этот гроб на высокую гору, а сами стали сторожить ее. Бело-

снежка лежала в гробу, как живая, словно она не умерла, а заснула глубоким сном. И не только маленькие человечки оплакивали Белоснежку, но даже и звери и птицы являлись к гробу и сожалели об умершей.

Случилось раз одному королевичу охотиться в лесу, где жили маленькие человечки. Увидал он красавицу в гробу и говорит: «Отдайте мне этот гроб с красавицей, за него я вам дам все, что вы ни пожелаете». — «Нет, — отвечали человечки, — не отдадим мы гроб ни за что на свете». — «Ну, так подарите его; мне жизнь без нее не мила будет, не могу я на нее насмотреться!»

Сжалились человечки над королевичем и отдали ему гроб Белоснежки. Тогда королевич велел своим слугам нести гроб к себе во дворец. Понесли слуги гроб и дорогой нечаянно так тряхнули его, что у Белоснежки выскочил изо рта кусок отравленного яблока, — и она ожила. Открыла она глаза и спрашивает: «Где я?» Обрадовался королевич и говорит ей: «Ты со мной, Белоснежка, никому я тебя не отдам, поедем ко мне во дворец: будешь ты моей милой женой». Согласилась Белоснежка и поехала с королевичем в его за́мок. Там и свадьба их была сыграна.

А злая мачеха все любовалась своей красотой, думая, что погубила Белоснежку. Раз подошла она к своему зеркальцу и спрашивает:

Зеркальце, правду скажи мне скорей:
Кто всех красивей, кто всех милей?

А зеркальце ей в ответ:

Чужды всегда мне неправда и лесть.
Много прекрасней красавица есть:
То Белоснежка. Знай, что она
Уж короля молодого жена.

Разозлилась мачеха, что не удалось ей никак погубить Белоснежку, разбила со злобы об пол свое зеркальце, а сама пошла и бросилась в воду.

Золотой гусь

*Немецкая сказка**

одного мужика было три сына: двое умных, а третий — дурак. Пошел раз старший брат в лес дрова рубить, и дала ему мать про запас пирог да бутылку вина. Пришел он в лес, встречается ему седенький старичок. «Эй, молодец, — говорит старичок, — нет ли у тебя чего закусить: очень я проголодался, да и винца хлебнуть не мешало бы глоточек-другой». — «Есть у меня и пирог, и вино, все есть, да не про твою честь. Ишь, какой ловкий нашелся, а мне-то что останется? Проваливай, брат, дальше!» Ушел старичок, а молодец стал дерево рубить, да так хватил себя топором по руке, что должен был домой уйти, руку перевязать. Так отплатил ему за его жадность седенький старичок.

Пошел второй сын в лес. Мать тоже дала ему кусок пирога и бутылку вина. Встречается и ему старичок и просит у него закусить пирога да выпить глоток вина. Тот ему и говорит: «Убирайся ты! Коли я тебе отдам, мне самому ничего не останется». За такую жадность и он был наказан:

---

* Из сказок братьев Гримм.

стал рубить дерево, да как хватит себе по ноге, насилу домой приплелся.

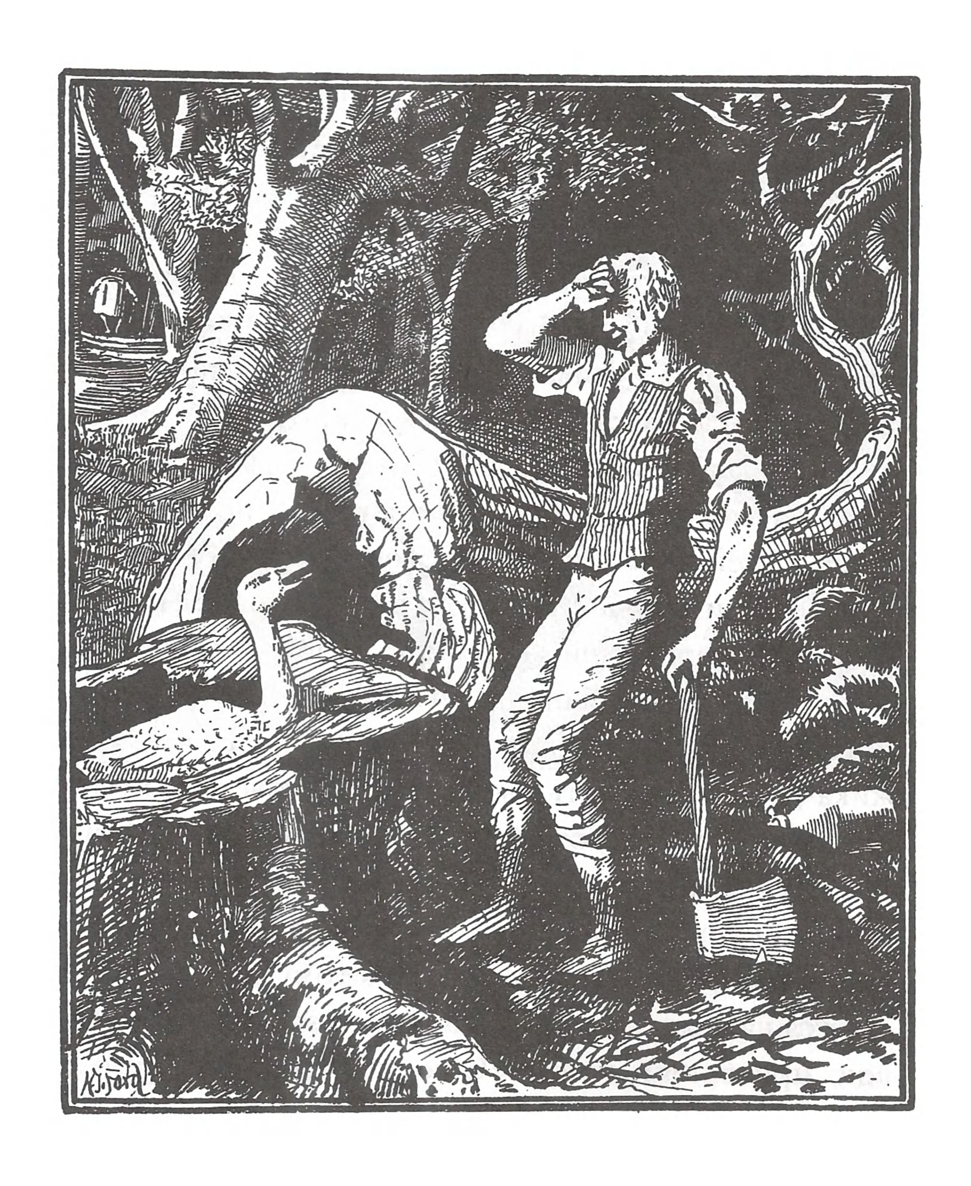
Захотелось и дурню в лес идти дрова рубить. Вот он и говорит отцу: «Батюшка, дай я пойду в лес, дров нарублю». — «Куда тебе дрова рубить! Братья поумнее тебя, да и то один ногу, другой руку испортил, а ты, пожалуй, сдуру и голову себе отхватишь». Стал упрашивать дурень отца, тот наконец и согласился: «Ну, ступай! Что с тобой делать! Авось беда научит тебя уму-разуму». Пошел дурень в лес; мать про запас дала ему кусок черствого хлеба да бутылку прокисшего вина. Повстречался ему седенький старичок и говорит: «Дай-ка мне закусить чего-нибудь да глоточек винца: пить и есть очень хочется». — «Что ж, — говорит дурень, — я не прочь поделиться; только у меня еда плохая: кусок черствого хлеба, а на питье вино прокисшее». — «Ничего, — говорит старичок, — и то ладно!» Сели они под деревом, вынимает дурень хлеб, глядь — а вместо хлеба пирог; попробовал вино — и вино хорошее. Когда они поели да распили бутылочку, старичок и говорит дурню: «Спасибо тебе, молодец, сердце у тебя доброе, и вот тебе за твою доброту: сруби это старое дерево и возьми себе то, что в нем найдешь». Простился старичок с дурнем и ушел.

Дурень срубил дерево, смотрит, а в середине него сидит золотой гусь. Взял дурень гуся под мышку и пошел из лесу. Дорогой зашел в гостиницу переночевать. У хозяина гостиницы были три дочери. Увидали они гуся и полюбопыт-

ствовали узнать, что это за птица такая. Старшая выждала, когда дурень ушел на сеновал спать, подошла к гусю и думает: «Дай-ка я хоть одно перышко выдерну из него». Схватила она гуся за крыло, да и не может оторвать руку: рука словно приросла к гусю. И так и сяк — ничего не может поделать. Пришла средняя сестра и тоже схватилась за гуся, думая вытащить перышко, и ее рука крепко пристала к золотому гусю.

Младшая хотела оттащить сестер от гуся, схватилась за фартук средней сестры и тоже оторваться не может. Так сестры ночь и провели около гуся: стыдно было им звать на помощь.

Наутро пришел дурень, взял гуся под мышку и пошел, не обращая внимания на трех девиц, что пристали к его гусю и тащились за ним. В поле встретился им пастор. Удивился пастор, глядя на такое шествие, и кричит: «Как не стыдно вам, дрянные девчонки! Увязались за молодым парнем! Разве это хорошо!» Хотел он оттащить их от дурня, схватил младшую за руку, да не может отдернуть руку от руки девушки; потащился вслед за ними. Дурень шагу прибавляет, а за ним и вся компания поспешает. Идут они дальше, встречается причетник. Глазам не верит, что такое случилось с господином пастором: за девушек держится и бежит за ними. «Куда это, господин пастор! — кричит причетник. — Вы забыли: нам сегодня на крестины надо идти». Схватил он за рукав пастора, да и не может ни руки разжать, ни выпустить рукава. Поплелся и причетник за гусем.

Дурень срубил дерево, а внутри него сидит золотой гусь

Идут они все пятеро по полю, видят — мужики с работы возвращаются. «Стой, — кричит им пастор, — оттащите-ка, ребята, нас с причетником от этой компании». Схватили мужики причетника за кафтан, да и сами так пристали к связке, что оторваться не могут. Потащились все семеро за дурнем.

Вот приходят они в город, а городом этим правил король, у которого дочь была больна. Болезнь ее была такая, что ее все тоска мучила. Целые дни, задумавшись, ходила и никогда не смеялась. Объявил король по всему королевству, что он отдаст ее замуж за такого человека, который рассмешить ее может. Узнал об этом дурень и пошел со своим гусем и всей компанией к королевской дочке. Как увидала королевна: и девушек, и пастора с причетником, и мужиков, бежавших вереницей за гусем, так расхохоталась, что вся болезнь мигом у ней прошла. Потребовал дурень обещанного у короля, а тот на попятную. Не хочется ему за мужика-дурака выдавать свою дочку, и говорит он дурню: «Вот что, молодец, отдам я за тебя дочь, коли ты найдешь мне такого пьяницу, который может все вино у меня в погребе выпить». — «Ладно, — говорит дурень, — отыщу тебе такого пьяницу». Пошел он в лес к тому дереву, в котором он гуся нашел, видит — на пне сидит знакомый ему старичок, пригорюнившись. «О чем, старина, горюешь?» — спрашивает его дурень. «Да вот, выпить хочется, — отвечает старичок. — Воды пить не могу — нездорово мне, выпил я целую бочку вина, больше ни капли нет, а пить еще

И пошел дурень со своим гусем и всей компанией к королевской дочке

больше хочется». — «Что ж, пойдем со мной, напьешься вволю!» Привел дурень старичка к королевскому погребу, тот и набросился на вино: пил, пил, так что его всего до самых пяток раздуло; в одни сутки все вино в погребе выпил. Потребовал дурень себе в жены королевну, а король опять на попятную: не хочется ему дочь выдать за глупого

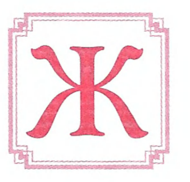
парнишку. Задал он дурню другую задачу: найти ему такого обжору, который один может съесть гору хлеба. «Ладно, — говорит дурень, — найдем тебе такого обжору», — и пошел опять в лес к срубленному дереву. Видит — старичок сидит на пне, стягивает туго-натуго свой пояс и говорит: «Вот, молодец, как есть хочется, даже живот подвело. Нынче только всего и съел, что полную печь ситного хлеба, а больше у меня во рту крошечки не было. Ведь этак недолго и умереть с голоду». — «Пойдем, — говорит дурень, — я тебя досыта накормлю!» Привел он старика к королю, а тот велел со всего королевства свезти муку и испечь из нее хлеба. Старичок, как принялся есть, в один день съел все дочиста, крошки не оставил. Но король и после этого не хотел породниться с дурнем и велел ему добыть такой корабль, на котором можно бы было и по морю, и по суше плавать. Дурень опять к старичку, просит его такой корабль достать. Старичок не отказал дурню и в этом. «Я за тебя все делал, — говорит. — И пил и ел, дам тебе и корабль, какой ты просишь. И все это за то, что у тебя сердце доброе».

Приехал дурень на корабле к королю, тот не мог уже отказать дурню и выдал замуж за него свою дочку.

Семь жеребят

*Норвежская сказка**

или-были некогда бедные супруги, которые обитали в старой хижине посреди леса, далеко от людей. Они насилу сводили концы с концами, и то с трудом, зато у них было трое сыновей, и младшего звали Пепельником, ибо он ничего не делал — только лежал да копался в золе.

Однажды старший сын сказал, что пойдет искать работу; родители разрешили, и он ушел бродить по свету. Шел он и шел целый день, а к ночи дошел до королевского дворца. Король стоял на крыльце и спросил, куда направляется путник.

— Ох, батюшка, я ищу работу, — ответил тот.

— Будешь служить мне и ходить за моими семью жеребятами? — спросил король. — Если сумеешь устеречь их целый день и вечером рассказать мне, что они ели и пили, получишь принцессу и половину моего королевства, а если нет, я вырежу у тебя на спине три красные полосы.

Парень рассудил, что следить за жеребятами — дело нетрудное и он справится.

* Из сказок Йоргена Му.

Тут он заметил расщелину в скале, в которой сидела старуха и пряла

Наутро, когда занимался день, королевский главный конюх выпустил семерку жеребят; они побежали прочь, и парень пустился следом, как пришлось, по горам и долам, по лесам и болотам. Долго он так бежал и начал уставать, а скоро вовсе утомился следить за конями, и как раз тут он заметил расщелину в скале, в которой сидела старуха и пряла.

Увидев парня, который в поте лица гнался за жеребятами, она крикнула:

— Подойди, сынок, подойди сюда, красавчик, и позволь мне расчесать тебе волосы.

Парень был совсем не прочь. Он сел в расщелине возле старухи и положил голову ей на колени, и она расчесывала ему волосы целый день, а он лежал, ничего не делая.

Когда стало темнеть, парень собрался уходить.

— Я бы мог сразу пойти домой, — сказал он, — что теперь толку возвращаться во дворец?

— Дождись темноты, — ответила старуха, — и тогда королевские жеребята снова здесь пробегут, и ты сможешь убежать домой вслед за ними. Никто никогда не узнает, что ты весь день пролежал здесь, вместо того чтобы следить за конями.

Когда появились жеребята, старуха дала парню бутыль воды и комок мха и велела показать это королю и сказать, что именно это ели и пили его лошади.

— Стерег ли ты моих коней верно и бдительно весь день? — спросил король вечером, когда парень предстал перед ним.

— Да, так и было! — ответил тот.

— Тогда ты сможешь мне сказать, что ели и пили мои семеро жеребят.

Парень достал бутыль с водой и мох, которые дала ему старуха, и сказал:

— Вот что они ели и вот что они пили.

Тогда король понял, как он стерег коней, и так разгневался, что приказал своим людям немедленно прогнать парня домой, но прежде вырезать у него на спине три красные полосы и втереть в них соль.

Нетрудно представить, с какими мыслями бедняга вернулся домой. Он сказал, что раз попробовал приискать себе место, но больше никогда такого не сделает.

На следующий день второй сын сказал, что пойдет попытать счастья. «Нет!» — ответили отец и мать и показали ему, во что превратилась спина его брата, но парень не отказался от своего замысла. Наконец они разрешили, и он ушел. Целый день шел он и тоже пришел в королевский дворец. Король как раз стоял на крыльце и, увидев путника, спросил, куда он идет. И, когда парень ответил, что ищет места, король сказал, что он может пойти к нему на службу стеречь его семерых жеребят. И ему король пообещал то же наказание и ту же награду, какие обещал его брату.

Парень сразу же согласился и поступил к королю на службу, думая, что с легкостью уследит за конями и расскажет королю, что они ели и пили.

На рассвете главный конюх выпустил семерых жеребят, и они помчались по горам и долам, а средний брат побежал за ними. Но то, что произошло с его братом, повторилось и с ним. Долго бежал он за конями, вспотел и устал. И тут он добежал до трещины в скале, где сидела старуха с прялкой, и она окликнула его:

— Подойди, сынок, подойди сюда, красавчик, и позволь мне расчесать тебе волосы.

Парню понравилась эта мысль, он предоставил коням бежать, куда им вздумается, и уселся в расселине подле ста-

рухи. Так он и прохлаждался день-деньской, положив голову ей на колени.

Вечером жеребята прибежали назад, и он тоже получил от старухи кусок мха и бутыль воды, чтобы показать их королю. Но, когда король спросил, может ли парень сказать, что ели и пили его лошади, а тот показал ему мох и бутыль и сказал: «Вот что они ели и вот что они пили», — король снова пришел в ярость и приказал вырезать у парня на спине три красные полосы и посыпать их солью, а потом прогнать его домой. Вернувшись в свою хижину, средний сын тоже рассказал обо всем, что с ним случилось, и заявил, что пошел однажды поискать места, но больше никогда этого не сделает.

На третий день уйти захотел Пепельник. Он сказал, что ему хочется самому попробовать уследить за семеркой жеребят.

Братья стали над ним смеяться.

— Как! У нас все вышло так нескладно, а ты думаешь, что у тебя получится? Да уж, тебе-то в этом и преуспеть — тому, кто никогда ничего не делал, только валялся, копаясь в золе! — говорили они.

— Да, я тоже пойду, — отвечал Пепельник.

Братья насмехались над ним, а отец и мать умоляли его не ходить, но все напрасно — Пепельник тронулся в путь. Целый день шел он и к вечеру тоже дошел до королевского дворца.

Король стоял на крыльце и спросил, куда направляется путник.

— Иду искать места, — ответил Пепельник.

— Откуда же ты? — осведомился король, ибо на этот раз он хотел узнать побольше о человеке, прежде чем брать его на службу.

Пепельник рассказал, откуда он, объяснил, что два его брата уже пытались стеречь королевских коней, и спросил, позволят ли ему назавтра попробовать за ними уследить.

— Будь они прокляты! — сказал король, которого приводила в ярость одна мысль о предыдущих слугах. — Если ты брат тем двоим, ты ни на что не годишься. Хватит с меня таких ребят.

— Ну, раз уж я пришел сюда, ты бы мог разрешить мне попробовать, — сказал Пепельник.

— Ну, раз уж ты точно хочешь, чтоб с твоей спины спустили шкуру, будь по-твоему, если угодно, — сказал король.

— Скорее уж я хочу принцессу, — ответил Пепельник.

Утром, на рассвете, главный конюх снова выпустил семерых жеребят, и они помчались по горам и долам, по лесам и болотам, а Пепельник побежал за ними. Долго бежал он и добежал до трещины в скале. Там по-прежнему сидела старуха с прялкой, и она крикнула Пепельнику:

— Подойди, сынок, подойди сюда, красавчик, и позволь мне расчесать тебе волосы.

— Сама подойди! Подойди ко мне! — ответил Пепельник, пробегая вприпрыжку мимо нее и крепко держась за хвост одного из жеребят.

Когда он благополучно миновал расселину, младший жеребенок сказал:

— Садись ко мне на спину, у нас впереди долгий путь.

Парень повиновался. Так они скакали еще долго.

— Видишь что-нибудь сейчас? — спросил жеребенок.

— Нет, — ответил Пепельник.

И они побежали дальше.

— А теперь что-нибудь видишь? — спросил конь.

— Нет, ничего.

Долго-долго бежали они, и снова спросил жеребенок:

— Теперь ты что-нибудь видишь?

— Да, вижу, как что-то белеется. Похоже на ствол высокой и толстой березы.

— Да, — ответил жеребенок, — там мы войдем.

Когда они доскакали до дерева, старший из жеребят свалил его наземь, и там, где стояла береза, показалась дверь, а за ней комнатка, в которой не было ничего, кроме очажка и пары скамеек. Только за дверью висел огромный ржавый меч, а рядом кувшинчик.

— Сможешь ли ты взмахнуть этим мечом? — спросил младший жеребенок.

Пепельник попытался, но не смог. Пришлось ему отпить из кувшина, потом еще глоток и еще, и тогда он с легкостью начал орудовать мечом.

— Хорошо, — сказал жеребенок. — А теперь возьми оружие с собой. Им ты отрежешь нам всем головы в день твоей свадьбы, и тогда мы снова станем принцами, кото-

рыми были раньше. Ибо мы — братья принцессы, которую ты получишь, когда сможешь рассказать королю, что мы ели и пили. Могучий тролль наложил на нас заклятие. Когда отрежешь нам головы, позаботься положить каждую голову к хвосту того коня, которому она принадлежала, и тогда заклятие тролля потеряет всю свою силу.

Пепельник пообещал, что сделает это, и они двинулись дальше.

Долго скакали они, и вот жеребенок спросил:

— Видишь что-нибудь?

— Нет, — ответил Пепельник.

И они помчались дальше.

— А теперь? — спросил жеребенок. — Теперь ты ничего не видишь?

— Увы, нет.

Долго еще мчались они по горам и долам.

— А теперь-то, теперь ты что-нибудь видишь?

— Да, — ответил Пепельник, — вижу далеко-далеко какую-то голубую полоску.

— Это река, — сказал жеребенок, — и мы через нее переберемся.

Над рекой стоял длинный красивый мост, а после моста жеребята вновь бежали долго-долго, а потом младший из них опять спросил, видит ли что-нибудь Пепельник. Да, на этот раз он увидел далеко-далеко что-то черное, похожее на колокольню.

— Да, — ответил жеребенок. — Нам туда.

Во дворе церкви жеребята снова превратились в людей, и выглядели они, как подобает сыновьям короля, и одежды их были столь великолепны, что прямо сияли. Они вошли в церковь и приняли хлеб и вино от священника, стоявшего перед алтарем. Пепельник тоже вошел туда. После того как священник возложил длани на принцев и прочел благословение, он вышли из церкви, и Пепельник за ними, только он прихватил с собой флягу вина и освященный хлебец. Во дворе церкви семеро принцев снова превратились в жеребят, Пепельник забрался на спину младшему, и они вернулись тем же путем, только намного, намного быстрее.

Сперва они промчались по мосту, а потом мимо ствола березы, а потом мимо старухи, сидевшей с прялкой в трещине скалы, так быстро, что Пепельник не расслышал, о чем старуха кричит им вслед, но понял, что она в ярости.

Уже почти стемнело, когда жеребята вернулись к королю, и тот стоял во дворе, ожидая их.

— Стерег ли ты жеребят верно и бдительно весь день? — спросил король у Пепельника.

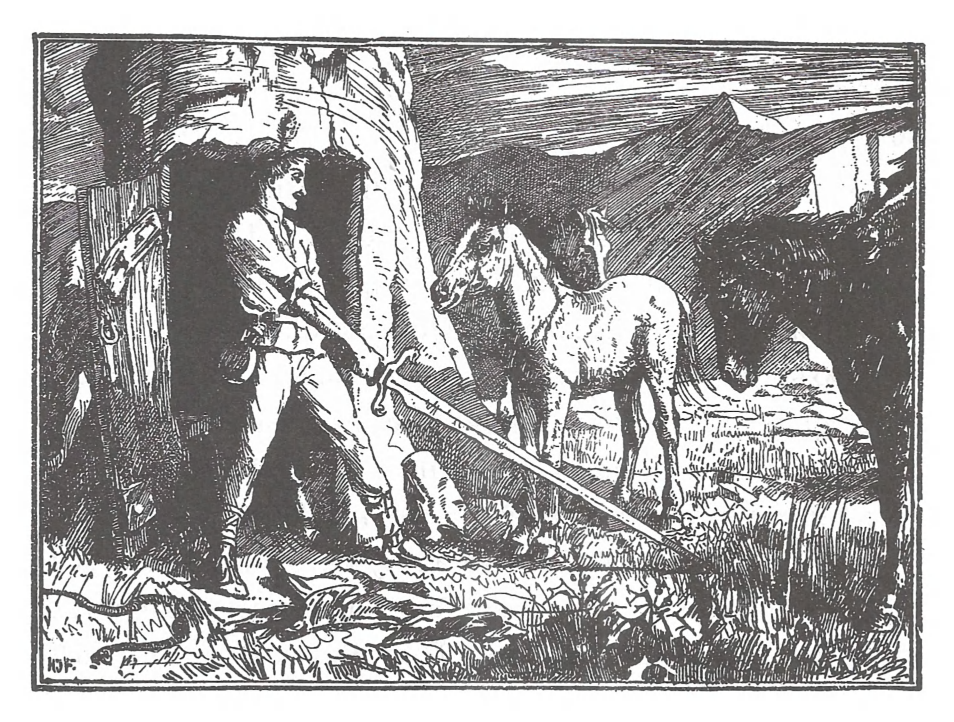
— Я старался как мог, — ответил тот.

— Тогда ты можешь мне сказать, что ели и пили мои семь жеребят? — спросил король.

Пепельник достал освященный хлеб и флягу с вином и показал королю:

— Вот что они ели и вот что они пили.

— Да, ты следил за ними усердно и верно, — сказал король. — И ты получишь принцессу и половину королевства.

Он сделал то, о чем просили его жеребята, — отрубил головы всем семерым

Все было приготовлено к свадьбе, и король сказал, что она должна быть такой торжественной и великолепной, чтобы все о ней услышали.

Но, когда гости уселись за свадебный пир, жених встал и спустился в конюшню, объяснив, что забыл сделать кое-что, о чем он должен позаботиться. Там он сделал то, о чем просили его жеребята, — отрубил головы всем семерым. Сперва старшему, потом второму и так далее по старшинству. И не преминул положить голову каждого жеребенка

к хвосту его туши, и, когда он это проделал, все жеребята вновь стали принцами. Когда он вернулся на свадебный пир с семью принцами, король был так счастлив, что поцеловал Пепельника, а его невеста полюбила его еще сильнее, чем прежде.

— Половина моего королевства уже твоя, — сказал король, — а вторая будет твоей, когда я умру, ибо теперь, когда мои сыновья снова стали принцами, они смогут сами добыть себе земли и королевства.

Поэтому нетрудно поверить, что свадьба была веселой и радостной.

Диковинная скрипка

*Немецкая сказка**

ил да был музыкант. Взял он раз свою скрипку и пошел в лес. Скучно ему стало одному, вытащил он из-за спины скрипку и думает: «Дай я поиграю, авось мне товарищ найдется». И так заиграл, что гул пошел по деревьям:

Скучно-грустно молодцу
Одному гулять в лесу,
Скрипка, громче заиграй
И товарища мне дай!

Вдруг из чащи леса выходит серый волк. «Ну, — думает музыкант, — такого товарища мне не надо». А волк идет к музыканту и говорит: «Никогда еще я не слыхивал такой музыки. Поучи, брат, меня так играть». — «Изволь, — отвечает музыкант, — на скрипке играть дело не мудреное; делай только все, что я тебе велю». — «Ладно, — говорит волк, — буду тебя слушаться во всем, как ученик своего мастера». Пошли они вместе, видят: пень, посредине расколотый. «Ну, — говорит музыкант, — клади передние лапы

* Из сказок братьев Гримм.

в трещину». Волк положил, а музыкант ухватил камень, да сразу как ударит этим камнем по волчьим лапам, так в трещине и лапы и камень крепко-накрепко заклинились. Прищемил так музыкант волка и пошел дальше.

Бродил, бродил он по лесу, — скучно стало опять одному, вытащил он из-за спины свою скрипку и заиграл.

Вдруг откуда ни возьмись из-за кустика лиса и говорит: «Поучи меня, музыкант, играть на скрипке!» — «Что ж, изволь, я и тебя выучу, — только делай все, что заставлю». Лиса согласилась. Вот пошли они по лесу и попалась им узенькая дорожка, а с обеих сторон ее рос молодой, высокий орешник. Музыкант нагнул справа деревце под ногу, потом слева и говорит: «Ну, лисонька, давай правую лапу». Лиса послушалась. Он взял, да и привязал ее лапу к верхушке согнутой орешины. Потом привязал и левую лапу лисе, да как пустит из-под ног вершинки, — орешины-то выпрямились и вздернули кумушку кверху. А музыкант пошел своей дорогой.

Бродит он по лесу, опять ему скучно стало одному; взял он скрипку и заиграл, как прежде.

Откуда ни возьмись зайка: прыг-прыг к нему из-за деревца и говорит: «Уж куда бы хорошо мне научиться этой музыке. Поучи меня, добрый человек!» — «Изволь, — отвечает музыкант, — ты у меня живо выучишься; только делай все, что скажу...» Вынул музыкант из кармана длинную веревочку, привязал ее к осине, а другим концом — зайке на шею и говорит: «Ну, марш, косоглазый, обскачи

это дерево двадцать раз вокруг — и будешь музыкант!» Зайка обскочил двадцать раз осину и так затянул веревочкой шею, что оказался крепко-накрепко привязанным. А музыкант далеко уже был тем временем...

Еще пуще тоска взяла музыканта; взял он опять свою скрипку, двинул смычком, и она так жалобно заиграла, мужик-дровосек даже топор выронил из рук. Идет он к музыканту, а тот ему говорит: «Ну вот, насилу-то скрипка мне настоящего товарища вызвала!» Тут он рассказал мужику, как он до него со зверями встречался и что с ними сделал. Мужичок-дровосек задумался и говорит: «Коли хочешь от меня правду послушать, я тебе скажу: без толку ты это все сделал — ничего тебе звери не вредили и никакой тебе корысти нет от того, что ты их поймал. Так только, глупую ты шутку над ними подшутил, а они от нее тяжкой голодной смертью помрут». Сказал и ушел прочь от музыканта.

Долго бился серый волк, грыз зубами камень, рвался изо всех сил, наконец вытащил свои лапы и марш бежать вдогонку за музыкантом.

Увидала его издали привязанная лиса, кувыркается, бедняга, на ветках и кричит: «Куманек, голубчик, отвяжи меня! Злой музыкант подшутил надо мною!..» Волк живо перегрыз орешину, развязал лисе лапы, и они вместе пустились догонять музыканта, чтоб отплатить ему. Бежали они, бежали и наткнулись дорогой на бедного зайку косоглазого, еле живого у осинки; пищит зайка чуть слышно: «Развяжите, братцы; меня музыкант привязал!» Лиса мигом его

распутала, развязала, и они уж втроем пустились догонять музыканта.

А музыкант воротился домой, повесил свою скрипку на стенку и сам лег на печь. Подошла ночь; не спится ему, все лежит, да про волка, про лису и про зайчика думает.

Вдруг под окошком у него завыли в один голос волк с лисой, и зайка за ними попискивает:

Туру-туру, музыкант!
Ты нас вздумал погубить,
Мы пришли тебя будить...
До утра здесь простоим
И покою не дадим!..

А за этой песней и скрипка на стенке сама заиграла, да так жалобно, что музыкант не знал, куда ему деваться от этой музыки. Так и не заснул он всю ночь.

Говорят старики, что будто, пока жил на свете тот музыкант, за окошком его каждую ночь раздавалась эта песня.

Сказка о Сигурде

*Исландская сказка**

*Это очень старая история: ее знали еще даны, которые сражались с англичанами во времена короля Альфреда. Они вырезали на камнях изображения некоторых событий из этой сказки, и по сей день эти изображения можно увидеть**. Мы снова расскажем здесь эту историю, потому что она старая и красивая, но у нее грустный конец – в сущности, она вся грустная и вся про битвы и убийства. Чего еще ждать от данов!*

ил-был некогда на севере король, который выиграл много битв, но теперь постарел. Однако, несмотря на возраст, он снова женился. Но тут другой король, который тоже претендовал на руку и сердце той же девушки, выступил против него с большим войском. Старый король отправился на войну и отважно сражался, но в конце концов его меч сломался, он

---

* Пересказ саги о Вёльсунгах, самой известной из исландских «Саг о древних временах», повествующих о легендарной истории Скандинавии.

** Самое старое из известных графических изображений на этот сюжет найдено на одном из так называемых камней Сигурда в Швеции (резьба Рамсунн) и относится к XI веку.

был ранен, а люди его разбежались. А ночью, когда закончился бой, его молодая жена пришла искать его среди убитых и наконец нашла, еще живого, и спросила, можно ли его излечить. Но он ответил: нет, удача покинула его, меч сломан, и он должен умереть. И он сказал, что она родит сына и этот сын будет великим воином и отомстит за него второму королю, его врагу. И велел ей сберечь обломки меча, чтобы выковать для его сына новый клинок, который будет называться Грам.

И после этого он умер. А его жена позвала служанку и сказала:

— Давай обменяемся одеждой, и тебя будут называть моим именем, а меня твоим, чтобы враг нас не нашел.

Так и было сделано, и они спрятались было в лесу, но какие-то чужие люди их нашли и увезли на корабле в Данию. Когда их привели к королю, тот подумал, что служанка похожа на королеву, а королева на служанку. Тогда он спросил у королевы:

— Как ты узнаешь в ночной темноте, что приближается утро?

И она сказала:

— Я знаю это потому, что, когда я была моложе, я вставала разводить огонь, и до сих пор я просыпаюсь в то же время.

«Странная королева, если она сама разводила огонь», — подумал король.

Потом он спросил у настоящей королевы, которая была одета, как служанка:

— Как ты узнаешь в ночной темноте, что приближается рассвет?

— Мой отец дал мне золотое кольцо, — сказала она, — и каждый раз перед рассветом оно холодеет у меня на пальце.

— Богатый то был дом, коли служанки в нем носили золото, — изрек король. — Воистину, ты не служанка, но дочь короля.

Он принял ее, как дочь короля, и в положенный срок она родила сына по имени Сигурд, красивого и очень сильного. С ним всегда был воспитатель, который однажды сказал, что пора принцу садиться на коня, и велел пойти к королю и попросить для себя лошадь.

— Выбери сам себе коня, — ответил король.

Тогда Сигурд пошел в лес. Там он встретил белобородого старика и попросил:

— Пойдем со мной, помоги мне выбрать лошадь.

Старик ответил:

— Загони всех лошадей в реку и возьми себе ту, что переплывет ее.

Сигурд загнал табун в реку, и лишь один конь ее переплыл. Сигурд выбрал его — коня звали Грани, происходил он от крови Слейпнира и был лучшим в мире конем. Ибо Слейпниром звался быстрый, как ветер, конь Одина, бога севера.

Но через день-другой наставник сказал Сигурду:

— Здесь неподалеку спрятано великое сокровище, и ты должен его завоевать.

Но Сигурд ответил:

— Я слышал, что рассказывают об этом сокровище, и я знаю, что его охраняет дракон Фафнир, а он так велик и злобен, что ни один человек не смеет к нему подойти.

— Он не крупнее прочих драконов, — ответил наставник, — и, если бы ты был так же храбр, как твой отец, ты бы его не боялся.

— Я не трус, — сказал Сигурд. — Зачем тебе надо, чтобы я сразился с этим драконом?

Тогда его наставник, который звался Регином, рассказал, что все это несметное количество красного золота принадлежало некогда его собственному отцу. У его отца было три сына: дракон Фафнир, Оттар, который мог по своей воле принимать облик выдры, и сам Регин, великий кузнец и оружейник.

А еще был в то время карлик Андвари, который жил в пещере под водопадом и прятал там много золота. Однажды Оттар рыбачил там, поймал лосося, съел его и заснул на камне в облике выдры. Потом кто-то пришел, кинул в выдру камнем и убил ее, снял шкуру и отнес в дом отца Оттара. Тот понял, что его сын мертв, и, чтобы покарать его убийцу, сказал, что тот должен наполнить шкуру Оттара золотом и затем покрыть ее саму золотом целиком, иначе пусть пеняет на себя. Тогда убийца Оттара спу-

стился к водопаду, поймал карлика и отнял у него сокровище.

Оставалось лишь одно кольцо, которое карлик носил на пальце, да и то у него в конце концов забрали.

Тогда бедный карлик очень разозлился и стал просить богов, чтобы это золото всегда приносило только беду всем, кто будет им владеть.

Потом шкуру выдры наполнили золотом и покрыли золотом, до последнего волоска, и накрыли сверху последним кольцом несчастного карлика.

Но золото никому не приносило удачи. Сперва дракон Фафнир убил своего отца, а потом он пошел к золоту и лег сверху на сокровище, отказавшись делиться с братом. И ни один человек не решался к нему подойти.

Услышав эту историю, Сигурд сказал Регину:

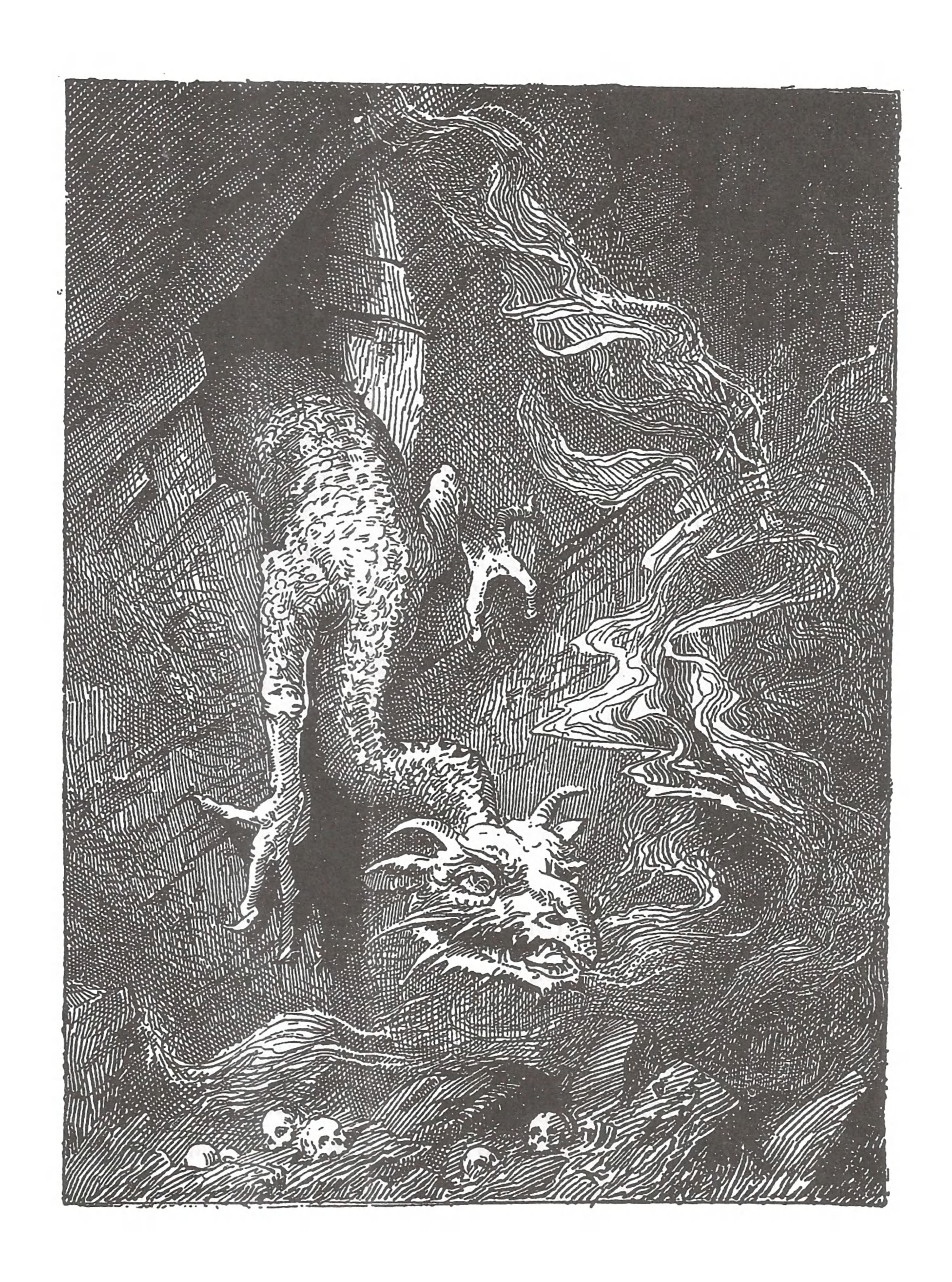
— Сделай мне хороший меч, чтобы я мог убить этого дракона.

Регин сковал меч, и Сигурд испытал его, ударив по куску железа, но меч сломался.

Регин сковал другой меч, но и его Сигурд сломал.

Потом Сигурд пошел к матери, попросил у нее обломки отцовского клинка и отдал их Регину. И тот выковал из них новый клинок, такой острый, что казалось, будто вдоль его кромок горит огонь.

Сигурд попробовал этот меч на глыбе железа, и он не сломался, а рассек железо. Тогда он бросил в реку клочок шерсти, и, когда шерсть поплыла по течению мимо меча,

Дракон ревел и фыркал, выдыхая ядовитое облако

он перерезал шерстинки. Сигурд сказал, что этот меч сгодится. Но прежде чем пойти на дракона, он повел войско против людей, которые убили его отца, прикончил их короля, захватил все его богатства и вернулся домой.

Проведя дома несколько дней, Сигурд однажды утром поехал вместе с Регином на пустошь, где любил лежать дракон. Там он увидел след, который оставил дракон, когда полз к скале на водопой, — будто промчался бурный поток и вырыл глубокую долину.

Сигурд спустился на дно этой канавы, выкопал там множество ям и спрятался в одной из них с обнаженным мечом. Он ждал, и вот земля задрожала под тяжестью дракона, который полз к воде. Он ревел и фыркал, выдыхая ядовитое облако, так что встать перед ним означало верную смерть.

Но Сигурд подождал, пока дракон наполз брюхом на яму, и вонзил меч Грам ему в самое сердце.

Дракон стал хлестать хвостом, кроша камни и ломая деревья вокруг.

Умирая, он заговорил и сказал:

— Кто бы ты ни был, убивший меня, это золото погубит тебя, как погубит любого, кто будет им владеть.

Сигурд ответил:

— Я бы к нему и не прикоснулся, если бы знал, что не умру, коли не сделаю этого. Но все люди смертны, и ни один храбрый муж не допустит, чтобы страх смерти удержал его от того, чего он хочет. Умри, Фафнир.

Сигурд спрятался среди камней с обнаженным мечом

И Фафнир умер.

После этого Сигурда прозвали Убийцей Фафнира и Истребителем Драконов.

Сигурд поехал назад, встретил Регина, и тот велел изжарить сердце Фафнира и дать ему.

Сигурд наколол драконье сердце на жердь и стал жарить. Но случилось так, что он коснулся жаркóго пальцем

и обжегся. Тогда он сунул палец в рот — и так он отведал сердца Фафнира.

Тогда он немедленно стал понимать язык птиц и услышал, как дятел говорит:

— Вот Сигурд жарит сердце Фафнира для другого, тогда как ему следовало бы самому его съесть и изучить всю премудрость.

Другая птица сказала:

— Вот идет Регин, готовый предать Сигурда, который ему доверяет.

Третья птица сказала:

— Пусть отрубит Регину голову и оставит все золото себе.

Четвертая птица сказала:

— Пусть сделает так, а потом едет в Хиндфелл, где спит Брюнхильда.

Услышав все это и узнав, как Регин замыслил его предать, Сигурд отсек наставнику голову одним ударом Грама. И все птицы запели:

Мы знаем, где дева
Прекрасная спит.
Спеши и не бойся – ее для тебя ведь
Судьба сохранит.

Над Хиндфеллом пламя
Высоко горит.
Там дева живет, что полюбит тебя лишь,
Тебя укротит.

Ей спать суждено там,
Пока тебя ждет.
Спеши! Пробудится – и брачный без страха
Обет принесет.

Тогда Сигурд вспомнил, как рассказывали легенду, что где-то далеко есть прекрасная заколдованная дама. На нее было наложено заклятие, и она всегда спала в замке, окруженном огнем; там она должна была спать, пока не появится рыцарь, который проедет через огонь и разбудит ее. Он решил ехать туда, но сперва прошел по ужасной тропе Фафнира. Дракон жил в пещере с железными дверями, вырытой глубоко в земле и наполненной золотыми браслетами, венцами и кольцами. Там Сигурд нашел золотой Шлем Ужаса — тот, кто носил его, становился невидимым. Он навьючил золотом своего доброго коня Грани и поехал на юг к Хиндфеллу.

Была ночь, и на гребне холма Сигурд увидел алый огонь, вздымающийся в небо, а в огне замок со знаменем на самой высокой башне. Он направил своего коня Грани в огонь, и тот легко прыгнул через огонь, словно через вереск. Сигурд подъехал к дверям замка и увидел, что там спит человек в доспехах. Он снял с головы спящего шлем, и что ж? Это была прекраснейшая дама. Она проснулась и молвила:

— Ах! Ты ли это, Сигурд, сын Сигмунда, который разрушил заклятие и пришел сюда, чтобы наконец пробудить меня?

Это заклятие было наложено на нее, когда она уколола руку шипом сонного дерева в наказание за то, что прогневала бога Одина. Давным-давно она поклялась не выходить замуж за человека, которому ведом страх и который не решится проехать через стену огня. Ибо она была воительницей и ходила в бой с оружием, подобно мужчине. Но теперь они с Сигурдом полюбили друг друга и пообещали хранить друг другу верность, и он дал ей кольцо — последнее кольцо, отнятое у карлика Андвари.

Потом Сигурд уехал и попал в дом короля, у которого была красивая дочь. Ее звали Гудрун, и мать ее была колдуньей. Гудрун полюбила Сигурда, но он говорил только о Брюнхильде — какая она красивая и как мила ему. Поэтому однажды колдунья, мать Гудрун, налила маковый напиток забвения в волшебную чашу и заставила Сигурда выпить за ее здоровье. Он выпил — и тут же забыл о бедной Брюнхильде и полюбил Гудрун, и они поженились с большой пышностью.

Но колдунья, мать Гудрун, хотела, чтобы ее сын Гуннар женился на Брюнхильде, и она заставила Гуннара поехать с Сигурдом и посвататься к той. Они вместе поехали в дом ее отца, ибо колдовское вино заставило Сигурда позабыть о Брюнхильде, хотя сама девушка помнила о нем и любила его. Отец Брюнхильды сказал Гуннару, что она выйдет замуж только за того, кто сможет проехать сквозь пламя перед ее заколдованной башней, и они поехали туда, и Гуннар направил своего коня в огонь, но конь не послушался.

На гребне холма Сигурд увидел алый огонь, вздымающийся в небо вокруг замка

Гуннар сел на Грани, но конь Сигурда отказывался тронуться с Гуннаром на спине. Тогда Гуннар вспомнил чародейство, которому обучила его мать, и сделал так, что Си-

Сигурд пьет напиток забвения

гурд стал выглядеть в точности как он сам, а он сам — как Сигурд. Тогда Сигурд в обличье Гуннара, одетый в его кольчугу, сел на Грани, и Грани перепрыгнул через стену огня, и Сигурд вошел в дом и нашел Брюнхильду, но не узнал ее из-за напитка забвения, подлитого в чашу с колдовским вином.

Брюнхильде ничего не оставалось, как пообещать стать его женой, — она думала, что будет женой Гуннара, ибо Сигурд был в обличье Гуннара, а она поклялась выйти за того, кто проедет сквозь пламя. И он дал ей кольцо, а она вернула ему кольцо, которое он раньше дал ей в своем настоящем облике, и это было последнее кольцо бедного карлика Андвари. Потом он опять выехал из замка, и они с Гуннаром обменялись обличьями, так что каждый снова стал собой, и они вернулись к королеве-колдунье, и Сигурд отдал кольцо карлика своей жене Гудрун. А Брюнхильда пошла к отцу и сказала, что появился король по имени Гуннар, который проехал через огонь, и она должна стать его женой.

— Но я думала, — сказала она, — что никто не может этого сделать, кроме Сигурда Убийцы Фафнира, который был моей истинной любовью. Но он забыл меня, а я должна сдержать слово.

Итак, Гуннар и Брюнхильда поженились, хотя через огонь проехал не Гуннар, а Сигурд в облике Гуннара.

А когда свадьба завершилась и пир отшумел, колдовское вино выветрилось из головы Сигурда, и он вспомнил все.

Он вспомнил, как освободил Брюнхильду от заклятия, и что она была его истинной любовью, и как он забыл ее и женился на другой женщине, а Брюнхильду завоевал для другого мужчины.

Но Сигурд был тверд духом и не сказал об этом ни слова остальным, чтобы не делать их несчастными. Но не в его силах было отвратить проклятие, которое настигало каждого, кто владел сокровищами карлика Андвари и его роковым золотым кольцом.

И скоро проклятие пало на них всех. Однажды, купаясь, Брюнхильда зашла в реку дальше, чем Гудрун, и сказала, что сделала это, чтобы показать, что она по своему положению выше Гудрун. Ибо ее муж, сказала она, проехал через огонь, в то время как ни один человек не решался это сделать.

Тогда Гудрун очень разозлилась и сказала, что это Сигурд, а не Гуннар проехал через пламя и получил от Брюнхильды это роковое кольцо, кольцо карлика Андвари.

Тогда Брюнхильда увидела кольцо, которое Сигурд отдал Гудрун, узнала его и все поняла. Она стала бледная как полотно, и ушла домой. За весь вечер она не вымолвила ни слова. На следующий день она сказала своему мужу Гуннару, что он трус и лжец, ибо он не проезжал сквозь пламя, а послал Сигурда сделать это для него и притворился, будто сделал это сам. И она сказала, что он никогда не увидит ее веселой в своих палатах: не будет она ни пить вино, ни играть в шахматы, ни вышивать золотой нитью, ни говорить

ласковые слова. Потом она разорвала все свое шитье и зарыдала так громко, что каждый в доме слышал ее. Ибо ее сердце и ее честь были разбиты в одночасье. Она потеряла свою истинную любовь, Сигурда Убийцу Фафнира, и была замужем за лжецом.

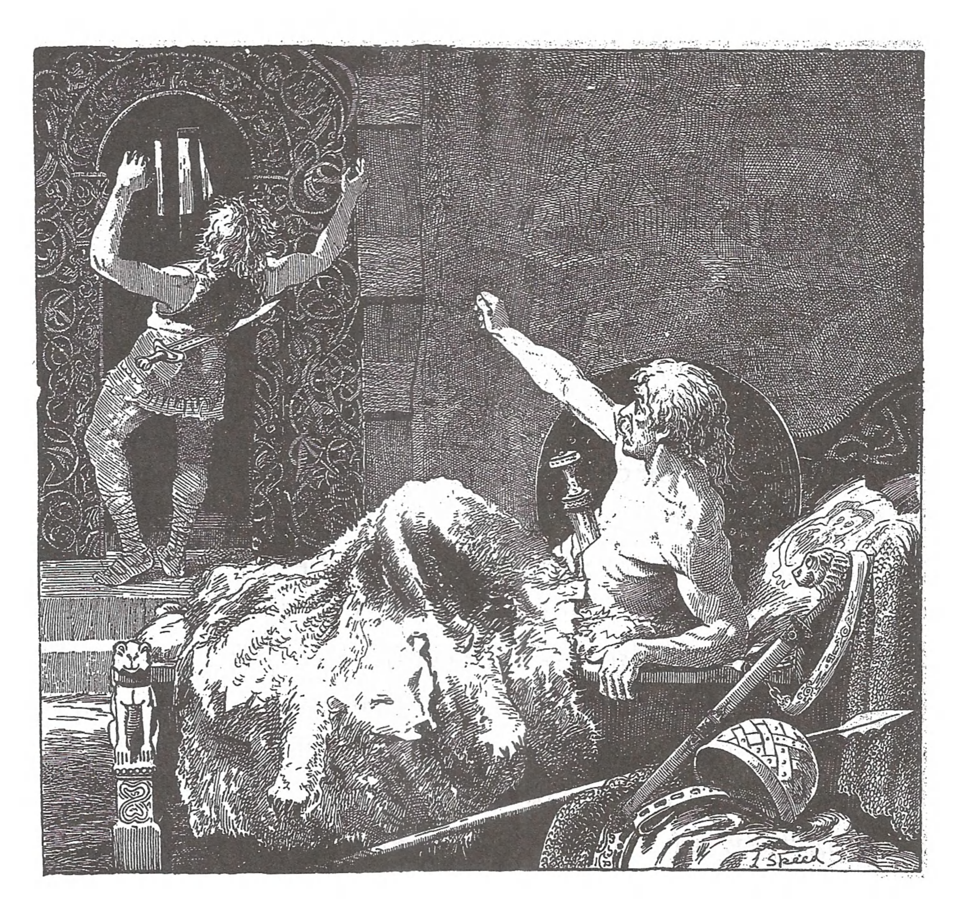
Пришел Сигурд и попытался ее утешить, но она не хотела слушать и сказала, что желала бы, чтобы ему в сердце всадили меч.

— Недолго осталось ждать, — сказал он, — когда горький клинок вонзится мне в сердце. И ты ненадолго меня переживешь. Но, дорогая Брюнхильда, утешься, живи и люби Гуннара, твоего мужа, а я отдам тебе все золото — сокровище дракона Фафнира.

— Слишком поздно, — сказала Брюнхильда.

Тогда Сигурд опечалился, и сердце так распухло у него в груди, что разорвало сталь его кольчуги.

Сигурд ушел, и Брюнхильда решила убить его. Она смешала яд змеи и плоть волка и подала их на одном блюде младшему брату своего мужа, и тот, попробовав это кушанье, лишился разума. Он вошел в комнату Сигурда, когда тот спал, и пригвоздил его к постели мечом. Но Сигурд проснулся, схватил свой меч Грам, метнул его в убегающего врага и разрубил того надвое. Так умер Сигурд Убийца Фафнира, которого даже десять человек не могли победить в честном бою. Потом проснулась Гудрун и, увидев мужа мертвым, громко застонала, а Брюнхильда услышала ее и рассмеялась. Добрый конь Грани лег и умер от горя.

Сигурд схватил свой меч Грам и метнул его в убегающего врага

А потом Брюнхильда заплакала и плакала, пока у нее не разорвалось сердце. Люди обрядили Сигурда в его золотые доспехи и сложили на борту его корабля огромный костер, а ночью возложили на него мертвых Сигурда и Брюнхильду и доброго коня Грани, подожгли костер и оттолкнули корабль. И ветер понес пылающий корабль в море —

в темноте далеко было видно пламя. Так были погребены вместе Сигурд и Брюнхильда, и так исполнилось проклятие карлика Андвари.

Содержание

Красная книга сказок

Из собрания Эндрю Лэнга «Цветные сказки»,
выходившего в 1889–1910 годах

Редактор *С. Бессонова*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Технический редактор *Г. Шитоева*

Компьютерная верстка *И. Понятых*

Корректоры *Г. Кузьминова, Е. Пастухова*

Подписано в печать 13.10.16 г. Формат 70 × 90 1/16.

Издательство «Терра», Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru
заказ 4721/16.

Литературное приложение

ОГОНЁК

ISBN 978-5-4224-1238-9